Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ШЕСТОЙ
(СТО ТРЕТИЙ)

1940

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1940

К 40-летию «Искры»

40 лет тому назад, в декабре 1900 г., вышел первый номер «Искры» — общерусской политической газеты, организованной В. И. Лениным. Мысль об этой газете зародилась у В. И. Ленина еще до ареста его в Петербурге и ссылки в Сибирь. В ссылке идея создания этой газеты была выношена и разработана В. И. Лениным до мельчайших подробностей.

В начале 1900 г., по возвращении из сибирской ссылки в Россию, В. И. Ленин провел огромную организационную работу по подготовке к изданию газеты «Искра». Решающую роль в этом отношении сыграли встречи и совещания В. И. Ленина с местными руководящими работниками социал-демократического движения в России. Такие встречи В. И. Ленина с местными работниками состоялись в Уфе, в Москве, Петербурге, Пскове и в Подольске. Состоявшиеся совещания сыграли огромную роль в создании газеты «Искра», ибо на этих совещаниях ленинская идея об издании общерусской газеты была признана как первоочередная задача революционной социал-демократии.

Ленинская «Искра» сыграла роль коллективного организатора партии, коллективного агитатора и пропагандиста.

В статье «С чего начать?» Ленин развернул план построения партии, подробно развитый им в книге «Что делать?»

«По нашему мнению,— писал Ленин,— исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец, основной нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию,— должна быть постановка общерусской политической газеты... без нее невозможно то систематическое ведение принципиально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитации, которое составляет постоянную и главную задачу социал-демократии вообще и особенно насущную задачу настоящего момента, когда интерес к политике, к вопросам социализма пробужден в наиболее широких слоях населения»[1].

«Искра» сыграла огромную роль в идейном объединении соц.-демократов в России, в идейном развитии революционных марксистов, в борьбе с оппортунизмом всех видов, в упрочении в рабочем движении учений революционного марксизма. «Искра» выполнила историческую роль в борьбе с легальным марксизмом и экономизмом, с особой его разновидностью «рабочедельчеством, с эсеровщиной и анархизмом», с идеями бернштейнианства и другими западноевропейскими течениями.

«Искра» поставила и развила во всей полноте перед рабочими организациями России задачу перехода к массовой агитации, перехода к демонстрациям, к более ярким и более активным формам политической борьбы. «Искра» выяснила перед партией и рабочими массами важнейшие вопросы в стратегии и тактике, отношения к крестьянскому движению, отношения к либеральной буржуазии, отношения к боевым блокам и соглашениям с другими партиями в период борьбы с царизмом. «Искра» выполнила огромную историческую задачу создания и объединения соц.-демократической партии.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 110.

Не следует также забывать, что «важнейшим делом «Искры» была выработка проекта программы партии» [1].

«Таким образом, победа ленинских принципов и успешная борьба «Искры» за ленинский организационный план подготовили все основные условия, необходимые для того, чтобы создать партию, или, как говорили тогда,— создать действительную партию. Искровское направление победило среди социал-демократических организаций в России» [2].

Искровское направление — это было ленинское направление, большевистское, ибо душой «Искры» до выхода Ленина из редакции был Ленин, поэтому вся дальнейшая деятельность большевиков была проникнута тем же искровским, т. е. ленинским направлением, и принципы, которые выработала «Искра», сыграли громадную роль во всей деятельности большевистской партии.

Нет ничего удивительного, что с самого начала возникновения «Искры» за всеми участниками ее царское правительство, в лице Департамента полиции и многочисленных органов царской охранки, установило самое неослабное наблюдение.

«Красный Архив» публикует в настоящем номере журнала документы, которые до сих пор не были опубликованы. Это переписка Департамента полиции с различными организациями по поводу «Искры», неопубликованные документы, перехваченные Департаментом полиции: письма из-за границы в различные партийные организации, письма различных организаций и отдельных корреспондентов в редакцию «Искра», переписка соц.-демократов между собой по поводу «Искры».

Нельзя сказать, чтобы Департамент полиции с самого начала отличался большой грамотностью. Это видно, между прочим, из сообщения Департамента полиции начальнику Киевского губернского жандармского управления, в котором Департамент полиции пишет: «Центральная российская соц.-демократия поставила себе задачей пропагандировать разрушение самодержавия и соединила для этой цели все соц.-демократические элементы в одну группу».

Не очень то грамотные люди сидели в Департаменте полиции, сочинившие какую-то несуществующую организацию под именем «Центральной российской соц.-демократической партии», которая стремилась соединить всех соц.-демократов в одну группу. Как известно, партия под таким названием не существовала.

Как только началась пересылка «Искры» из-за границы, Департамент полиции установил наблюдение на границах с тем, чтобы вылавливать перевозивших, конфисковывать литературу и разрушать транспортные линии, а транспортные линии были не так уж плохо организованы. Из Мюнхена, где помещалась редакция, транспорты шли через Польшу в Западный край, в Полесье; через Одессу — в Киев, Харьков, Полтаву и др. города Украины; через Финляндию — в Петербург, в Москву, в Поволжье, Сибирь, Урал; через Вену и Персию — на Батум, Баку, Тифлис. Из Персии транспорт «Искры» перевозился на лошадях и отсюда в переписке все участники этого транспорта назывались «лошадьми».

Литература шла также через Ригу и Ревель для Прибалтики. Видимо, использовался и Архангельский порт в летнее время, точно так же, как использовалась линия Токио — Владивосток.

Во всяком случае, «Искра» попадала и большими посылками по несколько сот и даже тысяч экземпляров и отдельными пакетами по почте во все концы царской России. Целая сеть организаторов выработала на этой работе конспиративные навыки и научилась обманывать бдительность жандармерии и полиции.

---

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 38.
[2] Там же, стр. 38—39.

Тем не менее царскому правительству удавалось нередко захватывать транспорты с литературой не столько благодаря наблюдательности жандармов, сколько вследствие предательства пробравшихся в организацию платных агентов царской охранки. Так, в январе 1902 г. проваливается большой транспорт литературы, направленный из Киева в Екатеринослав, Полтаву и другие города.

Чрезвычайно интересен комплекс литературы того времени, направлявшийся в организации за границей. По этому комплексу можно судить и об основных формах борьбы в тот период. Из Киева в Екатеринослав направляются кроме номеров «Искры» брошюры, программы для кружковых занятий, «Домик на Волге» Кравчинского, листовки «К рабочим фабрики Саввы Морозова», «Обвинительный акт о майских беспорядках», брошюра «На Обуховском заводе», листовка «В защиту иваново-вознесенских рабочих», «Десятилетие морозовской стачки», листок «Начало демонстрации».

В других посылках, отправленных из Киева, мы находим еще «Народное слово Александру II», брошюру «Профсоюзы», листовки «К рабочим Богородско-Глуховской мануфактуры». Как видим, здесь по преимуществу агитационная литература, менее всего пропагандистская литература.

Что касается состава пропагандистской литературы, то она также имеет свои особенности. Так, в письме Киевского комитета в редакцию «Искры» от 10 января 1902 года Киевский комитет просит ускорить появление и популярное издание «Эрфуртской программы». В письме в Тулу Надежда Константиновна Крупская сообщает, что вышла брошюра «Самодержавие и стачки», заканчивается печатание «Эрфуртской программы», печатается книга Туна — «История революционного движения в России», перевод брошюры Каутского «Социальная революция» и брошюра «О студентах».

Приходилось нередко направлять литературу и по малонадежным адресам лиц, занимающих какие-либо официальные правительственные должности, и в этих случаях «Искра» прибегала к своего рода защите адресата на случай провала корреспонденции.

Так, капитан Скулянской бригады 5 округа Отдельного корпуса пограничной стражи сообщает в июне 1902 года, что на имя штабс-ротмистра Харитонова пришло 2 письма с заграничными штампами, в которых оказались номера «Искры» с приложением записки следующего содержания: «Посылаем вам эту вещь. Простите, что делаем это без вашего разрешения. Русские условия заставляют нас прибегать к всевозможным способам распространения нелегальной литературы, поэтому мы пользуемся всеми, даже случайно попавшими к нам, адресами». Подписано: «Общество распространения нелегальной литературы в России».

Местные комитеты, не имевшие хорошей техники, предпочитали заказывать листовки за границей. Так, Москва заказала 10 тыс. экз. первомайских листовок для 1 Мая 1902 г. Среди публикуемых «Красным Архивом» документов имеется интересная переписка по поводу Белостокской конференции, созванной по инициативе Бунда и экономистов из Петербургского «Союза борьбы» для противодействия растущему влиянию «Искры». 8(21) марта Н. К. Крупская пишет об этом в Москву и в другие города. В этом последнем письме обращает на себя внимание указание Н. К. Крупской на рукописи, полученные из Вологды от Богданова и Луначарского. Богданов и Луначарский занимали тогда «левые» позиции и настаивали на опубликовании их статей без всяких поправок. Получивши эти статьи от Богданова и Луначарского, которые тогда находились в вологодской ссылке, Ленин писал, что печатать без изменений присланные статьи невозможно. «Пример: первая же присланная нам статья об организации (о технических задачах организации). По общему мнению редакции, статья эта (сама по себе интересная и ценная) в таком виде пойти не может, ибо есть совершенно неуместные и нетактичные вещи (вроде

«единоличности» и «диктатуры одного члена комитета» и т. п.), есть и частные дефекты, требующие исправления...

Повторяем: статья в общем дельная и ценная; мы вообще с о г л а с н ы и н а т о, ч т о б ы принимать или отвергать статьи целиком, без частных поправок. Но вот уже первую вашу статью мы в ы н у ж д е н ы были бы отвергнуть при таком условии,— и это было бы ко вреду для дела. А о частных поправках, наверное, можно бы согласиться с автором» [1].

Чрезвычайно интересно письмо Н. К. Крупской по поводу побега из киевской тюрьмы, касающееся эсеров: «В последнем номере «Революционной России» социалисты-революционеры, ругая «Искру», между прочим, говорят, что их взгляды — взгляды всей партии, а то, что говорит «Искра»,— мнение небольшой группы лиц, не имеющих права говорить от имени соц.-демократов. Ужасно шумят эти соц.-революционеры. Нет у них ни черта — все дутое большей частью, а шумят они и мутят ужасно. Боевая организация... А вот бежавшие искровцы захватили с собой соц.-революционера Плесского, сдали его по принадлежности соц.-революционерам, а те пустили его околачиваться по ночлежным домам в студенческой куртке. Ну его и взяли... Вот она боевая организация — квартиры человеку найти не могли».

Обращает на себя внимание донесение Департамента полиции начальнику Самарского губернского жандармского управления от 7 марта 1903 г., касающееся Анны Ильиничны Елизаровой-Ульяновой. Анна Ильинична возвращалась тогда из поездки на Дальний Восток. Она находилась под негласным надзором полиции и Департамент полиции сообщает начальнику Самарского губернского жандармского управления, что по полученным из агентурных источников указаниям, в г. Самару должна приехать Анна Ильинична Елизарова. «Принимая во внимание, что названная Елизарова, проживая за границей в Берлине, вращалась в среде выдающихся эмигрантов-революционеров и является одной из активных деятелей организации «Искра», Департамент полиции имеет честь просить ваше высокоблагородие установить за деятельностью и сношениями Елизаровой в случае прибытия ее в Самару, тщательное секретное наблюдение и о последующем уведомить».

Царскому правительству при помощи Департамента полиции и густой сети провокаторов удалось раскрыть ряд типографий, где печатались партийные издания.

Однако «Искра», создав великую организацию, выполнила свою историческую роль.

Публикуемое сообщение об арестах типографий в Полтаве, о задержании Леона Гольдмана в Кишиневе и аресте Кишиневской типографии, ликование известного сыщика Меньщикова по поводу ареста этой типографии, арест типографии в Конотопе («Уманская типография»), все это чрезвычайно интересные факты, свидетельствующие о силе созданной в то время подпольной организации партии.

Листовка Одесского комитета по поводу типографии «Искры», где раскрывается весь ход судебного процесса, и замечательные речи, произнесенные на процессе Кишиневской типографии «Искры», освещают поведение на суде участников организации.

Впервые публикуется ряд корреспонденций, содержащих сведения о студенческих волнениях и арестах в Киеве, Петербурге. Ряд чрезвычайно интересных корреспонденций с фабрик и заводов (Богородско-Глуховская мануфактура, Кострома, Киев, Петербург) и, наконец корреспонденция из московской тюрьмы, рисующая режим тогдашней тюрьмы — все это материалы, которые направлялись в «Искру» и должны были быть в ней напечатаны. Они публикуются через 40 лет, когда дело, начатое «Искрой», победило на одной шестой части

[1] Ленинский сборник, т. XIII, стр. 135.

мира, когда из «Искры» разгорелось пламя, которое сожгло до-тла и царскую монархию, и весь помещичье-капиталистический строй.

Публикуемые документы представляют большой интерес для всех, кто интересуется прошлым нашего движения, историей великой и славной партии, созданной Лениным и Сталиным.

Ем. Ярославский.

I

Отношение департамента полиции начальнику Киевского губернского жандармского управления, 9 мая 1901 г.[1]

Вследствие отношения от 21 мин. апреля за № 2188 департамент полиции имеет честь сообщить вашему превосходительству имеющиеся о газете «Искра» сведения: в истекшем году «Центральная Российская социал-демократическая партия» решила приступить к изданию за границей партийного органа, и в настоящее время действительно вышли в свет два номера ежемесячного издания под названием «Искра», причем упомянутый орган, предназначаемый специально для России, печатается в Мюнхене, но администрация редакции старается убедить публику, что газета эта издается в пределах России. Из помещенных в первых двух номерах «Искры»[2] руководящих статей усматривается, что Центральная Российская социал-демократическая партия поставила себе задачей пропагандировать разрушение самодержавия и соединение для этой цели всех социал-демократических элементов в одну группу.

Отношение Петроковского губернского жандармского управления прокурору Варшавской судебной палаты, 23 мая 1901 г.[3]

Транспорт газеты «Искра» и объявление о таковой[4] задержаны при следующих обстоятельствах: корчемные стражники Гончаревич и Рудный, обходя лесную дачу ставки казенного Кржепицкого лесничества, заметили в 12 часов дня, в просвете между деревьями густого молодого леса, приблизительно шагах в 200-х от себя, незнакомого им человека, довольно высокого роста, в рабочей одежде, шедшего с ношей на плечах по направлению к дер. Каводржа-Гурна, гмины Грабовка, Ченстоховского уезда, каковая деревня расположена в 10 верстах от гор. Ченстохова и в 6 верстах от прусской границы.

Заметив стражников, неизвестный стал быстро от них удаляться; когда же стражники произвели в него несколько выстрелов из револьверов, он сбросил несомую им на плечах ношу и скрылся в чаще леса.

Лица проносителя стражники рассмотреть не могли.

По одному экземпляру упомянутой газеты и объявления при сем вашему превосходительству представляю.

Полковник У т г о ф.

---

[1] ДП, VII, 1901 г., д. № 249, л. 85. Документы подготовлены к печати М. А. Сыромятниковой.

[2] № 1 «Искры» вышел в декабре 1900 г., № 2 — в феврале 1901 г. «Искра» начала издаваться в Лейпциге, потом в Мюнхене, а после в Штутгардте в типографии Дитца, издателя социал-демократической литературы.

[3] МЮ, 1901 г., д. № 11096, л. 2.

[4] Речь идет о № 1 газеты «Искра» и объявлении редакции о выходе газеты «Искра».

Из телеграммы начальника Одесского жандармского управления в департамент полиции, 1 декабря 1901 г.[1]

Сегодня пароходом из Варны приехал болгарский подданный Иван Закубанский[2]; остановился: Княжеская 20, кв. 23; в чемодане с двойными днами найдено: «Искры» № 9 — 340 экземпляров, № 10 — 310; брошюры — «В защиту иваново-вознесенских рабочих» — 460, «Запретные листки» — 18; прокламации — «К рабочим фабрики Саввы Морозова» — 26, «К товарищам — Богородско-Духовской мануфактуры» — 19...

Полковник Бессонов.

Телеграмма начальника Киевского губернского жандармского управления в департамент полиции, 8 января 1902 г.[3]

7 января из Киева отправлены транспорты: Екатеринослав — пуд 10 фунтов, Харьков — пуд 3 фунта, Полтаву — 17 фунтов — изданий «искровцев»,— всего 3 794 экземпляра.

Подполковник Преферанский.

Список нелегальных изданий, заключавшихся в транспортах, отправленных 7 января 1902 г. из города Киева[4]

В Екатеринослав:

Ящик в 1 пуд 10 фунтов, квитанция накладной большой скорости № 2, марка 51.

Брошюры:	«Программа для кружковых занятий» (гектографированная)	2 экз.
»	«Домик на Волге» (печат. г. Женева, 1896 г.)	1 »
»	«К рабочим фабрики Саввы Морозова» (загран. типограф. «Искры»)	2 »
»	«Обвинительный акт о майских беспорядках» на Обуховском заводе (печатня «Искры»)	87 »
»	«В защиту иваново-вознесенских рабочих» (загранич. типогр. «Искры»)	47 »
»	«Десятилетие Морозовской стачки»	298 »
»	«Газета «Искра» № 10	75 »
Листки:	«Начало демонстраций»[5] (изд. № 13 «Искры», января 1902 г., печатня «Искры»)	1 203 »

В Харьков:

Ящик 1 пуд 3 фунта, квитанция накладной малой скорости № 4, марка 52.

Брошюры:	«Десятилетие Морозовской стачки»	252 экз.
»	«Программа для кружковых занятий»	1 »
»	«Начало демонстраций»	1287 »

В Полтаву:

Ящик в 17 фунт., квитанция накладной малой скорости № 46, марка 50.

Брошюры:	«Программа для кружковых занятий»	1 экз.
»	«Десятилетие Морозовской стачки»	30 »

[1] ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 2, л. 4.

[2] Рабочий Закубанский работал в Болгарии по переправе искровских транспортов по Черному морю через болгарский порт Варну в Одессу. О транспорте «Искры» в 1901—1903 гг. с приложением схем см. статью в «Борьбе классов», № 1, 1931 г.

[3] ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 3, л. 21.

[4] Там же, л. 44.

[5] Статья В. И. Ленина.

Брошюры:	«Надгробное слово Александру II» (изд. украинофилов)	2 экз.
»	«Обвинительный акт»	35 »
»	«Профессиональные союзы» (изд. револ. организ. социал-демократов)	7 »
»	«В защиту иваново-вознесенских рабочих»	50 »
Листки:	«Начало демонстраций»	222 »
	№№ 9—10 и 11 газеты «Искра» [1]	140 »

Из донесения начальника Бессарабского губернского жандармского управления в департамент полиции, 7 июня 1902 г. [2]

Командир Скулянской бригады 5-го округа отдельного корпуса пограничной стражи при отношениях от 21 и 28 минувшего мая за №№ 131 и 139 препроводил мне, полученные через Скулянскую почтово-телеграфную контору 18 и 22 того же мая из Германии заведывающим учебной командой оной бригады штабс-ротмистром Т. Т. Харитоновым и представленные им в те же числа командиру бригады, первое вскрытое, а второе невскрытое, два письма с заграничными штемпелями «Дармштадт», адресованные на имя названного офицера, в которых оказались в обоих печатанные записки [3] следующего содержания: «Посылаем вам эту вещь. Простите, что делаем это без вашего разрешения. Русские условия заставляют нас прибегать ко всевозможным способам распространения нелегальной литературы, поэтому мы пользуемся всякими, даже случайно попавшими к нам, адресами». Подписано: «Общество распространения нелегальной литературы в России» [4]. В первом письме оказалась вложенной нелегальная газета «Искра» от 1 мая 1902 г. № 20, издаваемая «Российской социал-демократической рабочей партией» 1, 2, 5 и 6 страницы. Во втором письме досылались, очевидно, ошибочно не вложенные в первое, внутренние 3 и 4 страницы того же номера той же газеты «Искра»...

Командир означенной бригады, препровождая мне упомянутые письма, сообщил, что получивший их вышеназванный офицер на распросы заявил, что ни с кем из членов преступного общества не знаком, сношений не имел и не желает иметь, и причин, почему именно ему были высланы означенные письма, не знает. Тот же командир бригады названного офицера аттестует отлично, как примерно верного долгу

---

[1] Транспорт в Полтаве на станции был арестован 18 января 1902 г. (там же, лл. 154—155).

[2] ДП, о. о., 1898 г., д. № 14, ч. 43, л. 25.

[3] Подлинник этой записки хранится в этом же деле, л. 44/а.

[4] В одном из перлюстрированных департаментом полиции письме из-за границы сообщался способ отправки газеты в конвертах. «В каждый конверт мы клали листок с извинением за присылку. На листке было место для №, куда вписывался номер адреса подписчика. Все адреса подписчиков имели свои номера, причем старые подписчики или, вернее, адреса вычеркивались в алфавитной книге и новому адресу всегда давался новый номер, следующий по порядку. Кроме извинения на листках, вкладываемых в конверты, было помещено обращение, где указывалось, что по этому адресу газета будет выслана трижды («Искра» тогда выходила еженедельно); если подписчик желал продолжать получать газету, он должен был нам сообщить лишь свой №. Такая система дала возможность: 1) не посылать по провалленным адресам газету зря, 2) упростила сношения с заграницей подписчиков; очень часто они сообщали свои №№ прямо по адресу экспедиции без пересылки своих писем через передаточные заграничные адреса. Адреса на конвертах надо писать латинскими буквами, конверты опускать не кучами, а лучше в течение двух, трех дней в разных почтовых отделениях города. Газету на тонкой бумаге надо сложить, смочить водой и положить под пресс, пока номер не высохнет, обратившись в картон. На месте он легко развернется» (ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, ч. 46, лит. Б, прод. л. 32).

службы и присяге, каковым знают его за 3-хлетнюю службу в бригаде, т. е. со времени перевода в оную из Таурогенской бригады на прусской границе, где злоумышленники могли свободно знать его имя, отчество, фамилию, и через своих агентов узнать о последнем адресе по месту нового его служения.

О вышеизложенном имею честь донести департаменту полиции для сведения.

Полковник Чарнолуский.

II

Из письма Н. К. Крупской в Одессу, 17/4 февраля 1902 г. [1]

Получили ли наше письмо? Отчего не отвечаете? На днях пришлем вам в книге проект майского листка. Ответьте, пожалуйста, как можно скорее (не позже 1 марта) на следующие вопросы:

1) Согласны ли принять проект;
2) Если да, то какие изменения и подпись предлагаете;
3) Сколько экземпляров требуется [2].

Передайте также один экземпляр Комитету и попросите ответить на те же вопросы.

Ждем ответа.

Письмо в редакцию «Искры» из Тулы, 9 марта 1902 г. [3]

Получилась ли прокламация, посланная на Нюренберг? Здесь были распространены два листка: один общего содержания, говорящий о последних событиях, был разбросан на фабриках и заводах в феврале, другой, посланный по поводу обязательного постановления губернатора, был распространен в марте [4].

Кроме того в феврале был распространен листок «Искры», призывающий на демонстрацию 19 февраля, но он пришел слишком поздно и никаких практических последствий не имел [5]. Настроение рабочих повышенное. Губернатор не пустил статистиков в уезд, потому де мол, что в городе неспокойно, появилась прокламация, подписанная Тульской группой с.-д. партии. Причем тут разъездная статистика, неизвестно.

Посылаю брошюру в Мюнхен. На днях здесь исключен из учителей гимназии учитель русской словесности Николай Алексеевич Цветков. Директор нашел, что он позволяет своим ученикам слишком свободно писать сочинения и донес об этом в округ. Попечитель вызвал его

---

[1] ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 4, л. 53. Воспроизведено с копии зашифрованного химического текста перлюстрированного департаментом полиции письма с подписью «Катя», посланного из Нюрнберга к Мовшесону, книжный магазин «Образование».

[2] Местные комитеты заказывали «Искре» майские прокламации; так из Москвы было заказано 10 тыс. экз.

[3] ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 9, лл. 4—4а. Воспроизведено с подлинника химического текста письма, написанного между строк открытого незначительного текста, посланного по адресу К. Андерса в Берлин, Зальцведелерштрассе, для Бланка, адрес «Искры» (см. это же дело, л. 6).

[4] Прокламация Тульской группы РСДРП, по поводу воспрещения губернатором сходок и собраний (инв. № 17772), была распространена на тульском патронном заводе вечером 4 марта и утром 5 марта на оружейном заводе, на фабрике наследников Баташева и на других более мелких фабриках. Тверская группа РСДРП приняла название Комитета с 1 мая 1902 г., о чем объявила в прокламации, выпущенной за подписью «Тверского комитета РСДРП», которая была напечатана в № 24 «Искры» 1 сентября 1902 г.

[5] Листок «Искры» за подписью «Местная организация «Искры», выпущенный 19 февраля местными комитетами за своей подписью или печатью, был напечатан в № 17 «Искры» от 15 февраля 1902 г.

в Москву и велел подать в отставку. Цветкову оставалось всего 2 года до пенсии. Впрочем ходят слухи, что ему позволят дослужить в другой гимназии. Это мало вероятно.

Письмо Н. К. Крупской в Самару, 30/17 марта 1902 г.[1]

1) Кто такой Эмбрион? Мы получили от него письмо, но не знаем ключа. Сообщите ему поскорее следующее: раньше мы вели дело с Парамоновой, теперь это лицо пишет нам, что в Вор[онеже] имеется для нас около тысячи рублей на майские листки. Просят прислать человека за деньгами. Пусть Эмбрион повидается с вышеназванным лицом скажет, что ему писали друзья Конкордии[2]. Пусть столкуются, и он заберет деньги.

2) Путь Дементьева, повидимому, наладился. Наследник Дементьева цел и все устроил, просит в помощь себе человека солидного. Для того, чтобы путь действовал, необходимо также как можно скорее поселить нашего представителя в Киеве[3].

Хорошо было бы, если бы туда немедленно поехал Кунц (Глатт, вероятно, погиб)[4], там же собирается поселиться и Имярек (он уже видался с Бродягиным)[4]; если они поселятся там вдвоем, тем лучше,— это чрезвычайно важный пункт. Явки в Красавск (Киев)[4] еще нет, но мы уже списались с наследником Красавца и затребовали явку. За последнее время (после нового года)[4] через путь Дементьева прошло двадцать три пуда. Шесть пропало при аресте, четыре разошлись в Красавске, пять в Смоленске (6 м. 4 к.)[4], а восемь в Красавске ждет нашего представителя (все это выяснилось лишь вчера)[4]. Не понимаю, зачем попала такая уйма в 6 м. 4 к. (Смоленск)[4]; часть, вероятно можно извлечь оттуда. На днях посылаем наследнику Дементьева пять, а следующий раз — майские листки.

3) Аким цел и невредим. У него около шести пудов. Об этом сообщено Бродягину, а Акиму сообщены адреса: ваш, старухи (Москва)[4], 2а 3б (Псков)[4]. Просили развезти по этим адресам все, что имеется.

4) у Паши (в Полтаве)[4] два пуда 11-го №. Также сделано такое же распоряжение, как и Акиму.

5) В распоряжении Бродягина теперь находится три чемодана с новинками.

6) Необходимо как можно скорее наладить дело с Батумом. С нашей стороны теперь все налажено и путь начал работать, может перевозить много и скоро. С провалом лошади (Кавказца)[4] у нас на время прервались связи с Батумом. Так как остался лошадиный наследник, то надеемся восстановить связи, но как скоро это удастся сделать, не знаю.

Между тем надо бы заставить этот путь работать как можно скорее. Отыщите через Семена Семеныча (Северный союз) Сидорыча, у него в этом городе хорошие связи, а то через Багаева завяжите там связи. Поселите там также вашу чету, так как кроме того, что нужно снимать литературу с парохода, нужно вести непосредственные сношения с нами, платить деньги, отвозить литературу и т. д. Можно снимать литературу и в Одессе, но там у нас нет никаких зацепок.

7) В этом отношении вам, может, могут помочь Херсонцы. Это группа социал-демократов, «искровцев», (кажется с националистическим

---

[1] ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 69, л. 14—15. Воспроизведено с копии химически зашифрованного текста перлюстрированного департаментом полиции письма, посланного по адресу И. Е. Рябова, Молоканский сад, дача № 3.

[2] Конкордия — К. И. Захарова.

[3] О постановке транспорта «Искры» и схему его см. «Борьба классов», 1931 г., № 1, стр. 34—36.

[4] Скобка в подлиннике.

оттенком). Она вполне самостоятельно устроила путь через Египет и даже выслала вперед деньги на опыт. Теперь путь работает. Литературу они передают в Центральный комитет объединившегося «Южного рабочего» (кстати, этот последний относится к нам, повидимому, неприязненно, по крайней мере не считает даже нужным вступать с нами в сношения). С Херсонской группой надо повидаться и сойтись поближе, надо вовлечь их в русскую организацию «Искры». Только подойти к ним надо осторожно. О них писали Бродягину.

8) Дайте запасный адрес для писем, а то на один и тот же нельзя писать очень часто, а иногда приходится писать чуть не каждый день.

9) С Сашей (съездом) дела стоят плохо. До сих пор Николай Петрович (Петербургский комитет) не сообщил ни ее адреса, ни пароля для явки к ней. Послали Николаю Петровичу ругательное письмо. Имяреку дали мандат от лиги.

10) Майский листок заказан Акиму (30 000), наследнику лошади (30 000), кроме того печатается здесь 20 000. Нам заказано пока лишь 15 000 (от Эмбриона, старухи, из лошадиного царства).

11) Передайте З г. следующее: «рукопись получили. Просим корреспондировать. Привет и спасибо».

Да, еще о наследнике лошади. Не имеем к нему хорошего адреса для писем, нет также адреса для явки. Когда будет, надо чтобы кто нибудь съездил туда переговорить.

Ну всего хорошего. Горячий привет от всех. Вот новый адрес для писем: г-ну Пинкау, Турнерштрассе, 11, Лейпциг. Адрес Цунделя тоже хорош. Пишите чаще.

Из письма Н. К. Крупской в Москву, 5 мая/22 апреля 1902 г.[1]

Ваше письмо, присланное с оказией, получили, адрес для явки (Жидковой) и ключ получили через Аркадия[2]. Продолжает ли действовать вышеназванный адрес для явки, или он больше не годен? Корреспонденции, посланные на Лейпциг, получены. Письма посылайте на Лейпциг (с мюнхенским адресом происходят всякие задержки). Вот вам еще адреса для корреспонденций: 1) Herr Wilhelm Härdel, Prechtelgasse, 11, Nürnberg, 2) M-r Joseph Bologne, rue du Pery, Liege. Так как это адрес еще не испытанный, то пошлите на него сначала какое-нибудь безразличное письмо. Не посылайте корреспонденций внутри газет, такие газеты конфискуются, так можно посылать только печатные листки. За корреспонденции большое спасибо. Очень были бы благодарны, если бы вы познакомили нас с внутренней жизнью Комитета. Сообщите, как идет работа, с какими трудностями приходится сталкиваться, каково настроение среди и т. д. Для нас подобного рода сведения крайне нужны; кроме того, они несомненно послужат к более тесному сближению. Кстати, в иностранных газетах сообщается, что вся местность от Москвы до Владимира охвачена восстанием. Правда ли это?

На конференцию были приглашены лишь сторонники «Рабочего дела», ни вас, ни Киева, ни «Северного союза», ни Волжского союза, ни Кавказа не было. Заграничная организация «Искры» получила приглашение, но ей не было сообщено ни место, ни пароль. Ее пред-

---

[1] ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 7, лл. 104—105. Воспроизведено с копии зашифрованного химического текста перлюстрированного департаментом полиции письма с подписью «Катя», посланного из Нюренберга в редакцию газеты «Курьер».

[2] Адрес: «Лефортовская часть, Измайловская больница, акушерка Екатерина Андреевна Жидкова». Сообщался заграницу, как адрес явки из Москвы 4—6 марта 1902 г. по адресу редакции «Искры» — Нюренберг, Клейдер-базар, Neue Hasse, 33 (МОО, 1902 г., д. № 1459, л. 124).

ставитель в конце концов, после долгих мытарств, попал на конференцию, но тотчас после конференции был арестован. Ни к каким определенным решениям не пришли, за исключением постановления праздновать первое мая по старому стилю [1]. Проект майского листка, представленный «Искрой», видоизменен. К сожалению, мы слишком поздно получили видоизмененный проект, так что вряд ли что успеем предпринять. Листок первоначальной редакции давно уже отправлен в Россию, получен ли? Получили ли 4 000, отправленных с оказией?

Никакого транспорта в Москву нами не посылалось, посылался чемодан, но это было давно и все, вероятно, уже взято.

Пусть Таня даст адрес для посылки ей личных писем. Ее бернская девица бунтует, требует денег и ругается, продолжает ли Таня пользоваться ее паспортом.

Аким сидит под фамилией Риман,— так сказано, по крайней мере, в бундовских бюллетенях.

Все рукописи, присланные из Вологды, получаем, но они упорно настаивают на своем требовании — печатать рукописи без изменений, между тем в «Технических задачах», например, есть нетактичные вещи, печатать которые даже с примечаниями крайне неудобно [2].

Ну, кажется все. Пока кончаю. Всего лучшего.

Письмо Н. К. Крупской в Вологду, 30/17 мая 1902 г. [3]

Все ваши письма получили, также беллетристические вещицы и заметку об Успенском. Не отвечали так долго потому, что хотелось дать определенный ответ относительно «технических задач», но сейчас все очень заняты и до сих пор еще не все прочли рукопись. Если пойдет, то в «Заре», с примечаниями редакции. Заметка об Успенском пришла уже после того, как была набрана заметка, помещенная в № 20. Для 21-го она уже устареет. «Тени» пойдут в «Заре», эпиграфия не пойдет. Статью об Успенском для «Зари» пишет Плеханов. Вы настаиваете на неизменяемости текста брошюр,— мы писали уже, что согласны и на это условие, хотя оно, по нашему мнению, и осложняет без надобности дело. Переслать рукопись о милитаризме можно по адресу: Г. Пинкау, фотографу, Лейпциг, Турнерштрассе, 11. Адрес вполне хорош. Оставляйте только на всякий случай копии рукописей, чтобы в случае пропажи можно было восстановить. Прислать человека для переговоров в настоящее время не можем. Всего лучшего. Ждем рукопись.

Письмо Н. К. Крупской в Орел [8—11 августа/26—29 июля] 1902 г. [4]

Дорогие товарищи, один экземпляр вашего письма получен, оно было переслано нам через третьи руки без конверта и потому мы не знаем, на какой именно адрес оно получено,— на какой-то немецкий. Вот

---

[1] Речь идет о Белостокской конференции 23—28 марта; она была созвана по инициативе Бунда и Петербургского «Союза борьбы для противодействия возраставшему влиянию «Искры».

[2] В Вологде в 1902 г. организовалась литературная группа, в которую входили А. Луначарский и А. Богданов. По вопросу об издании этой группой брошюр велась переписка с В. И. Лениным. Письмо Ленина Богданову между 28 марта и 19 апреля 1902 г. см. в XIII Ленинском сборнике, стр. 135.

[3] ДП, о. о., 1901 г., дд. № 825, ч. 10, л. 2. Воспроизведено с копии химического текста перлюстрированного департаментом полиции письма, посланного из Лейпцига по адресу инженера Ильина.

[4] ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 10, л. 32. Воспроизведено с копии химического текста перлюстрированного департаментом полиции письма, посланного из Нюренберга по адресу В. Л. Лидванской.

еще адреса для писем и корреспонденций: 1) г-ну Рихарду Этцольд, Кайзерштрассе, 42—1, Мюнхен, 2) г-ну Рихарду Илльге, Эйзенбанштрассе, 3, Лейпциг, Н. Очерк исторического движения и т. д. получен, не могли поместить его потому, что накопилось очень много неотложного материала. Корреспонденции получены. Большое спасибо. Постараемся послать вам новой литературы с оказией. Личное свидание было бы очень желательно, но оно может состояться только заграницей. Приготовьте человека, который мог бы поехать к нам. Что касается времени, то желательно было бы, чтобы ваш приезд... [1], поэтому его лучше несколько отсрочить. О времени и месте известим своевременно.

С транспортом у нас, благодаря массовым провалам, была заминка, теперь дело, повидимому, налаживается. Вообще мы переживали трудные времена. Зато за последнее время наши связи сильно стали расти и укрепляться, теперь есть надежда, что русские организации примут активное участие в нашем деле и при их помощи удастся создать действительно прочную общерусскую интеллигенцию, которая возьмет в свои руки, между прочим, доставку «Искры». Из вашего письма мы видим, что можем рассчитывать на всяческую помощь и с вашей стороны, но для этого необходимо, чтобы вы были тесно связаны с остальными нашими друзьями в России. Связаны ли вы с Аркадием? Если нет, свяжем вас немедленно. Известите как можно скорее о получении этого письма. Ждем. Горячий товарищеский привет.

Письмо Н. К. Крупской в Екатеринбург, 12 августа/30 июля 1902 г. [2]

Ваше письмо получили. «Искру» посылаем вам в конвертах. Получается ли? (послано два раза). Если дадите еще адреса для посылки конвертов серьезным лицам, будем очень благодарны. Расходы получателя писем. Очень просим выслать нам всякого рода корреспонденции и материалы. Что касается доставки литературы, то дайте пароль и верный адрес, по которому можно доставлять литературу с оказией. В каком количестве доставлять? Ничего не имеем против того, чтобы вы организовали доставку самостоятельно, раз имеется к тому возможность. Тогда будем передавать литературу лицу, которое укажете. Что касается платы, то скажем одно — деньги нам очень нужны, поэтому желательно было бы получать за литературу деньги аккуратно, хотя из-за этого вряд ли у нас выйдут недоразумения.

Письмо Н. К. Крупской в Тулу, 29/16 сентября 1902 г. [3]

Дорогие товарищи! Письмо ваше получено. Наш адрес меняется, следует писать теперь D-r T. Hornung, Leipzig, Klein Zschocher Antonienstrasse, 3. С нетерпением ждем от вас обещанного подробного письма. Видели ли вы № 4 «Зари», программу и брошюру «Что делать»? Как относитесь к программе и «Что делать»? Напишите об этом. Если

---

[1] Пропуск в подлиннике.

[2] ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 10, л. 517. Воспроизведено с копии химического текста перлюстрированного департаментом полиции письма с подписью «Катя», посланного из Дармштадта на имя старшего химика Уральской лаборатории Л. Романова.

[3] ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 10, л. 157. Воспроизведено с копии химического зашифрованного текста перлюстрированного департаментом полиции письма, посланного по адресу Е. И. Лакруа для Саши, Тула, уг. Беляевской, д. Маркова.

у вас есть свои люди в Москве, свяжите их с нашими. Чтобы не затягивать этого дела, напишите относительно этого по адресу: «Большая Никитская, императорская консерватория, ученику Могилевскому (виолончелисту), Москва. Ключ — «Несчастные» Некрасова. В ближайшем будущем доставим вам новинки и литературу, напишите, сколько нужно.

Вышла новая брошюра «Самодержавие и стачки»[1] (попул.), изд. Лиги револ. социал-демократии, заканчивается печатанием «Эрфуртская программа», печатается Тун[2], перевод брошюры Каутского «Социальная революция», брошюра о студентах[3]. Ну, пока кончаю. Шлем товарищеский привет.

Письмо Н. К. Крупской В. В. Кожевниковой в Москву, 9 октября/26 сентября 1902 г.[4]

Дорогая Наташа! Все ваши письма получены. Писали вам на оба адреса. На Варю писала несколько слов, ибо адрес был очень перевран. Теперь Борис его поправил. Но если первое письмо пропало, то лучше этот адрес все же отменить. Дайте адрес (лучше два) для писем. Адрес для явки получен, передала его Борису, который им воспользуется. Заявление также получено[5]. Пришло оно очень во-время. В последнем номере «Революционной России» социалисты-революционеры, ругая «Искру», между прочим говорят, что их взгляды — взгляды всей партии, а то, что говорит «Искра» — мнение небольшой группы лиц, не имеющих права говорить от имени социал-демократов. Ужасно шумят эти социалисты-революционеры. Нет у них ни черта, все дутое большею частью, а шумят они и мутят ужасно. Боевая организация... А вот бежавшие искровцы[6] захватили с собою социалиста-революционера Плесского, сдали его по принадлежности социалистам-революционерам, а те пустили его околачиваться по ночлежным домам в студенческой куртке. Ну его и взяли... Вот она боевая организация — квартиры найти человеку не могли. Грачу передам сегодня же вашу просьбу. Зайчика уговорите непременно остаться, надо, чтобы в вашем городе образовалось нечто действительно прочное. Передайте ему это от нашего имени и просите его писать нам непременно. Как дело стоит по части корреспонденций? Корреспонденции нам очень нужны. Нельзя ли организовать это дело? Сообщите, с какими пунктами у вас есть связи? Наши шлют привет и спасибо за письма. Привет Зайчику и другим товарищам.

---

[1] «Самодержавие и стачки» конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте (1899 г.); напечатано «Зарей», 1901 г.

Она была привезена багажем 9 октября 1901 года из Вильно в Петербург вместе с манифестом К. Маркса (ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 6, лит. С, л. 257—258).

[2] Тун — «История революционного движения в России» вышла в Петербурге под редакцией и с примечаниями Шишко, освещает прошлое революционного движения с точки зрения социалистов-революционеров.

[3] Речь идет о брошюре «Отправка студентов в Сибирь» — (автор Сибирский) издание лиги русской революционной социал-демократии. Женева, типография лиги, 1902 г.

[4] ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 10, л. 171. Воспроизведено с копии химического текста перлюстрированного департаментом полиции письма с подписью «Катя», посланного из Льежа на имя Федора Густавовича Тебус, Варварка, против средних торговых рядов, контора Нейшеллер.

[5] Речь идет о заявлении Московского комитета РСДРП и признании им «Искры» своим руководящим органом; оно было напечатано в № 26 «Искры» от 15 октября 1902 г.

[6] Речь идет о побеге 10 искровцев из Киевской тюрьмы 31 августа 1902 г. Среди бежавших были Н. Бауман, В. Бобровский.

Письмо Н. К. Крупской в Петербург, 30/17 апреля 1903 г.[1]

Дорогие друзья. Давно не писала вам, у нас теперь очень суетливое время[2], а отчасти виной и посторонняя причина — очень нездоровилось последние дни. Ваше сердитое письмо, а также письма от 2 и 4 апреля получены, письма на адреса 29 и 33 пришли очень аккуратно, теперь ими можно пользоваться. Адрес 22 меняется, надо: Richard Etzold Kaiserstrasse, 33, Мюнхен. Впрочем этим адресом пока лучше не пользоваться.

Очень рады, что у вас дела ладятся, от всей души желаем дальнейших успехов. Счет на пиво[3] послан последний раз 25 апреля, счета на ту же сумму будут высылаться аккуратно каждую неделю. «Борьба» выпустила очень ругательную книжку против «Искры», в 308 стр.; еще не видали, а только слыхали[4]. Книжка носит характер «борьбистский» — сплошная клевета и передержка, по крайней мере, нам так пишут; зато имеем счастье лицезреть бюллетени Заграничного комитета Бунда, которые ведут полемику точь в точь а ля «Борьба». Злы они чертовски. Ну, бывайте здоровы, пишите. Когда кончится сутолока, будем писать аккуратно. Почему Минай не пишет больше? Мы получили только одно письмо от него.

Письмо Н. К. Крупской в Астрахань, 4 июня/22 мая 1903 г.[5]

Дорогие друзья! Получили ваше письмо от 18 апреля, простите, что так долго не отвечали. Родственникам Нины[6] писали много раз, но все письма, очевидно, пропадали. Опять написали сейчас по получении письма от вас по данному адресу «педагогом». Не знаю, что выйдет. Пусть «педагог» напишет и с своей стороны. Лучшая подруга для Нины — Ольга Константиновна[7], она человек опытный, даст нужные указания, поможет деньгами и проч. Нину всецело поручаем ей. Что касается лошадей, то все будет устроено как в прошлом году. Посылаем человека. Пусть скорее шлют явку, не знаю годна ли старая. Вот новые адреса для писем и корреспонденций, перешлите их и лошадям: № 4 Alphonse Pire, Rue Dany, 55, Liége. Belgique; № 33. Frau Clara Wehmann, Colonialwaarenhandlung, Leipzig — Lindenau, Bismarkstrasse, 40.

Спасибо за корреспонденцию. Если ведется местная работа более или

---

[1] ДП, о. о., 1903 г., д. № 1000, т. I, л. 45. Воспроизведено с копии химического текста перлюстрированного письма без подписи, посланного из Лондона Эрнестине Эрнестовне Киль в С.-Петербург, 7 Рождественская ул., д. № 11, кв. 24; с пометкой департамента полиции: «по почерку «Таня» (она же «Катя»).

По адресу Э. Киль писали Е. Д. Стасовой.

[2] Повидимому, имеется в виду подготовка ко II парт. съезду, открывшемуся 30/17 июля 1903 г.

[3] «Пиво» — транспорт нелегальной литературы.

[4] «Борьба» — социал-демократическая группа заграницей; в ее состав входили Рязанов, Стеклов и Гуревич. Она резко враждебно относилась к «Искре».

[5] ДП. о. о., 1903 г., д. № 1000, т. I, л. 128. Воспроизведено с копии химического текста перлюстрированного департаментом полиции письма без подписи, посланного из Дармштадта к Наталии Алексеевне Александровой, Армяно-Базарная площадь, казенная винная лавка № 12.

В Астрахани жила Л. М. Книпович — «дяденька».

[6] «Нина» — центральная партийная подпольная типография, существовавшая в Баку с середины 1903 г.; типография была восстановлена из существовавшей с начала 1901 г. по сентябрь 1902 г. типографии, организованной большевиком Ладо Кецховели при непосредственной помощи И. В. Сталина, по поручению тифлисской руководящей группы РСДРП.

[7] «Ольга Константиновна» — Организационный комитет по созыву II парт. съезда, исполнявший временно функции ЦК (См. «Красный Архив», № 59, «К истории созыва II съезда РСДРП»).

менее широко, советуем торопиться с образованием комитета, а то выйдет как в Воронеже: нежелательные элементы образуют комитет раньше[1]. Бывайте здоровы, пишите чаще.

Из письма Н. К. Крупской в Уфу, 5 октября/22 сентября 1903 г.[2]

8 октября будет в Уфе суд над златоустовскими рабочими[3], постарайтесь достать все документы, собрать все сведения. Хорошо бы, если бы кому-нибудь из своих удалось проникнуть в залу суда и потом описать все подробно. На всякий случай посылаю пару адресов для писем и корреспонденций: 1) Бельгия, Льеж, Франсуа Гоне, ул. Ruisseau, 54, и 2) А. Реслер, Нюренберг, ул. Kleiderbasar, Neuegasse, 33. О получении этого письма известите немедленно. Привет товарищам.

Отношение департамента полиции начальнику Самарского губернского жандармского управления, 7 марта 1903 г.[4]

По полученным из агентурного источника указаниям, в г. Самару намеревалась прибыть из Порт-Артура состоящая под негласным надзором Анна Ильинична Елизарова. Принимая во внимание, что названная Елизарова, проживая заграницей, в Берлине, вращалась в среде выдающихся эмигрантов-революционеров и является одною из активных деятелей организации «Искра»[5], департамент полиции имеет честь просить ваше высокоблагородие установить за деятельностью и сношениями Елизаровой, в случае прибытия ее в Самару, тщательное секретное наблюдение, и о последующем уведомить.

Лопухин.

III

Письмо из Киева в редакцию «Искры», 1 декабря 1901 г.[6]

Получили письмо из Харькова. Вам уже известно, конечно, из легальных газет об инциденте в Ветеринарном институте и об исключении всего 1-го курса[7]. Оказывается, что 50 человек из двухсот слушателей 1-го курса на лекции не присутствовали, но заявить об этом не пожелали и были исключены вместе с остальными. На-днях в Харь-

[1] В Воронеже комитет в 1901—1903 гг. был в руках «экономистов», он выступил против Организационного комитета, оспаривая законность его полномочия. Ответ Организационного комитета по поводу протеста Воронежского комитета опубликован в № 36 «Искры» от 15 марта 1903 г.

[2] ДП, о. о., 1903 г., д. № 1000, т. I, л. 128. Воспроизведено с копии химического текста перлюстрированного департаментом полиции письма Центрального комитета «Искры» (Катя), посланного из Дармштадта к Надежде Николаевне Фишер, Уфа, Акцизное управление.

[3] По «Златоустовскому делу» обвинялось 34 рабочих; обвинительный акт был напечатан приложением к № 48 «Искры», 15 сентября 1903 г.; в связи с ним было помещено в № 50 «Искры» от 15 октября 1903 г. письмо в редакцию «по делу о златоустовской бойне»— расстрел 13 марта 1903 г. безоружной толпы рабочих Златоустовского завода, потребовавших освобождения арестованных накануне рабочих депутатов, выбранных для переговоров с уфимским губернатором по вопросу о введении новых расчетных книжек.

[4] ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 110.

[5] А. И. Елизарова написала фельетон «Искорки» в № 2 «Искры». Она входила в группу «искровцев» в Берлине с апреля 1902 г. (ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, лл. 1—71).

[6] ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 2, л. 6. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма «Елены» — С. Афанасьевой, посланного по адресу Карла Андерса в Берлин, Зальцведелерштрассе, 8.

[7] Увольнение студентов было проведено в ответ на предъявленное ими 15 ноября требование отставки проф. Лагермарка, отличавшегося своей грубостью по отношению к студентам.

кове же была устроена демонстрация, участвовало человек 600 исключительно учащейся молодежи. Разбили окна в редакции «Южного края» (сама я харьковского письма не видела, мне передавали, но на днях постараюсь получить подробные сведения) [1].

У нас вчера были аресты (в ночь с 1 на 2 декабря). Взяты 3 девицы и несколько студентов [2]. Кто такие еще не успели узнать. Когда выйдет 12-ый номер, пришлите его, пожалуйста, в конверте по тому адресу, который моя товарка дала для писем [3]. По адресу, который я вам дала в прошлом письме, можете писать смело, он достаточно безопасен. Вы недовольны, что я не пишу? Я ведь сообщаю решительно все, что узнаю, писать же просто о том, что нахожусь на прежнем месте, кажется мне нецелесообразным, лучше я сообщу, если переменю его.

Недавно я послала извещение о нашей стачке портных, сначала краткое вам, а потом более подробное в другой город [4]. Надеюсь, что оно дойдет. Право не знаю, о чем писать еще, кругозор у нас в самом деле довольно узкий, зато местные дела хорошо известны и с комитетом у меня непосредственные сношения. В Университете и Политехническом институте у нас идет брожение, может быть харьковские беспорядки отразятся и у нас. Настроение рабочих тоже довольно воинственное.

Елена.

Отношение департамента полиции в Московское охранное отделение, 7 февраля 1902 г. [5]

Имею честь препроводить у сего вашему высокоблагородию для ознакомления и соображений конверт на имя Филиппа Регнера, в Нюренберг (один из заграничных адресов организации «Искра»), с тремя воззваниями «Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии», из числа коих — одно предназначается для напечатания в ближайшем номере «Искры», а другие два — для отпечатания в типографии — одно в 10 000 экз., другое в 5 000 экз. [6].

Приложения, по миновании надобности, покорнейше прошу возвратить.

Примите, милостивый государь, уверение.

Подп. Л. Ратаев.

Корреспонденция из Петербурга в редакцию «Искры», 14 февраля 1902 г. [7]

Только что получились добавочные сведения о питерских событиях. Во 1-ых, Лейбович взят. Это самое неприятное известие. Известно ли

[1] Студенческие демонстрации в Харькове, как протест против увольнения студентов-ветеринаров, происходили 28 и 29 ноября. Подробные корреспонденции о них помещены в № 13 «Искры» от 20 декабря 1901 г.

[2] Сообщение об арестах в Киеве помещено в № 14 «Искры» от 1 января 1902 г.

[3] № 12 «Искры» вышел 6 декабря 1901 г.

[4] Сообщение о начавшейся стачке портных в 20-х числах октября помещено в № 12 «Искры» и подробная корреспонденция о ней — в № 13.

[5] ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 7, л. 2.

[6] В указанном конверте были подлинники следующих прокламаций за подписью Московского комитета РСДРП, напечатанные на гектографе в январе 1902 г.: 1) План организации Московской группы РСДРП, с просьбой напечатать в ближайшем номере «Искры» (в «Искре» не появилась) — инв. № 17838; 2) «Мартовские дни прошлого года» (10 000 экз.— инв. № 17839); 3) «Товарищи! Мы все теперь прекрасно сознаем наше положение» (5 000 экз.— инв. № 17837).

Прокламации опубликованы в брошюре: «Искровский период в Москве», 1928 г., стр. 112—125.

[7] ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 4, л. 73. Воспроизведено с химического текста перлюстрированного департаментом полиции письма с подписью «Булка» (З. П. Кржижановская), посланного по адресу Карла Лемана в Мюнхен, Габельсбергерштрассе, 20 А.

оно вам уже? Во 2-х, вот вам дальнейшие описания событий студенческой жизни. На 8 февраля все вечеринки были запрещены[1]. Полиция ждала демонстрации. Но ее не произошло. За то вечером все же было устроено побоище в Народном доме императора Николая II. Там был спектакль, по окончании которого кем то были брошены прокламации, объясняющие причину студенческих волнений. Моментально двери выхода были закрыты. Публику не выпустили и полиция вместе с дворниками, которых было множество, начала нещадно бить студентов, как и куда попало. Все спасались кто куда мог, но на каждого студента приходилось чуть не по 10 человек. Некоторые были избиты до полусмерти. Масса арестованных[2].

В тот же день на Невском полиция избила 15 человек мирно шедших студентов. В Медицинской академии исключено 15 человек. Арестовано 30 человек. 9-го горняки устроили ауто-да-фе временной организации на улице перед Горным институтом и пропели трижды анафему Клейгельсу. Полиция опоздала. Настроение до крайности возбужденное. Ждут разных событий. Для заключения приведу разговор с одним купцом, только что приехавшим из Петербурга. Купец форменный Тит Титыч, говорит такие речи: «Нет, уже больно зазналось правительство, придется маленько осадить. Там в Питере все недовольны». «Да кто же все?» «А решительно все, спроси кого угодно. А уж прокламаций там этих конца нет, а послушать разговоры, так страсть!» Характерно все же для Тит Титыча.

Вчера было вам послано большое письмо на Цунделя. Известите о его получении. В 15 номере Искры опечатка: Ал. Малченко[3]. Сиденье их принимает затяжный характер, как слышно. Привет всем. Булка.

Да, друзья, начинается опять что то интересное и сложное. У меня душа так и прыгает. И пусть бьют, пусть, пусть. Только так можно колыхнуть тину, зажечь сердце на всем пространстве России. И это в 100 раз лучше ведь подачек, лучше зубатовского разврата...

Вот Лейбовича жалко до смерти.

Корреспонденция в газету «Искра», 2 марта 1902 г.[4]

Для «Искры».

В Богородском уезде Московской губ. есть фабрика Полякова; фабрика эта красильная; она получает товар — шерстяные материи — для окрашивания с других фабрик и находится, таким образом, от них в большой зависимости.

На-днях ввели здесь электрическое освещение. Для применения в действие электрической динамо-машины потребовалась громадная

---

[1] День 8 февраля ежегодно праздновался петербургскими студентами.

[2] Корреспонденции об избиении студентов, собравшихся в Народном доме, на основании сообщений других авторов, были помещены в № 18 «Искры» от 10 марта 1902 г.

[3] В № 15 «Искры» напечатано: «А. Малгенко» — на эту опечатку указывалось в письме.

[4] ДП, о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 2, лит. Г, лл. 151 а, б, в. Воспроизведено с подлинного текста химического письма, посланного из Москвы по адресу Фрица Цунделя в Германию, Штутгардт Blumenstrasse, 34; со следующим открытым текстом письма:

«2 марта 1902 г. Милостивый государь! Весьма благодарна вам за присланные книги.

К сожалению, вашу просьбу не могла исполнить, ибо господин, о котором вы пишете, уехал уже из Москвы. Известная вам Е. Берсенева».

паровая сила, вследствие чего необходимо было увеличить топку паровых котлов. Но от неправильного направления огня железные листы стен огнепроводных труб сразу в 4-х котлах получили сильные повреждения и один из них чуть не разорвался. Потребовался немедленный ремонт котлов, и все они не могли работать сразу. Это, а главным образом то, что хозяину не хотелось лишаться прежних, а может быть, еще больших барышей, послужило поводом к введению работы в две смены. Ночные работы начинались с 6½ ч., кончались в 4 утра. Все эти 9½ часов рабочим не давалось ни минуты отдыха.

Двое рабочих из этой смены в один из свободных дней отправились к фабричному инспектору Лялину, но директор их опередил, так как верно знал об их намерении. Инспектор был привезен на фабрику и устроил для рабочих ночной смены перерыв от 11½ до 12 ч. для завтрака в тех же сменах, где они работают.

Кипятку достать невозможно,— кухня заперта и кухарка спит, есть приходится сухое, в духоте. Одним словом, эти ½ часа брошены рабочим, как собакам.

Рабочих, явившихся к инспектору, в тот же день уволили с фабрики. Оставшаяся масса рабочих, частью по недостатку самосознания, частью же и без того напуганная «собачьим обращением» со стороны фабричного начальства,— ничем не выразила своего негодования по поводу увольнения товарищей.

Инспектору же какое дело? У нас, известно, инспекторы прямо не в силах «сметь свое суждение иметь».

Рабочих на фабрике за 500 человек, более 100 женщин. Одна часть рабочих — местные крестьяне, другая — пришлые рабочие, живущие в фабричных квартирах. Предпочитаются семейные и из более глухих уездов, напр. смоленцы, рязанцы, татары.

Наполнили ими каморки так тесно, что положительно дышать трудно. В некоторых каморках не хватает даже столов, так что едят рабочие или на полу, или устраивают какую нибудь самодельщину из старых досок[1].

Как и на всех фабриках здесь практикуются обыскивания рабочих при выходе с фабричного двора, причем как мужчин, так и женщин обыскивает одно лицо — мужчина, татарин, позволяющий себе грязные выходки по отношению к женщинам. Теплушек для этой цели нет, т. ч. потные рабочие принуждены раздеваться на холодном воздухе.

Сильно развито штрафование рабочих. Так, за день болезни вычитывают два дня зараб. платы. Опаздывание хотя бы на пять минут вычитается на ¼ дня. Штрафные деньги идут в пользу приюта и на другие благотворительные хозяйские дела.

А фабрика дает солидные доходы. Хозяин, как и все «ученые» фабриканты, знает, что если жизнь рабочих будет более благоустроена, то и доходы его будут солиднее, но он знает также и то, что рабочих много, и все они ищут работы, так что если умрут одни на их место найдутся сотни других. Зачем же лишнее беспокойство? Да и с деньгами, хоть на время жалко расстаться. Спокойна и безмятежна жизнь и всех местных фабрикантов. Рабочие все невзыскательный народ! Но как бы он ни был далек от сознательной и смелой борьбы со своим настоящим врагом — правительством, все же и он уже начинает пробуждаться от этого «собачьего обращения». Ну, и в добрый час!

---

[1] Начальник Московского ГЖУ сообщал в департамент полиции 19 марта 1902 г. № 2852, что каморки для жилья рабочих имеют 7 кв. аршин, в них обычно помещались 2—3 семьи, а иногда и 4 (ДП, о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 2, лит. Г, л. 127).

Корреспонденция из Костромы в редакцию «Искра», 8 марта 1902 г.[1]

В ночь на 19 февраля в фабричном районе Костромы были раскиданы «Костромским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии» прокламации, объясняющие рабочим причины и значение освобождения крестьян. Прокламации произвели панику среди местной администрации; вечером 19 февраля на поле к фабрикам были двинуты 2 роты солдат, фабричные кварталы были, что называется, запружены полицией, жандармами и шпионами. Рабочие сходились кучами и читали расклеенные листки. Приехавшие в город на базар крестьяне, подобрав разбросанные по улицам прокламации, развозили их по деревням. В одну рабочую квартиру зашел городовой, чтобы отобрать прокламации. Рабочие отдали ему один листок и сказали: «погоди не уноси, дай прочесть, мы еще не читали». Тогда глупый полицейский солдат с важным видом прочел сам рабочим вслух листок. 2 экземпляра прокламации были приклеены на дверях жандармского управления, прокламации были приклеены также и на дверях полицейских участков. Очевидно, какой то шутник уверил жандармского полковника Кемпе, прославившегося на всю Кострому своей глупостью, что 29 февраля рабочие разграбят государственный банк. Глупый Кемпе принял эту шутку за чистую монету, и по его настоянию в ночь на 20 февраля на банковском дворе был водворен наряд полиции и собраны все сторожа, вооруженные отточенными шашками и заряженными револьверами. Утром 19 февраля полиция хотела арестовать на одной из улиц фабричного района какого то мужчину, проходящего с узелком подмышкою, но проходившие мимо рабочие, избив полицию, освободили арестованного, который, воспользовавшись суматохой, скрылся.

Всем полицейским и жандармским солдатам было объявлено, что если они словят члена Комитета, то получат 350 рубл. награды.

В ночь на 1 марта было произведено несколько обысков среди семинаристов и у учительницы Рыльцевой в подгородном селе Гридине, затем были арестованы следующие лица: статистик Константин Александрович Невзоров, Геннадий Прянишников, конторщик, Сергей Думаревский, служащий в банке, Ячменников, только-что вернувшийся из ссылки петербургский рабочий, Удалов, извозчик, Чекунов, Шиманович и Каратаев, рабочие. Был также произведен обыск по ошибке у статистика Дмитрия Прянишникова, вместо брата. Жандармы вломились к нему в квартиру, сломав дверь, перерыли все вещи и хотели уже отвозить его в тюрьму, но ошибка обнаружилась, нужно было арестовать Геннадия Прянишникова, а полиция вместо этого нагрянула к его брату Дмитрию. Тогда переконфуженные жандармы, извиняясь за причиненное беспокойство, поспешили удалиться. За чтение прокламаций был также взят на улице какой то неграмотный крестьянин. Когда его привели в участок, пристав с пеной у рта накинулся на бедного мужичка, осыпая его отборной площадной бранью за чтение листков, в которых говорится против царя. Но какого было изумление взбешенного полисмена, когда перепуганный крестьянин пробормотал: «ваше высокоблагородие, да я читать то не умею», и в доказательство этого перекрестился на образ. «Убирайся вон»,— заорал тогда

---

[1] ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 8, л. 105 б. Воспроизведено с фотокопии письма, посланного по адресу Вильгельма Герделя в Нюренберг, Прехтельгассе, II; написано на воззвании «Костромского комитета РСДРП» «К интеллигенции» — 8 марта 1902 г.— инв. № 26990. Подлинник хранится в библиотеке ИМЭЛ. По этому же адресу 1 января 1902 г. Костромской комитет РСДРП послал листовку под заголовком «Как держать себя на допросах в тюрьме», копию ее см. в этом же деле, лл. 39—43.

переконфуженный пристав, и мужичка вытолкали из участка в шею. Оказалось, что он подобрал прокламацию на цыгарки.

Курьезно то, что все эти аресты вовсе не коснулись Комитета, что некоторые из арестованных не только не помышляли о какой либо крамоле, но даже никогда не видывали нелегальной литературы. Все они обвиняются в принадлежности к «комитету Российской социал-демократической рабочей партии» и расклейке прокламаций; при аресте ни у кого не было ничего найдено, кроме Невзорова, у которого оказался в кармане пиджака номер «Искры» и на этажерке куча старых студенческих прокламаций разных городов. Весь город смеется над глупостью жандармерии. Считаем не лишним привести некоторую характеристику ведущего о Костроме политическое дело товарища прокурора Масальского. Этот господин, когда еще вел гражданские дела, был уличен в том, что выкрал из одного дела нужную ему бумагу и, лишь благодаря отсутствию веских доказательств этого подлога, избежал суда. После этого инцидента Масальский перешел к ведению политических дел, повидимому, полагая, что там лучше можно творить безнаказанно всякие подлости. Вообще это такой господин, которому, если допрашиваемый зазевается, ничего не стоит вписать в протокол что-либо, чего не было говорено при допросе. К счастью этот мерзавец также образцово глуп, как и его друг и сподвижник жанд. полковник Кемпе, и поэтому оба эти негодяи, при всем своем желании открыть крамолу, не могут ничего пронюхать и арестуют совершенно непричастных к революционной деятельности людей. Вообще крайне удивительным является то обстоятельство, что правительство не могло себе найти халуев поумнее и поприличнее чем Масальский и Кемпе. Но нужно полагать, что патриархальные формы костромского сыска в скором времени сменятся более утонченными и место глупого бурбона Кемпе займет какой нибудь изящный ставленник Зубатова.

Через несколько дней после арестов Комитет разослал по костромской интеллигенции воззвание о денежной помощи арестованным. Говорят, что жандармерия, увидав всю несостоятельность предпринятой облавы, повысила цену за голову члена Комитета, обещая за поимку последнего уже не 350, а 500 руб. Видно за 350 руб. плохеньких поставили. Верно говорит пословица — «что дешево, то гнило» — острили по этому поводу местные обыватели. Ректор Костромской духовной семинарии, с дозволения костромского архиерея, известного мракобеса, передал под гласный надзор жандармерии 5 семинаристов, как политически неблагонадежных лиц; квартиры этих семинаристов теперь часто посещают жандармы и перерывают их вещи.

Из корреспонденции из Костромы в редакцию «Искры», 21 апреля 1902 г.[1]

Всех арестованных в ночь на первое марта выпустили из тюрьмы; всего 1 марта было взято 8 человек: Невзоров Константин, статистик, Прянишников Геннадий, конторщик, Думаревский Сергей, служащий в земстве, Ячменников, только что отбывший ссылку петербургский рабочий, Удалов, извозчик, Чекунов, Шиманович и Каратаев, рабочие; все обвинялись в расклейке прокламаций 19 февраля. По освобождении из тюрьмы все оставлены в Костроме под особым надзором полиции, за исключением Ячменникова, которого выслали в Нерехту. По этому же делу привлечена, как обвиняемая, работница Удалова и от-

[1] ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 8, лл. 105 б. Воспроизведено с подлинника письма, посланного по адресу Вильгельма Герделя, Нюренберг, Прехтельгассе, II.

дана под особый надзор полиции, хотя арестована и не была. На следствии никаких улик не добыто против арестованных, за исключением Ячменникова, который и был выпущен из тюрьмы позднее всех.

С конца 6-й недели поста и до страстной пятницы жандармерия принялась усиленно за работу, каждую ночь подряд производя обыски или аресты; были обысканы почти все статистики и масса рабочих и обывателей, к допросу вызывали почти всех служащих в земстве.

Несмотря на все старания жандармерии, в ночь на 11 апреля по улицам фабричного района города и на фабриках было раскидано около 800 экз. майского листка, выпущенного Костромским комитетом РСДРП и листки к мотальщикам фабрики Гратри, Жерар, Михиной и к-о. Разброс сошел замечательно удачно, несмотря на лунную, светлую как день, ночь, обилие ночных сторожей и особый наряд полиции, совершавший обходы по улицам Костромы, так как полиция ожидала в эти дни разброса и приняла все меры, чтобы помешать последнему. Жандармерия, узнав утром о листках, была совсем взбешена, губернатор на улице при всем народе изругал площадными словами помощника пристава, который в эту ночь заведывал обходом и засадил его на три дня под арест за то, что пропустил разброс, полицеймейстер даже заболел от расстройства.

Фабричный район наполнен шпионами, которые ведут себя ужасно глупо, так например, к одному рабочему в пивной подходит переодетый жандармский унтер, который тотчас же был узнан, и спрашивает «А что у вас на фабрике против правительства?» — «А вы кто будете?» — спросил его рабочий. «А я тоже против правительства»,— отвечал на это глупый унтер, и был избит узнавшими его рабочими. Какой то пьяный семинарист был арестован на улице за то, что шел ночью фабричным районом и во все горло орал «Отречемся от старого мира». По удостоверении личности жандармами, которые увидели, что он совершенно пьян, его выпустили на волю. На Царевской улице жандармы, полагая, что задержали разбрасывателя листков, на самом деле схватили известного воришку.

Настроение костромских рабочих ужасно бурное, на фабрике Гратри, Жерар и к-о уже начались беспорядки среди мотальщиц. Поводом к этому послужило то обстоятельство, что фабричное начальство сильно сбавило мотальщицам расценки; тогда все мотальное отделение бросило работу и порвало пряжу и демонстративно, толпой более 100 женщин отправилось через весь город к фабричному инспектору. Мастер Золотин пытался остановить толпу и ударил одну из женщин, окровянив ей лицо. Это еще более раздражило толпу,— поднялся страшный крик и Золотин вынужден был удалиться, рискуя быть побитым. Так как расценки можно по фабричным законам сбавлять лишь, предупредив об этом рабочих за две недели, то фабричное начальство пометило свое объявление задним числом. Мотальщицы сообщили об этом фабричному инспектору, который, приехав на фабрику и получив от фабричной администрации взятку, сказал работницам, что до пасхи расценки останутся старые, а после пасхи, кто не хочет работать по новым расценкам, пусть убирается вон.

Комитет выпустил по этому поводу к мотальщицам воззвание, в котором выставлены следующие требования: 1) оставление старых расценков, 2) удаление Золотина, 3) вежливое обращение. Жандармерия вызвала Золотина на допрос и расспрашивала о некоторых мотальщицах, выделившихся во время беспорядков.

На всех костромских фабриках рабочих сильно донимают штрафами, желая этим наверстать убытки, понесенные от кризиса, и за всякий пустяк дают расчет.

В день убийства министра Сипягина получившая об этом телеграмму жандармерия ходила ночью по квартирам рабочих и справлялась: дома ли эти рабочие.

При роспуске на пасхальные каникулы учеников средних учебных заведений начальство некоторых из них запретило ученикам ходить по улицам группами и заявило, что в случае присоединения учеников к какой нибудь уличной толпе, они будут тотчас задержаны полицией и немедленно исключены из училища.

В марте Костромской комитет перепечатал из 14 № «Искры» циркуляр мин. нар. просвещения, вменяющий учителям в обязанность провокацию, и распространил 200 экз. этого циркуляра среди учащихся. Жандармерия начала усиленно следить за семинаристами и техниками.

Глупый жандарм, полковник Кемпе, даже заподозрил в крамоле 11-летнюю гимназистку 2-го класса, дочь лесного ревизора Чарнецкого, для чего вызвал ее отца на допрос. На допросе, после заявления Чарнецкого, что его дочь слишком мала для крамолы, не менее глупый чем Кемпе, товарищ прокурора Масальский глубокомысленно задумался и, подумав, изрек: «Да, пожалуй, вы правы, она слишком молода, чтобы принимать участие в революционном движении.»

Говорят, что на пасхе Масальский делал визиты ко всем служащим в суде и никто из них, даже прокурор и председатель, его не приняли. Тогда Масальский оставил везде свои визитные карточки, но никто не прислал ему ответных.

18 апреля в Костромской острог привезено из Москвы более 20-ти студентов, которым для отбывания наказания назначена Костромская тюрьма; они заняли 4 камеры.

Из Юрьева сообщают, что студент Кладищев производил в своей квартире опыты с динамитом, произошел взрыв и ему оторвало 3 пальца. Кладищев и его жена арестованы, идут массовые аресты, много также арестов среди местных латышей.

Корреспонденция из Москвы из Бутырской тюрьмы в редакцию «Искры», 18 сентября 1902 г.[1]

Дорогой друг мой! Хочу рассказать вам о случае возмутительного произвола и грубого насилия, который недавно нас поразил всех и еще раз показал нам, что мы отданы в бесконтрольную власть тюремного начальства, пользующегося каждым ничтожным поводом, чтобы издеваться и глумиться над нами, зная, что мы беззащитны, а они полновластны и всегда окажутся правы и безнаказанны. Вот как было дело. В пересыльной тюрьме в Бутырках сидят четыре человека политических в общей камере, Часовой башне; 9 сентября утром двое из них: солдат Альшанский и Пейсахзон пошли к доктору. По дороге к приемному покою им попался навстречу помощник начальника Сузин, они не поклонились ему и продолжали курить. Сузин прошел несколько шагов мимо, но вдруг быстро вернулся, догнал их и грубо сказал надзирателю, сопровождавшему Альшанского и Пейсахзона: «Не снимает шапки, да еще курит. В карцер его». И, не дав сказать ни слова обоим им, повернулся и ушел. Слова эти относились к Альшанскому, как оказалось. Он отказался итти в карцер и они оба вернулись в башню. Туда сейчас же пришел надзиратель и сказал, что Сузин зовет Альшанского в контору. Но Альшанский в контору не пошел,

---

[1] ДП, о. о., 1902 г., д. № 125, л. 117. Воспроизведено с подлинника письма, подписанного по адресу Карла Лемана, в Мюнхен, Габельсбергерштрассе, 20 а.

потому что понятно ведь, что его звали туда затем, чтоб посадить в карцер.

Тогда минут через 20 явился сам Сузин в башню, в сопровождении трех надзирателей и 2 конвойных солдат, чтобы «взять» одного человека. Альшанский было начал сопротивляться, но потом решил пойти; пошли тогда в контору и все товарищи. По дороге до конторы Сузин был страшно груб с Альшанским, говорил ему «ты»; один из товарищей, солдат Гольдблат, вежливо попросил Сузина переменить «ты» на «вы», на что Сузин ответил: «Ты — солдат, и поэтому я тебе буду говорить «ты». Таков был тон всего обращения Сузина с нашими товарищами. И еще Сузин сказал Альшанскому, когда тот сказал ему, что он не обязан перед ним снимать фуражку: «Погоди, мы тебе спину погладим». В конторе товарищи заявили, что если Альшанский будет посажен в карцер, то они идут туда же, после чего все они отведены были и посажены в карцер.

Знаете-ли вы, что такое карцер здесь? Это подвал, глубокий, совершенно темный; камеры, если только можно назвать их так, а вернее ямы, 3 аршина длины, 2 — ширины и 3 — высоты, совершенно темные; сырость такая, что стены покрыты плесенью, а на полу стоят лужи; воздух ужасный, холодно, а если протопят, то делается так угарно, что были случаи, когда наказанных выносили оттуда замертво; карцер совершенно пуст, нет ни табурета, ни койки, нет даже соломы. Воду для питья приносят в грязных шайках из бани и, несмотря на страшную жажду, трудно решиться пить эту воду. Вот в какой карцер посадили Альшанского, человека совершенно больного,— у него чахотка, порок сердца и сильное малокровие. На следующий день, 10-го, тех, кто пошел добровольно, пришли просить вернуться в башню, уверяя и обещая, что Альшанский тоже будет освобожден одновременно с ними. Товарищи поверили и вернулись в башню. Но они были подло обмануты. Альшанского не выпустили, его продержали там 3 дня и на четвертый, только принимая во внимание заявление врача, сказавшего, что Альшанский так болен, что не может, не должен долее оставаться в таком карцере, его перевели в светлый карцер. Альшанский так ослабел, что едва двигался; видели как он шел из карцера (когда его вели из темного в светлый) — худой, бледный, весь согнувшись; он шатался, едва передвигая ноги. Подумайте, в такой холод он там был только в тонкой солдатской рубашке, ему не дали даже шинели. Его перевели в светлый карцер, где он сидит и сейчас еще. Только на 6-й день ему дали койку, но все время его держат на хлебе и воде. Он совсем разболелся. Он заявил, что хочет видеть начальника, но ему в том отказано. И так терпит он эту возмутительную пытку и не знает даже, когда же будет ей конец? Ему приходися страдать, из-за чего? Из-за того, что он не снял шапку перед этим негодяем. Если даже опираться на известные правила, то и они не были им нарушены: он как солдат, не имеет права снимать шапку для приветствия, он должен отдавать честь только офицерам, а Сузин не офицер, а чиновник; это он и сам объявил Альшанскому; даже в тюремных правилах не говорится о том, что арестованные обязаны снимать шапки при встрече с помощниками.

Весь этот случай сплошной произвол, нахальное глумление над личностью. Долго ли еще будем мы выносить это? А общество живет бок-о-бок с этими стенами, за которыми страдают его собратья, его лучшие силы. Где же вы, отцы и матери ваших сыновей и дочерей? Почему же вы не защищаете своих детей, к которым здесь же, около вас применяют настоящие пытки?.. Будем же, друг мой, стараться, чтоб горькая действительность была им известна, чтоб знали они, что совершается за толстыми стенами наших тюрем. Может быть наши па-

лачи думают, что все их деяния останутся шитыми и крытыми,— напрасно! Мы будем стараться, чтоб вся правда была известна обществу, будем стараться громко говорить на кровлях о том, что тайком совершается внутри дома. Дайте этому моему письму возможно широкое распространение; эту просьбу я передаю от лица всех товарищей: мы просим содействовать оглашению истины, мы аппелируем к общественной совести. К таким фактам нельзя относиться равнодушно тому, в ком есть хоть искра гуманности, в ком живо чувство правды и сознание своего человеческого достоинства и мы призываем всех, кому дорога правда, на борьбу с темным произволом и нашим бесправием. Долой самодержавие, да здравствует справедливость и свобода!»

Из тюрьмы очень просят напечатать, если найдете место и возможность.

P. S. После всего случившегося с Альшанским, товарищи, сидящие в Северной башне, передали ему в знак выражения сочувствия конфекты и фрукты; начальство узнало об этом и, ввиде наказания, камеры во всей этой башне в настоящее время заперты; кроме того их ждет за это невинное выражение симпатии потерпевшему более строгое наказание. Какое еще не известно.

Корреспонденция из Москвы в редакцию «Искры», 15 октября 1902 г.[1]

В Москве, в Земледельческой школе на Студенце (низшее учебное заведение, учатся мальчики от 14 до 19 лет) недавно все портреты царей оказались изрезанными[2]. В школе был сделан обыск. Говорят, найдено много нелегальной литературы школьного же происхождения (печатанной на гектографе); 2 ученика (фамилия одного Никифоров) и инспектор школы арестованы. Школа закрыта. Через несколько дней здание школы было кем то подожжено. Последнее обстоятельство тоже, кажется, способ проявления протеста против существующего порядка.

Среди рабочих идут оживленные толки по поводу проекта зубатовцев устроить новое легальное общество взаимопомощи рабочих текстильной промышленности. По отзывам рабочих, большинство относится к зубатовским обществам недоверчиво и называет их не иначе, как погаными обществами.

Простите, что мои сообщения так кратки, лучше пока доставить не могу. Скоро, скоро все будет в приблизительном, может быть, но все же порядке.

Наши отношения со старухой[3] вероятно уладятся хорошо. Дела ее в самом деле, в общем не дурны, только у ней слишком мало для нее помощников, отсюда происходят все недостатки.

Из корреспонденции из Киева в редакцию «Искры», 7 июня 1903 г.[4]

Рабочих в Конотопе более 5 тысяч. В мастерских Киево-Воронежск. ж. д. их около 3 тыс. Положение их очень незавидное. Так как они

[1] ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 10, л. 208. Воспроизведено с копии химического текста перлюстрированного департаментом полиции письма, посланного по адресу Христофора Базеля в Нюренберг, Тухерштрассе, 28. Департамент полиции определяет его, как письмо «Зайчика».

[2] Дело министерства юстиции об уничтожении портретов учениками школы 8 августа 1902 г. хранится в Государственном центральном архиве революции — МЮ, вр. к. 1903 г., № 16430. Были привлечены 8 человек; 3 ученика были арестованы; при обыске были найдены №№ «Искры».

[3] «Старуха» — Москва.

[4] ДП, о. о., 1903 г., д. № 1000, т. I, лл. 84—86. Воспроизведено с копии химического текста перлюстрированного департаментом полиции письма, посланного из Киева по адресу Генриха Ленгес, Дармштадт, Фурманштрассе, 12.

здесь еще не делали попыток более или менее упорной борьбой завоевать себе лучшие условия жизни и уважение со стороны своих врагов, то начальство мастерских, не встречая в своих эксплуататорских наклонностях дружного отпора, привыкло смотреть на рабочих не как на людей, а как на вьючных животных. Так как последнее время, с уменьшением работы и понижением заработной платы, растет необеспеченность и зависимость рабочих, то начальство мастерских, зная это, становится все наглее и грубее. Начальник мастерских Янушевский и его помощники: мастера и монтеры, при обращении с рабочими уже не ограничиваются грубым «ты», завоевавшим себе здесь право гражданства еще с незапамятных времен, но обыкновенно обрушиваются на провинившегося рабочего целым потоком самой площадной брани и пускают в ход кулачную расправу. Мастера, их помощники, монтеры здесь берут взятки. Для того чтобы поступить на работу, для того, чтобы иметь здесь сносный сравнительно заработок, надо давать этим господам мзду. Тех рабочих, которым сознание собственного достоинства не позволяет унизить себя даванием взяток, обыкновенно, всеми способами преследуют и зарабатывать им дают очень мало.

Здоровье здесь тоже очень скоро портится от постоянного вдыхания мелкой металлической пыли, от вдыхания вредных газов, скопляющихся, благодаря отсутствию вентиляции, в чугунно- и, особенно, в медно-литейной мастерских от высокой температуры и от плохой воды. Воду рабочие принуждены пить гнилую, не фильтрованную, проведенную из соседнего болота, и при том в сыром виде, ибо начальник мастерских не позволяет под угрозой штрафа греть куб и пить во время работы чай. Между тем в этой воде попадаются постоянно такие вещи, как сор, навоз, солома и даже расплющенные напором воды в водопроводе лягушата. Все это тем более странно, что здесь имеются колодцы с превосходной питьевой водой. Потом воду можно было-бы провести из реки Сейма, протекающей в нескольких верстах от мастерских. Кроме того по мастерским расставлены кадушки, предназначенные для этой колодезной воды. Но здесь в этих случаях ничего не предпринимается. Кадушки стоят пустые и рассыхаются, а рабочие от тинной воды попрежнему страдают разными болезнями.

Несчастные случаи здесь при исполнении работ тоже довольно часты. Механические станки не имеют приспособлений, предупреждающих несчастные случаи, от того, что от длинного рабочего дня и от других причин рабочие переутомляются, и от того, что начальник мастерских стремится труд искусных рабочих заменить трудом неискусных и менее искусных — необученными. Рабочие попадают здесь в станки, им отрывают пальцы; стружками от металла и осколками металла ранит, а то и совсем вышибает и выжигает глаза. Рабочие уродуются часто при перенесении и перетаскивании тяжелых предметов. Стремясь эксплуатировать рабочих всеми способами, начальник мастерских заставляет более или менее обученных рабочих исполнять работу необученных чернорабочих, принуждая мастеровых самим переносить тяжести и чистить всякую грязь.

Поденная плата здесь систематически понижается. Сдельная же понизилась за короткое время вдвое, до того, что многие рабочие, работая сдельно и с высокой интенсивностью, не вырабатывают поденного жалованья. Например, в медно-литейной мастерской отливка вещей до сих пор производилась при так назыв. «сырой формовке». Расценки при этом были уже очень низки. Теперь начальство мастерских, не повышая расценков, стало требовать, чтобы отливка вещей производилась уже при сухой формовке, на которую уходит вдвое более времени, нежели на сырую, так что заработок медполитейщиков понизился

вдвое. Такое же понижение расценков замечается и в кузнечном и в вагонном цехе. Так расценок на большой ремонт котла для отопления пассажирских вагонов понизился с 25 р. до 12 р. 50 к., расценок среднего ремонта котла — с 12 р. до 8 р., малого ремонта — с 7 р. до 3 р.

После начальника мастерских, как человека в высшей степени грубого и подлого, достойным его подражателем является монтер Кроморенко, помощники мастера: Ячменников, Смолович, Гриневич, Дерни. Кроморенко до того исподличался и вошел в роль панской собаки, стерегущей хозяйское добро, что доносить на рабочих, ругать их самыми скверными ругательствами и обижать их всеми способами сделалось как-бы его духовной пищей. Ячменников изощряется в том, чтобы, заметив кого нибудь из рабочих за курением, подкрасться к нему и внезапно, вырвав из его рта папироску, изругать его и, если не ожидается отпора, избить его. Остальные помощники мастера и монтеры подвизаются таким же образом.

Недавно, по случаю юбилея начальника дороги, в мастерских были изготовлены буквы из чугуна громадных размеров, из которых потом, разложив их на полу, составили приветственные слова юбиляру. За эту работу рабочим не платили ни копейки. Когда сердце начальника дороги радовалось, видя проявление такого усердия к его особе со стороны служащих, выразившемся в таком оригинальном адресе, рабочие, которым не заплатили за работу, проклинали его в душе.

Из всего предыдущего мы видим, что рабочие принуждены здесь жить в самых скверных условиях, вести полуголодное существование, сносить всевозможные оскорбления и пить гнилую воду. К общей грустной картине житья рабочих надо добавить, что здесь им негде утолить умственный голод, негде развлечься, отдохнуть в свободное от работы время; здесь нет ни читален, ни библиотек, ни театра. Но Я., устраивая для себя и служащих разные вечеринки и увеселения, не позволил рабочим устраивать спектакли в одном из помещений мастерских. От всего этого отсутствия разумных развлечений рабочие в праздничные дни томятся, скучают, не знают куда деть себя и невольно пьют. Подгулявших рабочих обыкновенно забирают железнодорожные жандармы и потом жестоко избивают.

В то время, как рабочие принуждены жить в таких неприглядных условиях, сам начальник — Я., получая громадный оклад, живет в большом двух-этажном доме, освещенном электричеством, с садом и всеми удобствами. Конечно, он не пьет ту воду, которую принуждены пить его рабочие.

Здесь в мастерских работают лица замеченные и подозреваемые, как правительственные шпионы, доносящие жандармам о всем, что происходит в рабочей среде. Вот их имена: Лопузан Яков — столяр, Маслов — старший рабочий, из Брянской — Бунницкий, Чероним — модельщик из Киева, Рысин — токарь, Левшук — маляр, Сухонин и кладовщик сборного цеха (фамилия неизвестна).

Перед 1 мая в городе, после появления в мастерских прокламаций, попавших сюда случайно из других городов, среди еврейского населения Конотопа стали распространяться упорные слухи (под влиянием кишиневских событий), что здесь тоже готовится еврейский погром. Слухи эти усиленно раздувались лицами, известными за шпионов. Хотя рабочие вели себя спокойно и ничем не обнаруживали желания громить евреев, сюда были присланы две роты пехоты и два эскадрона драгун, которые поместились в домах. Появление войск еще усилило панику среди евреев и они только тогда успокоились, когда кружком каких-то либералов была издана прокламация, напечатанная на гектографе. Прокламация эта составлена неудачно. Тем не менее эта

прокламация сыграла свою роль,— успокоила еврейское население. После чего евреи говорили: «Мы теперь видим, что рабочие не пойдут нас бить.»

Рабочий.

Корреспонденция из Петербурга в редакцию «Искры», 1903 г [1].

Быстро растет у нас контингент сознательных пролетариев. Не отстает также в своем пробуждении и революционировании и вся рабочая масса; — нет только той сильной организации, которая сумела бы использовать эту историческую силу, направить ее в одно общее русло. И сколько приходится из-за этого пропускать благоприятных моментов, когда так легко повести за собой восприимчивую массу. Рабочие готовы, ждут, не позовут ли их, но никто не является. А что рабочие отзовутся на призыв Комитета — это видит, чувствует всякий живущий в их среде.

Прекрасную также иллюстрацию всего сказанного представляет посещение царем Семянниковского завода. Приехал он 14 августа присутствовать при спуске крейсера... Наши враги деятельно приготовились к приезду на завод своего идола; только мы... сочли возможным обойти молчанием это событие. Правда, появились несколько десятков листков (на семь тысяч рабочих), но появились они только 17-го (а говорилось в них о том, как должно встретить царя), да и то разгуливали по рукам не семянниковских рабочих. И все же рабочие встретили его довольно кисло.

Как и следовало ожидать, заводская администрация не пожалела денег, чтобы достойно встретить своего усердного защитника и компанию. На одну только линию железной дороги было асигновано 15 000 р Но рабочие совершенно холодно относились к оказываемой нам царем «чести». Только под давлением администрации согласились они давать на «блюдо царю». И то не все дали. Настало 14-ое. Еще накануне на завод пригнали видимо невидимо полицейских и сыщиков. Утром же прибыли казаки, если сюда прибавить военных матросов с двух крейсеров (один еще строится), то составится довольно таки внушительная сила. И надо думать, что где-нибудь еще были спрятаны войска.

В этот день не работали, и рабочим приказано было притти встречать царя. Все были заблаговременно переписаны для наведения справок в сыскной полиции. На береговую сторону никого из рабочих не пропускали (завод разделяется проспектом на две стороны). Явились далеко не все, а явившиеся видно тоже не так интересовались «высоким гостем», сколько назначенной в этот день получкой.

Я переходил с одного места на другое, интересуясь знать, о чем толкует народ. В одном месте вниманием всех овладел веселый рассказчик анекдотов. В другом — толпа подсмеивалась над хозяйничающим полицейским. И везде можно было слышать фразы вроде следующей: «Уверяю, что если бы не получка, то большинство сидело бы теперь дома». Один пьяный рабочий, как рассказывают, позволил себе крепкие словца по адресу Ника-Милуши и его посещения. Его, понятно, тотчас же арестовали. Словом толпа вела себя довольно непринужденно, и никакого напряженного ожидания встречи со своим «любимым монархом» не было заметно в ней. Вот показался белый царь. «Тише... идет... идет...», раздались тихие возгласы. Стихло все. Поезд подходит все ближе и ближе. Высунулись головы из вагонов... Гробовое молчание. Вот поезд замедлил ход и наконец совсем остановился. Вот вылезают из вагонов.

---

[1] ДП, о. о., 1903 г., д. № 2195, л. 193. Воспроизведено с подлинника письма, посланного по адресу Шустера, Париж, Rue Faubourg St. Antoine.

«Шапки снимай!», крикнули какие то субъекты, нахально осматривая публику. Их наглые физиономии не оставляли никакого сомнения об их профессии. Толпа нерешительно зашевелилась. Кто схватил шапку; кто держался за козырек, а кто еще больше надвинул ее на голову. Последним вылез маленький человек. Все стоявшие на платформе пожимали ему руку; встретившая его высшая заводская администрация так и извивалась, так и изгибалась перед ним в три погибели... А рабочие молчат. Какая то бешеная радость обуяла меня. Долго ли, чтобы рабочая масса, обнаруживающая так мало верноподданнических чувств, вступила в открытую борьбу с самодержавием? Долго ли, чтобы от немого порицания она перешла в решительную схватку с ее эсплоататорами и душителями? «Недогадливость» рабочих вывела из себя полицейских. Околоточный надзиратель подбежал к цепи (сдерживающей народ) и, потрясая кулаками, закричал: «Кричите ура... ура!» Гнусные защитники гнусного деспотизма гаркнули ура! И все время раздавались только одинокие голоса.

По пути в эллинг царю поднесла блюдо «депутация от рабочих». Бледный, худой,—он беспокойно озирался по сторонам, и не нашелся, что ответить на холопское приветствие одного «депутата» (между прочим, этот «рабочий депутат» хорошо известен, как агент сыскной полиции). И только пройдя несколько шагов, он набрался храбрости, обернулся к ним и пробормотал: «Спасибо»... От нас он уехал в Порт. Там его встретили еще хуже.

И если рабочая масса без всякого систематического революционного воспитания способна оказать хотя и пассивное, но все же недружелюбное внимание к царской особе, то можно ли сомневаться, что при более успешной деятельности общественная жизнь в Петербурге, как центре промышленного пролетариата и интеллигентной молодежи, не заглохла бы по сравнению со славной эпохой народовольцев. Периоды затишья и притом полного затишья становятся все чаще и продолжительней. Конечно, есть много смягчающих вину обстоятельств. Надо принять во внимание существующие у нас страшные полицейские условия. Не надо также забывать, что много мешают Комитету в его деятельности и разные группы, и организации, а в последнее время и отколовшаяся было оппозиция, свойства чисто личных и мелочных дрязг. Но ответственность за все это (конечно, я здесь не имею в виду полицейских строгостей) опять таки падает на Комитет.

Нам, социал-демократам, часто приходится сталкиваться с социалистами-революционерами и разными другими «бесцветными» революционерами. И насколько мне известно, организация совсем мало уделяет сил для борьбы с ними. И раз на мое замечание, что рабочие совсем почти не знакомы с нашими разногласиями с социал-революц., мне дали довольно оригинальный ответ, оригинальный по тому тону тихой мечтательности, которым он был произнесен. «Наши рабочие знают, что социал-революц. партия — неважная и заявляют это по обыкновению довольно лаконически: «Ну их, социалистов-революционеров!», и затем следует крепкое словцо». И для ограждения рабочей массы от социалистов-революционеров считают достаточным устроить от них, как от чумных, своего рода карантин. Сами же социалисты-революционеры, конечно, пуще огня боятся столкновения с социал-демократами и, приглашая рабочих на свои собрания, просят их не приводить с собою социал-демократов пропагандистов. В настоящее время про них что то мало слыхать, но умирают они «не на поле славной брани, а медленной естественной смертью», не считая конечно, энергичной полемики, которую ведут с ними «Искра» и «Заря». Теперь же, когда оппозиция окончательно присоединилась к Комитету, да и другие организации сходят

со сцены, можно надеяться, что Комитет оправдает свое призвание, хотя еще ничего не видно в этом направлении.

«Рабочий».

Надеюсь, что вы немедленно по получении сего письма отправите его по назначению.

M-r Simon,

Случайно ко мне в руки попало ваше письмо с вашим адресом. Из письма видно, что вы господин убеждений более чем либеральных и это дает мне надежду, что вы исполните мою просьбу. А просьба моя состоит в том, чтобы вы отправили мою корреспонденцию в редакцию «Искры» для напечатания. Притом даю вышеупомянутой редакции полную свободу изменить ее, если сочтет нужным.

Незнакомый вам «Рабочий».

Корреспонденция из Ярославля в редакцию «Искры», 9 октября 1903 г.[1]

Письма с фабрик и заводов — Ярославль.

24 сентября на табачной фабрике насл. И. Н. Дунаева рабочие набойного отделения в числе 350 человек окончили работу в 4-м часу и потребовали оставления летних расценок и после Покрова. Требование было удовлетворено. Но на следующий день они, ободрившись, потребовали еще рубль прибавки в месяц (просили набойщики для всех рабочих) и по удовлетворении этого требования решили работать только один урок и кончали работу в 3 часа (на др. отдел. продолжали работать целый день). 29 утром потащили 6 человек в полицию и так поспешно, что одному даже не дали надеть верхнего платья (попросту без штанов). Полицеймейстер Пузырев разыграл роль «лисы-проповедника»,— он говорил рабочим: «Вы просить можете, и никто вам этого запрещать не может. Я сам прошу, вот уже три года прошу, да и как не просить? Раньше квартира мне стоила 500 р., к ней бесплатно давался флигель и дрова, а теперь за квартиру плачу 800 р., да флигель и дрова больше от казны не даются. Ну как же не просить то[2]. Однако мне не верится, чтобы вы это зря устроили, верно кто-нибудь нашептал вам». Дальше полицеймейстер рассказал рабочим, что есть такие люди, которые ничем другим не занимаются, кроме как сбивают с толку рабочий народ[3]. Наконец полицеймейстер посоветовал рабочим, когда на следующий день будут требовать прибавки, то пусть тщательно оглянутся не выкинет ли кто-нибудь красного флага. «Знаете ли что такое красный флаг? Это свобода, а знаете ли что такое шествие с красным флагом? Это демонстрация». После этой лекции рабочие были отпущены «сторожевым псом капитала», который разрешает рабочим просить тогда, когда они не просят его разрешения. В самом деле, где был полицеймейстер раньше, почему он сам не явился к рабочим, чтобы посоветовать им просить, почему он для того, чтобы «разрешить им просить», предварительно арестовывает

---

[1] ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 21, лит. А, лл. 1—2. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма, посланного в Берлин по адресу Schneider Bernhard, Urbanstrasse, 67.

[2] Надо вам всем полицейским стачку устроить, тогда и вам прибавят, г. полицеймейстер (примечание подлинника).

[3] Спасибо за откровенность, г. полицеймейстер, научить людей жить по-человечески значить сбить их с толку! Действительно «лиса-проповедник» (примечание подлинника).

их, и почему он так интересуется, не нашепчет ли кто-нибудь, и тщательно старается узнать от рабочих кто эти злокозненные шептуны, и почему он записывает фамилии «подозрительных» рабочих? Все эти вопросы должны задать себе рабочие и тогда они поймут, что этот друг рабочих, которому самому не прибавляют, есть скорее друг «дружеских речей» князя Мещерского[1]; нам следует держаться подальше от таких «друзей», не только просить, но и требовать, и при том не только по правилу (наши дунаевские товарищи не решились совсем бросить работу, т. е. не против правил), но и против правил, если наши законные требования не исполняются.

Табачная фабрика Вахрамеева. С покрова[2] прибавили 2 коп. за ящик в 50 п. на ¼ и 1/8 п. На остальные сорта расценки остались летние[3].

Корзинкинская фабрика (т-ва Ярославской мануфактуры) 15 тыс. рабочих.

У нас за последнее время увольняют рабочих, которым в скором времени кончится 15-тилетний срок службы на фабрике и которые вследствие этого должны были получить пенсию по установившемуся обычаю. Рабочие этим страшно недовольны. Кроме того рабочие, живущие в хозяйских каморках (их большинство), ропщут на то, что их держат как в тюрьме: хожалые постоянно обходят каморки и заглядывают в отверстия, если увидят рабочего за книгой, то, конечно, сейчас же интересуются узнать, что читают. Уходить вечером за ворота считается преступлением, часто уходящих просто метят. На фабрике, говорят, больше 300 шпионов. Настроение таково, что нет, нет, да и прорывается.

Северный комитет РСДРП.

Получили приговор по делу студенч. ком. 1902 г.

А. Т. Абкин (статистик)	3 года Олонецкой губ.
Лаптев (конторщик)	
Тихомиров Г. С.	3 года Архангельской губ.

Отчет Ц.К.С. с 1 января — 1 октября 1903 г.

Январь—март	357
Апрель	105
Май	284
Июнь	210
Июль	146
Август	286
Сентябрь	313
Итого	—

Кроме того 300 руб. в уплату долга на ред. «Искры».

РАСХОДЫ

За литературу	300 р.
Помощь заключенным	350 р.

---

[1] Мещерский — редактор-издатель черносотенной газеты «Гражданин», субсидировавшейся правительством; газета выходила с 1872 г. по 1914 г. Им издавались особо так называемые «Дружеские речи» к рабочим и крестьянам, которые рассылались во все волостные правления.

[2] «Покров» — 1 октября.

[3] На фабрике Вахрамеева, большинство рабочих работает сдельно. Табак развешивается пачками в 1/16, 1/8, ¼ фунта.

После забастовки в январе 1902 г. требование рабочих по повышению расценки было удовлетворено: стали получать 5 коп. с ящика с пачки в 1/16 ф. (см. № 18 «Искры», 10 марта 1902 г.).

Корреспонденция в редакцию «Искры» из Одессы, 14 октября 1903 г.[1]

О д е с с а. Железнодорожные рабочие в Одессе, как и всюду, представляют собой наиболее сознательную, наиболее развитую часть пролетариата. В июльской стачке они сыграли заглавную роль, явившись, так сказать, зачинщиками минувших событий. Еще 2 июня ж. д. рабочие забастовали, требуя 9-тичасового рабочего дня, повышения расценок для сдельных работ, сохранения платы полностью до выздоровления, прибавки поденной платы четыре раза в год, вместо двух, удаления 3-х наиболее нелюбимых мастеров, принятия уволенных котельщиков и пр. После 2-хдневной стачки ж. д. начальство обещало рассмотреть предъявленные требования в двухмесячный срок. Мастера стали записывать работы якобы для прибавки, но это делалось только для виду, дни шли за днями, а рабочие никакой прибавки не получили и в табелях расценки оставались те же.

Видя настроение начальства, повидимому, и не предполагавшего удовлетворить требования рабочих, вагонный, токарный и кузнечный цеха забастовали 10 июня, требуя фактической прибавки расценок. Вслед за этим появился список, подписанный начальником мастерских, в котором объявлялось о прибавке некоторым рабочим с 1 июля, другим же с 1 октября. Стачка продолжалась. 17, 18 и 19-го происходила всеобщая забастовка, после которой, по доносу одного из мастеров, арестовано было 10 рабочих в качестве зачинщиков. Ж. д. рабочие потребовали их освобождения под угрозой возобновления стачки и бывший в то время в Одессе Лопухин распорядился выпустить арестованных.

Выставленные рабочими требования, несмотря на обещания Немешаева, несмотря на сладкие речи Лопухина, все же не были удовлетворены. В первых числах августа вновь бастует вагонный цех (около 400 ч.), требуя переоценки сдельных работ. Рабочие выбирают депутатов и отправляют их для установления, совместно с киевскими мастерами, одинаковых расценок и для переговоров с управлением ж. д. Начальство в Киеве их успокаивает: «Приедете домой — будут новые расценки». Депутаты вернулись домой, и рабочие потребовали записи заказов, согласно новым расценкам; начальство отказало, отговариваясь тем, что новые расценки нужно послать в Киев на утверждение. Организованные рабочие начали готовиться ко всеобщей стачке в жел. дор. мастерских, решив во что-бы то ни стало добиться удовлетворения хоть этого единственного требования. Одесским комитетом выпущен был предварительный листок, в котором указывалось на необходимость стойкой, солидарной борьбы. Вскоре начальство, испугавшись всеобщей стачки, удовлетворило требования рабочих и сдало работы по новым расценкам — стачка не состоялась.

В ночь с 22 на 23 сентября вновь были арестованы те 10 человек жел. дор. рабочих, которых арестовали после всеобщей забастовки и освободили по требованию забастовщиков.

Утром 23-го несколько цехов в числе около 600 человек забастовали и потребовали немедленного освобождения арестованных товарищей. Начальство, повидимому, ожидало протеста, тотчас же в мастерских появилось несколько рот солдат, а за ними прискакали 3 сотни казаков, во главе с помощником градоначальника Старковым, прокурором, начальником жандармского отделения и целой сворой городовых и околоточных. Жандармский ротмистр Мадатов обратился к рабочим с

---

[1] ДП, о. о., 1903 г., д. № 1000, т. 3, лл. 159 а, б. Воспроизведено с подлинника корреспонденции за подписью «Емельян» (Ем. Ярославский), посланной по адресу Марии Курц в Швейцарию, Берн, Poste restante (до востребования).

вопросом, чего они хотят. Рабочие отвечали, что требуют освобождения товарищей. «Вы требуете?» «Да требуем»,— дружным хором отвечали ему. «И больше ничего не требуете?»,— переспросил Мадатов. Ему отвечали, что только освобождения товарищей и больше ничего. Тут Мадатов начал уговаривать рабочих пожалеть себя и свои семьи и стать на работу. «О наших семьях вы заботитесь, почему же вы не подумаете о семьях арестованных?»,— отвечали рабочие. «Ну это не ваше дело»,— рассердился Мадатов. Тогда Старков дает 10 минут сроку чтобы приступить к работам или разойтись по домам; те же, кто не захочет уйти,— будут разогнаны силой; когда же несколько человек, желая исполнить предложение Старкова, сделали попытку уйти из мастерских,— дорогу им преградило несколько десятков городовых. Кузнец Дубовицкий, приглашавший товарищей уйти из мастерских, был тотчас же арестован по приказанию Старкова. Солдаты были расставлены у станков и рабочие, видя свое бессилие, скрепя сердце, а некоторые со слезами на глазах, принуждены были возвратиться на места и взяться за работу.

Арестованные рабочие, узнав о протесте товарищей, прислали к ним из тюрьмы письмо следующего содержания: «Товарищи, нас подло арестовали и высылают, но мы не унываем. Как бы в награду за свои труды мы получили известие о забастовке. Спасибо, вы исполнили свой долг. Вы показали, что наши труды не пропали даром, вы этим ободрили нас и мы будем продолжать то дело, которое нам дорого и не устрашимся ни ссылки, ни каторги. В награду мы получим, вероятно, проклятье от порабощающей нас своры и спасибо от русского народа в день его торжества. Последнее наше к вам слово — это призыв продолжать, не взирая на проклятье врагов, то дело, которому мы служили, будучи в ваших рядах и будем служить в числе новых товарищей. Прощайте! Забастовку прекратите — мы знаем, что вы стремитесь вырвать нас из грязных рук, но вам это не под силу. Не поминайте лихом! Еще встретимся. Заключенные товарищи».

Кроме жел. дор. рабочих арестовано еще было 20 кондукторов конки и 55 рабочих с других фабрик и заводов, всего 75 человек. Этих мирных стачечников, большею частью не принимавших никакого участия в политической борьбе (некоторые, как например, «кондуктора» сами даже открещивались от «политики»), без всякого даже подобия суда и следствия высылают из Одессы, отдают под надзор полиции, ссылают в отдаленные места. 8 человек, конечно евреев, отправляют в Восточную Сибирь. Казалось правительство задалось целью убить в рабочих последнюю искру веры в возможность «мирной» экономической борьбы.

1 сентября опубликован циркуляр директора Русского общества пароход. и торговли к капитанам, являющийся ответом на предъявленные требования во время забастовки. Циркуляром этим устанавливается прибавка 1 р. в месяц на харчи, плата за сверхурочные работы, 12-час. рабочий день с 6 до 6, с 1½ часовым перерывом. В заключение директор предлагает капитанам строго наблюдать за вежливостью взаимного обращения младших чинов к старшим и обратно, а также всячески избегать обострения отношений, принимая меры увещаний и иные: о том, какие это меры в циркуляре умалчивается. Хотя уступки, сделанные Обществом сравнительно незначительные, но все же появление этого циркуляра свидетельствует, что гг. акционерам не по вкусу пришлась перво-июльская забастовка, с приостановкой движения судов втечение нескольких дней. Еще незначительнее уступки, полученные другими рабочими. Так на макаронной фабрике Зильберштида получили повышение поденной платы на 20 коп., грузчикам на ст. Пересыпь, требовавшим увеличения на 1 коп. с 2 п.—

дали ½ к., на кожевенном заводе Вайнштейна получили повышение поденной платы на 30, 20 и 10 коп. На кожевенном заводе Курцваколи, Гафала, Кондрат, Параскева, на мельнице Шапиро, на ....[1] Гена, Жако, Берндта и др. ни одно требование не было удовлетворено.

Наряду с этими хозяева, отчасти по собственному почину, отчасти по требованию полиции и жандармерии, принялись за усиленную чистку своих фабрик от «неблагонадежных» элементов. Уволено более 200 рабочих почему-либо обративших на себя благосклонное внимание начальства. Расчитывали, не считаясь ни с продолжительностью службы, ни с семейным положением рабочих. Многие служили по 15 по 20 лет — и все же были удалены, как «опасные» люди. На городском водопроводе рассчитано 15 человек, у Жако — 38, у Гена — 5, у Берндта — 3, на джутовой фабрике — 6. Софья Ключевская — 42 лет, проработавшая на джутовой фабрике 23 года, была удалена без всякого повода: когда же она полюбопытствовала узнать у директора о причинах своего увольнения, тот отвечал: «Так мне хочется, и я никакого отчета давать не намерен. Эту неделю я принимаю блондинок, а другую брюнеток». Фабричный инспектор, к которому обратилась потерпевшая с просьбой о защите, отвечал: «Что-ж он может — ведь он хозяин». Удаляя более сознательных рабочих, хозяева стараются набрать покорных и более забитых. Так на ж. д. станции «Пересыпь» стали выписывать рабочих с Волги и из Черниговской губернии, как более смирных и податливых. Заведующий ж. д. мастерскими Федоров заявил, что в мастерские теперь будут принимать только запасных нижних чинов по рекомендации жандармерии.

Емельян.

Ваше письмо от 1/X получил, следующего же, о котором получена конспиративная открытка, еще не получал — если оно было отправлено не по тому адресу, по которому вы послали письмо от 1/X,— продолжайте пользоваться этим адресом.

Емельян.

На днях пишу более подробно.

Корреспонденция из Коврова, Владимирской губ., в редакцию «Искры», 15 ноября 1903 г.[2]

Летопись фабрики Александра Треумова, имеющего диплом Коммерческой академии, испещрена фактами и фактицами, рисующими,— с одной стороны, полный произвол по отношению к рабочим, с другой,— неуменье последних, при всем желании, разобраться в сетях, расставленных для них хозяйскими лакеями. Из множества случаев, характеризующих проклятую русскую действительность, я приведу только два аналогичных факта, простых, но глубоко поучительных по своему значению для фабричной жизни. Старший кочегар Антонов, работая в машинном отделении, настойчиво указывал механику Якубову на плохое состояние одного рычага, на котором висел груз около 25 пудов. В ответ на это механик скептически отвечал: «Поработает еще, успеем сменить-то». Но рычаг не дождался смены: он лопнул и упавшей тяжестью отбил у кочегара руку, бок и ногу. По при-

[1] Два слова не разобраны.

[2] ДП, о. о., 1903 г., д. № 2195, л. 83. Воспроизведено с подлинника корреспонденции, посланной по адресу Германа Шпейдера в Германию, Нюренберг, Riedenstrasse, 9.

По предложению начальника Владимирского губернского жандармского управления автором этой корреспонденции была М. Е. Левшина, акушерка на фабрике Треумова (см. это же дело, № 85).

казанию механика, больного рабочего отправили в фабричную больницу, заведует которой известный г. Коврову врач Экземплярский. Через два месяца Антонов немного оправился, «выписался» из больницы. Перемогаясь, он пришел к управляющему и стал просить его о назначении ему за увечье пособия.

— Как?, что?.. какая пенсия?! В чем дело, говори толком! — с кислой миной на лице кричал управляющий. Говоришь о каком-то пособии, когда я не знаю, что ты получил увечье».

Антонов объяснил. Оказывается механик не сообщил «по начальству» о полуубийстве рабочего, не дал знать об этом и безвольному господину фабричному инспектору г. Бобковскому, заботящемуся больше о личном благополучии и приобретении в городе «домков».— «Если это так,— сказал управляющий, то поди к доктору Экземплярскому и возьми у него свидетельство о неспособности к труду, с которым и приходи ко мне, а я тем временем узнаю, как было дело». Антонов обратился к врачу — человеку «двадцатого числа» и казенки, во имя чего он выскоблил золотые слова в своем дипломе о любви к ближнему и целиком предался интересам своего содержателя — фабриканта Треумова. Он не дал Антонову свидетельства об увечье, хотя в данном случае экономит не «хозяину», а страховому обществу (все рабочие фабрики Треумова застрахованы). Значит привычка отказывать во всем рабочим взяла верх над... благоразумием, погибшем в омуте пьянства, разврата и безнаказанности. Вот уже больше месяца Антонов стучится в двери фабрики и требует пособия... Но отклика все еще нет!

В прядильном отделении той же фабрики рабочий Пунктиков работал на подъемной машине. Он несколько раз заявлял пресловутому механику о том, что канат у машины пришел в ветхость, его нужно сменить, но «начальство» и тут нашлось поддержать ответ стереотипной фразой: «До пасхи проработаем, а там сменим». Но, к сожалению, канат до пасхи не проработал: в последних числах ноября он лопнул и рабочий с машиной упал с четвертого этажа. Замертво подняли Пунктикова и унесли в больницу под... надзор г. врача (вернее врага) Экземплярского. Конечно, Пунктиков если и встанет на ноги, то встанет инвалидом.

Года два тому назад случилась такая же история. Рабочий оказался неспособным к труду, ушел в деревню, где через месяц помер, оставив на произвол судьбы семью... Из сказанного видно, как стыдливо-заботливо оберегают жизнь рабочего на фабрике Треумова, как подло грешат перед правами человеческой личности, какие гнойные язвы поражают вас вообще в делах фабрикантов, которым всячески потакает наша державная власть.

Для обезличивания рабочих на фабрике Треумова сорганизовалась целая шайка воров-управителей, под начальством дяди хозяина Ивана Еркина. Он дал пароль: «Заменяйте мужской труд женским». Этим самым он хочет избежать открытых забастовок, считая женщин более покойным элементом, чем мужчин. Кроме того «дядя Еркин» удачно пускает в ход штрафы и увольнения «грубиянов», а где потребуется, не задумается сокращать число рабочих рук до минимума. Ретивая шайка удивительно успешно выполняет возложенные на нее функции, получая за это от «дяди Вани» сугубые награды, периодические прибавки жалования и пр.пр. Все эти издержки «дядя Ваня» покрывает воровством или, как деликатно выражаются члены его шайки, экономией на покупке дров и др. материалов, потребных для крупной мануфактуры с 6000 рабочих!

Независимо от этого шайка управителей растлевает молоденьких фабричных девушек. Особенно выделяется в роли развратника чесаль-

ный мастер Колосов; в своей конторе он довольно открыто совершает насилия над девушками. За такую деятельность он был уволен по требованию рабочих с двух фабрик. Прошлой весной и здесь... едва увернулся от суда. К несчастью — запуганная девушка отказалась на следствии дать показания о произведенном над нею насилии.

Положение рабочих в мастерских М. Н. ж. д. так же далеко неутешительное. Здесь, как и на фабрике, царит произвол, воровство и проч. негодные средства, отравляющие существование хорошего человека.

По осени был окончательно оборудован придел к храму во имя Иоанна богослова. Освящение придела решили отпраздновать в соответствующем духе — пышным обедом с глупыми речами. Но на обед надо деньги. Начальство решило обмануть рабочих. Оно и приказало им поработать «на бога» праздничный день, обещая пригласить рабочих на обед. Рабочие согласились «пожертвовать» днем (праздничным), чтобы только «отвязаться» от назойливости администрации. Денной заработок их выразился в 800 р., но на обед, однако, мастеровой люд не попал. Рабочие запротестовали, но получили... приглашение на новый обед... по подписке... с каждого по 1 рублю. Было собрано довольно много принудительных подписей: отказавшимся от участия в обеде пригрозили... Были случаи увольнения...— одного симпатичного молотобойца, воспротивившегося [1] «сметь свое суждение иметь».

Осенью по линии Моск.-Ниж. ж. д. «проехалась» ревизия: Станционное начальство «задавало» им обеды... за счет рабочих всех категорий служб. Во время получки жалованья смазчики, стрелочники и др. рабочие недополучили по 1 р. «Вычитаю за обед»,— говорил им кассир.

Вышеуказанный произвол, товарищи, бывает только еще в самодержавной Турции. Только у нас в России, да в Турции безнаказанно обижают бедное, рабочее население. А если мы вздумаем защищаться, в нас стреляют самодержавные войска, нас бросают в тюрьмы, ссылают, морят голодом... но, товарищи, чем хуже, тем лучше. Рабочие начинают поднимать голову, протестовать, защищать свои права и кое чего добиваться, как это было на юге России, где они открыто объединились в громадную рабочую армию и потребовали свободы слова, свободы сходок и упразднения самодержавия, являющегося покровителем капиталистов, и карателем (включительно до убийства) протестующего против насилия над бедным людом.

Объединимся и мы, рабочие Северного края, и поможем нужным товарищам свергнуть, раз навсегда, иго тиранов.

Рабочий.

IV

Из отношения департамента полиции заведующему заграничной агентурой, 5 октября 1901 г. [2]

...Из совершенно постороннего агентурного источника, заслуживающего однако безусловного доверия, получены указания, что русская типография «Искры» находится в Полтаве, помещается на одной из главных улиц в надворном флигеле, работают в ней четыре человека, которые никогда на улицу не выходят. В числе работающих находятся давно розыскиваемые департаментом Мера Гинзбург и Леон Гольдман...

Что же касается до заграничной типографии «Искры», то я полагаю, что она должна находиться, по всем вероятиям, в Нюренберге.

---

[1] Так в подлиннике.
[2] ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 6, лит. С, л. 172.

К такому заключению приводит то, что предназначаемые к напечатанию в «Искре» рукописи направляются именно в Нюренберг и что 8-й № «Искры», в единственном экземпляре, был послан именно из Нюренберга в Петербург по конспиративному адресу Сергея Цедербаума и конфискован на почте, благодаря чему никто в Петербурге еще о выходе № 8 не знает...

Л. Ратаев.

Телеграмма начальника Кишиневского жандармского управления в департамент полиции, 13 марта 1902 г.[1]

По указанию летучего филера Быкова сегодня задержан на вокзале розыскиваемый Леон Исааков Гольдман, на квартире задержана жена его Гинзбург, Хина Корсунская и Герш Елькин. Обыском взята тайная типография «Искры», взяты два стола, чемодан со шрифтом, типографский станок небольшой с ручным приводом, набором обложки и 8 страниц брошюры «Легальные союзы», также склад искровских изданий, всего весом 15 пудов, кроме столов со шрифтом, весящих 5 пудов[2].

Полковник Чарнолуский.

Из доклада старшего чиновника для поручений Московского охранного отделения Меньшикова в департамент полиции, 29 марта 1902 г.[3]

...Относительно кишиневской типографии, в дополнение к частному подробному сообщению моему от 15 марта, могу сообщить еще, что эта печатня и есть так называемая «универсальная», издавшая известные публикации: ...для «Искры», «Что же дальше?» (сентябрь 1901 г.), «Искра» № 10 и «Обвинительный акт» (ноябрь 1901 г.), «Начало демонстраций», большого и малого формата (январь 1902 г.), «К обществу» и «Ко всем харьковским рабочим» (февраль 1902 г.) и «Легальные союзы» (март 1902 г.), каковая брошюра целиком заарестована...

Прецедент с типографией «Искры» является довольно поучительным. Законспирирована она была необычайно. Все сношения с ней руководящего центра искровцев велись, очевидно, при помощи переплетенных книг с почтовыми тайниками в корках оных (таких книг при типографии обнаружено более дюжины). Эта система сношений с тюрьмой практиковалась еще и сестрой Гольдмана — Юлией, арестованной в минувшем году в г. Вильне. Все рукописи для напечатания, несомненно, препровождались в типографию именно таким способом; на это имелись указания еще в известных письмах к Виктору Крохмалю (сообщение ваше от 18 декабря прошлого года за № 4729), в которых говорилось: «сношения с Акимом остаются на вашу долю.., а потому книгу, которая получится на ваш адрес перешлите Акиму немедленно... Обвинительный акт будет здесь весь» и «одновременно посылаем в книге текст прокламации, надо печатать ее в типографии

---

[1] ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 5, л. 15. На подлинном резолюция: «Прошу представить доклад о награждении Быкова».

[2] Типография «Искры» была арестована 12 марта 1902 г. в доме № 30/35 на углу Армянской и Подольской ул. в Кишиневе.

В типографии были взяты: 1) станок для печатания — «почти весь металлический, довольно сложной конструкции и тщательной выделки; длина его аршина полтора; накатывание краски автоматическое»; 2) два больших стола, под крышками которых две «прекрасно оборудованные кассы, наполненные шрифтом»; 3) полный набор принадлежностей печатания, переплета и брошировки (ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 5, лл. 14, 29, 59; ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 6, лл. 47—52; ДП, о. о., 1901 г., д. № 850, т. 15, лл. 184—187; ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 10, л. 96).

[3] ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 5, лл. 49—53.

«Искры»... («Обвинительный акт» по «Обуховской» истории был напечатан в Кишиневской типографии, а воззвание «К обществу» было издано печатней «Южного рабочего», так как посланная рукопись Крохмалем, уезжавшим в Витебск, своевременно получена не была. Позднее же была заказана другая прокламация по поводу 19 февраля, которая и выполнена). Полученные типографией рукописи, как и вся вообще переписка, немедленно, по миновании надобности, уничтожались, чем и объясняется, например, то обстоятельство, что при типографии не оказалось даже оригинала брошюры «Легальные союзы» (издание ее заканчивалось уже — печатались обложки).

Сработанный материал тотчас-же отправлялся по назначению и при типографии оставлялись лишь образцы оттисков. Насколько была изолирована искровская типография, можно видеть из письма первостепенного члена кишиневской социал-демократической группы Юдки Шварца, арестованного 15-го сего марта. В отобранном у него письме он пишет, между прочим: «у нас накрыта тайная типография. Муж и жена, затем молодой человек и девушка (будто бы служанка) работали так конспиративно, что в течение года никто, положительно, из местных социал-демократов не знал о существовании оной типографии. Эта типография работала для всего юга... Наши социал-демократы, узнав эту страшную новость, ахнули... Шутка ли — под носом полицейского участка и помощника жандармского полковника. Работала чудеснейшим образом..».

Ваш покорнейший слуга Меньщиков.

Из постановления ротмистра отдельного корпуса жандармов в Харькове, 26 октября 1904 г.[1]

1904 г. октября 26 дня в г. Харькове, я, отдельного корпуса жандармов, ротмистр Кривцов, рассмотрев настоящее дознание, нашел:

1) что служащая предметом исследования дознания обнаруженная в г. Конотопе тайная типография[2] была лишь привезена в г. Конотоп из г. Умани, Киевской губернии, где, т. е. в Умани, и печаталась преступного содержания газета «Искра», отправляемая по отпечатании из г. Умани в другие города России,

2) что, таким образом, преступная деятельность лиц, принимавших участие в постановке в г. Умани тайной типографии социал-демократической организации «Искра», в распространении означенной газеты и в снабжении Уманской типографии типографскими принадлежностями, проявлялась в г. Умани или руководилась оттуда главными организаторами типографии...

4) что обстоятельства настоящего дела исследованы с достаточной полнотой, мера пресечения против обвиняемых изменению не подлежит, а потому по соглашению с товарищем прокурора Харьковского окружного суда П. И. Науменко

ПОСТАНОВИЛ: настоящее дознание производством закончить и представить начальнику Харьковского губернского жандармского управления для дальнейшего направления, согласно 208 ст. уст. уг. суд., г. прокурору Киевского окружного суда.

Ротмистр Кривцов. Товарищ прокурора Науменко.

---

[1] ДП, VII, 1940 г., д. № 2765, л. 8.

[2] Типография с набором № 43 «Искры» была арестована в Конотопе в ночь на 26 сентября 1903 г. В типографии было взято 8 пудов шрифта, два пуда типографских принадлежностей, 7 фунтов типографской краски и стопа бумаги. Был арестован хозяин квартиры, где помещалась типография, и 11 его рабочих. В Киеве в ту же ночь были арестованы 12 человек, при обысках у которых найден № 35 «Искры» в 48 вырезках на особой бумаге, приспособленной к переводу этого издания на типографский камень (ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 12, лит. И, лл. 36—37).

Прокламация Одесского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, ноябрь 1903 г.[1]

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Дело о типографии «Искры».

3 ноября перед Одесской судебной палатой предстали наши товарищи Леон и Мера Гольдманы, М. Школьник, Х. Корсунская, Г. Элькин и А. Шпайзман по обвинению в устройстве тайной типографии «Искры» в Кишиневе. 4 ноября всем им был вынесен обвинительный приговор: — лишение всех прав состояния и пожизненная ссылка на поселение в Сибирь[2].

Какой страшный смысл таился в этом жестоком приговоре. Арестантский халат, жизнь, полная унижений, преследований, издевательства над человеческим достоинством, жизнь в холодных тундрах Восточной Сибири, вдали от культурного общества, жизнь без радостей, без просвета — вот что ждет их впереди. Какое же преступление совершили эти люди? Они посвятили всю свою жизнь служению на благо человечества, они стремились разрушить преграды, которыми царское правительство сковало свободное слово, и с их вольного типографского станка лилась свободная речь, звавшая русский пролетариат на борьбу со злом и насилием.

Самодержавие руками послушных ему чиновников — палачей и «сословных представителей» расправилось теперь со своими врагами.

Мы шлем вам горячий привет, дорогие товарищи. Несите бодро выпавшее на вашу долю испытание. То вольное слово, которое лилось с вашего станка, делает свое дело — борьба с самодержавием захватывает все более широкие массы и близок тот день, когда свободная Россия примет вас в свои объятия, и вы вернетесь к нам, чтобы вновь стать в ряды свободной соц.-демократической рабочей партии.

По особому высочайшему повелению дело слушалось при совершенно закрытых дверях — могли быть допущены только родители и дети обвиняемых; сестра Гольдмана допущена не была.

Здание судебной палаты переполнено было полицией и жандармами, а вблизи него спрятано было 40 городовых. Подсудимые окружены были 12 жандармами с шашками на голо; доставляли их в суд в тюремной карете, окруженной целой сворой конных жандармов и полиции.

Защищали подсудимых Соколов (из Петербурга), Глинка (Смоленска), Кальманович (Саратова), Ратнер и Чекеруль-Кут (Киева), Муравьев (Москвы), Цвилинг (Одессы).

Среди свидетелей жандармов и шпионов не было; допрашивались преимущественно квартирохозяева и соседи, полицейские чины, производившие обыск, и эксперты, которые должны были установить, какие издания печатались в найденной типографии. Председатель держал себя сравнительно прилично, почти не обрывая защитников, и только два раза остановил Гольдмана, заявив, что он может допустить изложение его взглядов, но обвинять правительство он не позволит.

---

[1] МЮ, вр. канц. 1903 г., д. № 18648, л. 2. Воспроизведено с типографского подлинника. Прокламация была распространена 26 ноября 1903 года во время обеда на чугунолитейном и механическом заводе Рестеля в Одессе. Листовка Одесского комитета «Дело типографии «Искры» была перепечатана Петербургским комитетом РСДРП в январе 1904 года — инвентар. № 9401.

[2] Обвинительный акт по делу о типографии «Искры» напечатан в № 46 «Искры» от 15 августа 1903 года.

Прокурор просто ссылался на обвинительный акт и не считал даже нужным доказывать виновность подсудимых, полагая, очевидно, что одного жандармского дознания уже достаточно для их обвинения.

Защита, как во время судебных прений, так и в своих речах нарисовала полную картину нарушения установленных законом правил судебного следствия; с истинно гражданским мужеством она старалась приподнять завесу, скрывающую все ужасы жандармского застенка и обрисовать тот политический гнет, который тяготеет каким то кошмаром над всей страной и вызывает более смелых и отзывчивых на борьбу с ним.

Защите удалось даже доказать судебной палате, что обвинение товарищей в призыве к «бунту против верховной власти» предъявлено к ним неправильно. На вопрос, виновны ли в «призыве к бунту», палата ответила «нет». Отказавшись от первого обвинения, палата, покорная очевидно велениям свыше, попирая все судебные законы и обычаи, выставляет новое обвинение — в принадлежности к тайному обществу и выносит обвинительный приговор. Ни указания защиты на незаконность такого поведения, ни энергичный ее протест не помогли делу — приговор состоялся.

Все товарищи обвиняемые держали себя на суде с достоинством, выражая полное презрение к суду того правительства, которое само должно занять место обвиняемого перед судом народа, как выразился тов. Гольдман в своей блестящей речи, которую мы приводим в выдержках.

Товарищ Гольдман в своей речи заявил о [своей] принадлежности к соц.-демократ. рабочей партии и подробно развил ее программу. Обрисовав положение рабочего класса и крестьян, политику правительства, употребляющего все средства, чтобы низвести трудящиеся слои до положения бесправных рабов,— Гольдман перешел к той громадной роли, которую играет соц.-демократия в деле развития самосознания русского рабочего класса.

«Мы, социал-демократы,— говорил он,— развиваем у рабочих чувство самоуважения, приучаем их к самостоятельности и саморазвитию, научаем их стойкой борьбе за лучшие условия жизни, развиваем в них более культурные, более общественные инстинкты, привлекаем их к участию в политической жизни их родины. Вся эта наша деятельность в среде рабочего класса приносит огромную пользу всей стране, так как мы превращаем рабочих-рабов в рабочих-граждан. Обвинительный акт гласит, что мы «с целью возбудить к бунту или явному неповиновению власти верховной и с умыслом ниспровергнуть правительство во всем государстве, устроили в г. Кишиневе тайную типографию». Но мы не анархисты, и не стремимся к ниспровержению всякого правительства, а лишь боремся против самодержавного режима, который является самым страшным врагом рабочего класса и который противен интересам всей страны. Да, всей страны! И российская социал-демократия, в борьбе своей за политическое освобождение России, представляет интересы не только рабочего класса, но и всех классов русского общества. Ведя эту борьбу, мы не устраивали террористических покушений, мы считаем террор приемом борьбы, не приводящим нас к намеченной цели; мы не организовали еще вооруженного восстания;— нет, мы только печатали свободное слово. Но самодержавие чувствует уже себя в России, как во вражеском стане, оно стало ненавистным всей стране, оно противно интересам всех классов общества,— и в тайной типографии оно справедливо видит для себя опасность. Для того, чтобы продлить свое существование, оно душит всякий проблеск свободной мысли, тратит миллиарды народных денег на содержание армии, полиции, жандармов и шпионов.

и лишь тюрьмами, ссылками, казацкими нагайками, ударами полицейских кулаков и ружейными залпами — оно отвечает на попытки крестьян и рабочих улучшить свое положение и на протесты лучшей части граждан из всех классов населения, стремящихся к свободе и счастью своей родины.— И действительно, свободное слово, указывающее на невозможность такого положения вещей, является оружием, способным ниспровергнуть самодержавие. Можно с уверенностью сказать, что день, когда Россия получила бы каким либо чудом свободу печати, был бы последним днем самодержавного режима. Я, как и все подсудимые по настоящему делу — еврей. Это, конечно, случайность; но громадное участие евреев в русском революционном движении — далеко не случайность, и объясняется оно полным бесправием евреев».

Далее оратор подробно охарактеризовал положение еврейской массы и указал на роль правительства и реакционной печати в возбуждении национальной травли и человеконенавистнических чувств.

«Еврею, любящему свою родину, считающему себя гражданином своего отечества и потому не желающему по совету г. Плеве покинуть Россию, остается теперь одно из двух: смерть или борьба за свободу и гражданское равноправие. Всякий, действительно любящий свою родину, небезучастно относящийся к судьбе ее граждан, не может и не должен оставаться пассивным зрителем происходящей у нас борьбы с самодержавием. Само правительство, объявив почти всю Россию на положении усиленной охраны, признало всех ее граждан неблагонадежными в политическом отношении; и все неблагонадежные, т. е. в ком рабская покорность уступила место чувству гражданского долга, должны присоединиться к революционному движению и стать в ряды борцов за освобождение России от власти бюрократии, строящей свое благополучие на потоках народной крови. И я, как истинный гражданин своего отечества, так и поступил: я поступил в ряды этих борцов, я отдал дорогому делу все свои силы, все свои способности, и вот за все это я попал на скамью подсудимых». Этими словами закончил свою речь Гольдман. В своем последнем слове товарищ Гольдман, указав на ту массу энергии и сил, которую приходится затрачивать в революционной борьбе, обрисовал те нравственные и физические пытки, которые ему пришлось перенести в тюрьме.

«Вы, гг. судьи, собрались судить нас в полной уверенности, что до сих пор мы содержались под стражей лишь для того, чтобы не могли скрыться от суда и следствия. Но вы ошибаетесь. И я считаю нужным рассказать здесь об одной из пыток, которую нам пришлось пережить в кишиневской тюрьме и история которой хорошо известна обвиняющему нас сегодня г. прокурору. 22 декабря начальник тюрьмы Садовничий без всякого повода выругал одного из полит. заключенных и на просьбу быть повежливее посадил его в карцер, где надзиратели по приказанию начальника побили его. Мы по этому поводу вызвали прокурора Кишиневского окружного суда, который прибыл 24-го и обещал выпустить товарища из карцера. Вечером я из окна моей камеры спросил жену, был ли у нее прокурор. Это услыхал начальник тюрьмы и распорядился перевести женщин из камер в холодный корридор; женщины отказались подчиниться этому дикому распоряжению, тем более дикому, что у них находится наш ребенок, которому было тогда лишь полтора года. Тогда к женщинам ворвался начальник с целой оравой надзирателей. Женщины были брошены на пол, связаны, и на них, связанных и поруганных, посыпалась дикая, трубая солдатская ругань; ребенок, припавший к связанной на полу матери, был оторван от нее грубыми руками палачей — тюремщиков и вытащен на мороз неодетым; а связанные женщины были вынесе-

ны надзирателями в другое помещение. Толпа тюремщиков ворвалась ночью в камеры беззащитных женщин, дорогих и близких мне людей, среди которых находилась моя жена и ребенок; я слышал их душу раздирающие крики... но предо мною были толстые стены, замки и решетки. Я был близок к умопомешательству. Человек, не переживавший этого, не может себе представить всего ужаса такого положения. Но это еще не все. Я в исступлении выбил стекло в окне моей камеры и тотчас же был брошен на трое суток в темный, вонючий и сырой каменный мешок, где мне во сне и на яву только и слышались страшные крики женщин. Всех нас перевели в отвратительные камеры в подземелье и лишили прогулки на 2 недели.

Мы тогда обо всем этом сообщили прокурору Одесской суд. палаты, я написал министру юстиции. Прокурор палаты прислал обвиняющего нас сегодня Джибели, который нам ручался, что больше ничего подобного не повторится, но почти подобное же повторилось ровно через три месяца, и от министра юстиции я до сих пор ответа не получил, хотя косвенно мы и получили ответ чрезвычайно характерный для самодержавного режима: злодей Садовничий получил повышение в чине и повышение по должности. О следующих фактах насилия над нами мы уже никуда не сообщали, не желая награждать новыми чинами наших насильников.

И если с точки зрения правительства мы совершили преступление, то ответственны за это должны быть не мы одни, а громадная часть населения России, волю которой мы этим исполнили. Но целый народ не может совершать преступлений. Воля народа — это закон. И когда наступает время, что правительству приходится судить народ,— значит, что созрел момент, когда народ должен посадить на скамью подсудимых свое правительство. Правительство выхватило нас из борющейся революционной армии, предало суду и хочет как бы сделать нас ответственными за революционный пожар, охвативший всю Россию. Но где же логика? Устроив тайную типографию и издавая прокламации и брошюры, мы этим самым протестовали против вынужденного молчания, на которое самодержавное правительство обрекло страну, мы этим шли навстречу назревшей в народе потребности в вольном слове, потребности, которая так глубоко испытывается в последнее время самыми широкими слоями народа и общества. Мы посажены на скамью подсудимых. Но мы не преступники, а военнопленные, и само правительство доказывает это всем своим поведением по отношению к нам. Для чего оно подвергает нас всем тем преследованиям и пыткам, о которых я говорил раньше? Уж, конечно, не с целью наказания и исправления,— честных людей не наказывают и не исправляют! Вернее, бывают случаи, что слабые люди, не выдержав всех ужасов правительственных преследований, доходят до падения, которое на языке министерства полиции называется исправлением и благонадежностью, но такие случаи, к счастью, очень редки. Нет, оно хочет сломить нашу энергию, заставить нас отказаться от борьбы! Но, гг. судьи и гг. сословные представители, отпустите меня на свободу,— и вы увидите, сломлена ли энергия, утратил ли я решимость бороться за свободу моей родины, за освобождение трудящихся классов от политического и экономического порабощения.

Представьте себе громадную мрачную тюрьму, окруженную высокими стенами, преграждающую в тюрьму свет и свободу. Фундамент этих стен подгнил; они дали глубокие трещины и колеблются... С одной стороны — мрак и ужас тюрьмы, с другой — лучи света, пробивающиеся сквозь трещины стен, не дают покоя обитателям этой тюрьмы,— и стены покрыты кровавыми пятнами многих поколений, пытавшихся разбить их. После каждого напора, после каждого нового уда-

ра стены, хотя и покрываются новыми кровавыми пятнами, но зато дают новые трещины и сильнее колеблются. Эта тюрьма — наша несчастная родина. В обвинительном приговоре я не сомневаюсь и считаю для себя честью быть похороненным под обломками этой тюрьмы».

Суд окончен, приговор вынесен: именем царя, наши товарищи будут заброшены на долгие годы в холодные тундры Сибири. Правительство, чтобы придать этому позорному суду характер общественного суда над революционерами социал-демократами, привлекло сословных представителей. Плохая выдумка! Тайный суд с общественными представителями, потерявшими доверие общества,— суд инквизиторский, суд застенка, и правительству этой симуляцией никого не удастся обмануть — даже самого себя. Ему удалось вырвать из наших рядов несколько товарищей, но расстроить нашу армию ему не удалось и не удастся,— места выбывших будут пополняться все новыми и новыми борцами, и недалек уж тот момент, когда царское правительство само будет посажено на скамью подсудимых перед лицом всего народа. Если царь, именем которого выносятся эти жестокие приговоры над нашими товарищами, еще пирует в своем роскошном дворце, то этот пир похож на пир Валтасара; деспот пирует, но «страшные буквы давно на стене чертит уж рука роковая...»

Долой самодержавие!

Да здравствует политическая свобода!

Да здравствует социализм!

Одесский комитет

Российской социал-демократической рабочей партии.

Мероприятия Советского правительства Латвии

(1918—1919 гг.)

Латвийский пролетариат вместе с пролетариатом России, под руководством партии Ленина — Сталина, прошел большой революционный путь борьбы за свое освобождение от гнета помещиков и капиталистов, за диктатуру пролетариата.

Латвийский рабочий класс, увлекая за собой сельскохозяйственный пролетариат и крестьянство, боролся в передовых рядах рабочего класса России. Еще в 1905 г. забастовочное движение в Латвии и особенно в Риге, Либаве, Митаве, Туккуме и в других местах, показало всему миру, что в лице латвийского пролетариата революционное движение в России имеет надежного союзника.

В. И. Ленин, сравнивая цифровые данные о количестве бастовавших рабочих в России, писал: «Из этого видно, насколько сознательнее, единодушнее и революционнее выступал латышский пролетариат. Но известно также, что его руководящая роль авангарда в наступлении на абсолютизм не ограничивалась забастовочной борьбой: он шел в авангарде вооруженного восстания, он больше всех содействовал поднятию движения на наивысшую ступень, то-есть на ступень восстания. Он больше, чем кто-либо другой, втянул в великую революционную борьбу против царизма и помещиков латышский сельско-хозяйственный пролетариат и латышское крестьянство» [1].

Февральская буржуазно-демократическая революция в России снова подняла рабочий класс Латвии на революционную борьбу. Измученные войной, голодом трудящиеся массы, под руководством большевистской партии выступили на революционную борьбу против буржуазного Временного правительства.

7 марта 1917 г. был образован Рижский совет, который, несмотря на большое сопротивление меньшевиков в конце мая перешел в руки большевиков. В деревне образовались советы депутатов безземельных крестьян. Обострившаяся классовая борьба в деревне между сельскохозяйственными рабочими и кулачеством способствовала завоеванию этих советов большевиками. Огромную роль в деле борьбы за советы сыграли латышские стрелки. Они стали в первые ряды вооруженных отрядов пролетарской революции.

После занятия немцами Риги 21 августа 1917 г. и большей части Лифляндской губернии разорение страны еще больше усилилось. Власть баронов-помещиков при теснейшем сотрудничестве с германскими оккупационными властями была полностью восстановлена по всей Латвии. Невиданных размеров достигли эксплоатация и угнетение трудящихся Латвии. Большевики и рабочие революционеры преследовались и арестовывались. Концентрационные лагери были переполнены.

В Курляндии, где с июля 1915 г. господствовал германский оккупационный режим, работали в глубоком подполье большевистские организации.

Партийные организации Доблена, Туккума, Гольдингена, Талсена и др. проводили работу не только среди латышских трудящихся масс, но и среди немецких солдат. В результате этой деятельности и общего подъема революционной

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XIV, стр. 340.

волны в конце марта 1918 г. имели место отдельные выступления немецких солдат против своих офицеров и местных баронов-помещиков.

Латвийская буржуазия в лице членов «Крестьянского союза» Ульманиса и Вальтера, при активном содействии меньшевиков и эсеров, обивает пороги верховного командования германской армии с просьбой оказать им военную и иную поддержку против революционного пролетариата и латышской социал-демократии (большевиков).

При помощи оккупационных властей 18 ноября 1918 г. было создано временное буржуазное правительство во главе с Ульманисом при участии меньшевиков. Буржуазное правительство Ульманиса, при поддержке меньшевиков, начинает создавать национальные военные части по борьбе с наступающей социалистической революцией. Не надеясь на свои собственные силы, буржуазное правительство просило германские оккупационные власти остаться в стране и помочь «навести порядок». Одновременно латышская буржуазия обратилась за помощью к англо-французскому империализму. Таким образом происходит объединение внутренних контрреволюционных сил с иностранными интервентами против революционного пролетариата и крестьянства Латвии. Но с другой стороны растут и ширятся силы революции.

Рабочие и трудящиеся массы крестьянства повсеместно устраивают массовые демонстрации, митинги и собрания, на которых выбираются исполнительные комитеты, а иногда и прямо Советы рабочих и безземельных депутатов.

17 ноября 1918 г. Рижский комитет Латышской социал-демократии (большевиков) объявил о проведении демонстрации рабочих. Узнав о намерениях рабочих, представитель немецкой военной власти Виниг пригрозил расправиться с демонстрантами вооруженной силой. Но оккупационные власти вынуждены были уступить революционному напору рабочих и разрешили латышской социал-демократии провести два собрания в закрытом помещении. На собрании присутствовали 5 тыс. рабочих, причем свыше 10 тыс. рабочих собрались на улице около здания, где и были разогнаны полицией. Но принятая на митинге рабочих резолюция гласила, что «вся власть должна перейти в руки Советов рабочих и безземельных депутатов».

Рабочие приветствовали вождей революции России и Германии тт. Ленина, Либкнехта, Люксембург и др.

В это же время начинается работа по подготовке выборов большевистского Совета рабочих депутатов. Выборы в Совет рабочих депутатов происходили нелегально и первое заседание совета было намечено на 1 декабря 1918 г. Это заседание было разогнано вооруженной силой временного правительства Латвии совместно с немецкими военными властями. Аналогичные явления можно было наблюдать в Латвии повсеместно.

В г. Валке было организовано массовое собрание, на котором участвовали 2 тыс. рабочих. На этом собрании был избран организационный комитет, в который вошли 8 социал-демократов большевиков и только 3 представителя других партий.

В некоторых местах собрания проходили чрезвычайно бурно и зачастую разгонялись полицией или вооруженной силой германских оккупантов. Так, например, в конце ноября в гор. Доблене на созванном массовом собрании по выборам в Совет рабочих депутатов было предложено послать приветствие советскому правительству России и К. Либкнехту. Собрание было разогнано немецкими войсками путем применения вооруженной силы, причем был арестован товарищ, зачитавший приветственные телеграммы. От имени всех рабочих и трудящихся масс был послан резкий протест правительству Ульманиса против вооруженного вмешательства и произведенного ареста. На выборах, которые происходили в начале декабря, рабочие получили в Совете рабочих депутатов 17 мест, буржуазия — 6 мест и немцы 2 места.

В связи с назревшим революционным кризисом, ЦК социал-демократии (большевиков) Латвии сформировал Временное советское правительство, которое 17 декабря 1918 г. опубликовало манифест к трудовому народу. Мани-

фест провозгласил о переходе государственной власти в руки советского правительства, в руки Советов как в центре, так и на местах. Дальше в манифесте было объявлено:

о свержении власти буржуазии в Латвии, как в центре, так и на местах; о вооружении трудового народа; об отмене собственности на землю и на все орудия и средства производства; о введении 8-часового рабочего дня; о беспощадной борьбе со спекуляцией; о реквизиции предприятий и организации необходимых работ для безработных Советской Латвии.

«Мы сознаем, говорится в манифесте, что мы на этом трудном пути и в борьбе не одни, с нами стоит в первую очередь РСФСР, с которой мы и в дальнейшем будем теснейшим образом связаны не только внешними узами».

21 декабря, за подписью Ленина был издан декрет СНК о признании независимости Советской Республики Латвии.

На помощь восставшему и борющемуся за власть советов пролетариату Латвии пришли латышские стрелки, значение которых в освободительной борьбе с латышской буржуазией и иностранной интервенцией очень велико. Латышские стрелки разбили части железной дивизии и бело-латышей у Зегефильда и Гинценберга и 3 января 1919 г. советское правительство вместе со стрелками переехало в завоеванную восставшим пролетариатом Ригу.

Везде и всюду трудящиеся массы, задолго до прихода Красной армии свергали власть временного буржуазного правительства и создавали власть советов.

С приближением Красной армии происходят вооруженные выступления рабочих в Митаве, Туккуме, Талсене, Виндаве и в ряде других мест. К концу января 1919 г. во всей Латвии, за исключением Либавы, была установлена советская власть. Рабочие и трудящиеся массы деревни торжествовали свою первую победу.

Вскоре после установления советской власти в Риге, Временное правительство назначает на 13 января 1-й съезд Советов Латвии. На съезд прибыло всего 705 делегатов. По докладу советского правительства была принята резолюция, в которой съезд с удовлетворением отмечает энергичную деятельность ЦК партии социал-демократов (большевиков) Латвии, выражающуюся в вооруженном свержении власти дворянства и буржуазии и в укреплении советской власти в Латвии.

Съезд приветствует вооруженную борьбу рабочих Лифляндии и Латгалии, но особенно г. Риги и Курляндии.

Съезд утверждает манифест от 17 декабря 1918 г., изданный Временным советским правительством Латвии и признает правильными политику и деятельность советского правительства.

Съезд поручает советскому правительству Латвии вести беспощадную борьбу против контрреволюции и спекуляции, в каком бы виде они ни проявлялись.

Съезд поручает провести в жизнь монополизацию продовольствия.

Эти указания съезда были положены в основу всей деятельности советского правительства Латвии.

На этом съезде прозвучали слова о братском союзе латышского народа с народами Советской России. Об этом союзе свидетельствует прежде всего публикуемое здесь решение Всероссийского Центрального Исполнительного комитета, вынесенное еще 24 декабря 1918 г.

На I съезде от имени ВЦИК и трудящихся масс Советской России выступил тов. Свердлов, который в ярких и незабываемых словах выразил чувства и желания трудящихся масс Латвии и Советской России об установлении тесных дружественных взаимоотношений между трудящимися Советской Латвии и РСФСР.

В многочисленных приветственных телеграммах трудящиеся массы Латвии приветствуют «свое красное правительство и обещают ему оказывать самую активную помощь в борьбе против мировой буржуазии».

Трудящиеся массы г. Туккума на своем первом уездном съезде Советов принимают решение послать приветствие тому человеку, который дал угнетен-

ным народам бывшей царской России свободу, мир и землю — тов. Ленину: «Первый туккумский рабочий и безземельный съезд советов 19 января 1919 г. приветствует Вас, как первого защитника рабочего класса, смело поднявшего красное знамя социалистической революции над измученной Россией и что вместе с этим международный пролетариат дал первый удар по международному империализму. Да здравствует отец коммунизма Ленин!» [1].

В. И. Ленин на чрезвычайном заседании пленума Московского совета от 5 апреля 1919 г. говорил о Латвии: «Бóльшая часть страны переживала такие бедствия, о которых московские рабочие не имеют представления,— бедствия нашествия и многократного опустошения деревень движущимися толпами войск» [2].

В такой обстановке, сразу после I учредительного съезда Советов Латвии, началось строительство социализма в освобожденной Латвии.

Особенно тяжелым для советского правительства с самых первых дней его существования являлся продовольственный вопрос. Продовольственных запасов в стране не было, о чем свидетельствуют данные Комиссариата продовольствия о продовольственном положении Латвии от 30 января 1919 г. Советское правительство должно было обеспечить в первую очередь рабочих и накормить и одеть красную армию. Для того, чтобы правильно распределить те скудные хлебные ресурсы, которые образовались в результате учета и мобилизации продовольственных продуктов, необходимо было наладить и заново создать сеть кооперативов и общественных столовых, что и делает советское правительство. Продовольственный вопрос для молодой советской республики являлся вопросом жизни, вопросом существования диктатуры пролетариата.

В результате мер, принятых коммунистической партией и советским правительством Латвии, а также благодаря помощи Советской России, материальные условия трудящихся масс постепенно улучшались. Рабочие были переведены из сырых подвальных помещений в сухие и светлые помещения, ранее занятые буржуазией. Была ликвидирована в основном безработица. Советское правительство гарантировало трудящимся право на бесплатное лечение и помощь в случае болезни, потери трудоспособности, беременности и т. д.

В области народного просвещения был издан декрет о всеобщем бесплатном обучении детей, отделение школы от церкви, в то время, как до создания Советской Социалистической Республики Латвии школа была почти недоступна детям трудящихся. Теперь во многих местах при школах были организованы интернаты для детей нуждающихся родителей.

Советская Латвия просуществовала пять месяцев. За этот короткий срок было многое достигнуто в деле строительства социалистического общества. Несмотря на тяжелое продовольственное положение в стране и ожесточенную борьбу с внешней и внутренней контрреволюцией, за время существования Советской Латвии в одной только Риге было восстановлено 100 промышленных предприятий, при чем количество рабочих увеличилось с 3 тыс. до 12 тыс. чел. В сельском хозяйстве было организовано 230 советских хозяйств в имениях помещиков и пасторов. Был произведен учет сельскохозяйственного инвентаря во всей Советской Латвии. Соответствующими декретами правительства были национализированы банки, крупные промышленные и торговые предприятия, культурные учреждения. Декретом от 11 февраля вся земля объявлялась национализированной и установлен порядок ее использования и управления.

Советская власть в Латвии возникла в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в России и революционного движения в Европе. Она утвердилась в результате героической борьбы латвийского пролетариата и крестьянства под руководством большевистской партии. На опыте борьбы первой Советской Социалистической Республики Латвии за диктатуру пролетариата, несмотря на ряд допущенных крупных ошибок, в осо-

[1] «ЦИНЯ», 23 января 1919 г.
[2] Ленин, Соч., т. 24, стр. 208.

бенности по аграрному вопросу, будут учиться латышский пролетариат и трудящиеся массы кр-ства.

Буржуазное правительство Латвии и последняя диктатура Ульманиса в течение свыше 20 лет стремилась привить зверский национализм рабочему классу и трудовому крестьянству, ненависть и презрение к Великому Советскому Союзу. Все революционные элементы и, в первую очередь, коммунистическая партия Латвии жестоко преследовались.

Но ни тюрьмы, ни всякого рода обманы, вроде болтовни об «освобождении народа», о «независимости Латвии» и т. д. не поколебали веру в грядущую социалистическую революцию в Латвии.

Буржуазная Латвия была распродана оптом и в розницу англо-французскому капиталу. Наряду с продажей естественных богатств Латвии (лес, земля, разные сельскохозяйственные продукты) иностранному капиталу были проданы даже древние музейные экспонаты, имеющие историческую ценность для латвийского народа.

Этим преступным действиям был положен конец волей рабочих и трудящихся масс крестьянства Латвии при помощи советского народа. Снова над Ригой развевается непобедимое красное знамя. Восторженная встреча бойцов Красной армии трудящимися массами Латвии убедительным образом показала всему миру, в чью сторону были обращены взоры трудящихся в течение долгих лет буржуазного гнета. Весь трудовой народ Латвии 21 июля 1940 г. демонстрировал свою непреклонную волю влиться в братскую семью Союза Советских Социалистических Республик.

Верховный Совет СССР указом от 5 августа 1940 г. удовлетворил просьбу сейма Латвии о вхождении Советской Социалистической Республики Латвии в Союз Советских Социалистических Республик.

Сейчас проводится огромная работа по строительству социалистического общества в Латвии. Каждый рабочий и каждый трудящийся Советской Латвии знает, что мрачные майские дни 1919 г. не повторятся, ибо залогом этому служит могущественная сила Союза Советских Социалистических Республик и мощь нашей доблестной Красной армии.

* * *

В настоящей публикации, в первой ее части, подобран ряд документов, отражающих деятельность центрального советского правительства Латвии по основным вопросам борьбы за утверждение диктатуры пролетариата в Латвии, не исчерпывая при этом все вопросы деятельности советского правительства.

Во второй части публикации даны отдельные документы, отражающие проведение в жизнь мероприятий центрального советского правительства Латвии на местах.

Документы подготовлены к печати научными сотрудниками Центрального Архива Октябрьской Революции тт. Прониным и Борозенец.

А. Блюмфельд.

I

Декрет СНК о признании независимости советской республики Латвии, 21 декабря 1918 г.[1]

В ответ на запрос советского правительства Латвии Совет Народных Комиссаров заявляет:

1. Российское советское правительство признает независимость советской республики Латвии. Высшей властью Латвии Российское советское правительство признает власть Советов Латвии, до съезда

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 52, д. № 70, ч. II, л. 17.

же Советов — власть правительства рабочих, безземельных и стрелков Латвии.

2. Российское советское правительство вменяет в обязанность всем, соприкасающимся с Латвией военным и гражданским властям Российской советской республики, оказать советскому правительству Латвии и его войскам всяческое содействие в борьбе за освобождение Латвии от ига буржуазии.

3. Народному комиссариату продовольствия и Высшему совету народного хозяйства поручается войти в соглашение с соответствующими органами советской республики Латвии на предмет установления товарообмена между обеими республиками.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о признании советских республик Эстляндии, Литвы и Латвии, 25 декабря 1918 г.[1]

Центральный Исполнительный Комитет заслушав доклад народного комиссара по делам национальностей, приветствует народы Эстляндии, Литвы, Латвии и Украины с идущим вперед освобождением от ига иностранных завоеваний.

Исходя из принципа полного действительного самоопределения трудовых масс угнетенных национальностей, который попирают империалисты всех стран, Центральный Исполнительный Комитет подтверждает постановление Совета Народных Комиссаров о признании социалистической Федеративной Советской Республикой независимости советских республик Эстляндии, Латвии и Литвы.

Перед лицом созданных революционной борьбой пролетарских и крестьянских масс советских республик Эстляндии, Латвии и Литвы, Центральный Исполнительный Комитет вновь подтверждает, что факт бывшей принадлежности этих стран к старой царской империи не налагает на них никаких обязательств, и в то же время Центральный Исполнительный Комитет выражает твердую уверенность, что только ныне, на почве признания полной свободы самоопределения и перехода власти в руки рабочего класса, создается свободный добровольный и нерушимый союз трудящихся всех наций, населяющих территорию бывшей Российской империи.

Центральный Исполнительный Комитет свидетельствует готовность РСФСР оказать всю необходимую помощь и поддержку трудовым классам Эстляндии, Латвии, Литвы и Украины в их борьбе против строя эксплоатации и угнетения и в защите их свободы и независимости от попыток иностранных завоеваний.

Председатель ВЦИК Я. Свердлов.

Из телеграммы советского правительства Латвии во ВЦИК, 5 января 1919 г.[2]

С 3 января 23-х час. над Ригой развевается красное знамя Советской Латвии. После решительной победы под Хинценбергом сопротивление контрреволюционеров было сломлено. Оповестите всех, всех о победе пролетариата Латвии. Всем привет — Советской России и всем братским советским республикам.

Председатель советского правительства Латвии (подпись).

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 52, д. № 33, ч. III, л. 224.
[2] Там же, оп. 63, д. № 413, лл. 113—114.

Телеграмма советского правительства Латвии Я. М. Свердлову, 8 января 1919 г.[1]

Вас, представителя Советской России, приглашаем на объединенный съезд Советов Латвии 13 января в Риге.

Председатель советского правительства Латвии (подпись).

Телеграмма Я. М. Свердлова советскому правительству Латвии, [9] января 1919 г.[1]

Приветствую в Вашем лице представителей Советской Латвии. На съезд пришлем представителей ВЦИК. Стремлюсь всей душой приехать лично.

Председатель ВЦИК Свердлов.

Речь Я. М. Свердлова на 1-м съезде рабочих, безземельных и стрелковых советов объединенной Латвии, 13 января 1919 г.[2]

Товарищи! В вашем лице приветствую 1-й съезд рабочих, безземельных и стрелковых советов объединенной Латвии. Я приветствую от имени Центрального Исполнительного Комитета те десятки тысяч, которые своей кровью добыли эту свободу. В вашем лице я приветствую те массы, которые в борьбе за возвращение своих прав, лишенных бывшим германским империализмом, подготовили тот праздник, который мы празднуем сейчас.

Товарищи, ни с одной другой частью мира мы не связаны так тесно, как мы связаны с Красной Латвией.

Тысячи из лучших товарищей, которые были выгнаны отсюда полчищами германского империализма, в России сохранили в целости свои организованные силы и вместе с нами боролись против общего врага. Ни с кем мы так не связаны, как со стрелками Латвии. Своим постановлением от 25 декабря прошлого года Центральный Исполнительный Комитет Советской России признал независимость Латвии. Но это не значит, что мы не попрежнему близки. Мы знаем хорошо, что те удары, которые падут на нас, будут встречены как с нашей, так и с вашей стороны мощным контрударом и каждый удар мы будем знать как отразить.

Мы знаем, товарищи, что вы прошли определенную школу. Когда мы взяли в октябре 1917 года власть в свои руки, мы были без такого опыта, мы были вынуждены все изучать на практике. Из вас уже десятки и сотни тысяч прошли эту школу. И поэтому с самого начала вы избегаете уже тех ошибок, которые мы тогда допустили.

Мы скажем вам, что можете вполне спокойно вести свою работу и вы создадите крепкую организацию. Мы знаем, товарищи, как знаете и вы, что империалисты всех стран всю свою силу направляют на то, чтобы разгромить нашу революционную победу. Чем более империалисты стараются уничтожить нашу власть, тем более она крепнет и мы можем сказать, что мы их не боимся. Мы знаем, что придет время и те, кого они направляют против нас, осознают правоту наших идей и поднимут наше знамя. Мы знаем, что с каждым днем растет боевая мощь нашей Красной Армии.

Мы знаем, что вместе с тем широкие массы одной страны вслед за другой объявят, что они не станут в рядах армии империалистов и не пойдут против нас. Товарищи, такую решимость масс должен поддер-

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 63, д. № 413, л. 128.

[2] «Циня» № 2, 1919 г. Центральный орган социал-демократии (коммунистов) Латвии. ЦГАОР. Отд. печ. 1919 г., с. 1173. Перевод с латвийского тов. Блюмфельд.

жать каждый из нас. Нам все свои силы надо приложить к тому, чтобы наша власть стала крепкой и могучей. В этой грандиозной работе вы примените все силы.

Да здравствует Красная Латвия!

Да здравствует власть трудящегося народа во всем мире!

(Речь т. Свердлова неоднократно прерывалась бурными аплодисментами.)

Из доклада Комиссариата продовольствия о продовольственном положении Латвии, 30 января 1919 г.[1]

Социалистическая Советская Республика Латвии состоит из бывших губерний Курляндской, Лифляндской и Латгалии (три уезда Витебской губ.: Двинский, Режицкий и Люцинский). Посевная площадь бывшей Курляндской губ. равняется 665.349 десятин или 30,9% всей территории; в Лифляндской губернии 510.894 десятины или 31,6% всей территории; о Латгалии статистических данных не имеется. До войны в пределах Латвии было жителей 2.603.300; из них в городах 37,6%. Что касается хлеба, то в Латвии своего хлеба нехватало и до войны.

Хотя точные статистические данные посева 1918 года отсутствуют, но во всяком случае по приблизительным сведениям не превышают 40% всей посевной площади. Кроме того, оккупационные власти, хозяйничая в Латвии, с особой беззастенчивостью вывозили оттуда все, что только успели. По данным, собранным на совещании представителей уездных продовольственных отделов, выяснилось, что запасов продовольствия у нас в Латвии нет. Из всех 17 уездов лишь в восьми возможно останутся кой-какие излишки, но столь мизерные, что этим во всяком случае нельзя будет удовлетворить голодающего населения в остальных девяти уездах.

Советское правительство Латвии ставит себе целью создать 120 тыс. армию для защиты завоеваний революции от возможных внешних покушений со стороны западно-европейских империалистов. Теперь несмотря на то, что белые эстонские банды при помощи финляндских и шведских белогвардейцев теснят нашу красную армию, военный комиссариат Латвии не может произвести мобилизацию из-за отсутствия продовольствия, даже постановление советского правительства Латвии о призыве хоть одного года, а именно родившихся в 1893 году, отложено до получения нужного продовольствия.

С самого первого дня восстановления советской власти была объявлена мобилизация продовольственных продуктов и предметов первой необходимости. Эта мера проводилась всеми силами. Для точного выяснения запасов было постановлено произвести учет хлебных запасов, скота и фуража.

Учет производится представителями уездных продовольственных отделов с участием членов волостных советов безземельцев; их действия контролируются инструкторами комиссариата продовольствия Латвии. Учет производится точно взвешивая и пересчитывая продукты. Комиссариатом продовольствия издан приказ о запрещении продажи и перемещения предметов, подлежащих учету, без разрешения местных продовольственных отделов. Учет предполагалось кончить к 15 февраля, но ввиду технических затруднений отложено до 1 марта. Как временная мера для облегчения острого продовольственного кризиса до окончания учета комиссариатом продовольствия был объявлен 6-ти пудовый сбор зерна с каждой десятины посевной площади, оставляя при этом установленные нормы семян. Сбор зерна, как уже пред-

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 63, д. № 413, лл. 15—16.

полагалось, не дал значительных результатов, всего получилось двадцать тысяч пудов. Этого количества хватало для одной Риги на 5 дней, а со всеми голодающими городами, уездами и армией на полтора дня.

В виду сильного истребления рогатого скота оккупационными властями и вследствие отсутствия молочных продуктов, для поддержания военных госпиталей и больниц маслом, выработана система налога на каждого собственника дойной коровы (видно из анкеты) по 30 штоф молока в месяц или три фунта масла.

Для более экономного расходования хлебных злаков в зависимости от имеющихся запасов, хлеб выпекается в следующих консистенциях:

I.	Рожь 50%,	овес	25%,	картофель	25%	
II.	Рожь 50%,	ячмень	25%,	картофель	25%	
III.	Рожь 50%,	овес	50%,	картофель	—	
IV.	Рожь 50%,	ячмень	50%,	картофель	—	
V.	Рожь 50%,	чечевица	50%,	картофель	—	
VI.	Рожь 50%,	отруби	10%,	ячмень	20%,	картофель 20%
VII.	Рожь 50%,	отруби	10%,	овес	20%,	картофель 20%

Во всей Латвии применяется один из вышеуказанных хлебных суррогатов.

Для увеличения нормы рабочего населения введен классовый паек. С 1 марта с/г. во всех городах и местечках Латвии вводится односистемное трехкатегорное классовое питание населения по примеру столиц РСФСР.

Для смягчения продовольственного кризиса, в целях экономии сил, продуктов, топлива и освобождения женщин от домашнего хозяйства, один из важных вопросов, разрешением которого занялся Комиссариат продовольствия Латвии — это введение общественного питания во всей Латвии. Во время оккупации в Риге существовали общественные столовые двух типов — мещанские и военные. В военных столовых рабочим выдавалась одна порция в количестве полулитра «супу», скорее напоминающего помои; в то время как в мещанских выдавались три порции лучшего качества... Несмотря на это питающихся в общественных столовых было 100.000 человек. Нашей задачей было урегулирование общественного питания: во-первых, упразднение столовых двух типов, создавая только один — общественные столовые, во-вторых улучшение качества пищи, как это видно из прилагаемых данных

Сравнительная таблица количества продуктов для одного едока на 7 дней

	Октябрь — оккупационн. власть (в мещанских столовых лучшего типа)	Январь — сов. власть (в общественных столовых)
Картофель	300 г	735 г
Квашен. капуста	60 »	335 »
Мука	285 »	100 »
Крупа	145 »	120 »
Горох	40 »	60 »
Овощи	80 »	250 »
Мясо	50 »	90 »
Грибы	—	7 »
Соль	50 »	50 »

Из приведенной таблицы видно, что улучшена порция обедов. Порция мучных продуктов за отсутствием их в Латвии уменьшена. Но гораздо больше чем пропорционально возросла порция овощей и картофеля. В результате чего число едоков в столовых увеличилось вдвое,— из 225 тысяч населения (всего выдано продовольственных карточек 225 тыс.) — 180 тыс. пользующихся общественными столовыми. Всего столовых в Риге насчитывается 61, 7 столовых для школьной молодежи, итого 68.

Чтобы обеспечить хлебом городское население по выработанной норме в среднем по полфунта в день — в месяц потребуется 300 тыс. пуд. Крупы для общественных столовых ежедневно потребуется 2 тыс. пудов в день.

Что касается мяса и жировых веществ, то можно сказать, что таковых в Латвии нет. Рогатый скот истреблен: за время войны часть пошло на снабжение армии, племенной скот вывезен в Россию во время эвакуации, а оставшийся вывезен оккупационными властями. В усадьбах, где до войны имелось до 20 коров, осталось всего одна. То же самое можно сказать о мелком скоте, как напр. о свиньях. Сейчас из остатков мяса, приготовляемых немцами для вывоза, удовлетворяется армия и по мере возможности общественные столовые. По карточкам населению мяса не выдавалось вовсе и для выдачи не имеется.

Для армии мяса потребуется на два раза в неделю — 40 тыс. пудов в месяц. Жиров для армии потребуется 20 пудов в день; для столовых, вследствие отсутствия мяса 420 пудов в день.

Овощами расчитываем обойтись своими.

Сахару для армии потребуется 24 тыс. пудов, для населения 30 тыс. пудов в месяц.

Соли ввиду развития рыболовства и приближения сезона ловли потребуется 372 тыс. пудов, но пока испрашивается 150 тыс. пудов. Чаю для армии потребуется 570 пудов, кофе — 560 пудов в месяц. Для населения кофе и чай не требуем вовсе.

Овса для лошадей армии требуется в день 6 тыс. пудов. Запасов овса в Латвии нет. Сена и соломы ввиду полного истребления рогатого скота в Латвии имеются некоторые запасы. Эти запасы используются следующим образом: в местностях, где имеются излишки сена и соломы, устанавливаются прессы; запасы эти прессуются и отправляются в армию.

Что касается предметов первой необходимости, то в этом отношении Латвия слишком бедна. О приобретении предметов первой необходимости приходится рассчитывать всецело на Россию.

В первую очередь нужна мануфактура для снабжения населения. За время оккупации в Латвии за неимением мануфактуры не выдавалось. Предполагая удовлетворить 50% всего населения самых нуждающихся — хлопчатобумажной ткани для белья потребуется на каждое лицо 8 аршин — всего 8 миллионов аршин. Сукна для удовлетворения самых нуждающихся 50% из городского населения на каждое лицо потребуется 4 аршина — всего 2 миллиона аршин.

Полотенец потребуется 1 миллион штук.

Носовых платков 2 миллиона штук.

Обуви за время оккупации население не получало. Вследствие этого население уже около года ходит в деревянных туфлях. Необходимо удовлетворить хоть 25% из городского населения, для этого потребуется 200.000 пар.

Табаку для снабжения армии потребуется 6.250 пудов, а для снабжения населения 12.500 пудов. Следовательно всего 18.750 пудов в месяц.

Спичек в Латвии совершенно нет, всего потребуется 8.400 ящиков в месяц.

Мыла потребуется, считая по фунту на человека в месяц 50 тыс. пудов.

Керосину, крайне необходимого для сельского населения вследствие отсутствия освещения, потребуется всего 60 тыс. пудов, считая по 2 фунта в месяц на человека.

Ниток потребуется всего 1 миллион катушек.

Советское правительство Латвии из имеющихся запасов приготовило

и отправило в Россию: 4 вагона мармеладу, 4 вагона квашеной капусты, 6 вагонов разных вин, 2 вагона бумаги, 18 тыс. шт. кос, несколько сот плугов и несколько сот жестяных ве...[1]. Приготовлено к отправке 300 веялок, жестяные ведра, плуги, лопаты, топоры и проч. металлические изделия. Уже теперь можно отправить — 60 тыс. пудов сена и 100 тыс. пуд. соломы прессованной.

В Латвии имеются специальные фабрики для изготовки мармеладу, используя для этой цели разные фрукты, ягоды сбора 1918 г. Но ввиду отсутствия сахара изготовление мармелада придется прекратить, хотя фруктовая масса имеется около 200 тыс. пудов, для использования которых требуется 100 тыс. пудов сахару. К сожалению, в Латвии такого не имеется. В случае получения достаточного количества сахару, нужного для переработки массы, сумеем уделить для России 150 тыс. пуд. мармеладу.

Рыболовство в Балтийском море в мирное время давало приблизительно 62 тыс. тонн рыбы в сезон. Хотя за последние четыре года ловли износились приспособления и орудия, но можно рассчитывать на 75% лова мирного времени. При получении достаточного количества соли, которого потребуется в размере 10% улова, составляя таким образом 372 тыс. пудов. Пока в счет этого испрашивается 100 тыс. пудов. В случае получения достаточного количества соли, сумеем уделить для России не менее 50% всего улова.

Деревообделочная промышленность возобновляется и даст возможность снабжать Россию и Украину разными предметами для производства, как например мебелью, досками, гребенками, расческами, пуговицами и т. д. Уже теперь можно дать России некоторое количество мебели, крепежного леса и проч. Для точного выяснения и для производства именно тех предметов, в которых Россия нуждается, желательно получить со стороны России особый заказ на предметы производства продуктов этой промышленности.

Все вышеизложенное является приблизительной, но самой точной по имеющимся данным, картиною о продовольственном положении Латвии.

Комиссар продовольствия (подпись).

Декрет советского правительства Латвии о единовременном чрезвычайном налоге с имущих классов Латвии, 31 января 1919 г.[2].

1. Во всей Латвии вводится единовременный чрезвычайный налог с капиталов, военной прибыли, недвижимых имуществ в городах и сельских местностях, торгово-промышленных предприятий и свободных профессий.

2. Налогу подлежат все физические и юридические лица, каковой взимается с них согласно нижеприведенным таблицам.

А. С капитала и военной прибыли за последние 4 года.

			До	20	тыс.	р.	. . . . .	0%
От	20	тыс.	р. до	30	»	»	. . . . .	5%
От	30	»	» до	35	»	»	. . . . .	8%
От	35	»	» до	40	»	»	. . . . .	10%
От	40	»	» до	50	»	»	. . . . .	15%
От	50	»	» до	65	»	»	. . . . .	20%
От	65	»	» до	80	»	»	. . . . .	25%
От	80	»	» до	100	»	»	. . . . .	35%
От	100	»	» до	150	»	»	. . . . .	50%
От	150	»	» до	200	»	»	. . . . .	65%

[1] В подлиннике пропуск.

[2] Газета «Красное знамя», орган двинской организации Российской Коммунистической Партии социал-демократии Латвии (большевиков), Революционного военного совета армии Латвии и Революционного комитета г. Двинска. 17 февраля 1919 г. № 34, стр. 1—2.

От 200 тыс. р.	до 300 тыс. р.	75%
От 300 » »	до 500 » »	90%
От 500 » »	и свыше	100%

Б. С недвижимых имуществ в городах и местечках.

Все недвижимости в городах и местечках, в зависимости от доходности и оценочной стоимости, распределяются на 7 групп и подлежат обложению налогом от ½% до 8% с их оценочной стоимости, причем города и местечки подразделяются на 4 категории: к 1 категории причисляется: Рига, к 2 Либава и Двинск, к 3 Митава, Виндава и Валк, к 4 все проч. города и местечки.

Налог с недвижимых имуществ по отдельным категориям взимается по нижеследующим таблицам:

I категория

1 группа оцен. стоим.		до 20 тыс. р.	0%
2 » » »	от 20 тыс. р.	до 50 »	½%
3 » » »	от 50 » »	до 100 »	2%
4 » » »	от 100 » »	до 150 »	3%
5 » » »	от 150 » »	до 200 »	5%
6 » » »	от 200 » »	до 300 »	6%

7 группа недвижимости, ценность которых превышает 300 тыс. руб., подлежат конфискации, а их бывшие собственники обязаны уплатить 8% с оценочной стоимости.

II категория

1 группа оцен. стоим.		до 15 тыс. р.	0%
2 » » »	от 15 тыс. р.	до 30 »	½%
3 » » »	от 30 » »	до 50 »	2%
4 » » »	от 50 » »	до 75 »	3%
5 » » »	от 75 » »	до 100 »	5%
6 » » »	от 100 » »	до 200 »	6%

7 группа недвижимости, ценность которых превышает 200 тыс. р., подлежат конфискации, а их бывшие собственники обязаны уплатить 8% с оценочной стоимости.

III категория

1 группа оцен. стоим.		до 10 тыс. р.	0%
2 » » »	от 10 тыс. р.	до 20 »	½%
3 » » »	от 20 » »	до 40 »	2%
4 » » »	от 40 » »	до 60 »	3%
5 » » »	от 60 » »	до 80 »	4%
6 » » »	от 80 » »	до 120 »	5%
7 » » »	от 120 » »	до 150 »	6%

Недвижимости, ценность которых превышает 150 тыс. р., подлежат конфискации, а их бывшие собственники обязаны уплатить 8% с оценочной стоимости.

IV категория

1 группа оцен. стоим.		до 5 тыс. р.	0%
2 » » »	от 5 тыс. р.	до 10 »	½%
3 » » »	от 10 » »	до 20 »	2%
4 » » »	от 20 » »	до 30 »	3%
5 » » »	от 30 » »	до 40 »	4%
6 » » »	от 40 » »	до 60 »	5%
7 » » »	от 60 » »	до 100 »	6%

Недвижимости, ценность которых превышает 100 тыс. руб., подлежат конфискации, а их бывшие собственники обязаны уплатить 8% с оценочной стоимости.

В. С недвижимых имуществ в сельских местностях.

Сельские недвижимости облагаются единовременным чрезвычайным налогом соразмерно площади обрабатываемой пахотной земли. В зависимости от величины площади пахотной земли, недвижимости разделяются на категории:

1	кат.			35	пурных	мест	пах.	зем.	освоб. от нал.	—
2	»	от 35	до 50	»	»	»	»		. . . . .	50 р.
3	»	от 50	до 75	»	»	»	»		. . . . .	200 р.
4	»	от 75	до 100	»	»	»	»		. . . . .	400 р.
5	»	от 100	до 200	»	»	»	»		. . . . .	1 000 р.
6	»	от 200	до 300	»	»	»	»		. . . . .	3 000 р.

7 категория недвижимостей, коих площадь пахотной земли превышает 300 пурных мест взимается 20 руб. за каждое пурное место, а сами недвижимости переходят немедленно во владение и распоряжение советов, хотя таковые недвижимости и не подлежали бы отчуждению на основании декрета о помещичьих, церковных и пр. землях.

Примечание: все движимое и недвижимое имущество, принадлежащее лицам дворянского сословия, подлежит конфискации в полном объеме, с оставлением лишь самых необходимых предметов домашнего обихода. Оставление недвижимости (имущества) допускается в порядке ст. 8 (см. ниже) всего документа.

Г. С торгово-промышленных предприятий

Торгово-промышленные предприятия подлежат обложению налогом в зависимости от оборотов и доходности предприятия; все торгово-промышленные предприятия разделены на 4 категории:

1	категория	1%	с	оборота	за	последний	год
2	»	3%	»	»	»	»	»
3	»	6%	»	»	»	»	»
4	»	10%	»	»	»	»	»

Д. С свободных профессий (врачи, адвокаты, архитектора и т. д.).

Налог взимается с лиц свободных профессий, доход коих за предыдущий год превышает 6 тыс. рублей, по нижеследующей таблице:

1	кат.	год.	дох.	6	тыс.—	10	тыс.	р.	10%	с	сум.	св.	6	тыс. р.
2	»	»	»	10	» —	15	»	»	15%	»	»	»	6	» »
3	»	»	»	15	» —	20	»	»	25%	»	»	»	6	» »
4	»	»	»	20	» —	30	»	»	50%	»	»	»	6	» »

5 категория с годового дохода 30 тыс. руб. и свыше оставляется 15 тыс. рублей.

3. Единовременный чрезвычайный налог с имущих классов не взимается с национализированных и муниципализированных предприятий, рабочих потребительских кооперативов и сельско-хозяйственных коммун.

4. Каждое лицо или предприятие обязано подать заявление о своем имущественном положении и о доходах на бланках, утвержденных комиссаром финансов в отдел окладных сборов Комиссариата финансов,—для Риги до 15 февраля 1919 г., для Рижского уезда до 25 февраля 1919 г.

Лица и предприятия прочих городов, местечек и сельских местностей обязаны подать заявления представителю Комиссариата финансов при местных уездных советах рабочих депутатов не позднее 1 марта 1919 г.

Лица и учреждения, подавшие неправильные сведения или вовсе уклонившиеся от подачи таковых, караются со всей строгостью революционного закона, вплоть до конфискации всего имущества, и предаются революционному трибуналу.

5. От подачи заявлений освобождаются лица, единственным источником дохода которых является заработная плата, не имеющие никакого капитала, и не владеющие никаким предприятием или недвижимым имуществом.

Не освобождаются от подачи заявлений лица свободных профессий.

6. Для рассмотрения и пополнения поданных заявлений составляются участковые комиссии: из 2 представителей от совета рабочих депутатов и 1 представителя от профессиональных союзов или представителя Комиссариата финансов.

В эти комиссии приглашаются с правом совещательного голоса, в зависимости от надобности и от величины участка, от 3—7 лиц, коим хорошо известны местные условия и имущественное положение плательщиков.

7. Для окончательного рассмотрения поданных заявлений и собранных материалов, и для установления размеров капиталов, ценности недвижимых предприятий, доходов лиц свободных профессий, а равно и для определения суммы налога, комиссаром финансов составляются специальные уездные комиссии по взиманию налогов.

В состав членов названных комиссий входят 5 представителей от совета рабочих депутатов и 2 из среды плательщиков; последние с правом совещательного голоса.

8. Уездные комиссии по взиманию налогов, при распределении недвижимых имуществ в городах, местечках и сельских местностях на группы, имеют право перемещать последние из высших в низшие и наоборот, хотя бы таковые по своей ценности и площади земли подходили бы под другие группы.

Недвижимости могут быть перемещены в высшие группы:

а) если городские недвижимости находятся в особо благоприятных условиях;

б) если сельские недвижимости находятся по близости рынков, напр.: вблизи больших городов, станций железных дорог и т. п.;

в) если пахотная земля особенно плодородна, недвижимости могут быть перемещены в низшие группы.

Торгово-промышленные предприятия могут быть перемещены в высшую или низшую группу в зависимости от того, приносит ли продажа товаров и изготовление предметов особенно большой или ничтожный барыш.

9. Плательщику вручается извещение о сумме налога, уплата какового должна последовать в 10-ти дневный срок, считая со дня получения плательщиком извещения.

Примечание: в случаях, когда нужно опасаться утайки имущества, налог подлежит немедленному взысканию.

10. Жалобы по исчисленному налогу подаются на имя комиссара финансов до истечения срока уплаты налога.

11. По истечении срока платежа, и в случаях отклонения жалобы, налог взыскивается в принудительном порядке.

12. Единовременный чрезвычайный налог с имущих классов может быть уплачен наличными деньгами, товарами и продуктами. При уплате налога товарами и продуктами плательщику предоставляются нижеследующие льготы:

1) кто уплачивает налог: зерном, картофелем, горохом, бобами, конопляным и льняным семенем, яйцами, домашними птицами, мясом

и молочными продуктами — тому сумма налога уменьшается в шесть раз;

2) кто уплачивает налог свеклой, капустой, морковью и брюквой — в три раза;

3) кто уплачивает налог: рыбой — в четыре раза;

4) кто уплачивает налог: льном, полотном и готовой обувью — в три раза;

5) кто уплачивает налог: хлопчато-бумажными тканями и сырыми или необработанными кожами — в пять раз и

6) кто уплачивает налог: шерстью и шерстяными изделиями — тому сумма налога уменьшается — в десять раз.

Примечание: лица, торгующие вышеперечисленными продуктами и товарами, уплачивают налог этими товарами без льгот.

При уплате налога золотой и серебряной монетой, 1 рубль золота равен 10 рублям и 1 рубль серебра (рубли и полтинники) равен 4 рублям.

Продукты и товары сдаются в местные продовольственные отделы, а наличные деньги вносятся в государственную кассу.

Налог зачисляется в общегосударственные средства, причем сданные товары и продукты передаются государственному продовольственному отделу.

13. Все купчие крепости на недвижимые имущества, торгово-промышленные предприятия, договоры купли-продаж, равно и дарственные и передаточные акты, совершенные и заключенные после 17 декабря 1918 г., считаются, при определении налога, недействительными, и виновные в совершении подобных отчуждений предаются революционному трибуналу.

Председатель советского правительства Латвии (подпись).

Из декрета советского правительства Латвии о национализации, пользовании и управлении землей, 11 февраля 1919 г.[1]

1. Все земли Латвии (поля, луга, пастбища, леса, воды и богатства недр земли) национализируются, т. е. переходят в собственность трудового народа Латвии и в распоряжение социалистического советского правительства без всякого вознаграждения прежним владельцам земли.

Вместе с земельной собственностью конфискуется и национализируется весь живой и мертвый инвентарь, который принадлежал бежавшим контр-революционерам а также владельцам больших хозяйств (имений), как частным, так и сословным обществам и корпорациям.

2. Инвентарь арендаторов и бывших владельцев крестьянских усадеб (хуторов) описывается, но оставляется в ведении и распоряжении прежних владельцев поскольку таковой необходим в хозяйстве, которое ведется самим владельцем инентаря.

Примечание: паровые молотилки, рядовые сеялки, жатвенные машины и другие орудия, которые не могут быть полностью использованы в одном хозяйстве, национализируются на общих основаниях с вознаграждением или без такового в зависимости от того, кому они принадлежат.

3. Фактическое заведывание и управление имуществом возлагается на Комиссариат земледелия ССР Латвии, уездные земельные отделы, волостные советы рабочих и правления советских хозяйств.

[1] ЦАОР, ф. 4200, д. № 3, лл. 102, 104.

4. Уездным исполнительным комитетам рабочих поручается немедленно образовать необходимое число комиссий по национализации для описи всего национализированного имущества и сдачи в ведение Комиссариата земледелия Социалистической Республики Латвии.

5. Национализированные владения по образцу управления и ведения хозяйства делятся на две категории: I. Советские хозяйства. II. Арендные (частные) хозяйства.

I. СОВЕТСКИЕ ХОЗЯЙСТВА:

Превращаются в советские хозяйства:

а) все те национализированные хозяйства, площадь пахотной земли которых превышает 300 пурных мест (100 десятин)

Примечание 1: хозяйства, в которых менее 300 пурных мест (100 дес.), могут быть превращены в советские хозяйства только с согласия в каждом отдельном случае Комиссариата земледелия.

Примечание 2: хозяйства, площадь пахотной земли коих превышает 100 дес., могут быть оставлены в частном владении, если у ССРЛ нехватило бы инвентаря на ведение хозяйства.

б) все связанные с землей: предприятия и интенсивные хозяйства (рассадник племенного скота, молочные фермы и семянные хозяйства, питомники и т. п.), имеющие всеобщее сельско-хозяйственное значение.

А. Порядок обработки советских хозяйств.

1. Советские хозяйства обрабатываются наемным рабочим трудом.

2. Рабочие приглашаются и нанимаются правлением советского хозяйства через биржу труда или на основании регистрации согласно утвержденным комиссариатом труда основным положениям.

3. Рабочие и технический персонал хозяйства, как-то: заведывающий хозяйством, счетовод (бухгалтер) и другие получают содержание от правления советского хозяйства по нормам, установленным правительством республики Латвии.

Примечание: заведывающий советским хозяйством, а равно и другие рабочие имеют право получать от советского хозяйства квартиру, освещение и отопление, а равно и все необходимые им самим и их семействам продовольственные продукты по общественной норме и твердым ценам.

4. Средняя продолжительность работы сель.-хоз. рабочих устанавливается — 8 часов в день или 48 часов в неделю, а именно: летние месяцы — май, июнь, июль и август — 60 часов, в сентябре, октябре, марте и апреле 48 часов, а в ноябре, декабре, январе и феврале — 36 часов в неделю.

5. Заведывающему советским хозяйством и рабочим воспрещается содержать собственный скот; те из рабочих, которые имеют свой скот, могут передать таковой советскому хозяйству за полное вознаграждение.

6. Рабочие советского хозяйства избирают из своей среды комитет рабочих из 3 чел. Обязанности комитета следить за правильным исполнением обязанностей и работ.

Б. Правление советских хозяйств.

1. Советские хозяйства управляются и ведутся избранным правлением советского хозяйства.

2. Правление советского хозяйства состоит из трех лиц: одного представителя от профессионального союза рабочих производителей, одного представителя местного волостного совета рабочих и одного представителя от уездного исполнительного комитета.

3. Председателем правления советского хозяйства является представитель уездного исполкома.

4. Правление советского хозяйства собирается не менее как один раз в неделю и постановления свои выносит большинством голосов.

5. Правление советского хозяйства избирается на один год и утверждается уездным отделом. Экономический год начинается 1 мая. Выборы должны быть произведены в конце экономического года, но не позднее 30 апреля.

Примечание: Если правление советского хозяйства допустило неправильные действия, то уездный земельный отдел может его распустить и назначить новые выборы.

В. Деятельность правления советского хозяйства.

1. Правление советского хозяйства нанимает заведывающего хозяйством, который утверждается уездным земельным отделом.

Примечание: член правления советского хозяйства не может быть заведывающим хозяйством.

2. Заведывающий советским хозяйством отвечает за правильность ведения вверенного ему советского хозяйства, за имеющийся в хозяйстве инвентарь, за наряжение рабочих на работу, за правильное использование распоряжений, как правления советского хозяйства, так и районных инструкторов, участковых агрономов, хранит ключи советского хозяйства.

3. Правление советского хозяйства избирает из среды рабочих старшего рабочего, который занимает должность помощника заведывающего хозяйством.

4. Количество рабочих для успешного выполнения работ утверждается уездным земельным отделом, имея при этом величину и характер соответствующего хозяйства.

5. Правление советского хозяйства составляет бюджет экономического года, обсуждает желательные назначения и необходимые исправления в хозяйстве и т. п. и сообщает об этом уездному земельному отделу для утверждения.

6. Выдает надлежащим лицам денежные суммы для совершения покупок и определяет размер и порядок израсходования аванса: проверяет и утверждает своей подписью все оплаченные счета и ордера, дает кассиру письменные распоряжения о выплачиваемых суммах.

7. К 5-му числу каждого месяца представляет уездному земельному отделу подробный обзор деятельности за истекший месяц и состояние кассы согласно установленным инструкциям.

8. Разрешает возникающие в жизни советского хозяйства мелкие конфликты.

9. Делает доклады общему собранию рабочих о положении советского хозяйства.

10. Проводит в жизнь постановления и положения ССР Латвии.

11. Заботится о правильном счетоводстве (ведении книг) в советском хозяйстве согласно выработанной инструкции.

13. Правление ведет протоколы своих заседаний, в которых отмечает какие из членов правления присутствовали. Копии протоколов заседаний должны отсылаться в уездный земельный отдел.

14. Волостные советы рабочих имеют право опротестовать постановления правления советского хозяйства перед уездным земельным отделом.

15. Председатель правления направляет деятельность правления, хранит печать правления советского хозяйства и первым подписывает все бумаги и протоколы.

16. Секретарь правления составляет протоколы заседаний, а также сообщения и исходящие бумаги правления советского хозяйства и в нужных случаях подписывает таковые.

17. Кассир правления советского хозяйства хранит кассу и выплачивает деньги по распоряжениям правления.

18. Деятельность правления советского хозяйства ведется открыто и никто не имеет права запрещать заинтересованным лицам ознакомиться с таковою.

19. За нерадивые и преступные деяния по управлению советским хозяйством и расточение национализированного имущества, виновные предаются суду.

20. Советские хозяйства обязаны сдавать республике Латвии свой урожай излишки по распоряжению Комиссариата земледелия.

II. АРЕНДНЫЕ ХОЗЯЙСТВА.

А. Частные хозяйства.

1. Могут быть сданы в аренду: а) хозяйства, которые до сих пор обрабатывались арендаторами и в коих нет национализированного инвентаря; в) хозяйства бывших земельных собственников, инвентарь коих не национализирован; с) хозяйства бывш. земельных собственников, инвентарь коих национализирован, но площадь пахотной земли не достигает 100 десятин.

2. Весь движимый и недвижимый инвентарь арендованных хозяйств, в которых инвентарь национализирован, переводится в советские хозяйства. Как бывшие земельные собственники, так и арендаторы впредь могут получать в свое пользование перешедшую в руки Советов землю, уплачивая Комиссариату земледелия Латвии арендную плату через уездный земельный отдел.

Примечание 1: Исполщики упраздняются и приравниваются к арендаторам.

Примечание 2: Субаренда (переарендование) не допускается.

3. Земля сдается землепользователям на основании условий, выработанных Комиссариатом земледелия Латвии.

Примечание: в бывших имениях, которые лишь частью превращены в советские хозяйства, частью же обрабатываются арендаторами, последние подчиняются правлению советского хозяйства.

4. Временно земля сдается землепользователю на один год.

5. Все арендаторы и прежние исполщики, независимо от срока их договора и впредь остаются на своих местах, если они могут выполнить условия комиссариата земледелия и обязуются вести хозяйство согласно указаниям советских учреждений.

6. Все арендаторы бывшие исполщики и земельные собственники должны к 15 марта 1919 г. заявить областному совету о своем согла-

сии взять землю в пользование и подчиниться контролю волостного совета и уездных инструкторов (участковых агрономов).

7. Хозяйства, которые впредь не желают обрабатывать землю, могут отдать свои усадьбы (хозяйства) в ведение волостного совета, причем их имущество национализируется за вознаграждение на общих основаниях.

8. Арендаторы, желающие перейти на службу в советские хозяйства, могут сдать свой инвентарь государству по ценам, установленным уездным земельным отделом.

Комиссар земледелия (подпись).

Инструкция по общественной обработке земель[1].

1. Общественная обработка земли производится целым обществом, или вообще известным коллективом рабочих, путем совместного приложения труда и общего использования средств и орудий производства при запашке и засеве земель, уборке урожая и т. д.

2. Общественная обработка организуется по всей площади земель данного коллектива, но на отдельных ее частях и отраслях может остаться частная обработка (огороды, пчеловодство и куроводство).

3. Переход к общественной обработке происходит по единогласно принятому решению всех членов данного коллектива или общества.

4. Постановление общества о частичной или полной общественной обработке земли должно определять общий хозяйственный план ее, а в частности: а) площадь, на которую распространяется общественная обработка, б) севооборот и площадь различных посевов, в) способы удобрения и обеспечения семенными материалами, и г) способы обеспечения мертвым и живым инвентарем, с указанием порядка пользования им, д) содержание и круг совместно выполненных работ и порядок применения рабочей силы, ж) порядок и способы распределения доходов с общественной обработки, з) состав и пределы ведения комитета общественной обработки, и) и прочие положения, необходимые по местным условиям для успешного осуществления общественной обработки.

5. Для непосредственного руководства общественной обработкой собранием коллектива избирается комитет общественной обработки в составе не менее 3-х членов, считая в том числе председателя, его товарища (он же казначей) и секретаря.

6. Комитет общественной обработки действует под контролем уземотдела в полном соответствии с его распоряжениями, постановлениями общего собрания коллектива; на его обязанности лежит: 1) общее руководство работами; 2) назначение на работы опытных лиц и распределение работ между участниками; 3) надзор за выполнением работ; 4) принятие мер по обеспечению коллектива семенами, инвентарем, скотом и проч.; 5) заведывание инвентарным фондом, запасами семян и удобрениями; 6) разработка ежегодных смет доходов и расходов; 7) составление ежегодных отчетов о своей деятельности; 8) другие задачи, возлагаемые на него постановлениями общего собрания коллектива и уездного земельного отдела.

7. Общественная обработка выполняется обязательным участием в ней перешедших к таковой обработке членов коллектива или общества соответственно с их трудоспособностью.

8. В случае невозможности, по независящим от члена общества или его семьи условиям, выполнить причитающуюся на их дом работу,

[1] ЦАОР, ф. 4207, д. № 1, 1919 г., лл. 85—86. Разработана Комиссариатом земледелия [февраль] 1919 г.

выполнение последней раскладывается между всеми другими членами общества или их семьями.

9. Замена трудового участия отдельных лиц или семей в общественной обработке путем найма вместо себя других лиц или в форме денежных взносов не допускается.

10. На время запашки, засева, жатвы и других спешных работ не только допускается, но и рекомендуется приглашение от всего коллектива, занимающегося общественной обработкой, в качестве временных участников преимущественно лиц обычно не занятых сельскохозяйственным трудом, в первую голову фабрично-заводских рабочих.

11. Временные участники приглашаются целыми группами и только в крайнем случае по одиночке.

12. Условия труда и вознаграждение временных участников устанавливаются применительно к условиям найма рабочих в советских хозяйствах.

13. Временные участники общественной обработки на время их работы в товариществе участвуют в решении его дел с правом совещательного голоса.

14. По мере указаний опыта вводятся правила, облегчающие переход временных участников в постоянные члены товарищества по общественной работе.

15. Вступление временных участников в число настоящих членов товарищества происходит по постановлению большинства его членов.

16. Распределение общественной работы между участниками производится соответственно требованиям наиболее выгодного распределения труда и полного использования специальных навыков и знаний отдельных членов коллектива.

17. Общественная обработка земли выполняется как инвентарем, приобретенным в общественное пользование и составляющим инвентарный фонд общества, так и посредством инвентаря, принадлежащего отдельным членам коллектива.

18. При переходе коллектива к долгосрочной общественной обработке всей земли, все необходимые для того машины и орудия, имеющиеся у отдельных участников, обращаются в общественное распоряжение с зачислением в инвентарный фонд.

19. Рабочий скот отдельных хозяйств при переходе к общественной обработке в первую очередь используется для общественных работ и только во вторую очередь для обслуживания нужд членов коллектива.

20. При возможности обеспечить достаточно бережливым и заботливым уходом рабочий скот отдельных членов коллектива в случае перехода к долгосрочной общественной обработке, он может быть переведен в полное распоряжение коллектива с зачислением в инвентарный фонд.

21. Пользовательный скот оставляется в ведение отдельных семей участников коллектива и может быть зачислен в общий фонд только по желанию всех членов коллектива.

22. Упоминаемый в предыдущих статьях настоящей главы общественный фонд образуется: а) из инвентаря, поступающего в распоряжение коллектива, при переходе его к долгосрочной общественной обработке; б) из денежных взносов отдельных членов коллектива; в) из отчислений сумм, вырученных от сбыта продуктов общественной обработки; г) из инвентаря или денежных сумм на его покупку, предоставляемых центральными органами; д) из добровольных взносов деньгами или натурой членов коллектива и других лиц; е) из других возможных поступлений.

23. Распоряжение инвентарным фондом принадлежит общему собранию членов коллектива, которое устанавливает порядок его содержания и пользования им.

24. В случае прекращения общественной обработки, инвентарный фонд может быть распределен между членами коллектива с ведома уездного земельного отдела.

25. Ремонт инвентаря, использованного при общественной обработке производится за счет коллектива.

26. Необходимый для обсеменения общественно-обрабатываемых земель семянной материал, потребные для поддержания плодородия почвы удобрения составляются по раскладке коллектива из взносов отдельных членов натурой или деньгами для приобретения такового.

27. Из урожая, снятого с общественно-обрабатываемых земель, в первую очередь отчисляется в семенной запас часть, необходимая для последующих посевов, а также для содержания общественного скота и на покрытие расходов по ремонту и замене пришедших в негодность орудий новыми и на пополнение скота.

28. Все излишки продуктов не могут быть продаваемы на сторону, не подлежат обмену на товары, потребные коллективу, и продаже продовольственным органам.

29. Сумма, вырученная от сдачи нормированных продуктов в продовольственные органы (ст. 27), а равно и ненормированные продукты, полученные от совместно обрабатываемых полей, распределяются между членами коллектива на основаниях, определяемых постановлением коллектива о переходе к общественной обработке.

30. Коллективу предоставляется право принимать принудительные меры и налагать трудовые взыскания по отношению к нерадивым в общественной обработке членам коллектива сообразно степени и сознания нарушения общественного интереса вплоть до исключения из коллектива, с переходом всего сельско-хозяйственного инвентаря нарушителя в общественный инвентарный фонд.

31. Постановление коллектива о переходе к общественной обработке сообщается в уездный земельный отдел, которым и регистрируется.

32. Аренда за землю взимается на общих основаниях.

Декрет советского правительства Латвии об отделении церкви от государства и школы от церкви, [20] февраля 1919 г.[1]

1. Церковь отделяется от государства.

2. В пределах республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан.

3. Каждый гражданин может исповедывать любую религию или не исповедывать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются.

Примечание: из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность и непринадлежность граждан устраняется.

4. Действия государственных и иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями.

[1] «Известия» Социалистического советского правительства Латвии. № 1, 20 февраля 1919 г., стр. 2. ЦАОР, инв. 1597, 1919 г., с. 1172.

5. Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан советской республики.

Местные власти имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности.

6. Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей.

Изъятия из этого положения, под условием замены одной гражданской обязанности другою, в каждом отдельном случае допускаются по решению народного суда.

7. Религиозная клятва или присяга отменяется.

В необходимых случаях дается лишь торжественное обещание.

8. Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записи браков и рождений.

9. Школа отделяется от церкви.

Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается.

Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом.

10. Все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах и не пользуются никакими преимуществами и субсидиями ни от государства, ни от его местных автономных и самоуправляющихся установлений.

11. Принудительные взыскания сборов и обложений в пользу церковных и религиозных обществ, равно как меры принуждения или наказания со стороны этих обществ над их сочленами, не допускаются.

12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью.

Прав юридического лица они не имеют.

13. Все имущества существующих в Латвии церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием.

Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ.

Комиссар юстиции (подпись).

Устав Совета народного хозяйства Латвии [1]

1. Совет народного хозяйства Латвии является составною частью советского правительства Латвии. Совет организует и руководит всем производством и распределением производства Латвии, заведует и руководит (п. 2 в) учреждениями производства и распределения всей Соц. Сов. Республики Латвии.

2. а) Совет народного хозяйства упорядочивает производство и распределение как собственного, так и производства, полученного путем обмена, составляя и контролируя как бюджет производства, так и распределения.

б) Он организует производство и его распределение, давая центру и местам общие директивы и регистрируя и беря в свое ведение запасы готовых и неготовых материалов.

в) Он руководит производством и его распределением, а также и, посредством своих подсоветов и их отделов в центре и на местах, за-

[1] «Известия» Социалистического советского правительства Латвии № 16, 12 марта 1919 г., стр. 1—2. ЦАОР, инв. 1597, 1919 г., с. 1172. Разработан в советском правительстве Латвии 24 февраля 1919 г.

ведует соответствующими учреждениями, оставляя за собою всегда право высшего контроля.

3. Совет народного хозяйства рассматривает финансовый бюджет соц. сов. правительства Латвии до внесения его в правительство и в ЦИК и разрешает предварительные авансы в порядке утверждения особых бюджетов.

4. Совет народного хозяйства состоит из президиума Сов. нар. хозяйства и двух подсоветов — советов производства и обмена; последние подразделяются на отделы или комиссариаты.

5. Президиум Сов. нар. хозяйства состоит из председателя Сов. нар. хоз. и председателей советов производства и обмена или их товарищей — заместителей, с правом решающего голоса и сотрудников, приглашенных председателем или президиумом с правом совещательного голоса.

6. Пленарные заседания Совета народного хозяйства составляются из президиума Сов. народн. хоз., из заведывающих отделами или комиссаров советов производ. и обмена и комиссара статистики с правом решающего голоса и из прочих членов правительства, членов уездных советов и других лиц, явившихся по приглашению президиума или с согласия Совета, с правом совещательного голоса.

7. Председатель Сов. народн. хоз. и президиум руководят текущими делами Совета и, на свою ответственность, выносят спешного характера решения, предлагая их на утверждение пленарного заседания.

8. При Сов. народного хозяйства учреждаются:

а) Секретариат Совета народного хозяйства;

б) Бюро финансовых смет (бюджетов);

в) Бюджетное бюро производства и распределения и Центральное управление регистрации и распределения добытых и приобретенных материалов. При президиуме учреждается редакция журнала и прочих изданий Сов. народн. хозяйства.

9. Секретариат Сов. народ. хоз. состоит из секретаря Сов. нар. хоз. и секретарей советов производства и обмена.

10. Состав бюро финансовых смет (бюджетов) определяется в особых постановлениях об утверждении бюджета.

11. Бюро бюджета производства и распределения состоит из президиума Сов. нар. хоз., секретаря, заведывающего Центральным управлением материалов или его заместителя, комиссара статистики или его заместителя и сотрудников-специалистов. В целях уяснения и разбора запутанных (сложных) вопросов, созываются более или менее широкие совещания рабочих и специалистов.

12. Наряду с бюро бюджета производства и распределения для регистрации и распределения добытых и приобретенных материалов учреждается особое центральное управление, состав и инструкции деятельности которого определяются Сов. нар. хозяйства.

13. Совет производства заведует и руководит всем производительным хозяйством Латвии. Он подразделяется на 4 отдела или комиссариата: земледелия, промышленности, труда и госуд. сооружений.

Совет обмена заведует и руководит всем производительным и распределительным аппаратом Латвии. Он подразделяется на 4 отдела или комиссариата: финансовый, продовольственный, внешнего обмена и сообщения.

Каждый из этих советов состоит из заведывающих его отделами или комиссарами или их заместителей, при чем один из комиссаров считается заместителем председателя. Их выборы присвоены ЦИК-ту.

14. Отношения между президиум. Сов. нар. хоз. и прочими учреждениями, равно и между самим Советом и между советами производства и обмена с одной стороны — и между этими советами и уездными

советами нар. хозяйства и их подсоветами и отделами с другой — будут определены в особых инструкциях.

Председатель советского правительства Латвии (подпись).

Декрет советского правительства Латвии о привлечении буржуазии к общественным работам, 27 февраля 1919 г.[1]

Советское правительство, осуществляя основной принцип конституции, по которому труд является обязанностью каждого гражданина соц. сов. республики, и чтобы уже, до установления всеобщей трудовой повинности, привлечь к общественным работам буржуазию, постановляет:

1. Незамедлительно привлечь к общественным работам членов буржуазии[2] следующих категорий:

а) Лиц, живущих не своим, а чужим трудом или с доходов, напр. владений (процентов) капитала, занимающихся так назыв. свободными профессиями, со сбережений от вышеупомянутых доходов и вообще лиц, которые эксплоатируют в целях прибыли, работу других людей, напр., дворяне, домовладельцы, капиталисты (включая сюда и акционеров);

б) частных торговцев, директоров разных, преследующих прибыль, обществ, биржевых и торговых посредников (комиссионеров);

в) лиц без определенных занятий;

г) жен, взрослых детей, родственников лиц, поименованных в п. «а» категорий, если они не выполняют обязанностей, полезных государству — обществу, равно и разных категорий проституток и др. приживальцев.

Примечание: члены так назыв. свободных профессий, как бывш. присяжн. поверенные, профессора, литераторы и т. д., выключаются из указанных в п. 1-м категорий, если они выполняют обязанности в советской республике, признанные полезными.

2. Для использования труда вышеуказанных лиц в первую очередь рекомендуются следующие общественные работы:

а) работы ассенизации, чистки улиц и др. работы по благоустройству города;

б) спешная выгрузка и нагрузка тяжелых предметов для военных и продовольственных нужд;

в) перевозка и переноска разных предметов в случаях, когда ощущается недостаток в лошадях и в др. средствах перевозки;

г) возведение укреплений и вообще тяжелые земляные работы;

д) стирка белья;

ж) спешные сельские и разные строительные работы, напр.: носка кирпичей, перемещение бланок (?) и т. д.

3. Чтобы предотвратить уклонения от трудовой повинности, лицам вышеуказанных категорий, в целях контроля, взамен удостоверений личности их выдаются трудовые книжки.

4. Место и порядок выдачи трудовых книжек устанавливают местные отделы труда и таковые должны быть выданы не позже, чем через месяц по издании настоящего декрета.

Примечание: привлечь к общественным работам вышепоименованных лиц, не дожидаясь введения трудовых книжек.

5. В трудовой книжке, не реже чем раз в месяц, отмечается учреждением или лицом, уполномоченным Отделом труда, какие именно общественные работы выполнены данным лицом.

---

[1] «Известия» Социалистического советского правительства Латвии, № 22, 18 марта 1919 г., стр. 1—2. ЦАОР, инв. 1597, 1919 г., с. 1172.

[2] Так в подлиннике.

6. Трудовые книжки считаются законными только в том случае, если на них имеются § 5 указанные пометки.

7. Лица, указанные в § 1 настоящего декрета, имеют право на получение продовольственных карточек, право передвижения в пределах Соц. Сов. Респ. Латвии, равно и право на выезд только в случаях, если они обладают заполненными в законном порядке трудовыми книжками.

8. В трудовой книжке, заполненной в законном порядке, заносятся также и дети владельца ее в возрасте от 14 лет и родные (родители и т. д.), имеющие выше 55 лет от роду.

9. Удостоверениями личности для лиц, указанных в п. 1, служат только их трудовые книжки, прочие же удостоверения считаются недействительными.

10. Лица из вышеуказанных категорий, которые не явились бы за получением указанных в § 2 трудовых книжек или пытались бы уклониться от общественных работ или иными путями стремились бы нарушить настоящий декрет, будут переданы суду Рев. трибунала.

Председатель советского правительства Латвии (подпись).

Декрет советского правительства Латвии о национализации банковского дела, [8] марта 1919 г.[1]

В целях правильной организации народного хозяйства и дабы в самом корне уничтожить банковскую спекуляцию и этим освободить рабочих, крестьян и всех трудящихся совершенно от эксплоатации банковского капитала и чтобы наилучшим образом устроить единый народный банк Социалистической Советской Республики Латвии, непосредственно обслуживающий интересы народа и его беднейших слоев, советское правительство Латвии постановило:

1. Операции банков и всех прочих кредитных учреждений объявляются государственной монополией.

2. Все существующие в Латвии к моменту издания настоящего декрета акционерные банки с их отделениями, банкирские конторы, общества взаимного кредита и ссудно-сберегательные кассы и товарищества объединяются с учрежденным народным банком Латвии.

3. Управление частными и общественными кредитными установлениями переходит к народному банку.

4. Порядок ликвидации кредитных установлений определяет комиссар финансов.

5. Активы всех ликвидируемых установлений переходят к народному банку.

6. Интересы мелких вкладчиков и вообще трудящихся и малоимущих обеспечиваются в полном объеме.

7. О пассивах банков и прочих кредитных установлений будут изданы особые правила.

Председатель советского правительства Латвии (подпись).

Декрет советского правительства Латвии о языке, употребляемом в официальных бумагах, 8 марта 1919 г.[2]

На основании конституции Лат. Соц. Советск. Республики и еще раз подчеркивая равноправие всех местных языков в Латвии, советское правительство Латвии постановляет:

---

[1] «Известия» Социалистического советского правительства Латвии. № 13, 8 марта 1919 г., стр. 1, ЦАОР, инв. 1597, 1919 г., с. 1172.

[2] «Известия» Социалистического советского правительства Латвии. № 21, 17 марта 1919 г., стр. 1—2. ЦАОР, инв. 1597, 1919 г., с. 1172.

1. Языком внутреннего делопроизводства, как в центральных, так и местных учреждениях, является один из местных языков большинства населения в данное время: латышский, латгальский и русский.

2. Письменное сношение с Латгальскими уездными учреждениями (включая также Верхнюю Курляндию) происходит на латгальском и русском языках или исключительно на последнем.

3. Сношения между центральными учреждениями и с остальными местными уездными учреждениями происходит на латышском или русском, или на обоих языках.

4. Как центральные, так и местные учреждения должны принимать письменные сообщения на всех местных языках (латышском, латгальском, русском, немецком, еврейском, литовском и эстонском).

Примечание 1. Если учреждение не знает данного языка, то бумага передается ближайшему учреждению переводчиков или отделу переводчиков при советском правительстве в Риге, для перевода или составления кратких извлечений.

Примечание 2. Если поступает бумага еще на каком-либо другом языке, то и она не может быть просто отвергнута, а передается отделу переводчиков при советском правительстве для перевода или для краткого сообщения о содержании написанного.

5. Ответ дается на языках, обозначенных в § 1, а выдан должен быть по желанию подавшего непосредственно на том языке, или с приложенным переводом на том языке, на котором написана поданная бумага.

Примечание: в случае, когда в учреждении нет знающего известного языка, следует поступать по примечанию при п. 4.

6. Виновные в неисполнении этого декрета будут привлечены к законной ответственности на основании постановлений конституции.

Председатель советского правительства Латвии (подпись).

Распоряжение Комиссариата государственной ревизии и контроля Латвии, 11 марта 1919 г.[1]

1. Комиссариат государственного контроля и ревизии приглашает тех из уездных и волостных исполнительных комитетов, при которых не существуют ревизионные комиссии, выдвинуть таковые из своей среды впредь до следующих выборов, в составе 1 до 3 лиц. Эти временные ревизионные комиссии, после их утверждения Комиссариатом государственного контроля и ревизии, считаются его уездными и волостными отделениями.

2. Уездные и волостные ревизионные комиссии, избранные на основе выборных начал органов правления Советской Латвии, считаются уездными и волостными отделениями Комиссариата государственного контроля и ревизии.

3. Уездные и волостные ревизионные комиссии в своей деятельности подчинены только распоряжениям государственного контроля и ревизии.

4. Уездные и волостные ревизионные комиссии вправе принимать необходимое число сотрудников согласно указаниям и с согласия Комиссариата государственного контроля и ревизии.

5. Уездным и волостным ревизионным комиссиям отпускается необходимый им кредит на основе и в порядке представленного им Комиссариату государственного контроля и ревизии бюджета.

---

[1] «Известия» Социалистического советского правительства Латвии. № 19, 15 марта 1919 г., стр. 1. ЦАОР, инв. 1597, 1919 г., с. 1172.

6. Лица уездных и волостных ревизионных комиссий не в праве занять в течение времени своей ревизионной и контрольной деятельности какое либо место в учреждениях Советской Латвии.

7. Уездные и волостные Исполнительные комитеты приглашаются сообщить Комиссариату государственного контроля и ревизии о составе своих ревизионных комиссий, их принадлежности к политическим организациям и технических познаниях в связи с ревизионною и контрольною деятельностью, причем вся ответственность за правильность показаний возлагается на председателя исполнительного комитета.

Комиссар государственной ревизии и контроля (подпись).

Декрет советского правительства Латвии о библиотеках, [3] апреля 1919 г.[1]

1. Все принадлежащие образовательным и воспитательным общественным учреждениям, сословным и конфессиональным союзам и корпорациям, частным обществам (прекратившим свои действия), а также и скрывшимся контрреволюционерам и частным лицам публичные библиотеки со всем устройством (шкафами, полками, каталогами и т. п.) и архивы упомянутых учреждений и лиц переходят в собственность трудового народа Латвии и в распоряжение его социалистического советского правительства.

2. Непосредственное ведение и управление национализированными библиотеками поручается Комиссариату просвещения Социалистической Советской Республики Латвии.

3. Домашние библиотеки, принадлежащие частным лицам, по смерти их собственников или на основании особого распоряжения, могут быть конфискованы или реквизированы Комиссариатом просвещения для расширения библиотечного фонда.

4. Все библиотеки, как существующие, так и вновь открываемые, подлежат регистрации в установленном порядке в Комиссариате просвещения.

5. Управление (администрация) каждой типографии обязано через уездные и волостные исполнительные комитеты выслать архиву центральной библиотеки 50 экземпляров вновь вышедших книг и периодических изданий и по 10 экземпляров других печатных работ.

Примечание: порядок представления печатных работ определяется подробнее Комиссариатом просвещения.

6. Все архивы государственных и общественных учреждений, сословных и частных организаций переходят в ведение Центральной библиотеки Латвии.

7. В ведение государственной центральной библиотеки переходят все конфискованные по сие время печатные работы и акты и архивы учреждений советского правительства по потере ими их активного значения. Частные общества и организации по прекращении своих действий или ликвидации так же передают свои библиотеки и архивы в распоряжение архива Центральной библиотеки Латвии.

8. Основание и устройство архива и Центральной библиотеки Латвии, как и вообще библиотечное дело в пределах Социалистической Советской Республики Латвии определяется и регулируется комиссаром просвещения.

Председатель советского правительства Латвии (подпись).

[1] ЦАОР, инв. 1597 1919 г., с. 1172.

II

Из отчета Сакстыгальского волостного исполкома Режицкого уезда, с 4 декабря 1918 г. по 15 марта 1919 г.[1]

После ухода германских оккупационных властей по собственному гражданами волости почину собравшимися на митинг 4 декабря 1918 года в числе 500 человек был избран временный революционный комитет из 12 лиц, который и стал во главе управления волостью.

6 декабря на первом заседании революционного комитета были организованы отдел управления (исполком) из 5 лиц и продовольственный отдел из 7 лиц.

Деятельность временного революционного комитета проявилась в следующем: в первую очередь для борьбы с происходившей в пределах волости, а главное в ближайших округах к волости — анархией, когда сжигались имения и фольварки и беспощадно рубились леса, была организована местная милиция из 8 человек, которая впоследствии утверждена и продолжает нести свои обязанности по сие время. Этим предотвращено то гибельное явление, которое происходило в соседних волостях. Во вторую очередь сорганизованы 72 комбеда в деревнях, создавших настоящий волостной исполком взамен действовавшего ревкома.

Первое общее собрание деревенских комбедов состоялось 17 декабря, на котором был избран волостной исполнительный комитет комитетов бедноты, впоследствии переименованный в волостной совет, из 7 лиц. Этот волостной исполнительный комитет в свою очередь из своего состава выделил следующие самостоятельные отделы: а) волостной исполком из 3-х лиц, б) земельный отдел из 2-х лиц, в) продовольственный отдел из 1 лица.

Тогда же был организован военно-политический комиссариат из военно-полит. комиссара, товарища его и секретаря.

Всего было 6 общих собраний деревенских комитетов бедноты, на которых решены следующие вопросы.

20 дек. 1918 года. а) Об образовании своего кооператива из добровольных взносов, в который должен будет поступать весь излишек продуктов продовольствия, имеющийся у населения волости, после учета таковых.

б) Об учете продуктов и скота, при этом была отклонена паспортная система вводившаяся на лошадей.

в) Решен вопрос об охране лесов от хищений, с постановлением, чтобы всякая рубка леса производилась с ведома волостного исполкома и местных комбедов.

г) У всех лиц, замеченных в варке пива, конфисковать бесплатно излишки хлеба и сдавать их в местный кооператив для распределения среди голодающего населения.

д) Постановлено ввести во всех деревнях ночные караулы с 9 ч. вечера до 5 ч. утра для борьбы с грабежом. Эти мероприятия проведены в жизнь и поддерживаются до настоящего времени.

е) Постановлено описать и взять на учет имущества буржуазного элемента и лиц причастных к организации белой гвардии и конфисковать от них излишки хлеба. В связи с этим постановлением описаны имущество и взяты излишки хлеба у следующих лиц[2]. А всего 371 п. 20 ф. Хлеб этот поступил: 208 пуд. в продовольственные склады г. Режицы для удовлетворения голодающих бедняков города и

---

[1] ЦАОР, ф. 4210, д. № 2, лл. 74—79.

[2] Перечисляется ряд фамилий.

163 п. 20 ф. в местный продовольственный отдел для удовлетворения местной бедноты.

ж) По борьбе со спекуляцией постановлено: замеченных в этом лиц арестовывать и передавать надлежащим властям. Было задержано и передано властям 5 лиц и конфисковано 96 пудов продов. продуктов, направленных в местный продотдел 31 пуд., в Режицкий упродком и другие отделы 65 пудов.

з) Учреждена безвозмездная стоянка лошадей при волости для потребностей служащих волостного исполкома и передачи почтовых отправлений.

и) Собрано казенное имущество б. русской армии: винтовки, револьверы, шашки, седла, телеги и колючая проволока, каковое имущество передано в военный комиссариат.

к) По постановлению взяты на учет молотилки и установлена плата за пользование ими в размере 50 коп. с пуда вымолоченного хлеба.

л) Утверждена смета на 200 руб. по приобретению мебели для потребностей исполкома. Расход же в пределах этой сметы произведен лишь в 80 руб.

м) По постановлению занято у гражданина деревни Сакстыгал помещение под военный комиссариат бесплатно.

о) О частном учителе практикующемся с 2-3-мя детьми в фольв. Казраджи у владелицы. Предложить ему перейти в соседнюю деревню Пертники, для продолжения своей работы, т. к. здесь имеется больше детей школьного возраста, нуждающихся в просвещении.

Собрание 2 января 1919 года. Обсуждался вопрос о созывающемся 3 января уездном съезде Советов — постановлено послать своих представителей в числе семи человек.

Собрание 19 января 1919 г.— решено избрать ревизионную комиссию из 3-х лиц для образования делопроизводства бывш. вол. зем. управы и существующего волостного исполкома.

Собрание 16 февраля — решено 5 вопросов:

а) о выборе очередных народных заседателей, б) о санитарном попечительстве, в) о волостном кооперативе, г) доклад ревизионной комиссии.

Общее собрание 21 февраля — решило вопрос о чрезвычайном уездном съезде советов 23 февраля,— послано 9 своих представителей с наказом о присоединении этой местности к Латвии.

Всего таким образом было 6 общих собраний комитетов бедноты впоследствии переименованных в советы. Районные сельские советы пока несорганизованы.

В январе м-це по собственному почину собрано на нужды красной армии и сдано в г. Режице в отдел снабжения разного хлеба 36 п. 29 фунт., деньгами 1142 руб., рукавиц 7 пар, носков 3 пары. полотенец 10 и портянок 2-е.

Состоялось всего 20 заседаний волостного исполкома, на которых решены следующие дела между гражданами волости и вопросы, касающиеся внутреннего порядка [1].

Образовавшиеся отделы волостного исполкома ведут свою деятельность в следующем направлении:

1. Продовольственный, образован 6 дек. 1919 г. Произведен учет всего населения. Наличных душ 8500, из них остро нуждающихся в продовольствии 4430. Произведен учет продовольственных продуктов, при чем оказалось, что наличность запасов так незначительна, что половина населения обратила на продовольствие семянные заготовки и несмотря на все это население своим хлебом сможет будет протя-

[1] Перечисляются ряд мелких судебных и др. дел.

нуть не далее 1½—2-х месяцев. В этом направлении необходимо принять самые решительные меры к обеспечению населения продовольствием и семенами. На продовольствие населения потребуется по меньшей мере 16 тыс. пудов и для обсеменения полей — 24 тыс. пуд. ячменя и овса. В отделе продуктов в наличности не имеется.

Земельный отдел функционирует с 6 дек. 1918 г.

До сих пор выяснено число нуждающегося населения в дровах и бревнах на починку пришедших в ветхость строений. Взяты на учет самовольно приготовленные некоторыми гражданами волости лесные материалы, таковые раздаются в первую очередь нуждающимся. Производится отпуск дров по установленному размеру и платежным ставкам.

Отдел народного образования и социального обеспечения также функционирует.

Образован школьный совет из 89 лиц, выяснено число детей школьного возраста (от 8 до 14 л.—965). Намечена школьная сеть вновь вводимых советских школ с продолжительным курсом. Таких школ намечено 4. Проведен в жизнь закон об отделении школы от церкви. Национализированы все частные и школьные библиотеки. При волостном исполкоме организована библиотека.

По социальному обеспечению произведена перепись престарелых и калек нуждающихся в призрении и социальном обеспечении. Таких лиц имеется 70. Общая смета для дома призрения составлена на 89970 р. 00 к. Один из остронуждающихся в обеспечении старик Юнкур был направлен при отношении в уездный отдел социального обеспечения, но там не принят и возвращен обратно без всякого разъяснения. Оказать какую либо помощь таким старикам нет возможности, т. к. при волости нет средств. Были составлены списки на семьи солдат бывшей русской армии, пропавших без вести, умерших и находящихся в плену, по таким спискам не по всем последовало разрешение выдачи пайка. Составленные списки семей красноармейцев нуждающихся в продовольственном пайке также возвращены.

Назначена одна опека над личностью и имуществом малолетнего.

Денежная часть. Ведется одна приходо-расходная книга (главная кассовая) по продолжению с 1918 года, к ней имеются одна вспомогательная книга по переходящим суммам, ведется квитанционная, по принятию окладных сборов сметных назначений 1917-1918 гг. По главной приходно-расходной книге приняты остатки сумм от б. волостной земской управы. Дальнейшие поступления денежных сумм таковы [1]:

К неотложному удовлетворению подлежат — снабжение населения продовольствием и семенами и наискорейшее открытие дома призрения для престарелых и калек.

Председатель волостного исполкома (подпись).

Из резолюции 2-го чрезвычайного съезда Советов Режицкого уезда, 24 февраля 1919 г. [2]

Понимая сколь важным является присоединение Режицкого уезда к красной Латвии, 2-ой чрезвычайный съезд Советов Режицкого уезда находит, что, во имя победы пролетариата, рабочих и трудового крестьянства, присоединение Режицкого уезда к красной социалистической Советской Латвии нужно и необходимо.

Да здравствует Советская Россия.

Да здравствует Красная Латвия.

Да здравствует мировая революция.

[1] Далее идет перечисление статей поступлений.

[2] ЦАОР, ф. 4210, д. № 2, 1919 г., л. 52.

Распоряжение Рижского совета рабочих депутатов, [19] марта 1919 г.[1]

На основании декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, опубликованного в № 1 Изв. Соц. сов. пр. Латвии[2], Рижский совет рабочих депутатов обязывает все находящиеся в г. Риге и Рижском уезде богослужебные учреждения всех вероисповеданий и сект, все религиозные общества или их представителей, а также всех лиц, в фактическом обладании и ведении которых находятся молитвенные дома или имущество религиозных обществ, представить в течение двух недель, считая со дня опубликования этого распоряжения, в административный отдел Рижского совета рабочих депутатов (в здании бывшего Рижского окружного суда, комната 40, от 10—16 часов дня):

1. В трех экземплярах подробную инвентарную опись всего имущества, специально предназначенного для богослужебных и обрядовых целей;

2. В трех экземплярах список всего того имущества церквей, религиозных обществ и вероисповедных установлений, которое не предназначено для богослужебных целей, как-то: дома, земли, угодья, предназначенные для содержания духовных лиц, или другие доходные имущества (арендные участки), фабрики, рыбные и иные промыслы, ночлежные дома, капиталы и вообще всякое приносящее доход имущество, в чем бы оно ни заключалось, при чем в этом списке должно быть указано место, где находятся те учреждения и лица, в ведении которых находится упомянутое имущество;

3. В двух экземплярах список тех жителей соответствующей религии, которые желают взять в свое хранение и пользование упомянутое в 1-м пункте богослужебное имущество на условиях, предусмотренных в «Декрете об отделении церкви от государства и школы от церкви», причем в списке должны быть указаны имя, отчество и фамилия этих граждан, а также их занятие и место жительства.

Виновные в представлении неправильных списков, в утаении и неуказании упомянутого имущества будут привлечены к уголовной ответственности на основании вышеозначенного декрета.

Председатель (подпись).

Объявление отдела коммунального хозяйства Режицкого исполкома, 6 мая 1919 г[3]

Отдел коммунального хозяйства настоящим доводит до сведения всех граждан:

1. Все дома гор. Режицы, кроме нижеуказанных, остаются в распоряжении у своих прежних владельцев.

2. Дома бежавшей буржуазии берутся отделом коммунального хозяйства на учет и будут обследованы для выяснения степени их пригодности для национализации.

3. Дома, занятые местными советскими учреждениями, считаются собственностью учреждения, ремонт и содержание их в порядке возлагаются на те учреждения, которые занимают эти помещения, при чем расходы, связанные с домом, вносятся в смету учреждения. Если в доме советских учреждений сдаются квартиры, лавки и пр. помещения частным лицам, то арендная плата должна вноситься в народный банк в пользу государства.

4. Устанавливается ежемесячная квартирная плата для всех зданий

---

[1] «Известия» Социалистического советского правительства Латвии, № 23, 19 марта 1919 г., стр. 7—8. ЦАОР, инв. № 1597, 1919 г., с. 1172.

[2] См. стр. 65.

[3] ЦАОР, ф. 4195, д. № 221, л. 50.

города в размере не более 3 руб. 50 коп. с кв. сажени площади пола без отопления и освещения; причем ремонт и очистка возлагаются на домовладельцев.

5. Как с квартиронанимателей, так и с домовладельцев за квартиры, занимаемые ими устанавливается 10% отчисление в пользу государства, вносимое в народный банк, а для учета сдаваемых домовладельцами квартир вводятся квартирные книжки с указанием занимаемого помещения.

6. Квартирную плату за февраль, март и апрель м-цы с. г. в вышеуказанном размере квартиронанимателям предлагается внести домовладельцам, при чем на последних возлагается немедленная очистка улиц и дворов.

7. Сдача квартир и перемещение с одной в другую без ведения квартирного подотдела не допускается.

8. Прибывающие воинские части размещаются комендантом города, совместно с представителем квартирного подотдела бесплатно, при чем очистка постоя возлагается на войсковые части под ответственностью командиров и комиссаров частей.

Неисполнение сего объявления влечет за собою ответственность пред революционным трибуналом.

Председатель исполкома (подпись).

Из протокола заседания 3 съезда Советов Люцинского уезда, 25—26 мая 1919 г.[1]

I. Из резолюции по текущему моменту.

Третий очередной съезд Советов Люцинского уезда, заслушав доклад по текущему моменту в связи с международным положением РСФСР, принимает следующую резолюцию:

Начиная с Октябрьской революции, гигантскими шагами шло раскрепощение трудового класса, росло и крепло мировое коммунистическое движение, собравшее под знаменем III-го Интернационала живые революционные силы всех стран. На старый империалистический мир надвинулся грозный враг, истребляющий гнилые корни этого старого мира. Никакая сила не может вернуть нас к прошлому состоянию рабства, ничто не может исключить всемирного обновления на основах коммунизма. Но империализм со злобы и ненависти в предсмертных судорогах ставит все на последнюю карту. Мировые хищники напрягают сейчас [силы] на всех фронтах. Они, навязывая Германии Версальский мир, наносят удар международному пролетариату. Пролетариат же должен понять, что единственное спасение угнетенных в мировой пролетарской революции. В тот же самый момент, когда империалисты пытаются изувечить международный пролетариат Версальским миром, они ведут поход против Советов. Красная Рига, Красный Петроград — осажденные крепости. Их штурмуют белогвардейские банды, но рабочий класс бдителен, он приложит все усилия к тому, чтобы отстоять свои красные крепости, разбить на голову белый фронт, дабы приблизить час мировой пролетарской революции. Да здравствует III-й Интернационал. Да здравствует мировая солидарность пролетариата. Да здравствует красная армия. Долой Версальский мир. Да здравствует власть Советов.

II. Резолюция по земельному вопросу.

Из доклада и прений по земельному отделу усматривается интенсивная, хотя и не всесторонне исчерпывающая деятельность отдела в

[1] ЦАОР. ф. 4182, д. № 1, лл. 229—230.

отношении упорядочения разрушившихся при оккупации хозяйств бывших имений с устройством в них коммун, товарищеских и советских хозяйств. В отношении установления порядка землепользования частными хозяйствами и разрешения возникающих на этой почве конфликтов, с точки зрения III съезда Советов необходимо передать для непосредственного ведения в волостные земельные отделы, при чем уездный отдел должен принять на себя лишь контроль и наблюдение за точным соблюдением декретов и распоряжений в этой области.

К обеспечению населения семенами яровых хлебов своевременно принятые меры не привели к желательным результатам, так как назначенные по нарядам из центра семенные грузы были предназначены для надобности красного фронта. На уездный земельный отдел возлагается изыскание и проведение мер к возможному обеспечению, по представлениям волостных исполкомов, беднейшего населения озимыми семенами. Срочно же необходимо планомерное использование яровых семян, взимаемых из семянных запасов по волостям в количестве 10%, а также семян, поступающих из соседних уездов.

Обеспечение населения удобрением не могло быть произведено за отсутствием искусственных, минеральных и органических удобрений, как в Латвии, так и вообще в России, но к получению их должны быть приняты срочные меры.

Проведение очистки лесов в обеспечение от лесных пожаров на основаниях постановления коллегии Совета народного хозяйства о привлечении к очистке за покубичную плату рубщиков леса, безработных города, зажиточное и свободное от полевых работ население волостей, возложить на волостные отделы для скорейшего и успешного хода работ под руководством лесничества и лесной стражи. На уездный земельный отдел возлагается принятие мер к прекращению истребительной рубки леса по волостям.

III. По продовольственному вопросу.

Выслушав доклад по продовольственному отделу и понимая всю трудность работы на местах в виду того, что до сих пор нам приходилось бороться с надвигающимся голодом только местными средствами, ибо поступления продовольственных продуктов извне не могли полностью удовлетворить нужды беднейшего голодающего пролетариата уезда, 3-й съезд Советов Люцинского уезда обращается с горячим призывом ко всем работникам на местах напрячь все усилия для одоления грозного врага — голода, ибо если не будет голода, то нам не страшны никакие белогвардейские банды колчаковщины, петлюровцев, маннергеймовцев и др. Они могут быть сильны только тогда, когда отрежут от нас наши хлебородные губернии. Но они должны быть побеждены и будут побеждены. Колчаковские банды на востоке уже бегут под напором Красной армии.

Нам нужно сплотиться в борьбе с нашим внешним врагом белогвардейскими бандами и внутренним, более страшным — голодом. Надо просить центр и приложить все старания к тому, чтобы добыть запас продовольствия из хлебородных мест; увеличить до максимума энергию в работе по равномерному распределению местных запасов; какими бы то ни было средствами выжать излишки запасов у кулаков. Привлечь к этой работе бедняков деревни, ибо они знают тех кулаков, которые намеренно утаивают свои запасы. Необходимо в интересах беднейшего населения провести через посредство кооператива снабжение товарообмена на наиболее выгодных для населения условиях.

Нужно агитировать среди бедняков, вырвать их из под влияния кулацкого элемента. Вместе с тем предложить продотделу просить центр об увеличении нормы выдачи продуктов первой необходимости, как например соли, чтобы этим хоть в частности удовлетворить беднейший класс, и с другой стороны облегчить работы по товарообмену, закупке хлеба и льна.

Надо призвать к себе весь пролетариат деревни, повести самую широкую агитацию в массах и разъяснить им, что эти два месяца борьбы с голодом — это последние месяцы. К тому времени у нас будет собственный урожай, к тому времени к нам подойдут запоздавшие из других мест и в будущем году мы будем обеспечены. Еще два месяца и за нами последует победа.

IV. По отделам Совета народного хозяйства.

(По промышленному, строительному, финансовому, отделу труда и коммунального хозяйства).

Заслушав доклады и прения по отделам Совета народного хозяйства 3-й очередной съезд Советов Люцинского уезда признает, что выполнение работ протекало в условиях значительно неблагоприятных, так в технических отраслях ощущался недостаток материалов, рабочей силы, специалистов, а также с ликвидацией отдела снабжения и с недавним установлением отдела коммунального хозяйства, затруднялось нормальное выполнение работ. В деятельности финансового отдела, не подвергавшегося коренной реорганизации, усматривается точное проведение распоряжений и декретов центральных органов властей и работа его в отношении налоговой системы не противоречила местным интересам. В предстоящем ближайшем времени отделы Совета народного хозяйства должны развить максимум энергии для обследования оборудования и обслуживания существенных нужд волостей уезда, в деле ремонта постройки имеющих общественное значение зданий, мостов, дорог, проведения почтовым ведомством телефонов по волостям, налаживания более продуктивных работ на заводах строительных материалов, кирпича и извести и увеличения производства кожевенного товара, для возможности удовлетворения нужд местного населения города и волостей.

V. По совету революционной борьбы.

Заслушав доклад по совету революционной борьбы, как-то отделов: военного, управления, юстиции и революционного трибунала, 3-й съезд Советов находит:

1. Работа отдела юстиции, суда и трибунала находится не в стадии развития, но окончательно установилась и производится вполне правильно. Никаких нареканий и недоразумений не вызывает. Это один из отделов, где не приходится говорить, что работа тормозится по той или иной причине. Остается пожелать только одно, чтобы не только местные власти, но и отдельные граждане оказывали ему свое содействие в предоставлении возможности обнаружить то или другое преступление.

2. Военный отдел свою работу ведет вполне правильно и согласно указаний из центра, но к сожалению приходится констатировать факт, что, несмотря на все принимаемые отделом меры, мобилизация как людей, так и лошадей прошла весьма вяло. Население недружно откликается на призыв к защите советской власти, оно еще не усвоило того, что только общая сплоченность с оружием в руках в рядах красной армии даст возможность в будущем свободнее вздохнуть и стрях-

нуть все те тяготы, которые мы сейчас чувствуем, что только с оружием в руках мы уничтожим блокады империалистов и добудем свободу и хлеб для трудящихся масс.

Кому дорога свобода и завоевание революции, тот должен исполнить свой гражданский долг и по всякому призыву быть готовым стать с оружием в руках на защиту советской народной власти, против лиц, которые так или иначе уклоняются от исполнения своего долга, против тех кулаков и дезертиров, которые скрываются от призыва на лесных дорогах. Съезд считает необходимым принять по сношению с центром самые решительные меры. Каждый волостной исполком, каждый районный совет, каждый сознательный гражданин обязан оказывать в борьбе с дезертирством свое содействие. Только общими усилиями мы уничтожим белогвардейские банды и скорее достигнем того момента, когда сможем спокойно работать на благо трудового пролетариата и проводить полностью в жизнь идеи коммунизма.

3. Работа отдела управления велась довольно правильно и тормозилась лишь в виду отсутствия достаточного количества ответственных работников, а в особенности агитаторов и инструкторов, в которых так нуждается уезд. Политический отдел работал все время интенсивно по искоренению слуг контрреволюции, хотя они и не все еще обезврежены.

Съезд признает необходимым повести в уезде самую широкую агитацию, дабы совершенно обособить от кулаков беднейший пролетариат и вместе с тем еще более усилить деятельность политического отдела, чтобы ни один из прислужников белогвардейцев не мог проявить своей вредной деятельности.

VI. По совету социального обеспечения и народного образования.

Затем по совету социального обеспечения и народного образования съездом единогласно при 1 воздержавшемся принята следующая резолюция:

Констатируя известный сдвиг и успехи в области образования и социального обеспечения, 3 съезд Советов Люцинского уезда указывает на необходимость более интенсивной работы по внешкольному образованию, снабжения уезда литературой, организации сети детских садов и очагов, обеспечения семей красноармейцев и активной борьбой с эпидемией путем прививки оспы и тифа и усиления питания.

Приказ Режицкого военно-революционного комитета, 26 июня 1919 г. [1]

1. В целях установления правильного классового распределения среди населения города Режицы продуктов и обеспечения в должной мере рабочих и бедноты,— военревком постановил произвести перерегистрацию населения гор. Режицы по категориям для выдачи новых классовых карточек.

Поэтому предлагается: в семидневный срок со дня объявления сего, граждане обязаны явиться в продовольственный отдел, имея при себе продовольственные карточки для перерегистрации, для каковой цели создана комиссия в составе пяти членов — по одному от продовольственного отдела, социального обеспечения, отдела труда, государственной ревизии и реввоенкома.

В связи с этим население приглашается озаботиться [2] необходимыми документами от соответствующих учреждений, т. е. рабочие — удосто-

[1] ЦАОР, ф. 4195, д. № 221, л. 98.
[2] Так в подлиннике.

верениями от предприятий, где они работают, безработные, нетрудоспособные и беднейшее население от отдела социального обеспечения о их социальном положении.

Неявившиеся в означенный срок лишаются пайка.

2. В последнее время наблюдается во всем уезде усиленная порча плодовых садов и других насаждений, производимая как взрослыми гражданами уезда, их детьми, так и размещенными во многих имениях войсковыми частями, заключающаяся в поломке сучьев, в срывании незрелых плодов и ягод, в повреждении заборов, в потраве лугов и клеверных полей и мног. др.

Так как подобные разрушения и расхищения являются уничтожением народного достояния и приводят население к голоду и бедствиям, то Режицкий уездный военревком приказывает всем волостным земельным отделам, заведывающим советскими хозяйствами, участковым садоводам и пр. советским организациям строго следить, чтобы подобные бесчинства не повторялись.

Все без исключения лица, уличенные в порче плодовых садов и пр. народного достояния, будут наказываться по всем строгостям законов революционного времени.

Председатель военревкома (подпись).

Инструкция для районных административно-организационных бюро и волостных ревкомов Люцинского уезда, 9 июля 1919 г.[1]

В целях проведения в жизнь строгой и решительной революционной диктатуры, в волостях учреждаются взамен исполкомов волостные ревкомы и районные административно-организационные бюро.

А. РАЙОННЫЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ БЮРО

I. Организация районных административно-организационных бюро.

1. Для более широкого и удобного хода организации волостных ревкомов весь уезд разбивается на 3 района, а именно: Люцинский, Корсовский и Розеновский.

2. В Розеновском и Корсовском районах учреждаются административно-организационные бюро из трех лиц в каждом. Члены административно-организационных бюро назначаются и утверждаются уездным ревкомом.

3. В состав Розеновского района входят шесть волостей[2].

4. Люцинского административно-организационного бюро отдельно не существует, его функции по отношению к трем волостям — Эверсмуйжской, Звирздинской и Пылденской исполняются уездным ревкомом.

5. Районные административно-организационные бюро являются учреждениями временными и существуют до тех пор, пока окончательно будут сорганизованы волостные ревкомы и деятельность последних поставлена на должную высоту.

6. Районные административно-организационные бюро распускаются постановлением уездного ревкома по его усмотрению.

7. Во время своей деятельности районные административно-организационные бюро всецело и непосредственно подчинены уездному ревкому.

---

[1] ЦАОР, ф. 4179, д. № 2, лл. 1—2.

[2] Перечисляются волости.

II. Обязанности районных административно-организационных бюро.

8. На обязанности районных административно-организационных бюро лежит организация волостных ревкомов района, при чем районные административно-организационные бюро имеют право по своему усмотрению намечать кандидатов в волостные ревкомы, как из работников волости, независимо от занимаемых ими до сих пор должностей, так равно из работников вне волости.

9. Намеченный таким образом состав волостного ревкома представляется районным административно-организационным бюро на утверждение уездного ревкома.

Примечание: в представленных на утверждение кандидатурах состава волостного ревкома должно быть указано, кто из членов последнего является председателем.

10. Кроме членов ревкома районное административно-организационное бюро может назначить при волостном ревкоме также других менее ответственных работников, если оно это находит нужным, без особого на то разрешения или утверждения уездного ревкома.

Примечание: в отдельных случаях недоразумений о назначении того или другого лица дело может быть выяснено и решено уездным ревкомом.

11. По окончании организации волостных ревкомов районные административно-организационные бюро должны следить за правильной работой последних, давая советы, указания и контролируя деятельность.

Примечание: районное административно-организационное бюро имеет право отменить постановление волостного ревкома и в случае злоупотребления виновных арестовать и препроводить в уездный ревком.

12. Во всех делах административно-организационного характера волостные ревкомы подчинены непосредственно районным административно-организационным бюро и только через него уездному ревкому, но в остальном сношения между волостными ревкомами и уездным остаются прежними.

Примечание: все распоряжения уездного ревкома административно-организационного характера отдаются волостным ревкомам только через районные административно-организационные бюро.

13. Кроме того районные административно-организационные бюро должны заботиться об организации вооруженной силы для поддержания революционного порядка; главное ядро силы должно находиться в центре района при районном административно-организационном бюро.

При недостатке силы районное бюро обращается в уездный ревком.

14. Районное административно-организационное бюро может для ведения своих дел держать штат из следующих лиц: секретаря, переписчика, машинистки и рассыльного.

15. Боевая сила, находящаяся в центре при районном административно-организационном бюро, может быть доведена до 30 чел.

16. Бюро со штатом и специально при нем принятыми сотрудниками и члены революционной охраны получают вознаграждение из уездного ревкома на общих основаниях.

Примечание: исключение составляют члены караульного взвода, командированные военным отделом, которые получают вознаграждение непосредственно из военного отдела.

17. Каждую неделю бюро дает письменный подробный доклад уездному ревкому о своей деятельности.

18. О всех отрицательных явлениях, хотя и не относящихся прямо к бюро, последнее должно поставить в известность уездный ревком для принятия соответствующих мер.

Б. ВОЛОСТНЫЕ РЕВКОМЫ

I. Организация их.

19. Волостные ревкомы учреждаются в составе трех лиц: председателя и 2-х членов.

20. Кандидаты, намеченные бюро, представляются уездному ревкому на утверждение.

21. Остальных менее ответственных сотрудников ревком может принять сам, но в случае надобности таковых частично или всех назначает бюро, помимо уездного ревкома.

22. Во всех делах административно-организационного характера волостные ревкомы подчиняются уездному ревкому только через районные административно-организационные бюро, в остальном же уездному ревкому непосредственно.

23. Отделы и сотрудники отделов упраздненных волостных исполкомов остаются на местах и продолжают работу на прежних основаниях, всецело подчиняясь волостному ревкому.

24. Заведующие отделами и остальные сотрудники в случае надобности могут быть смещены и назначены волостным ревкомом по своему усмотрению, если против этого районное административно-организационное бюро не имеет возражений.

25. Штаты упраздненных исполкомов остаются и при ревкоме, но только сокращаются и сводятся, если это представляется возможным.

Примечание: штаты свести или сократить могут районное административно-организационное бюро, а также сам волостной ревком.

26. Сельские советы остаются на местах и продолжают свою прежнюю работу.

27. Председатель волостного ревкома и члены, не заведующие каким либо отделом, жалованье получают непосредственно из уездного ревкома.

Все остальные расходы покрываются соответствующими отделами уездного ревкома как и до сих пор.

Примечание: желательно, чтобы члены ревкома были бы заведующими отделами.

II. Задачи волостных ревкомов.

28. Волостные ревкомы должны заботиться об организации революционной охраны и порядка в волости.

29. Руководить политической и хозяйственной жизнью волости.

30. Принимать самые решительные меры в случае контрреволюционных выступлений и появления «зеленых».

31. Приложить все усилия к искоренению дезертирства.

32. Приложить все усилия к оказанию содействия всем мероприятиям военных властей и других государственных учреждений.

33. Всеми силами стараться улучшить существование беднейших слоев населения и таким образом поддержать авторитет советской власти.

За председателя ревкома (подпись).

Обязательное постановление Люцинского уездного ревкома о белье-вещевом налоге в Люцинском уезде, 30 июля 1919 г.[1]

В виду острой нужды в белье и одежде для богаделен, приютов, больниц, мест заключения и проч. и невозможности получить таковые от центра, Люцинский уездный революционный комитет постановил: обложить имущее население города и всего уезда белье-вещевым налогом в нижеследующем порядке:

1. Бывшие и настоящие торговцы, заводчики, фабриканты, кустари, работающие наемным трудом, мельники-собственники, дворовладельцы, имеющие свыше 30 дес. удобной земли, а свыше 40 десятин облагаются в двойном размере и т. д., собственники в городе и местечках, имеющие собственность на сумму свыше 20 тыс. руб., должны представить пару белья (муж. и женского), пиджак или шаровары или кофту-блузу с юбкой, сапоги или ботинки, пальто, носки, полотенце, одеяло, простыню, матрац и наволочку.

2. Мелкие торговцы, кустари-одиночки, владельцы и арендаторы гостиниц, чайных, меблированных комнат, все имеющие частную собственность (движ. и недвиж.) в городе и местечках свыше 10.000 рублей, арендаторы имений, фольварков, садов, огородов, мельниц и проч., все имеющие лошадей, или коров в городе и местечках, дворохозяева имеющие свыше 15 дес. удобной земли, а также все имеющие 15 дес. удобной земли, но не менее 2-х лошадей и 3-х коров представляют: одну пару белья (мужского или женского), пиджак или шаровары или же кофту-блузу с юбкой, носки, полотенце и наволочку или взамен последних трех предметов одеяло, простыню или матрац.

3. Белье-вещевая норма, представление ее допускается также в виде сукна, полотна и проч. новых тканей взамен готовых предметов.

4. Сдаваемая одежда и белье должны быть если не совершенно новыми, то во всяком случае вполне годными к употреблению. Негодное к употреблению не принимается.

5. Прием белья и одежды производится с 1 августа сего года в городе при отд. соц. обеспечения до 20 августа с. г., а по волостям — при волостных ревкомах до 1 сентября сего года.

6. Непредставившие в срок полагающегося с них количества белья и одежды будут подвергнуты аресту до 3-х месяцев с конфискацией всего имущества.

Люцинский уездный революционный комитет.

Приказ Режицкого уездного военно-революционного комитета, 29 июля 1919 г.[2]

Очень много из деревенской бедноты, имеющие клочек земли в несколько десятин, не имеют ни одной лошади, а поэтому земля нередко остается необработанной и незасеянной. Кроме того, с приближением времени сбора хлебов многие хозяйства, особенно хозяйства семей красноармейцев будут страдать за неимением рабочих рук.

Поэтому военно-революционным комитетом Режицкого уезда приказывается:

1. Забота об обработке и обсеменении полей, а также уборке хлебов в хозяйствах неимущих, неимеющих лошадей или достаточно рабочих рук возлагается на то общество, деревню, село, фольварк, в

[1] ЦАОР. ф. 4179, д. № 2, л. 400. Заголовок подлинника.
[2] ЦАО[illegible] ф. 4210, д. № 2, 1919 г., л. 152.

район которого входит данное хозяйство. Круговою порукою все указанные граждане отвечают перед революционными властями своевременным и аккуратным исполнением требующихся работ.

2. Во исполнение сего волостные революционные комитеты и сельские советы наблюдают, чтобы зажиточное крестьянство кулачье, имея несколько лошадей, во время обработали свои поля и предоставили лошадей безлошадным хозяйствам, помогая, наравне с прочим населением безвозмездно.

3. В первую очередь следует иметь в виду хозяйство семей красноармейцев.

4. Волостным революционным комитетам вменяется в строгую обязанность под ответственностью следить за точным исполнением сего.

5. Во осуществление трудового принципа рабоче-крестьянской трудовой республики «неработающий да не ест» до введения трудовых карточек, настоящим все население, занимающееся непроизводительным трудом, бездельничающее и т. д., привлекается к обязательной трудовой повинности.

Лица, уклоняющиеся от работ и регистрации, неимеющие у себя на руках регистрационной карточки и впоследствии сделанных на карточке отметок о произведенной владельцем ее работы, будут переданы революционному суду.

Предревкома (подпись).

Вооруженное восстание в Мотовилихе в декабре 1905 г.

Мотовилиха является одним из наиболее старинных промышленных очагов на Урале. Основанный в Мотовилихе еще в 1736 г. медно-плавильный завод после временного его закрытия был возрожден в 60-х годах как казенный пушечный завод, применявший чугунное и стальное литье. Не в пример многим предприятиям Урала, сохранявшим отсталую технику вплоть до начала 20 века, казенный завод в Мотовилихе уже в 70—90-х годах 19 века значительно двинулся вперед в области применения новых способов и методов обработки сырья. В 1874—1875 гг. здесь был осуществлен переход (при отливке стали) с древесно-угольного топлива на газовое и с 1890 г. стало применяться электрическое плавление металлов. При значительном росте квалифицированных кадров возрастало и общее число рабочих и объем выпускаемой продукции, идущей на укрепление царской армии. Так в 1894 г. в Мотовилихинском заводе работало до 4000 рабочих, в 1905 — 8000 рабочих. Особенно возрастал объем продукции завода обычно в годы войны, как это было, например, во время русско-японской войны, когда Мотовилихинский завод получал усиленные заказы от казны на пушки и снаряды.

Несмотря на то, что среди рабочих Мотовилихинского завода было немало приехавших из Петербургской, Московской, Нижегородской, Вятской и других губерний, основную массу их составляли все же коренные жители ближайших к заводу селений. Особенности быта мотовилихинских, как и всех уральских рабочих, которые при проведении реформы 1861 г., будучи ранее связаны с землей, получали в собственность усадьбы и покосные участки, а частью даже пахотную землю,— не могли не сказываться на всем их социально-политическом облике. Вынужденная связь с землей и ограниченные размеры наделов, однако прочно привязывавшие поселян к местным заводам, накладывали на быт местных рабочих печать некоторой патриархальности, застоя и консервативности. Но Мотовилиха все же выделялась среди других промышленных поселений Урала своей близостью к довольно крупному городскому центру (она находилась в 4 верстах от губернского города Перми) и довольно ранним распространением влияния социал-демократов.

Первые социал-демократические кружки в Перми и Мотовилихе возникли в начале 900-х годов. С момента образования в Перми (в июле 1902 г.) местного комитета РСДРП, присоединившегося в январе 1903 г. к платформе ленинской «Искры», среди мотовилихинских рабочих неуклонно росло и крепло влияние революционных социал-демократов — позднее большевиков. Только некоторая, на время оторванность от руководящего большевистского центра и Ленина в 1904 г., вследствие имевших место на Урале арестов,— привела к тому, что уральцы оказались в плену у большевиков-примиренцев. Но высказавшись в январе 1905 года за созыв III съезда партии и признав бюро комитетов большинства организационным комитетом по созыву этого съезда, уральцы (в лице созданного в июле 1904 г. на конференции уральских социал-демократических организаций — с участием Пермского комитета — Уральского комитета РСДРП) снова становятся на большевистский путь борьбы с оппортунизмом. Большевистскую позицию уральские социал-демократы (в том числе

и Пермский комитет РСДРП) продолжали энергично отстаивать и на протяжении всего 1905 года.

Под влиянием революционной социал-демократической пропаганды и агитации и притока рабочих из других промышленных центров на Мотовилихинском заводе к началу 1900 г. складывается прочная и довольно значительная прослойка передовых рабочих, идущих за большевиками. В общую экономическую и политическую борьбу пролетариата постепенно втягивается и масса мотовилихинских рабочих. В 1905 г. в Мотовилихе уже существовала местная организация РСДРП, работавшая под непосредственным руководством большевистского Пермского комитета РСДРП.

Нарастание революционного подъема в 1905 г. выразилось в Мотовилихе в активной стачечной борьбе. Забастовки были организованы в мае, июле и сентябре и проходили под руководством большевиков. Во время стачек рабочие проявили настойчивость и упорство в борьбе. Забастовка в мае продолжалась 11 дней; администрация вынуждена была удовлетворить предъявленные рабочими экономические требования. Новые требования были выдвинуты рабочими в июле. Администрация отказалась удовлетворить их чуть ли не целиком. Рабочие после 16 дней забастовки под давлением военной силы и угрозы закрыть завод вынуждены были приступить к работе, не добившись уступок. Одним из основных требований рабочих было требование 8-часового рабочего дня. 1 сентября приостановили работу рабочие мартеновского цеха, предъявившие требования 8-часового рабочего дня, выдачи квартирных денег, повышения заработной платы, разрешения собирать общие собрания, удаления некоторых мастеров и т. п. (большинство требований являлось повторением требований июльской стачки). Однако, общей стачки организовать не удалось. Стачка мартеновского цеха прекратилась через 2 дня, но волнение в цеху не улеглось, вспыхнула новая стачка 19 сентября и протекала в весьма бурной форме. Ближайшими поводами к стачке послужило: увольнение нескольких участников забастовки — рабочих мартеновского цеха, обнаруженные ревизией огромные растраты в горнозаводской лавке (до 60 тыс. рублей — во главе лавки стоял инженер Шафалович) и грубое, оскорбительное обращение администрации с рабочими. Рабочие во время стачки постепенно удаляли с завода особенно ненавистных им представителей администрации и мастеров, встречали и провожали некоторых из них свистом и криками. Завод по распоряжению министра финансов Коковцова (русско-японская война закончилась и нужда в новых орудиях и снарядах утратила свою остроту) был закрыт с 23 сентября на неопределенное время и все рабочие уволены. Работы на заводе возобновились только в самом конце октября. Во время октябрьской стачки рабочие Мотовилихи принимали участие в организуемых Пермским комитетом РСДРП политических демонстрациях и имели столкновение с черносотенцами. Погромы в Перми были предотвращены в значительной мере благодаря активности и энергии мотовилихинцев.

По призыву большевиков рабочие Мотовилихи, начиная с октябрьских дней, приступили к сбору средств на вооружение и к созданию боевой дружины. На митингах в ноябре выносились решения готовиться к всеобщей стачке и вооруженному восстанию.

Политическая забастовка в Мотовилихе началась 9 декабря. Рабочие поставили себе задачу — добиться немедленного распространения стачки на железную дорогу и соседние заводы, включая и Пермские заводы. Среди собиравшихся на сходки и митинги рабочих распространялись прокламации Пермского комитета РСДРП с призывом к вооруженному восстанию.

Значительная часть рабочих с готовностью шла за большевиками и развернула активную подготовку к вооруженной борьбе против самодержавия. Основная же масса захваченных общим революционным подъемом мотовилихинцев включалась в нарастающую борьбу, не изжив еще некоторых своих предрассудков и заблуждений. Отсюда мы видим известную ограниченность выдвинутых мотовилихинцами в начале декабрьской стачки политических требований и

причудливое переплетение их с узкими требованиями хозяйственно-бытового характера, полностью отражающими все своеобразие уклада жизни уральского рабочего. Однако, революционная «практика» мотовилихинцев значительно обгоняла их резолютивные положения и требования. Так, по жандармско-полицейским донесениям мы видим, что состоявшееся 10 декабря общее собрание рабочих помимо требования политической амнистии выдвинуло требования немедленного созыва Государственной думы «с участием рабочих всей России» и восстановления «свободы печати, согласно манифеста 17 октября».

Состоявшийся 11 декабря сход «мастеровых и сельских обывателей» Луговo-Запрудского и Ивинско-Висимского обществ (в виду особенностей своего быта мотовилихинские рабочие выступали то как рабочие, то как члены сельских обществ ближайших к заводу поселков) тоже постановил послать телеграмму Николаю II с «просьбой» немедленно созвать Государственную думу «на началах прямого, всеобщего, равного и тайного голосования для выработки основных законов, которые бы успокоили всю страну» [1].

Но тот же сход постановил образовать милицию в составе 120 человек и взять на ее содержание «взаимообразно» средства из «богадельных сумм», принадлежащих волостному правлению, в сумме 2 тысяч рублей, он же постановил запретить торговцам-перекупщикам покупку муки, овса, масла, яиц и т. п. во время базаров до 12 часов дня, чтобы они не могли перепродавать днем по повышенным ценам закупленные рано утром по более низким ценам продукты; надзор за этим был возложен на милицию; было постановлено прекратить выплату жалованья 3 полицейским сотским и т. д.

При внешне-лойяльном тоне в отношении царя, земского собрания и т. д. мотовилихинцы в тот же день начали свою деятельность, фактически, с изгнания низовых агентов царской власти. Передовые же рабочие в центре своего внимания поставили вооружение, отобрав револьверы на фирме Нобель (по данным следствия и суда видно, что закупка оружия Пермским комитетом РСДРП производилась в довольно широких размерах и до этого). 12 декабря, стремясь вызвать железнодорожную забастовку, мотовилихинцы огромной массой двинулись на станцию, где и произошло первое их столкновение с казаками. Рабочие в тот же день ответили на действия власти разоружением полицейских стражников. На следующий день, 13 декабря, вооруженные рабочие, засев в отдельных домах, обстреляли из-за устроенных ими баррикад казаков и солдат, пытавшихся разгонять скоплявшихся на центральных улицах Мотовилихи рабочих (баррикады строились из прочного материала — бревен, жердей и досок, постройка их была произведена днем и вечером 13 декабря). Войскам пришлось брать приступом одно из фабричных зданий, на чердаке которого засели дружинники, обстреливавшие войска. Численное превосходство войск над слабо вооруженными дружинниками дало возможность правительству быстро подавить восстание. Уже 13 декабря были произведены массовые аресты. Но главной причиной быстрого подавления восстания была его известная изолированность. Несмотря на то, что Пермские железнодорожные мастерские включились в стачку с 8 декабря, приостановить движение по Пермской железной дороге не удалось (поезда продолжали ходить под охраной полиции и жандармов, т. к. бастовала только часть служащих). Несмотря на это, восстание мотовилихинских рабочих в декабре 1905 г. является одной из наиболее ярких страниц в истории героической борьбы пролетариата Урала.

---

[1] В документах имеется некоторое противоречие по этому поводу — в одном случае говорится, что рабочие постановили послать телеграмму с требованием созыва Учредительного собрания, в другом случае утверждается, что они настаивали на скорейшем созыве Гос. думы. Публикуемый приговор схода не оставляет сомнений на этот счет: в проектах резолюции общего собрания 10 декабря и в проекте приговора 11 декабря содержалось видимо требование созыва Учредительного собрания (см. поправки в тексту), но в обоих случаях большинство при голосовании высказалось за требование созыва Гос. думы.

Публикуемые документы представят значительный интерес для историка первой русской революции. В них с достаточной конкретностью обрисована подготовка и самый ход вооруженного восстания в Мотовилихе, до сих пор крайне слабо освещенного в нашей литературе. Документы до известной степени передают как своеобразие быта мотовилихинских рабочих, так и энтузиазм и энергию их авангарда, сумевшего в дни декабрьской схватки увлечь за собой значительную массу мотовилихинцев (в решающие дни 12—13 декабря в событиях принимало участие от полутора тысячи и более рабочих). Невосполнимым, к сожалению, пробелом публикации является отсутствие прокламаций и воззваний Пермского комитета РСДРП: по приговору суда основная часть вещественных доказательств по делу о вооруженном восстании в Мотовилихе была уничтожена, в том числе все партийные документы. Однако, даже сквозь призму жандармского полицейского освещения во всей наглядности выступает руководящая роль большевиков в восстании и огромное влияние большевистских лозунгов среди мотовилихинских рабочих накануне и в дни декабрьской борьбы, которые в дальнейшем обеспечили активное участие мотовилихинцев в боях за победу буржуазно-демократической революции, за перерастание ее в революцию социалистическую, за победу и утверждение пролетарской диктатуры и построение социализма в нашей стране.

О. Чаадаева.

Отношение министра финансов в департамент полиции на имя тов. министра внутренних дел Д. Ф. Трепова, 6 сентября 1905 г. [1]

Казенный Пермский пушечный завод, в селении Мотовилиха, близ г. Перми [2], занимает вообще исключительное положение среди других металлургических предприятий и имеет особое значение для государства, так как назначение этого завода заключается в снабжении армии и флота предметами вооружения.

В настоящее же время указанное важное значение Пермского завода еще более усиливается тем обстоятельством, что на него возложено исполнение весьма спешных и крупных нарядов на приготовление скорострельных пушек, требующихся для окончания перевооружения артиллерии дальнобойными орудиями, а также артиллерийских снарядов, необходимых для пополнения запасов арсеналов.

Ввиду таких условий и настояний артиллерийского ведомства на своевременной сдаче упомянутых нарядов, как вверенным мне министерством финансов, так и местной заводской администрацией приняты и продолжают приниматься всякого рода меры с целью обеспечения успешной деятельности Пермского завода.

Но, несмотря на это, как усматривается из полученных мной сообщений, все же нормальному течению заводских работ постоянно угрожает опасность, вследствие существования в г. Перми организованного социал-революционного кружка [3], систематически направляющего свою деятельность в Мотовилиху и крайне неблагоприятно влияющего на настроение рабочих Пермского завода, что может привести к возобновлению забастовки, бывшей уже ранее на этом заводе [4].

О вышеизложенном считаю долгом уведомить ваше превосходительство, в дополнение к сведениям, сообщенным в письме от 10 ав-

---

[1] Центр. Гос. архив Революции (ЦАР), ф. 102, оп. 5, 1905 г., д. № 4, ч. 45, т. 2, лл. 4—5. Документы подготовлены к печати М. А. Сыромятниковой.

[2] Мотовилихинский завод находился в 4 верстах от гор. Перми.

[3] Речь идет, повидимому, о Пермском комитете РСДРП, который, возникнув в мае 1903 г., в 1905 г. руководил стачечной борьбой рабочих на Мотовилихинском заводе, всегда бывшем в центре внимания Пермской организации.

[4] В 1905 г. рабочие Мотовилихинского завода бастовали с 20 по 31 мая, с 5 по 21 июля; 1 сентября забастовали 320 человек мартеновского цеха завода.

густа 1905 г. за № 377/125, в уверенности, что на указанное обстоятельство вами, милостивый государь, будет обращено особое внимание, причем рабочие Пермского завода будут впредь по возможности ограждены от вредного влияния направляемой в их среду революционной пропаганды, заводская же администрация, избавившись от настоящих своих в этом отношении тревог, в состоянии будет всецело направить свои усилия на выполнение порученных ей экстренных военных заказов.

Коковцов.

Из постановления судебного следователя Пермского окружного суда, 16 марта 1906 г.[1]

...9 декабря 1905 г. в Мотовилихинском заводе началась забастовка; мотивы забастовки были политические. Брожение на политической почве между рабочими завода началось еще до 9 декабря; на цеховых собраниях рабочих перед 9 декабря произносились речи, возбуждавшие рабочих вооружаться, строить баррикады и бороться с правительством, устраивалась подписка на приобретение оружия. 9 декабря на общей сходке рабочих в фабрике № 5 ораторы из рабочих и посторонних лиц произносили речи, которыми рабочие призывались к вооруженному восстанию для низвержения существующего правительства и на сходке этой постановлено было примкнуть к всероссийской забастовке, чтобы этой забастовкой нанести решительный удар правительству[2]; 9 же декабря служащими завода также устроена была сходка, на которой также произносились речи, возбуждавшие к борьбе против правительства, и постановлено было примкнуть к движению рабочих, чтоб нанести решительный удар правительству. В этот же день депутация из рабочих и служащих завода, участвовавших в революционном движении, являлась в управление завода и требовала прекращения занятий, заявляя, что они задались целью переустроить государство, что забастовкой решено нанести решительный удар правительству и потому все должны бастовать...[3]

Из донесения пермского губернатора в департамент полиции, 12 декабря 1905 г.[4]

...10 сего декабря, в 12 часов, рабочие пушечных заводов устроили в снарядном цехе № 5 собрание, окончившееся после 2-х часов пополудни. Об этом собрании известно только то, что большинство рабочих, не желающих поддерживать забастовку, должно было уступить меньшинству, настоявшему на продолжении забастовки. Во время собрания было разбросано большое количество воззваний от Пермского комитета Российской социал-демократической рабочей партии,

---

[1] Ист. арх. Татарской АССР, ф. 3, д. № 31, л. 7.

[2] На этом же собрании рабочих и служащих в помещении завода снарядной фабрики № 5 было постановлено отправить депутацию в количестве 6 человек к губернатору с требованием немедленного освобождения четырех членов Центрального комитета служащих на железной дороге, арестованных 7 декабря, в связи с начавшимся забастовочным движением на дороге. Собрания рабочих происходили 9, 10, 11 и 12 декабря в снарядной фабрике № 5 и в Мотовилихинском театре, с участием посторонней публики, доходя до 4 тысяч человек. (Ист. арх. Тат. АССР, ф. 3, д. № 29, л. 12; д. № 27, л. 6 и ЦАР, МЮ, III, I д-во, 1906 г., д. № 19047, лл. 7—8).

[3] После сходки рабочие потребовали закрытия пяти казенных винных лавок. Вечером 9 декабря вновь состоялось собрание рабочих около 1000 человек в помещении для спектаклей, на котором сообщалось о волнениях в Севастополе и Саратовской губернии (ЦАР, ф. 102, оп. 5, 1905 г., д. № 4, ч. 45, т. 2, л. 180 об.).

[4] ЦАР, ф. 102, оп. 5, 1905 г., д. № 4, ч. 45, т. 2, лл. 180—181.

приглашающих рабочих к «вооруженному кровавому бою за свободу». После собрания явившиеся к горному начальнику депутаты воспретили пользоваться телефоном и предъявили еще некоторые требования, касающиеся завода.

С 3-х часов пополудни происходило в том же помещении собрание служащих.

После собрания отдельные партии рабочих путем угроз заставили закрыть казенные винные лавки, частный ренсковой погреб и пивные лавки. На возражение одного сидельца казенной винной лавки, что он может закрыть лавку только тогда, когда получит записку от пристава или помощника исправника, рабочие ответили, что они требуют закрыть лавку по распоряжению Комитета, а пристав не имеет значения: они приведут его к лавке и разорвут в клочки.

Вечером в 7 часов была сходка рабочих в числе до 400 человек в местном заводском театре, причем присутствовало до 20 человек, вооруженных ружьями. По окончании сходки в 10 часов вечера все присутствовавшие одновременно с вооруженными разошлись по домам с песнями. Вооруженные ружьями будто-бы будут препятствовать проходу поездов железной дороги, но пока местные поезда проходят беспрепятственно. Вечером в этот день по Большой улице прошли две партии молодых парней с ружьями на плечах — одна партия в числе 5 человек, а другая в числе 8-ми [1].

Стрижевский.

Из рапорта помощника пермского уездного исправника пермскому губернатору, 12 декабря 1905 г. [2]

11 декабря дознано, что на бывшем собрании рабочих в заводе 10 декабря постановлено: 1) требовать немедленного освобождения всех заключенных в России по политическим делам; 2) немедленный созыв Государственной думы с участием рабочих всей России; 3) восстановление свободы печати, согласно манифеста 17 октября, с отменой всех изданных после оного дополнительных изменений, и 4) забастовку рабочим продолжать впредь до удовлетворения означенных в первых трех пунктах требований. Об этом говорили несколько человек; а затем рабочий Юрш [3] читал телеграммы и газеты о мятеже моряков в Севастополе и погромах в Саратовской губ. и других местностях и кто то разбрасывал листки о вооруженном восстании. Кроме этого еще говорилось на собрании, что 8 человек отправились, чтобы склонить уральские заводы к забастовке.

11 декабря с 9 час. утра происходило собрание рабочих в заводе, на котором, по слухам, обсуждался вопрос о посылке 12 декабря делегатов в г. Пермь, чтобы склонить к забастовке заводских рабочих и работающих в промышленных заведениях; а вечером тоже происхо-

[1] Революционные боевые дружины в Мотовилихе действовали под названием милиции; охраняли революционные собрания, обезоруживали полицию и жандармов, закрывали винные лавки и проч.
(Ист. архив Тат. АССР, ф. 3, д. № 28, л. 98).

[2] Ист. архив Татарской АССР, ф. 3, д. № 32, лл. 7—8.

[3] Андрей Юрьевич Юрш — рабочий снарядного цеха, социал-демократ, один из организаторов рабочих масс Мотовилихи в 1905 г.; с января он выступал на рабочих массовках; в связи с майской забастовкой и продолжавшимися волнениями рабочих в июне он был выбран в число депутатов Мотовилихинского рабочего комитета, который представлял зародыш местного Совета рабочих депутатов. Администрация завода преследовала депутатов и Юрш был арестован. Требование освобождения депутата Юрша было первым требованием мотовилихинских рабочих, забастовавших вновь с 5 июля. (См. сборник Пермского Истпарта «Борьба за власть», т. I, стр. 284). В ноябре и декабре 1905 г. он возглавлял местный рабочий комитет. После восстания ему удалось скрыться.

дило собрание в театральном здании, где происходило чтение. С 6 часов вечера на Большой улице появились вооруженные ружьями, производя одиночные выстрелы на базарной площади, и таковые слышны были в разных других местностях. По окончании собрания, в 9½ час., вооруженных ружьями прошло около 20 человек...

В 12 час. дня 11 декабря толпа рабочих свыше ста человек, окружив проходивших мимо волостного правления полицейского надзирателя Бронского и старшего городового, требовала возвращения револьвера, отобранного с неделю тому назад от рабочего Сивкова за стрельбу в селении. Хотя полицейский надзиратель и старший городовой и уверяли, что револьвер вместе с протоколом переданы на решение волостного суда [1], но их еще водили в волостное правление и вразумляли, что после 17 октября полиция не вправе в означенных случаях отбирать оружие.

Вчерашнего дня уполномоченными от рабочих и служащих разрешено телефонистам несколько дней находиться при телефоне...

Помощник исправника Правохенский.

Из приговора объединенного собрания рабочих и сельских жителей Мотовилихинской волости, 11 декабря 1905 г. [2]

1905 года, декабря 11 дня, мы, нижеподписавшиеся Пермской губернии и уезда, Мотовилихинской волости, мастеровые и сельские обыватели Лугово-Запрудского и Ивинско-Висимского сельских обществ, быв сего числа на соединенном сходе в присутствии волостного старшины Григория Иванова Лузенина, помощника его Лифанова и сельских старост Федора Иванова Ильина и Якова Матвеева Хомякова в числе « » [3] наличных домохозяев, имеющих права голоса на сходе, прежде всего рассматривали вопросы чисто хозяйственного характера, а затем сход возбудил вопросы, волнующие сердце каждого русского человека, разрешение которых успокоило бы не только исстрадавшиеся сердца мотовилихинских обывателей, но и всю истерзанную, дорогую родину — Россию, как неудачной войной, так и внутренними раздорами, которым не видно конца, а потому сход постановил: для разрешения этих важных и трудных вопросов, неразработанных местными сельскими властями, избрать из среды своей председателя, и избрали мотовилихинского сельского обывателя Григория Степанова Билева, а секретарем волостного писаря И. П. Липантьева.

Во вступительной речи председатель соединенного схода Гр. Ст. Билев охарактеризовал современное тяжелое положение России, как со стороны экономической, так и правовой. Сказал, что прошло уже более 1½ месяца после 17 октября, когда был дан манифест, предоставляющий всему населению свободу слова, собраний, союзов, стачек и совести, между тем последние до сих пор не проведены в жизнь народа и ничем не гарантированы, почему волнение и смута до сих пор не прекратились. Единственным выходом из этого бед-

[1] Отобранный у Сивкова вблизи волостного правления револьвер хранился у председателя волостного суда, который соглашался вернуть его полиции. В этот же день револьвер был отдан рабочему Сивкову (Ист. архив Татарск. АССР, ф. 3, д. № 32, л. 81 и д. № 29, л. 76).

[2] Ист. архив Татарской АССР, ф. 3, д. № 32, лл. 104—108. Воспроизведено с текста, приведенного в протоколе осмотра вещественных доказательств следователем Пермского окружного суда 6 апреля 1906 г., в котором было указано, что приговор подписан участниками в количестве более 698 человек. Также было указано, что в подлиннике было написано «созвать Учредительное собрание», но потом слова «Учредительное собрание» переправлены на «Государственную думу».

[3] Пропуск в подлиннике.

ственного положения является созыв, как можно скорее, государственной думы, где призванные на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования истинные представители народа тотчас же должны выработать законы, которые успокоили бы страну, те законы, которые дали бы возможность свободному народу снова стать на ту ступень могущества, на которой Россия стояла до позорной войны. После обмена мнений сход постановил следующие резолюции:

1) Послать телеграмму государю императору от мотовилихинских обывателей и проживающих в ней посторонних жителей, прося его императорское величество для успокоения страны немедленно созвать Государственную думу на началах прямого, всеобщего, равного и тайного голосования для выработки основных законов, которые бы успокоили всю страну. Сообщить о настоящем постановлении Пермскому губернскому земскому собранию 36 очередной сессии для немедленного проведения его в жизнь, о чем доложить собранию через уполномоченных — волостного старшину Лузенина и сельских обывателей Григория Степанова Билева и Якова Никитина Базаркина.

2) Признавая полную бездеятельность и несостоятельность местной полиции в охране мирного населения от злонамеренных людей образовать местную милицию на следующих основаниях: а) в каждом квартале должен быть один охранник из местных жителей, б) должны ходить в каждой части селения патрули из жителей Мотовилихи в 20 человек, распределяя свои обязанности посменно — 10 человек в смену, причем квартальных охранников должно быть по числу уличных десятников « »[1] человек. Патрули, по числу 6 частей Мотовилихи в 120 человек. Средства на первых порах тотчас же взять заимообразно из богадельных сумм в размере двух тысяч рублей (2000 р.), принадлежащих волости, с тем, чтобы возврат этой суммы пополнить немедленным сбором с каждого жителя Мотовилихи не только домохозяина, но и квартирантов их по десяти коп. (10 к.) с каждого лица и возвратить по сборе в кассу богадельни, но не позже 1 февраля 1906 года. Сбор денег поручить особо избранной комиссии, в состав которой избраны по два человека от каждой части... Выдавать в получении денег особую квитанцию, дающую возможность произвести ревизию собранной сумме. Поручить избранной комиссии совместно с председателем милиции, уже существующей в Мотовилихе от рабочих, разработать руководство для милиции с указанием в нем окладов жалованья.

3) Находящиеся на хранении у волостного старшины револьверы, переданные ему волостным судом, как вещественное доказательство, выдать милиции и комиссии под расписку.

4) Обязать легковых извозчиков, чтобы они милицию бесплатно не возили, а всецело находились в распоряжении волостных и сельских властей и что по первому требованию последних извозчики не имеют права отказываться ехать с ними по особо важным экстренным делам службы в пределах волости, а также постовые извозчики в ночное время обязаны подавать лошадей в особо важных случаях милиции.

5) Поручить избранной комиссии совместно с волостными немедленно установить посты легковым извозчикам во всех частях селения Мотовилихи, для чего взять список извозчикам от Петеряева.

6) На рыночной площади во время базаров, как это уже установлено сельскими властями, богатые торговцы позволяют себе перекупать от привозящих крестьян на рынок продукты первой необходимости (мука, овес, масло, яйца и т. д.) чисто с коммерческой целью

[1] Пропуск в подлиннике.

и затем эти продукты продают с увеличиванием цены на 10 и 15%. Ввиду этого обязать переторговцев, чтобы они до 12 часов дня не имели права перекупать указанные продукты, почему поручить милиции совместно с сельским старостой следить за исполнением вышеизложенного постановления, а равно и за порядком на рынке.

7) Арестное помещение, находящееся при волостном правлении, предоставить в распоряжение местной милиции, о чем и сообщить приставу 4 стана Пермского уезда.

8) Прекратить выдачу жалованья трем полицейским сотским со дня постановления сего приговора, о чем известить пристава 4 стана Пермского уезда.

9) Отвести место под школу Малой Язовой в количестве 700 кв. саж. по указанию школьной комиссии.

10) По внесенному вопросу представителями комиссии по внешкольному образованию народа постановлено предоставить поступление в школу детям как местных, так и посторонних рабочих, исходатайствующим для себя в помещении народного дома эту школу.

11) Поручить милиции и комиссии для предотвращения хулиганских выходок, выражающихся в беспричинных выстрелах, свистках и других безобразиях, нарушающих спокойную и мирную жизнь населения, немедленно принять самые энергичные меры к устранению подобного зла. Кроме сего объявить всему населению Мотовилихи и вменить каждому в обязанность не ходить во время святок в маскарадных костюмах по улицам селения, а тем более в масках, и в особенности ночью, без разрешения местных властей и милиции.

12) Ввиду полного упадка народного хозяйства и обеднения населения, благодаря последним событиям и неустройству жизни сельского населения, недостатку просветительных учреждений (школ, народных домов, библиотек и т. д.) постановили просить г. министра финансов возвратить населению те права, какие существовали до открытия казенной винной монополии, а именно за право допущения в селении торговли крепкими напитками получать с казны сбор в сумме от 3000 до 6000 р. ежегодно, смотря по количеству винных лавок.

В чем и подписуемся грамотные собственноручно, а за неграмотных доверяем расписаться Якову Никитину Базаркину...

Из протокола пристава 4 стана Пермского уезда, 26 декабря 1905 г.[1]

...Рабочий электрического цеха Егор Иванов Пачин, живущий в Костаревой ниже мельницы, в своем доме, 11 декабря, часов в 10 утра пришел в электрическую, принес прокламацию, печатную на красной бумаге, и давал ее читать рабочим Егору Иванову Заплотину и др. В прокламации этой говорится о низвержении самодержавия и призывалось население к устройству баррикад, к вооруженному восстанию. Пачин, по словам также, объяснял за несколько дней до декабрьской забастовки, что нужно вооружаться для уничтожения казаков, а пехотные войска считать на стороне революционеров. В ноябре месяце на собрании в электрической Федор Никандров Карякин, живущий на Висиме по Томиловской улице в концах в своем доме, и Антон Петров Галдин[2], живущий на Иве от Сунцева

[1] Ист. архив Татарской АССР, ф. 3, д. № 29, л. 19.

[2] Е. И. Пачин и А. П. Галдин были депутаты от электрического цеха заводского комитета, состоявшего из 60 депутатов.

моста около Белавина, говорили, что нужно вооружаться и мы добьемся того, что завод перейдет в наши руки. Галдин говорил также, что он может дать рекомендацию для покупки оружия в рассрочку...[1].

Пристав Косевич.

Протокол помощника пермского уездного исправника, 23 декабря 1905 г.[2]

1905 года декабря 23 дня помощник пермского уездного исправника Правохенский, сего числа прибыв на керосинный склад т-ва бр. Нобель[3], расспрашивал заведующего складом Дмитрия Яковлева Таранова, по поводу нападения 12 декабря толпы рабочих на склад с целью отобрания имевшихся на складе револьверов для самозащиты, который на предложенные вопросы объяснил: 12 декабря около 9 часов утра он, Таранов, находился в конторе, в складскую ограду зашла огромная толпа рабочих[4], из которой выделившихся около 50 человек зашли в здание конторы, около 25 человек остались около конторы, один ходил как часовой с ружьем; расставлены были от конторы до ворот, группы у ворот и за воротами по тракту до ключа.

Зашедшие в контору около 50 человек потребовали выдачи принадлежащих оной 13 револьверов, которых в действительности столько же и было, а когда Таранов стал ссылаться, что револьверы не его, принадлежат владельцу, то один из толпы, молодой, предъявил требование, угрожая ему револьвером, а другие зашли в комнату, где шкаф и письменный стол, в которых в каждом хранилось по 4 револьвера. Ввиду означенной угрозы, Таранов отдал ключи от шкафа и письменного стола, из которых напавшие взяли 8 револьверов и с ними удалились из этой комнаты в смежную, а он в это время находившийся у него в кармане брюк револьвер успел вынуть и положить на кровать под тюфяк, который, таким образом, и остался, так как, когда он к ним вышел, то его обыскали. Затем после конторы отобрали от служащих принадлежащих конторе револьверов 5 штук и принадлежавших служащим на лесопилке, находившейся при складе, 6 шт., а всего отобрано 19 револьверов.

После отобрания револьверов нападавшие ушли в бондарное помещение, где, как слышал от служащих, что то читали. Затем, когда находились у разливной, Таранов вышел к ним и высокий брюнет в черном полушубке, который называл себя Лбовым[5], велел поставить

---

[1] Согласно свидетельским показаниям на заводе с ноября велась агитация за подготовку к вооруженному восстанию, как путем устной пропаганды, так и путем распространения прокламаций. Агитаторы призывали выбирать депутатов «из социал-демократов», аргументируя тем, «что это люди справедливые». В ноябре был организован сбор в пользу комитета РСДРП (Ист. арх. Тат. АССР, ф. 3, д. № 15, лл. 127—129, и д. № 18, лл. 38, 39).

[2] Ист. архив Татарской АССР, ф. 3, д. № 29, л. 15.

[3] Склад Нобеля находился в 7 верстах от Мотовилихи по Соликамскому шоссе.

[4] Согласно рапорта помощника пермского уездного исправника от 20 декабря 1905 г. к складу Нобель 12 декабря прибыло 170 вооруженных лиц (Ист. арх. Татарской АССР, ф. 3, д. № 32, л. 21).

[5] Александр Лбов в 1905 г. молодой рабочий Мотовилихинского завода. Он втянулся в организацию в октябрьские дни и стал активным работником боевой дружины. В дни восстания Лбов руководил постройкой баррикад и разоружением полиции и жандармов. Когда партия должна была перестроиться и приспособить свою тактику к новым условиям борьбы, Лбов не пожелал отказаться от партизанских выступлений и, скрываясь от преследования полиции, с группой товарищей ушел на жительство в лес. К ним присоединились и не имеющие никакого отношеня к революционному движению рабочие.

Лбов был арестован полицией в 1908 г. и казнен. (О рабочем движении на Урале в 1907—1908 гг. см. «Пролетарий» № 45 от (26) 13 мая 1909 г.).

два боченка, на один сам встал, а на другой велел встать ему, Таранову. Называвший себя Лбовым, стоя на боченке, говорил о 8 часовом труде, о неувольнении рабочих в случае забастовки и приглашал всех в Мотовилиху 12-го числа на собрание в № 5, куда в тот день уходило до 15 рабочих; причем он говорил — работы не сметь начинать до тех пор, пока они не скажут, а продлится это не больше трех дней.

Когда отбирали револьверы в конторе, то находившийся около оной с ружьем говорил приказчикам Малютину и Седову, что если начнутся на складе работы без разрешения, в таком случае придут и из керосинных резервуаров все краны вынут.

Рабочие на складе должны знать хотя несколько человек из приходивших, но на его, Таранова, вопросы отозвались, что никого не знают. В данном случае револьверы были отобраны, по полученному предварительному сведению, от кого-либо из служащих на складе, что таковые действительно имеются и даже было известно количество их. Что револьверы имеются, где и у кого на складе находятся, об этом хорошо было известно старшему рабочему на складе Петру Парфентьевичу Липатьеву, который за полчаса до прихода толпы выходил на тракт за ограду; он знает многих мотовилихинских и живет на квартире у Бычина, дом которого возле тракта около 150 сажен от склада и вся толпа обязательно должна была пройти мимо в передний и обратный путь. По слухам Бычин тоже находился в толпе. Спустя дня три Липатьев потребовал расчет и уехал, как он говорил, в село Усолье Соликамского уезда. В толпе этой действиями своими выделялся высокий брюнет в черном полушубке, называвший себя Лбовым. Таранов заметил нападающую толпу мотовилихинских рабочих в то время, когда она еще только входила в ворота, хотел по телефону дать знать в I полицейскую часть г. Перми, прося о присылке казаков и таковые прибыли бы своевременно, так как он раньше условился, но телефон оказался недействующим, а затем удалявшаяся из конторы толпа умышленно повредила и самый телефонный аппарат. Об изложенном постановил записать в настоящий протокол.

Помощник исправника Правохенский.

Телеграмма пермского губернатора министру внутренних дел 12 декабря 1905 г.[1]

В Мотовилихе рабочие, руководимые революционерами, поддерживая железнодорожную забастовку, прекратили работы, захватили в свои руки завод, коим самовольно распоряжаются. Население призывается к вооруженному восстанию, ходят группы заводских парней, вооруженных ружьями. Полицейская власть бессильна; из военной силы не могут тронуть ни одного человека. Из Перми, где также беспокойно, революционеры ждут только выхода отсюда туда сотни казаков, чтобы открыть вооруженное восстание. Положение в высшей степени серьезное. Необходимо усиление военного состава, иначе могут быть печальные последствия. Одновременно прошу командующего о высылке спешно хотя сотни казаков. Докладывая об изложенном, усердно прошу посодействовать высылке в Мотовилиху пехоты или казаков и разрешить теперь же организовать полицейскую стражу в составе, испрашиваемом представлением 6 октября № 384.

Стрижевский.

[1] ЦАР, ф. 102, оп. 5, 1905 г., д. № 4, ч. 45, т. 2, л. 177.

Из рапорта помощника пермского уездного исправника пермскому губернатору, 14 декабря 1905 г.[1]

12 числа в 9 час. утра началось собрание рабочих в снарядном № 5 цехе. На собрание прибыло много железнодорожных рабочих из Пермских мастерских, а также были оттуда служащие железной дороги и разные посторонние лица. По доходящим слухам, обсуждали вопросы, кроме забастовки пушечных заводов, достичь забастовки местной железной дороги, фабрик, заводов и промышленных заведений г. Перми. Находившиеся на собрании после нескольких часов не только что не расходились, но постоянно к ним вновь прибывали, и с приходом почтово-пассажирского поезда, шедшего из г. Перми в Екатеринбург, цель этого продолжительного собрания выяснилась, что задачей оного было задержать поезд, так как, когда таковой начал подходить к полустанку, из завода толпа около полуторы тысячи[2] окружила поезд и первым делом предложено было машинисту сойти с паровоза, который, не протестуя, выйдя с такового, ушел с группой по направлению в завод, а впереди поезда кто-то из толпы перевел стрелки... Об изложенном мной было в то же время доложено по телефону вашему превосходительству, вследствие чего выслана была полусотня казаков, при приближении которых скопившиеся около поезда начали разбегаться, а затем остальные были рассеяны без употребления огнестрельного оружия, одними нагайками. После же некоторого промежутка, из-за стен завода начали стрелять в казаков, которые, в свою очередь, произвели несколько выстрелов, причем как с одной, так с другой стороны убитых и раненых во время перестрелки не оказалось, а лишь только приходили шесть человек в казенную больницу для перевязки от полученных ушибов при падении и, как надо полагать, от удара нагайкой. После трех часов путь железной дороги казаками был очищен, вместо ушедшего машиниста привезен был из гор. Перми другой машинист, с которым почтово-пассажирский поезд отправился по назначению в исходе четвертого часа пополудни, а казаки возвратились обратно в гор. Пермь.

Спустя с час времени после изложенного, отдельные вооруженные ружьями революционные группы, именующие себя милицией, начали расхаживать по улицам, разоружив четырех полицейских стражников, а в двух, проезжавших на лошади, произвели несколько выстрелов, причем пуля у одного незначительно счеснула верхушку уха и оказались простреленными сани в двух местах. Вечером происходило собрание в помещении, приспособленном для театра, на котором, по слухам, было решено разоружить всех чинов полиции, находившихся в Управлении пушечных заводов, и с этой целью у телефониста справлялись, есть ли казаки, который, зная цель запроса, ответил, что к ночи оставлен взвод; ввиду чего, все чины полиции втечение ночи пробыли на страже, но ночь прошла благополучно.

13 декабря с рассветом начали собираться в завод, а к 11 час. дня весь завод переполнен был народом, передвигающимся по разным направлениям, причем были посторонние и несколько женщин.

Около полудня были разоружены — старший городовой Косецкий, которому предварительно приставлены были ко лбу два револьвера, и разоружен унтер-офицер Пермского железнодорожного управления Нецветаев, на которого нападение совершено было из засады.

---

[1] Ист. архив Татарской АССР, ф. 3, д. № 30, лл. 53—56.

[2] По свидетельству мотовилихинского полицейского стражника на вокзале 12 декабря собралось до 5 тысяч рабочих (Ист. арх. Тат. АССР. ф. 3, д. № 16, л. 68).

С утра по улицам ходило несколько десятков, вооруженных ружьями, и толпы, вооруженные револьверами, и несколько человек были с шашками, отобранными от полицейских стражников. Движение группировавшихся принимало угрожающий характер и дошло известие, что намереваются прибыть в Управление, удалить собравшихся служащих, которые большинством голосов решили прекратить забастовку и обратиться с воззванием к рабочим приступить к работам, а также отобрать вооружение от чинов полиции и выдворить их из Управления. Затем стали группироваться на Большой улице, где в трех кварталах скопилось настолько много, что невозможно стало проезжать по улице; кроме этого, еще много было в заводских цехах.

Так как волнение достигло уже самого напряженного тревожного состояния, везде раздавались выстрелы, мной по телефону доложено было вашему превосходительству и в скором времени прибывшая на место сотня казаков была встречена градом выстрелов с боковых улиц, с окон домов, из-за заборов, с заводских цехов и разных укромных мест, и казаки, в свою очередь, в разных частях селения открыли огнестрельный огонь. Затем прибывшая на подмогу 5-я рота Ирбитского резервного батальона начала разгонять скоплявшихся.

Когда уже начало смеркаться и казаки отбыли обратно в гор. Пермь, на разных возвышенных местах начали снова появляться небольшими группами, но никаких активных мер не принимали и солдаты, осмотрев завод, стали из оного выходить, но когда взвод проходил мимо Орудийной № 1 фабрики, по ним произведено было несколько револьверных залпов, о чем прибывшие солдаты доложили ротному командиру Масленникову, который совместно со мной, полицейским надзирателем Бронских и отрядом солдат отправился на место.

По прибытии в фабрику оказалось, что к стрелявшим невозможно приступить, так как они забрались под крышу второго этажа и все ходы туда закрыли, а когда солдаты пытались проникнуть, производили по ним сверху выстрелы. Ввиду чего вытребована была вся рота, но так как пробраться туда все-таки было невозможно, ввиду чего я с ротным командиром Масленниковым, выйдя наружу, и с несколькими солдатами стали обходить фабрику, с целью отыскания другого входа, но когда, проходя возле фабрики, подходили к концу оной, по всем проходившим в разные отверстия на близком расстоянии, с разных отверстий произведены были в нас одновременно залпы выстрелами из нескольких револьверов и пули, со свистом пролетая мимо всех нас, ударялись в поленницу, находившуюся с правой стороны нас на расстоянии около одного аршина. На гул раздавшихся выстрелов прибыла на подмогу 1-я рота Ирбитского резервного батальона, и введенные в действие обе роты произвели воздействие на засевших под крышей, которые, не выдержав натиска, начали выскакивать на крышу, но выскочившие четверо были свалены, а остальные, которых оказалось 30 человек, взяты были приступом; при чем бывшего при них огнестрельного оружия не оказалось, которое до взятия их успели попрятать, и найден был только один револьвер и два финских ножа, потерянных, как надо полагать, впопыхах, более же, вследствие непроглядной темноты под крышей и затруднительного прохода, не представилось возможным разыскать.

Благодаря лишь только энергии, мужеству, самоотверженной храбрости казаков, 1 и 5 роты Ирбитского резервного батальона и их командиров, сломлено было упорное сопротивление революционных боевых дружин, открывших стрельбу по войскам в разных местностях селения Мотовилихинского завода. Ввиду же наступившего вечера, обширности территории, на пространстве которой происходило действие

огнестрельным оружием, лишь только 13 числа по произведенным расспросам дознано, что со стороны войск убитых нет, а ранено два казака и казацкая лошадь, а со стороны революционной партии убитых 5 человек, но в этом числе, как оказалось, убита случайно проходившая женщина; раненых находится в казенной больнице пушечных заводов мужчин 10 человек и, кроме этого, четверо ушли по домам после сделанной им перевязки. В земской больнице раненых четверо, в этом числе одна женщина Хохрякова, принимавшая участие в скопищах; из означенного числа тяжко раненый отправлен в Пермскую Александровскую больницу и, кроме этого, двум сделана была перевязка, которые после оной отправились по домам. Быть может, что и еще окажутся раненые, которые с целью необнаружения своей личности находятся в домах [1].

Вечером 13 числа дознано, что до прибытия в Мотовилихинский завод казаков и 5 роты Ирбитского резервного батальона на базарной площади революционная партия из-за устроенных баррикад стала стрелять по возвращавшемуся в гор. Пермь от пороховых погребов караулу, который, отстреливаясь, отступал до встречи с прибывшей 5 ротой, издержав все патроны...

Вечером 13 числа дознано, что в Мотовилихе, в доме Абрашева основан рабочий клуб, где будто бы революционная боевая дружина, именующая себя милицией, хранит оружие...

Об изложенном честь имею донести вашему превосходительству и при этом докладываю, что взятые приступом стрелявшие по войскам из Орудийной № 1 фабрики двое задержанные солдатами за стрельбу в улице в солдат и один за стрельбу в казаков, а всего 33 человека, мной, в порядке 29 ст. положения государственной охраны, заключены под стражу, и постановления о задержании их при сем прилагаю. Ночь на 14-е число прошла спокойно.

Протокол полицейского надзирателя, командированного в Мотовилихинский завод, 14 декабря 1905 г. [2]

1905 г. декабря 14 дня. Мотовилихинский завод. Полицейский надзиратель 2 части города Шадринска, временно командированный в Мотовилихинский завод, Кочев, составил настоящий протокол о нижеследующем: сего числа около 11 часов утра, проходя по Висимской улице Мотовилихинского завода с военным патрулем от 5 роты Ирбитского резервного батальона, нашел против дома крестьянина Владимирской губ. Гороховецкого уезда, Кромской волости, Петра Васильева Забродина одну баррикаду, устроенную поперек улицы из бревен, жердей и досок вышиною около 2 аршин рабочими Мотовилихинского завода, входящими в состав революционной боевой партии, с той целью, чтобы из-за баррикады им удобнее и безопаснее было стрелять по войскам и вообще оказывать вооруженное сопротивление войскам и казакам. Жена Забродина, Мария Васильева, и сосед живущий в противоположном доме крестьянина Оханского уезда Носадской волости, Степан Андреев Вшивков, объяснили, что баррикады были устроены 13 сего декабря около 6 часов вечера неизвестными им молодыми ре-

[1] Согласно доклада начальника отделения касс горного ведомства главному начальнику Уральских горных заводов 14 декабря 1905 г., всего было убито 13 декабря — 6, раненых, доставленных в госпиталь — 9, из них 5 — тяжело, один из которых вскоре умер (ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 45, т. 2, л. 200).

Согласно списка, представленного приставом 4 стана Косевичем, 12 декабря были убиты 5 человек, ранены — 8, 13 декабря были ранены 26 человек (Ист. арх. Татарск. АССР, ф. 3, д. № 28, л. 17).

[2] Ист. арх. Татарской АССР, ф. 3, д. № 29, л. 125.

бятами в количестве 8—9 человек; по случаю темноты никого из них ни Забродина, ни Вшивков не признали. На этой же улице квартала на два дальше, против дома сельского обывателя Мотовилихинского завода Александра Михайлова Гневашева, нашли еще одну баррикаду, устроенную посредине улицы.

Расспрошенные сельские обыватели Гневашев, Яков Денисов, Коковякин и вдова Ксения Михайлова Рудакова объяснили, что заграждение было устроено 13 сего декабря днем, но кто таковое устраивал они не видали, так как Гневашев спал, Коковякин находился в лесу, а Рудакова боялась выходить на улицу, при чем последняя слышала разговор у рабочих, устраивающих заграждение, что они засядут около заграждения и будут ждать казаков, но казаки 13 и 14 декабря на этой улице не появились[1]. Баррикады я приказал разобрать, что жителями было исполнено.

Вышеизложенное полицейский надзиратель постановил записать в сей протокол, каковой представить по принадлежности.

Помощник пермского уездного исправника (подпись).

Из рапорта начальника отделения касс горного ведомства главному начальнику Уральских горных заводов, 16 декабря 1905 г.[2]

После происшествий 13 декабря в завод и в Управление никто из рабочих не являлся. 15-го с утра начали проситься в завод весьма многие, имевшие надобность в сверке работ, произведенных ими, взятии из своих ящиков расчетных книжек и тому подобных целей. Я разрешил пропуск только через большую проходную, при условии, что каждый входящий будет обыскиваться...

Значительное число отдельных пунктов столкновения войск с вооруженными рабочими и число случаев стрельбы по войскам до и после столкновения показывает, что состав партии, решившейся действовать оружием, довольно многочисленный. Так, до начала столкновения на возвратившийся с пороховых погребов патруль посыпались выстрелы, патруль отвечал, исстрелял все свои патроны. Когда в город вели 33 арестованных на чердаке Орудийной № 1 в сопровождении роты, были также выстрелы. В патруль, проходивший по селению, после уже столкновения на улице, был произведен выстрел; стрелявший задержан, но оружия при нем не оказалось. Арестованных с оружием и отобранного оружия весьма мало (охотничьих берданок с патронами, снаряженными частью крупной дробью, частью пулями всего три), и, таким образом, вооруженным силам партии нанесен ущерб весьма малый. Поэтому вооруженные ее действия могут вновь быть вызваны весьма легко, и наиболее возможно возникновение их во время действия завода. Хотя при входе в завод можно продолжать обыски, но это не будет еще гарантировать от появления в заводе оружия. Завод обширен, огражден плохо, оружие может быть переброшено через забор в условленном месте, взято, припрятано в цехах и пущено в дело при желании. При таких условиях, я полагаю, не принимать никаких мер к ускорению пуска действия завода, пока или не начнется серьезная реакция недовольных забастовкой рабочих или не будет мне заявлено депутатами цехов, что забастовка окончена.

Взятие засевших на чердаке Орудийной № 1 было произведено сле-

[1] Баррикады были устроены также по улицам Баковской, Большой, Томиловской. 13 декабря они охранялись вооруженными «милиционерами».
(Ист. арх. Татарск. АССР, ф. 3, д. № 30, л. 7; д. № 29, лл. 40, 123; д. № 16, л. 29).

[2] ЦАР, ф. 102, оп. 5, 1905 г., д. № 4, ч. 45, т. 2, л. 199.

дующим образом. Отыскано было отверстие на чердак, заложенное досками, доски были разобраны, в отверстие дан был залп, а затем солдаты, залезая друг на друга, взобрались поодиночке на чердак и без выстрела забрали находившихся там. Некоторые из осажденных начали через слуховые окна вылезать на крышу, но бывшие снаружи в них стреляли, причем убили троих.

Зам. начальника отделения касс горного ведомства
Трофимов.

Из рапорта пермского уездного исправника пермскому губернатору, 20 декабря 1905 г.[1]

...По 19-е число в Мотовилихе все цеха и заводские здания пустые и неосвещенные производили унылое впечатление, а 19 числа днем, в заводе хотя и не в значительном количестве, но уже были заметны копошившиеся поторжные рабочие, плотники, и лишь только смерклось, все заводские цеха и здания осветились электрическим цехом, так как рабочие электрического цеха, в котором началась забастовка, означенного числа первые приступили к своей работе, для которой в течение суток, разделенных на три смены, употребляется для освещения и приведения в действие, посредством электрической энергии станков и машин, до 70 человек, а в данное время для одного освещения лишь только третья часть с вечера и до утра сего числа работала; в стенах заводских не было проявлено попытки оказать препятствие к выполнению их работ, и для предосторожности этого, с 11 часов вечера и до утра находился там только с этой целью один часовой...[2]

Помощник исправника Правохенский.

Постановление следователя Пермского окружного суда, 15 августа 1906 г.[3]

1906 г., августа 15 дня, и. д. суд. следователя Пермского окр. суда по важнейшим делам, рассмотрев дело о революционном движении в декабре 1905 г. в Мотовилихинском заводе и Пермском комитете Росс. соц.-демокр. раб. партии, вызвавшем это движение, находит: Российская социал-демократическая рабочая партия, как видно из литературы партии, найденной при обыске у пермских членов этой партии, конечной целью своей деятельности ставит переустройство всего общественного строя на началах социализма; ближайшей же своей задачей партия ставит завоевание политической свободы, путем всенародного восстания и образования временного правительства; партия стремится к низвержению существующего государственного строя и замене его демократической республикой; орудием борьбы с существу-

[1] Ист. архив Татарской АССР, ф. 3, д. № 32, л. 21.

[2] 19 декабря 1905 г. помощник пермского уездного исправника выпустил «извещение» о немедленной сдаче оружия, пороха, снарядов, угрожая насильственным отобранием с применением взысканий (извещение см. Ист. архив Тат. АССР, ф. 3, д. 31, л. 18). С этого дня начались аресты среди рабочих. В ответ на это «извещение» Пермский комитет РСДРП выпустил листовку под заголовком «Кровь пролита», в которой клеймил позором царских опричников и палачей и говорил, что «на всякие насилия пролетариат ответит вооруженной рукой». В прокламации указывалось, что «мотовилихинские рабочие не остались безучастными к великому делу освобождения всей России»..., что «геройский пролетариат Мотовилихи прекратил движение поездов по железной дороге и привел товарищей, работавших на заводах Каменских и Любимова к сознанию необходимости примкнуть к политической забастовке». Прокламация кончалась лозунгом: «Да здравствует вооруженное восстание и демократическая республика!» (Она опубликована в сборнике Пермского Истпарта «Борьба за власть», т. I, стр. 307—308).

[3] Ист. архив Татарской АССР, ф. 3, д. № 21, лл. 97—98.

ющим правительством должно служить соединение стачки с вооруженным восстанием, причем эти два способа борьбы не должны отделяться один от другого и призыв к стачке должен соединяться с приготовлением к вооруженному восстанию; члены партии должны усиленно подготовлять вооруженное восстание, пропагандировать его среди народа и в войсках и стараться о вооружении масс; необходимость вооруженного восстания уже наступила и партийные работники должны пропагандировать это восстание, энергично вооружать пролетариат и вырабатывать план восстания, вместе с тем должны разъяснять пролетариату роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания [1]. Социал-демократия своей задачей ставит подготовление масс к вооруженному восстанию. Для отпора правительственным силам должна быть подготовлена достаточная революционная армия, подготовление ее достигается, между прочим, организацией внепартийных кружков самообороны от «черной сотни»; в среде членов этих кружков вербуются члены боевых дружин партии, которые и составляют ядро революционной армии.

Пермский комитет партии в своих прокламациях заявляет, что он требует демократической республики и добьется ее с оружием в руках (документы Федоровой №№ 50, 66, 81, 82; документы Ягодниковой №№ 21, 22 д. 40, 54). Из бумаг пермских членов партии видно, что между Пермским комитетом партии и рабочими Мотовилихинского завода существовало сообщение; Комитет устраивал в Мотовилих. заводе митинги, на которых выступали ораторами члены партии; выпускал к мотовилихинским рабочим прокламации, в которых рабочие возбуждались к вооруженному восстанию, призывались к объединению для борьбы за свободу и социализм, для свержения гнета самодержавия и капитала; приглашались готовиться к последней схватке с самодержавием (документы Матвеева №№ 16, 17, 21, 44; документы Федоровой №№ 48, 49; документы Ягодниковой №№ 11, 15, 39). Подготовляя восстание, Комитет организовал дружины самообороны; члены этих дружин вооружились огнестрельным оружием, каковое в большом количестве приобреталось комитетом, как видно из бумаг членов его; руководители дружин именовались инструкторами и получали средства от Комитета; для приобретения денежных средств Комитетом выпускались подписные листы.

Результатом этой деятельности Комитета было вспыхнувшее в декабре 1905 г. в Мотовилихинском заводе вооруженное восстание против существующего государственного строя. Для усмирения этого восстания потребовалась вооруженная сила: казаки и пехота. Главное ядро революционных сил в этом восстании составила милиция, образовавшаяся из дружин самообороны.

Из осмотра документов, найденных у обвиняемых Анны Ягодниковой и Марины Федоровой, видно, что они являются деятельными членами организации, именующей себя Пермским комитетом Росс. соц.-дем. раб. партии. У Ягодниковой оказались записи прихода и расхода, из которых видно, что деньги расходовались на «технику», на перевозку «техники», на оружие, бомбы, мелинит, на получение транспортов, на телеграммы от имени Комитета, на самооборону, на выдачу инструкторам самообороны, на выдачу Юршу и Борчанинову, двум главным деятелям революционного движения в Мотовилих. заводе. У Ягодниковой же оказалась запись о времени митингов в Мотовилих. заводе и других местах и о лицах, которые должны выступить орато-

[1] Здесь почти дословно приводится одно место из листка Бюро комитетов большинства, текст которого, под заголовком «Насущные вопросы», был напечатан в № 9 газеты «Вперед» от 23 февраля (8 марта) 1905 г.

рами на этих митингах, также заметка о выпущенных прокламациях к мотовилихинским рабочим. В бумагах Ягодниковой также были найдены квитанции на телеграммы, посылавшиеся от имени Комитета на имя Трапезникова и Владимирского, двух деятелей социал-демократической партии.

У Федоровой найдены были записи прихода и расхода, из которых видно, что деньги расходовались на оружие, литературу и технику; найдены были подлинные счета на покупку в значительном количестве оружия из оружейного магазина Давыдова и с оружейной фабрики Березина; найдена квитанция, выданная от имени Комитета, в принятии денег из кузнечно-молотового цеха, найден список взносов, поступивших из фабрики № 2, с отметкой о выдаче Борчанинову, Кузнецову и Собакинских, лицам, участвовавшим в движении; найдены заметки о выдаче денег Борчанинову, Юршу и Трапезникову.

Как у Ягодниковой, так и у Федоровой найдены подписные листы по сбору денег на самооборону (документы Ягодниковой №№ 1, 3, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 18, 19, 21, 34; документы Федоровой №№ 15, 16, 17, 20, 22, 23, 29, 31, 62, 63, 64, 65, 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11). Все это указывает на принадлежность Ягодниковой и Федоровой к числу главных членов Комитета, в руках которых сосредоточивались переписка и делопроизводство Комитета.

На основании вышеизложенного и. д. суд. следователя постановил: предъявить сельской обывательнице Юговского завода Пермского уезда Анне Николаевне Ягодниковой и петербургской мещанке Марине Прокопьевне Федоровой обвинение в насильственном посягательстве на изменение в России установленного законными основами образа правления т. е. в преступлении, предусмотренном I ч. 100 ст. угол. уложения.

Из обвинительного акта по делу о вооруженном восстании в Мотовилихе Пермской губернии в 1905 г. [1]

Вслед за подавлением беспорядков в Мотовилихе, 14 декабря 1905 г. в Перми произведен был ряд обысков у лиц, деятельность коих, по имевшимся в полиции сведениям, находилась в связи с событиями в заводе. Обыском у петербургской мещанки Марины Прокопьевой Федоровой и сельской обывательницы Анны Николаевой Ягодниковой выяснена тактика социал-демократической рабочей партии, в частности Пермского ее комитета, по отношению к мотовилихинским событиям. Как видно из отобранной у Федоровой «программы для занятий», социал-демократическая партия для достижения своей цели постановила ближайшей своей задачей — завоевание политической свободы, путем всенародного восстания и образования временного правительства; как средство, указано вооружение народа и повсеместное образование революционных комитетов. Затем, по мнению партии, для нынешнего периода лучшей формой политической борьбы является «соединение стачки с демонстрацией», а при условии ближайшего будущего, уже наметившего в январских событиях 1905 г. соединение всеобщей стачки с вооруженным восстанием.

В одном из документов, отобранных у Ягодниковой, рекомендуется возможно быстрая организация боевых отрядов и милиции и учреждение временного правительства. К документу этому сделан следую-

[1] МЮ, III уг. отд., I д-во, 1906 г., д. № 17305, лл. 28—31. Обвинительный акт составлен Казанской судебной палатой 27 сентября 1906 г.; было привлечено в качестве обвиняемых 51 человек. Дело слушалось в Перми 5—10 декабря 1906 г. 27 человек были приговорены к исправительным работам на срок от 5 лет до 2 л. 8 мес., 3 — в крепость от 4-х лет до 2-х месяцев, 8 — в тюрьму от 9 до 6 мес. и 10 оправдано (это же дело, л. 38).

щий приписок: «изложенным принципам вполне отвечает имеющийся план организации боевых сил партии в форме кружков самообороны от черной сотни и полиции. Штаб, организуя внепартийные кружки самообороны, выбирает вместе с тем, в их среде и помимо их, членов боевых сил партии, которые организуются особо и тайно от всех других членов кружка самообороны. Это все равно, что кружок самообороны».

У той же Ягодниковой отобрано воззвание, гласящее, что из молодежи и рабочих составлена самооборона, и другое воззвание с призывом к вооружению. Документами же, отобранными у Федоровой и Ягодниковой, установлено, что Пермский комитет Российской социал-демократической рабочей партии применял в отношении мотовилихинских рабочих вышеизложенную тактику. В изданных Пермским комитетом и отобранных у Федоровой прокламациях мотовилихинские рабочие призываются, по соединении в социал-демократической рабочей партией, сбросить с себя двойной гнет самодержавного правительства и капитала: «мотовилихинцы приглашаются вооружиться к последней схватке с самодержавием».

Такая же прокламация того же издания отобрана у Ягодниковой; в другой, точно также отобранной у Ягодниковой прокламации, к тем же мотовилихинским рабочим, указано, что последние «прекрасно понимают что прочное улучшение возможно только с изменением всего государственного строя России».

Независимо от призыва мотовилихинских рабочих к вооруженному восстанию и устройства так называемых кружков самообороны, отобранными у Федоровой и Ягодниковой документами установлено деятельное их участие в реальном осуществлении самого восстания. У Федоровой обнаружен счет оружейного магазина Давыдова в г. Перми от 24 октября 1905 года на 30 револьверов и 575 патронов, стоимостью в 244 руб. 15 коп.; такой же счет на 6 кинжалов, 6 револьверов и 75 патронов и счет оружейной фабрики Березина из Ижевского завода, Вятской губернии от 2 ноября 1905 года — на 146 револьверов и 1 500 патронов, стоимостью 1 202 руб. 75 коп.; за сим из отобранных у Федоровой записей прихода и расхода сумм видно, что, кроме упомянутых партий оружия, ею приобретались еще винтовки, револьверы и патроны в магазинах Ходоковского и Давыдова в г. Перми. Деньги, собранные Федоровой по подписным листам на вооружение, передавались Федоровой особому «инструктору». Наконец, в означенных записях имеются выдачи главным руководителям Мотовилихинского движения: Юршу, Собакинских, Борчанинову, Кузнецову и «милиции». Точно также из отобранных у Ягодниковой записей прихода и расхода сумм видно, что собранные ею деньги поступали к «инструктору» — упомянутому выше Юршу — «в оборону», на «мелинит», на «оружие», «для бомб». У Ягодниковой же обнаружены заметки о количестве прокламаций, выпущенных к мотовилихинским рабочим. Из числа остальных лиц, у которых после мотовилихинских событий полицией произведены были обыски, обнаружено большое количество преступного рода литературы...

Кроме конспекта отдельных рефератов, составленных в духе идей социал-демократии и большого количества прокламаций и брошюр, имевшихся в одном экземпляре (в общем более ста наименований), найдено тождественных: во-первых, две прокламации Пермского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, призывающие к вооруженному восстанию и учреждению демократической республики, во-вторых, пять экземпляров издания Пермского комитета брошюры «солдатская памятка», призывающей нижних чинов примк-

нуть к революционному движению; в-третьих, две прокламации с «требованиями» Российской социал-демократической рабочей партии, указывающие на необходимость низвержения самодержавия и созыва учредительного собрания; в 4-х, две прокламации, призывающие к вооружению и к созыву учредительного собрания; в 5-х, семь экземпляров брошюры «извещение о третьем съезде Российской социал-демократической рабочей партии» с призывом к вооруженному восстанию и учреждению временного революционного правительства; в 6-х, шесть экземпляров брошюры «программа Российской социал-демократической рабочей партии», с требованием низвержения существующего политического строя и учреждения демократической республики... восемь экземпляров воззвание Пермского комитета под заглавием «к оружию», призывающих к вооруженному восстанию; два экземпляра прокламаций издания Пермского комитета, озаглавленных «к братьям солдатам», призывающих нижних чинов примкнуть к революционерам и убивать офицеров; ...31 экземпляр издания Пермского комитета «манифеста совета рабочих депутатов», призывающего к отказу платить подати и налоги; ...начатая перепискою для перевода на гектограф и переписанная резолюция «конференция большинства», призывающая к вооруженному восстанию [1].

Отношение прокурора Пермского окружного суда в министерство иностранных дел, 29 апреля 1906 г. [2]

На отношение от 13 апреля сего года за № 1556 имею честь сообщить первому департаменту министерства юстиции, что по делу о бунте в селении Мотовилихе 13—15 декабря 1905 г. все важнейшие следственные действия закончены и картина преступления вполне выяснена. Привлечено в качестве обвиняемых по 100 ст. угол. улож. 53 человека; по получении же затребованных сведений о личностях и исполнении посланных в порядке 292 ст. уст. угол. суд. отдельных требований, будет еще привлечено в качестве обвиняемых до 20 человек.

Одновременно с упомянутым делом помощником начальника губернского жандармского управления производилось в порядке 1035 и след. статей уст. угол. суд. дознание по делу о «Пермском комитете Российской социал-демократической партии», и в качестве обвиняемых по 126 ст. угол. улож. привлечено 20 человек. Дознанием установлено, что деятельность означенного «Комитета» состояла в возбуждении мотовилихинских рабочих к вооруженному восстанию и в приобретении оружия для «дружинников», участвовавших в бунте 13—15 декабря, ввиду чего 24 апреля 1906 г. означенное дознание было направлено судебному следователю для приобщения к делу о бунте; лицам, привлеченным на дознание по 126 ст. угол. улож., будет предъявлено дополнительное обвинение по 51 и 100 ст. угол. улож.

В общем, все дело, имеющееся ныне в производстве судебного следователя, состоит из 8 томов,— более 1 300 листов; свидетелей допрошено до 200 человек; скорейшее направление дела задерживается, между прочим, предъявленным частью обвиняемых требованием выдачи копий почти всех постановлений по делу и протоколов допросов всех свидетелей.

---

[1] Согласно приговора суда по этому делу от 5—10 декабря 1906 г., большинство вещественных доказательств было уничтожено. (МЮ, III уг. отд., I д-во, 1906 г., д. № 17305, лл. 92—96).

[2] МЮ, III уг. отд., I д-во, 1906 г., д. № 17305, л. 5.

Прокламация Пермского комитета РСДРП, 6 января 1906 г.[1]

Российская социал-демократическая рабочая партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

На смерть Кузнецова[2]

В битве великой не сгибнут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песнью победной
Станут священны миллионам людей.

Во вторник 3 января, сворой палачей убит товарищ Яков Кузнецов, член Пермского комитета РСДРП. Товарищ Кузнецов ездил из Мотовилихи в город, на встречу попалась орда полицейских и солдат. Кто то из полицейских узнал героя мотовилихинских сражений и вздумал его задержать, но Кузнецов выскочил из саней и побежал, не желая сдаться живым своим смертельным врагам. Вся орда устроила настоящую охоту и бросилась в погоню за ним. С гиганьем и криком бежали полицейские и солдаты, непрерывно стреляя из револьверов. Отстреливаясь, товарищ Кузнецов спасался от опричины и бежал вперед. Он вбежал на гору, добежав уже до ее середины, и тут пал пораженный солдатской пулей.

В детстве Кузнецов принимал очень деятельное участие в боях, которые в былое время часто устраивались мотовилихинской молодежью. Отличаясь ловкостью, силой и мужеством он был избран этой молодежью атаманом. В 1904 году он примкнул к социал-демократической партии и сразу стал очень деятельным членом мотовилихинской партийной организации. После июльской забастовки 1905 года он принужден был скрываться, тщательно разыскиваемый жандармерией. После 17 октября, когда правительство, побежденное народом, начало готовиться к реакции и организовывать черные сотни, тов. Кузнецов принимал деятельное участие в милиции, в которой состоял десятником. Он отличался своим мужеством и распорядительностью в сражении с казаками 13 декабря и, когда уже после этого сражения был образован стрелковый отряд, был назначен его начальником. Полиция знала тов. Кузнецова, боялась и смертельно ненавидела мужественного борца за свободу.

Он пал, как зверь, затравленный свирепыми «стражами порядка», но дело, за которое он боролся, погибнуть не может. Мотовилихинский пролетариат запомнит имя своего славного товарища и будет продолжать до конца, до полной победы борьбу за то дело, которому принес уже столько жертв.

Вместе с поэтом мы скажем:

Не нужно ни песен ни слез мертвецам,
Воздайте им лучший почет,
Шагайте бесстрашно по мертвым телам,
Несите их знамя вперед.

Вечная память павшим в борьбе за свободу!
Проклятие убийцам!

Пермский комитет РСДРП.

---

[1] Ист. архив Татарской АССР, ф. 3, д. № 29, л. 70. Воспроизведено с гектографированного подлинника. Прокламация опубликована в сб. Пермского Истпарта «Борьба за власть», т. I, стр. 307—308.

[2] Кузнецов, рабочий мотовилихинского завода.

Материалы к истории рабочего контроля над производством

(1917—1918 гг.)

В результате Февральской буржуазно-демократической революции в России сложилось двоевластие — власть советов рабочих и солдатских депутатов с одной стороны, и Временного буржуазного правительства, с другой. Вскоре, эсеро-меньшевистские лидеры Исполкома, изменники рабочего класса, «сдали власть буржуазии, а совет рабочих и солдатских депутатов, узнав потом об этом, одобрил своим большинством действия эсеро-меньшевистских лидеров, несмотря на протест большевиков» [1].

Временное буржуазное правительство было не только неспособно, но и не желало проводить в жизнь революционные лозунги трудящихся. Оно не только игнорировало осуществление революционных требований трудящихся, но повсеместно организовало контрреволюционный поход против народа.

С переходом власти в руки буржуазии участие России в преступной империалистической войне не только не прекратилось, но наоборот, значительно усилилось.

Полуразрушенная войною экономика страны продолжала катастрофически падать. Работа промышленности и транспорта по обслуживанию войны, сокращение выработки и перевозок топлива и сырья для промышленности, топлива и хлеба для города, товаров для деревни,— все это вело к замиранию хозяйственной жизни в стране, к закрытию предприятий, к запустению полей, к голоду, к неминуемой катастрофе.

Жесточайшая эксплоатация рабочих и колоссальные прибыли буржуазии обостряли положение в стране, усиливали разруху, приближали катастрофу.

Правительство буржуазии, поддерживаемое в своей преступной политике меньшевиками и эсерами, толкало страну в пропасть. Говоря о необходимости немедленного приступления к делу «спасения страны от неминуемой ужаснейшей катастрофы», Ленин отмечал следующее: «Вся суть в том, что «новое» Временное правительство **не хочет** приступить к делу, а если бы захотело, **то не сможет**, будучи опутано тысячами цепей охраны интересов капитала» [2].

Нужны были революционные меры, чтобы остановить разруху и предупредить катастрофу.

Эти меры указала большевистская партия устами Ленина и Сталина на апрельской конференции, на I-м съезде Советов, на VI-м съезде большевиков. Среди них первое место принадлежит организации контроля самих рабочих за деятельностью банков и синдикатов, за производством и распределением продуктов.

Такой повсеместный и действительный контроль рабочих должен был не только обнажить колоссальные доходы буржуазии, но, что еще важнее, раскрыть все источники доходов, показать все преступления буржуазии, совершаемые ради этих доходов.

Однако, последовательное и полное проведение контроля не мыслимо без установления власти контролирующих. Отсюда — лозунг рабочего контроля свя-

---

[1] Краткий курс Истории ВКП(б), стр. 171.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XX, стр. 377.

зывался с лозунгом борьбы за власть, за установление диктатуры пролетариата.

Ленин в своем историческом произведении «Удержат ли большевики государственную власть» подчеркивал, что, когда мы говорим о рабочем контроле, мы ставим «этот лозунг всегда рядом с диктатурой пролетариата, всегда вслед за ней», и далее — если речь идет о пролетарском государстве, т. е. о диктатуре пролетариата, то рабочий контроль может стать всенародным, всеобъемлющим, вездесущим, точнейшим и добросовестнейшим учетом производства и распределения продуктов» [1].

Неслучайной поэтому является та война, которую объявили фабриканты и заводчики, поддержанные соглашателями меньшевистско-эсеровскими лидерами против рабочего контроля. Саботажи и локауты, циркуляры, издававшиеся министром труда Временного правительства социал-соглашателем Скобелевым, запрещавшие фабрично-заводским комитетам вмешиваться в вопросы увольнения и найма рабочих на предприятиях, яростные выступления меньшевиков и эсеров против рабочего контроля, называемого ими синдикалистским и утопическим,— вот чем встретили они попытки введения рабочего контроля.

Отдельные документы настоящей публикации показывают одну из сторон процесса перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую на отдельных примерах борьбы за рабочий контроль. Здесь можно видеть, как росло социалистическое сознание рабочих, переход от пассивного контроля, характеризующегося лишь установлением охраны заводского имущества от грабежа, к активному вмешательству во внутреннюю жизнь предприятия, вопросы найма и увольнения рабочих, правильного расходования сырья и топлива, правильного размещения средств и т. д.

История борьбы за рабочий контроль мало освещена в литературе. Мы можем указать лишь на работы тов. Панкратовой, посвященные истории фабрично-заводских комитетов, специальными главами выделяющие рабочий контроль. Имеются также полемические или инструктивные брошюры и статьи в сборниках, составленные в период осуществления рабочего контроля и перехода от рабочего контроля к национализации промышленности. История рабочего контроля не только не написана, но даже не собраны еще материалы для ее написания.

Настоящая публикация в известной мере восполняет существующий пробел в издании документов по истории рабочего контроля.

Документы показывают подлинную заботу трудящихся о восстановлении, налаживании и охране предприятий, расстроенных, разрушенных и запущенных в результате империалистической войны, саботажа и вредительства со стороны фабрикантов и заводчиков. История этой борьбы за сохранение завоеванных революцией богатств, принадлежащих народу, приобретает особое значение сейчас, когда трудящиеся нашей страны в борьбе за высокую производительность труда, за высокое качество работы, в борьбе с лодырями и прогульщиками, дезорганизаторами нашего социалистического производства, строят свое социалистическое хозяйство.

Все документы выявлены в Центральном Государственном Архиве Октябрьской Революции в фонде Центрального совета фабрично-заводского комитета (№ 472), образованного на 1-й конференции фабрично-заводских комитетов в Петрограде 31 мая 1917 г.

Этот фонд содержит материалы по организации и работе Петроградских и местных фабрично-заводских комитетов и Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов, состоявшейся 17-22 октября 1917 года.

Кроме указанного фонда привлечены отдельные документы фондов Главного управления по делам милиции при министерстве внутренних дел Временного правительства (№ 406), Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет советов рабочих и солдатских депутатов 1-го созыва (№ 1235) и др.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 259.

Работа по оформлению и, частично, по отбору документов проведена слушателями курсов научных сотрудников ГАУ НКВД СССР в небольшом семинаре по методике публикации документов под руководством автора настоящего введения.

А. Персов

Заявление заводского комитета Петроградского вагоностроительного завода Петроградскому исполнительному комитету советов рабочих и солдатских депутатов, [8] апреля 1917 г.[1]

Совет старост[2] поднял вопрос о вывозке материала с завода без предупреждения заводского комитета; об этом были заявления. Заводской комитет и сам заметил, что действительно увозят возами сосновые доски в неопределенном количестве каждый день, железо тоже отправляется возами, из кровельной увозили листовое железо и много другого материала, который мог быть полезным для рабочих, завода и военной надобности.

Ввиду создавшегося положения заводской комитет очень недоволен, почему так поступают наши заводоуправления, зная, что в материалах большой недостаток. Комитет старост решил вызвать управляющего и допросить его, известно ли ему, что вывозят материал.

Управляющий Сергеев категорически заявил, что ему ничего не известно, что пропуска подписывает Пудовский, и что дня два шли пропуска через главную контору, но подписаны Пудовским.

Совет старост просит обратить на наше заявление внимание и приступить к выяснению всех наших недоразумений.

Председатель комитета (подпись).

Донесение начальника управления милиции Читинского уезда во Временное управление по делам милиции, 28 мая 1917 г.[3]

В Читинском уезде на золотых приисках В. Верхотуровой 11 мая были арестованы рабочими и частью служащих владелицы Верхотуровой, прибывшие для рассчета рабочих управляющий, конторщик и горный милиционер. Рабочие захватили в свои руки все имущество и создали собственное управление.

13 мая названная Верхотурова бежала из-под ареста и добралась до Читы, оттуда и телеграфирует, прося распоряжений для восстановления прав собственности и ограждения приисков от расхищения. Местные власти якобы бессильны.

Нач. управления (подпись).

Телеграмма Коломенского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Петроградскому исполнительному комитету совета рабочих и солдатских депутатов, 2 июня 1917 г.[4]

Коломенский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов доводит до вашего сведения о том, что со стороны заводоуправления коломенских заводов и местной администрации предпринимаются деорганизаторские меры, нарушающие выработанный договор и полное игнорирование сложившихся организаций.

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 46, д. № 5, л. 15.

[2] Собрание уполномоченных от цехов. Советы старост принимали участие в решении преимущественно вопросов заработной платы. Они являлись одним из завоеваний рабочих.

[3] ЦАОР, ф. 406, д. № 19/15, л. 164.

[4] Там же, ф. 1235, д. № 6, лл. 27—28.

Попутно с действиями на местах, извещаем вас о том, что мы с первого июля будем поставлены в необходимость, на угрозу капиталистов закрыть производство, действовать самым категорическим образом и не допустить выбрасывать работников на улицу в такое время, когда всюду требуется массовое производство, а нажива акционеров мешает сознательной работе. Налаживайте учет производства и распределение. Мы стоим перед неизбежным фактом, подавить сопротивление буржуазии, помещиков и капиталистов.

В случае закрытия фабрик и заводов, частные предприятия объявить предприятиями общественными. Готовьтесь к этому в центре, мы ведем работу на местах.

Заявление заводского комитета завода Бреннера в Петрограде, министру труда, 6 июня 1917 г.[1]

Ввиду того, что с 24 мая с. г. и по сие число к нам на завод не является владелец завода и завод работы производит под наблюдением заводского комитета, а поэтому является необходимостью получить заводскому комитету разрешение на право производства работ, получения и исполнения всякого рода заказов, как казенных, так и частных, а равно право на дальнейшее производство работ по окончанию тех казенных заказов, кои начаты были делать владельцем Бреннером, и сдачу последних тем учреждениям, от коих были получены означенные заказы, без чего заводской комитет лишен возможности производить работу на заводе, а тем поставить всех рабочих в затруднительное положение с получением заработной платы.

Заводской комитет (подпись).

Постановление I конференции фабрично-заводских комитетов г. Петрограда, 12 июня 1917 г.[2]

По вопросу о контроле над производством и распределением продуктов конференция постановляет: немедленно выбрать из своего состава исполнительный комитет, которому поручается:

1. немедленно создать контрольные комиссии на всех предприятиях в Петрограде и в прилегающих к нему районах;
2. немедленно созвать в Петрограде Всероссийский съезд представителей тружеников от различных предприятий;
3. немедленно войти в соглашение Петроградскому центральному бюро контрольных комиссий с центральным бюро Всероссийского крестьянского союза дабы в интересах всего трудящегося народа общая работа протекала вполне организованно, интенсивно и в желательном направлении.

Отношение фабричного инспектора 6-го участка Владимирской губернии старшему фабричному инспектору Владимирской губернии, 16 июня 1917 г.[3]

Сим имею честь уведомить вас, что фабрики участка представляют вид полнейшей анархии. Например фабрики ткацкого и прядильного товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры в настоящее время управляются коллективом мастеровых под контролем рабочих. Директоры смещены. Заведующие, кои удержались у

---

[1] ЦАОР, ф. 471, д. № 78, л. 5.
[2] Там же, ф. 472, д. № 81, л. 25.
[3] Там же, ф. 406, д. № 50, л. 63.

власти, сообщают, что около каждого, даже самого простого, административного распоряжения создаются митинги. Например — Заведующий посылает 3-х женщин, оказавшихся свободными вследствие временной приостановки работ машины, в другое отделение. Они отказываются, идут в фабричный комитет. Это является публичным разбирательством дела, собирается митинг и на один только такой вздорный случай уходит у заведывающего 1/2 дня, и масса физической и душевной силы. Производительность труда упала до минимума. Нанимать и увольнять рабочих изъявляют желание фабричные комитеты и уже на целом ряде фабрик приступили к делу. Вздумалось подмастерьям сократить комплекты и они уже приступили к делу и на некоторых фабриках явочным порядком провели эту меру. Вздумалось рабочим вопреки соглашения состоявшейся в Москве 10—12 мая конференции, сократить рабочее время в субботу до 6 часов,— и дело сделано: фабрики с 20 мая в субботу работают 6 часов. Порешили отменить штрафы, и где порешили,— там их уже нет. Агитаторы являются в корпуса и устраивают митинги, не стесняясь что мешают. Власти никакой, произвол полнейший.

Фабричный инспектор Владимирской губернии 6 участка
Л. Полубенин.

Донесение фабричного инспектора 3-го участка г. Шуи старшему фабричному инспектору Владимирской губернии, 18 июля 1917 г. [1]

Анархия на фабриках продолжает нарастать. На некоторых фабриках фабричные комитеты вмешиваются в управление фабриками — сами нанимают ненужных по мнению фабричной администрации рабочих, назначают за счет фабрики пособия и прочее.

На днях потребовали удаления заведующего технической частью на снарядном заводе т-ва С. Посылина, А. И. Мельникова, основанного по сведениям личных счетов отдельных рабочих. Мельников ушел. Все это вносит полнейшую дезорганизацию в жизнь фабрик. Моя лично участь тоже, повидимому, висит на волоске и не сегодня-завтра потребуют удаления и меня не потому, что бы я делал что-нибудь неприятное рабочим, а просто из стремлений уничтожить всякие следы государственной власти, устранить какие бы то ни было положения законности и порядка.

Фабричный инспектор III участка Владимирской губернии
И. Многалет.

Заявление представителей заводских рабочих комитетов петроградских заводов: Штейн и К°, Ново-Барановского, Общественно-металлического и Товарищества инженеров в Центральный совет фабрично-заводских комитетов, 28 июля 1917 г. [2]

Признавая, что в настоящий момент экономической и политической разрухи долг каждого рабочего помочь единению сил рабочего и крестьянского пролетариата в борьбе с капиталистами, желающими создать и усилить разруху не принимая никаких мер к предотвращению грозящего падения промышленности, мы считаем своим долгом довести до сведения Центрального совета о следующем:

---

[1] ЦАОР, ф. 406, д. № 50, л. 116.
[2] Там же, ф. 472, 1917 г., д. № 76, лл. 94—95.

1. В качестве представителей вышеозначенных заводов по распределению 23,5 м/м. латуни, мы неоднократно встречались с мелкими случаями торможения доставки материала, но, не говоря о них, мы принуждены осветить один факт, ярко характеризующий дела фабрикантов-заводчиков. Получив сведения от заводоуправления, что запас материала иссякает, мы, распределив необходимое количество, справились в Военно-промышленном комитете, материальном отделе, имеется ли это количество (2112); нам отвечают, что правление завода «Розенкранца» не дает никаких сведений. Так как заводам был спешно необходим материал, мы, представители, лично справились в рабочем комитете «Розенкранца», где узнали, что имеется около 4.000 пудов (о чем имеется документ от 14 июля). На основании этого документа мы получили от мат. отд. Военно-пром. комитета ордера на получение материала, причем нам заявили, что правление «Розенкранца» отрицает наличность материала. Заводоуправление «Розенкранца» тоже заявило заведующему завода «Ново-Барановск», что материала нет на заводе; на другой же день представитель рабочих доказал; что материал есть, и после споров добился, чтобы нагрузили грузовик, который уже хотели отправить назад. Представителю «Штейн и К°» Правление «Розенкранца» по телефону заявило, что материала не дадут раньше 20 числа, между тем завод 15-го и 16 июня уже стоял и, когда правлению было сказано, что материал есть и мы должны его получить, то Правление отказалось вести переговоры. В конце концов оказалось, что правление «Розенкранца» тормозило работу только для того, чтобы сорвать лишние тысячи на задержанном материале, а заводы «Штейна» и «Обществ. Метал.» встали без материала.

2. Ввиду того, что заказы, данные вышеупомянутым заводам, уже кончаются, мы, представители, хлопотали о получении новых заказов на наши вполне оборудованные заводы. В Военно-промышленном комитете нам заявили, что новых заказов нет, а нами получены сведения, что незадолго перед этим были переданы заказы, однородные с выполняемыми нами, в Вятский и Ростовский комитеты. В Техническом отделе Военно-промышленного комитета нам заявили, что заказов нет и не будет. Когда мы заявили, что есть факты, говорящие за то, что Главное артиллерийское управление передает заказы в провинциальные округа, он (инженер) был принужден согласиться, сказав, что к этому принуждает расстройство транспорта и отсутствие угля. На наш вопрос «Как же существовали раньше заводы» нам объяснили, что английским углем, доставляемым через море и как только кончится война, промышленность опять разовьется в Петрограде, а следовательно абсурдно добиваться разгрузки Петрограда от заводов. Мы спросили, что стало с проектом 1910 г. об эксплоатации водопадов «Иматры», «Кивача» и «Нарвского», т. е. белого угля. Выяснилось, что, благодаря происках «Электр. О-ва 1886 г.» и «Бельгийского О-ва», эти проекты положены под сукно.

На основании вышеизложенного, мы просим Центральный совет фабрично-заводских комитетов принять меры к экстренному проведению в жизнь следующих мер:

1. Ввиду возможности повторения случаев, подобных вышеизложенному, требуем введения государственного контроля с преобладающим большинством рабочих.

2. Так как Артиллерийское управление, передавая военные заказы провинциальным заводам, подрывает заводы Петрограда, что является губительным для промышленности Петрограда, мы требуем передачи военных заказов в первую очередь столичным заводам, приспосабливая провинциальные к переходу на мирный обиход, который

там легче провести, так как почти все рабочие тех заводов являются окрестными крестьянами, и работа на заводе является для них побочным заработком.

3. Немедленно поднять вопрос о государственном использовании водопадов, дабы обеспечить Петроград белым углем. Пресечь обирание населения различными «Обществами 1886 г.» и «Бельгийскими».

Представители заводов: «Штейн и К°», «Ново-Барановского», «Общественно-Металлического», «Т-во инженеров».

Из доклада о деятельности Центрального совета фабрично-заводских комитетов на 2-й конференции фабрично-заводских комитетов г. Петрограда, 8 августа 1917 г.[1]

Первая конференция фабрично-заводских комитетов дала своему центральному совету лозунг: «рабочий контроль над производством и распределением продуктов». Мы проводили этот контроль в той мере, в какой имели силы и возможности. А в этом отношении мы стоим в прямой зависимости от заводских комитетов, на которые опираемся. Мы наметили целый ряд органов для хозяйственно-административного контроля предприятий, технического и финансового. И только из-за отсутствия достаточного количества сил и средств органы эти еще не сконструировались окончательно.

Начались массовые закрытия фабрик и заводов. Промышленники, привыкшие в ненормальной обстановке военного времени, благодаря раздутому производству на оборону, получать 200—300 процентные барыши, совершенно не склонны умерять свои аппетиты, хотя военные заказы подходят к концу. Среди рабочих создалось тревожное, нервное настроение. Центральный совет всегда стоял на той точке зрения, что закрытие предприятий абсолютно недопустимо и всячески старался предотвратить закрытие. Мы требовали от министерств контроля над производством, но тут встречали с их стороны нерешительность и медлительность, а со стороны промышленников злобу и страх за собственность. Многие сознательно или несознательно смешивают понятие «контроля» с понятием «захвата фабрик и заводов», хотя рабочие совершенно не проводят тактики захватов. Министр труда Скобелев решительно высказался за предоставление контроля над промышленностью государству, забывая, что поднятие производительности возможно только при творческом участии в производстве самих рабочих.

Постановление общего собрания Шуйского общества фабрикантов и заводчиков, 9 августа 1917 г.[2]

Общее собрание Шуйского общества фабрикантов и заводчиков, заслушав в заседании своем 25 июля сего года заявление о самоуправных действиях рабочих на фабрике торгового дома И. И. Девочкина относительно найма и увольнения рабочих, постановили: категорически заявить фабрично-заводским комитетам, что право найма и увольнения рабочих принадлежит только фабрикантам и что фабриканты ни в коем случае не потерпят умаления своих прав и в этом вопросе, так как эти права подтверждаются не только существующими законами, но и неоднократными постановлениями Временного правительства.

Делопроизводитель совета общества Г. Вивровский.

---

[1] ЦАОР, ф. 472, д. № 82, лл. 51—52.
[2] Там же, ф. 406, д. № 50, л. 117.

Отношение заводского комитета рабочих при Петроградском заводе военных и морских приборов Российского акционерного об-ва «Сименс-Шуккерт» в заводское совещание, 10 августа 1917 г.[1]

Правлением завода «Сименс-Шуккерт» назначено к расчету 807 человек. Причиной расчета заводоуправление выставляет отсутствие необходимого материала.

Комиссия от рабочих, добившись недельной отсрочки расчета для проверки насколько справедливо утверждение правления, выяснила, что в некоторых местах имеется нужный для завода материал в количестве 35 тыс. пудов; кроме того той же комиссии удалось достать сталь в количестве 500 пудов. Не считаясь с этим, директор завода настаивает на расчете, указывая на то, что рабочие не могут гарантировать доставку материала на продолжительное время.

Заводский комитет, совместно с комиссией по изысканию материала, считает, что наличие имеющегося материала даст возможность продолжать работу всем заводам на месяц-полтора, в течение которого может быть найдена возможность доставки стали, принадлежащей заводу, из Царицына, где она имеется в количестве около 40 тыс. пудов и которой также хватит на полтора месяца.

Ввиду того, что расчет уже предъявлен вчера, 9 августа, и у рабочих отбираются расчетные карточки, что сопровождается нежелательными эксцессами, заводский комитет настаивает, чтобы совещание немедленно назначило комиссию для расследования этого дела.

Председатель (подпись).

Из протокола заседания совета старост гор. Ревеля, 23 августа 1917 г.[2]

...На заводах, где появляется безработица, требовать сокращения работ, по возможности, от 3-х до 4-х дней в неделю, чтобы не оставлять рабочих без хлеба. Безработных, на всякий случай, записать на биржу труда при центральном бюро профсоюзов и справиться нет ли на заводах спроса рабочих. Категорически указать заведующим совещаниями, что нужно принять меры к обеспечению заводов заказами. На всех заводах, всем советам старост переговорить, нет ли заказов, т. к. рабочий класс не может спокойно смотреть на выбрасывание массы народа на улицу, между тем, как заказы по ремонту железно-дорожного состава будут.

4. На письменное заявление служащих завода Вольта об объявлении администрацией им расчета по случаю 2-х дневного присоединения в виде сочувствия, к забастовке рабочих, ЦКСС Совета старост категорически протестует против увольнения служащих завода Вольта и находит действие управления неосновательным, вредным для промышленности, причиной желания привести завод к закрытию, а поэтому служащим не считаться с объявлением администрацией завода и продолжать работу на своих местах...

Из резолюции конференции рабочих комитетов города Екатеринослава 19 сентября 1917 г.[3]

Ввиду явного саботажа и локаутов, устраиваемых промышленниками, и неудовлетворения до настоящего времени справедливых требований рабочих, которые были представлены еще на Харьковскую

---

[1] ЦАОР, ф. 472, д. № 76, л. 3.
[2] Там же, д. № 77, л. 21. Перевод с эстонского языка.
[3] Там же, д. № 79, л. 22.

конференцию [1], где над этими требованиями господа промышленники открыто посмеялись и продолжают смеяться, закрывая заводы один за другим, выбрасывая на улицу наших товарищей,— конференция заводских комитетов гор. Екатеринослава из 70-ти заводов и его окрестностей 19 сентября с. г., в виду все возврастающей дороговизны жизни, требует от всех съехавшихся в г. Харькове на 20 сентября промышленников немедленного проведения в жизнь вопроса о заработной плате, установив минимум в размере 8 рублей для всех категорий рабочих женщин и мужчин, которые получали меньше того. Конференция дает двухнедельный срок с момента принятия резолюции, т. е. от 19 сентября. Если в течение означенного срока не будут удовлетворены требования рабочих, то конференция объявляет, что все предприятия г. Екатеринослава переходят в руки рабочих организаций.

Председатель (подпись).

Телеграмма председателя совета съездов горнопромышленников Урала министру внутренних дел, 19 сентября 1917 г. [2]

На платиновых приисках акционерного общества Нижне-Тагильских и Луньевских горных и механических заводов наследников П. П. Демидова, князя Сан-Донато, находящихся в Верхне-Туринском уезде Пермской губернии, 3 сентября с. г. произошел самочинный захват предприятия группой рабочих и служащих, сопровождающийся арестом некоторых лиц приисковой администрации, из коих многие, в виду создавшегося угрожающего положения, были вынуждены уехать в Нижний Тагил. Управляющий приисками В. К. Тхоржевский насильственно отстранен от исполнения обязанностей, на его место поставлено избранное захватчиками лицо и все управление приисками возложено на особый комитет, состоящий из 8 избранных теми же захватчиками лиц. По сведениям устраненного управляющего, в руках рабочих и старателей находится более пяти пудов платины, стоимость коей по установленной Временным правительством реквизиционной цене составляет свыше 680 тыс. рублей. Ими же захвачены все приисковые площади. При этом заслуживает также внимания то обстоятельство, что первое извещение о происшедшем, полученное правлением общества, как старательским комитетом, так и советом рабочих депутатов, что указывает, повидимому, на полную солидарность этих учреждений с захватчиками и таковое же одинаковое непонимание всей незаконности содеянного.

О недопустимости какого-либо вмешательства служащих и рабочих в управление промышленными предприятиями, а тем более о полном захвате управления таковыми, Временным правительством было заявлено совершенно определенным образом на Московском государственном совещании. В соответствии с таковой общей политикой правительства министерством торговли и промышленности изданы соответственные инструкции своим агентам, какова, например, инструкция, данная окружному инженеру Приходько по Богословскому гор-

[1] Конференция представителей каменноугольной, антрацитовой, железорудной и металлургической промышленности происходила 28—29 марта в Харькове совместно с представителями местных советов рабочих и солдатских депутатов. На требования рабочих об увеличении заработной платы промышленники ограничились лишь незначительным ее повышением, а при повторном требовании ответили отказом и представили Временному правительству от имени конференции промышленников юга России декларацию с требованием «принять меры против политического и экономического разложения, которые ведут отечество к гибели».

[2] ЦАОР, ф. 406, оп. 2, д. № 627, лл. 9—10.

ному округу, которую нельзя не приветствовать ввиду ее закономерности, ясности и определенности. Тем недопустимее представляется то, что произошло на платиновых приисках общества и что требует немедленно ликвидации и восстановления попранных закона и права.

Совет съездов горнопромышленников Урала, представляя вам о вышеизложенном, покорнейше просит и надеется, что будут приняты экстренные и энергичные меры к водворению порядка, что представляется особенно необходимым не только в целях восстановления закона, но и в предупреждение весьма вероятной утечки платины во враждебные страны, равно как и для возможности продолжения работы всего предприятия общества вообще, так как в случае, если деятельность захватчиков не будет прекращена, то обществу, главным образом, из-за недостатка денежных средств и расстройства всего дела управления, останется единственное средство самозащиты — остановка всего предприятия.

Председатель совета (подпись).

Из резолюции совета рабочих и солдатских депутатов Саткинского завода Уральской области, 23 сентября 1917 г.[1]

...Введение строгого контроля над торговлей и промышленностью.

Требуем немедленного и строгого общественного контроля над всеми торгово-промышленными предприятиями и частными финансовыми учреждениями, как единственного верного средства для уничтожения безудержной спекуляции, которая с начала войны разрушает экономические силы страны.

Довольно бесконтрольного и безответственного грабежа капиталом трудового народа [который] четвертый год переживает адские муки страшной неслыханной войны-бойни, затеянной царизмом в угоду капитала...

Резолюция первой конференции фабрично-заводских комитетов г. Архангельска, 11 октября 1917 г.[2]

1. Производство об-ва, в котором владельцами средств производства материалов и орудий труда являются единоличные или соединенные в различные акционерные об-ва собственники, при нормальных довоенных условиях стихийно регулируется путем взаимной конкуренции предпринимателей в погоне за рынками и покупателями. Это давало потребителям возможность получать продукты по средним рыночным ценам. Наблюдавшийся недостаток в продуктах отечественного производства пополнялся привозом из-за границы в обмен на наше сырье и полуфабрикаты.

Разумное организованное вмешательство со стороны государственной и общественной власти не имело места, или выражалось в монополиях с целями обогащения казны. Стремление самих промышленников регулировать промышленность шло по пути образования соглашений синдикатов, трестов и проч., направленных к явному господству на рынке и устранению конкуренции, что приводило иногда к сокращению производства и торможению в развитии производительных сил.

2. Всемирная война повела к громадному расточению производительных сил об-ва и особенно резко сказалась в России, как в менее промышленно-развитой стране. Производство не в состоянии удовлетворить спрос и последний начинает определять характер производства.

[1] ЦАОР, ф. 406, оп. 6, д. № 18, л. 185.
[2] Там же ф. 472, 1917 г., д. № 71, л. 23.

3. При условиях громадного непроизводительного потребления материалов, продуктов для войны [и громадного] отвлечения рабочих сил от производства естественно возник вопрос о применении контроля и регулирования производства и распределения продуктов. Эта необходимость регулирования сказалась прежде всего в производстве предметов первой необходимости (питания и пр.), втягивая постепенно и другие отрасли производства.

Принимая во внимание, что отдельные отрасли производства находятся в теснейшей экономической зависимости друг с другом, мы предлагаем:

1. Создание в законодательном порядке государственных органов в центре и на местах с широким представительством от органов революционной демократии. Задачей этих органов является практическое проведение мер контроля и регулирования производства и распределения продуктов, нормирование цен продуктов, снабжение сырьем, орудиями труда и перераспределением рабочей силы в предприятиях, признанных ненужными или негодными с точки зрения государственных интересов. Немедленная подготовка перехода промышленности к условиям мирного времени. Постановка промышленной статистики.

2. Рабочий контроль в каждом отдельном предприятии за деятельностью управления предприятием осуществляется особым органом из представителей фаб.-зав. комит. представ. пр-ва и орг. револ. демокр. с приглашением специалистов и сведущих лиц.

Первейшей задачей рабочих контрольных органов должно быть всестороннее обследование предприятия со стороны технической его оборудованности, выяснение запасов сырья, рапределение заказов по срочности их выполнения, строгий учет рабочих сил при правильной постановке заводской статистики и всестороннего анкетного обследования.

3. Признавая, что процесс контролирования и регулирования производства очень важен для жизни страны, конференция в то же время признает всю трудность и сложность проведения контроля и предостерегает рабочие организации от неосмотрительных шагов, могущих отклонить рабочих от их классовых позиций.

Наказ рабочих Царицынских заводов своему делегату на 1-ую Всероссийскую конференцию фабрично-заводских комитетов, октябрь 1917 г.[1]

Мы, рабочие Царицынских заводов, посылая делегата нашего на Петроградскую[2] конференцию советов фабрично-заводских комитетов, поручаем ему отстаивать на конференции следующие положения:

1. По вопросу о хозяйственной разрухе страны: 1) Считая, что главным виновником хозяйственной разрухи страны является война и Временное правительство ее поддерживающее, мы настаиваем на проведении немедленной и энергичной политики правительства к ликвидации ее, на основах, провозглашенных революционной демократией 14 марта с. г.[3] и властью с тем, чтобы вся власть перешла в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 2). Немедленная конфискация монастырских, частно-владельческих, кабинетских

[1] ЦАОР, ф. 472, д. № 85, л. 201.

[2] 1-я Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов происходила в Петрограде 17—22 октября 1917 г.

[3] 14 марта было опубликовано воззвание Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира».

Воззвание, после объявления о низложении самодержавия, призывает народ взять в свои руки решение вопроса о войне и мире. В воззвании не было четкого требования прекращения войны, не было указано мер борьбы за мир.

земель, национализация и переход в собственность и эксплоатация государством всех железных дорог, водных путей сообщения и недр земли. 3) Настаивать на полнейшем обсеменении полей и снабжении беднейших крестьян наличным инвентарем и орудиями производства за счет помещиков и государства. 4). Принять энергичные меры к уничтожению бесполезных работ и развлечений, как-то: выработки предметов роскоши. 5) Открыть мастерские по производству сельскохозяйственных машин и орудий. 6). Ввиду крайней нужды заводов в сырье и полупродуктах, для ведения в дальнейшем производства, организовать Всероссийский комитет снабжения, который устранил бы необходимость посылать отдельных делегатов каждого завода в отдельности.

2. По второму вопросу о контроле над производством, считая, что в настоящее время производительная работа заводов необходима более, чем когда-либо, принять все возможные меры к прекращению закрытия заводов и фабрик, для чего осуществить над производством рабочий контроль и распределение сырья.

3. По вопросу о войне и демобилизации, считая, что переход страны с военного положения на мирное необходимо принятие своевременных и энергичных мер к демобилизации промышленности, находим необходимым организацию бирж труда и перехода производства заводов с военного на мирный путь для производства машин, как-то: паровозов, сельско-хозяйственных орудий и других.

4. По вопросу обмена [между] городом и деревней считаем, что часть текущего производства должна быть направлена на приготовление необходимых предметов сельского хозяйства и обихода, которые и должны быть передаваемы через рабочую организацию в деревню, что должно послужить причиной того, что и деревня в свою очередь должна будет повезти хлеб в город, для передачи его жителям.

5. По вопросу о взаимоотношениях заводских комитетов и профессиональных союзов, находим, что они должны находиться во взаимном и тесном контакте, для более же продуктивной деятельности должно быть проведено распределение труда между ними.

6. По вопросу о походе со стороны промышленников на заводские комитеты, мы протестуем против этого похода и требуем, чтобы положение о комитетах было твердо поставлено на законную почву.

При этом считаем необходимым установить:

1) Чтобы прием и увольнение рабочих были с ведома и согласия заводских комитетов. 2) Беспрепятственные занятия президиума комитетов в рабочее время, с сохранением заработка, в случае же экстренной надобности на таковых же началах могут быть заседания и всего заводского комитета. 3) Немедленная отмена циркуляров и распоряжений правительства, ограничивающих власть и компетенцию заводских комитетов.

7. Все эти положения делегат должен отстаивать на конференции и по возвращении своем из Петрограда дать на месте полный и подробный ответ совету фабрично-заводских комитетов г. Царицына и его района.

Председатель (подпись).

Резолюция пленарного заседания Всероссийской конференции технических заводов, складов и полигонов артиллерийского ведомства, 17 октября 1917 г.[1]

Всероссийская конференция заводов, складов и полигонов Артиллерийского ведомства, обсудив вопрос о контроле заводскими комите-

[1] ЦАОР, ф. 472, д. № 81, л. 254.

тами хозяйственной, технической и административной частей производства и считая, что ответственность за производство ложится исключительно на администрацию заводов, признает за заводскими комитетами право контроля, для чего заводской комитет, в лице контрольной комиссии, имеет право присутствовать на всех заседаниях правления и требовать исчерпывающие объяснения на свои вопросы и давать таковые.

Отношение профессионального союза транспортных рабочих в Центральный совэт фабричных и заводских комитетов, 23 октября 1917 г. [1]

Уважаемые товарищи!

Правление союза доводит до вашего сведения резолюцию, принятую правлением по вопросу об эвакуации Петрограда.

Центральное правление профессионального союза транспортных рабочих, обсудив предложение Центрального транспортного комитета об организации рабочей артели, в связи с эвакуацией Петрограда, в своем экстренном заседании постановляет: считая, что 1. вопрос об эвакуации революционного Петрограда тесно связан с общеполитическим положением страны; 2. не имея данных для суждения о целях и размерах намечаемой правительством эвакуации; 3. находя, что бесконтрольная эвакуация, намеченная настоящим правительством, должна гибельно отразиться на интересах рабочего класса и завоевании революции, правление союза постановляет активно принять участие в предпринимаемой эвакуации лишь в том случае, когда: 1. руководить делом эвакуации будут также и представители революционных рабочих и солдатских организаций и 2. цели и размеры эвакуации не будут вредить интересам рабочих и солдатских масс. Вместе с тем, правление союза считает необходимым довести до сведения правления Центрального транспортного комитета, что комитету обеспечено содействие союза по предоставлению рабочей силы, но в данном конкретном случае, когда над вопросом профессиональным доминирует политический, правление союза вынуждено апеллировать к руководящим революционным центрам.

Председатель (подпись).

Из заявления заводского комитета рабочих Путиловского завода в Центральный совет фабрично-заводских комитетов 25 октября 1917 г. [2]

Для характеристики отношений «хозяев» к рабочим организациям позвольте привести следующий яркий факт.

В начале сентября с. г. заводским комитетом рабочих Путиловского завода были получены сведения, что находящиеся на территории завода станки и машины, привезенные в 1916 г., подлежат вывозу из Петрограда и что администрацией завода давно уже получено предписание разработать проект эвакуации артиллерийских мастерских завода,— осуществление какового проекта задержалось лишь Корниловским выступлением. В то же время администрация завода приступила к обмеру и описи станков и машин в артиллерийских мастерских. Все это совпало со временем появления в печати сведений

[1] ЦАОР, ф. 472, д. № 68, лл. 26—26 об.
[2] Там же, д. № 76, л. 48.

и целых трактатов об эвакуации промышленных предприятий Петрограда. Чутко прислушиваясь ко всему, что касается положения промышленных предприятий, рабочие завода, естественно, стали волноваться, усматривая в предположенном вывозе вышеупомянутых станков и машин (которые в это время уже нагружались в баржи), начало эвакуации Путиловского завода и за разъяснением вопроса обратились в свою организацию — заводский комитет. Чтобы выяснить этот, нервирующий рабочих, вопрос, грозивший нарушением правильного хода работ, заводский комитет немедленно же запросил дирекцию завода, кому принадлежат грузящиеся предметы и куда их намерены отправить. Официального ответа, удовлетворяющего запрос, комитет не получил и добился лишь сообщения частного характера, что нагрузка производится на основании телефонограммы правления завода следующего содержания: «В виду необходимости отправить водой из Петрограда не позже 15 сентября предметы оборудования Саратовского завода, хранящиеся на Путиловском заводе, Главное артиллерийское управление просит распоряжения о погрузке таковых и сообщить к 10 числу о количестве груза». Далее, для получения документальных данных о грузе комитет обратился в Главное артиллерийское управление, к генералам Жонколя, Валтеру и Хватову, но и эти лица также не дали удовлетворительного ответа. Считая дальнейшие искания «правды» о грузе бесполезными, комитет, для успокоения волновавшихся рабочих и во избежание эксцессов при погрузке, довел до сведения дирекции завода и обще-заводского совещания, что если к утру 25 сентября не будут представлены документальные данные, кому принадлежат грузящиеся станки и машины и куда вывозятся, отправка их будет комитетом задержана; но и после этого не было получено должного ответа.

4 октября за баржами с грузом прибыл пароход О-ва «Конецкий и К-о», но ввиду неполучения документов заводским комитетом было заявлено, что баржи из завода выпущены быть не могут. 6 октября заводоуправление прислало в комитет копию переписки между правлением завода и Главным артиллерийским управлением, в которой между прочим говорится, что в виду возможно скорого прекращения навигации перерыв в погрузке станков и машин может принести непоправимое зло делу обороны государства. Зная хорошо, в чем заключается «оборона государства» и откуда ей грозит непоправимое зло, комитет рабочих, именно во избежание действительного ущерба «обороне государства» (волнение рабочих могло разразиться приостановкой работ на оборону) продолжал настаивать на предъявлении ему фактических данных о нагруженных уже в баржи предметах.

Того же 6 октября председатель правления завода генерал Дроздов заявил, что, не выпуская груз, комитет рабочих вмешивается не в свое дело и что комитету придется за эти свои действия отвечать. На это комитет ответил генералу Дроздову, что груз все-таки выпущен из завода не будет до получения запрошенных документальных данных, указывающих, кому принадлежит груз. Лишь после долгих словесных переговоров генерал Дроздов, наконец, согласился дать комитету нужные сведения. Когда документы были проверены (из них усмотрено, что предметы принадлежат Главному артиллерийскому управлению), отправка груза была разрешена. Таким образом, дело, которое могло быть закончено в один час, тянулось целый месяц только потому, что «хозяева» захотели до конца провести свою самодержавную тенденцию и не желали войти по этому вопросу в должный контакт с контролирующей рабочей организацией.

Председатель заводского комитета (подпись).

Резолюция Всероссийской конференции технических заводов, складов и полигонов артиллерийского ведомства, 30 октября 1917 г. [1]

Всероссийская конференция заводов, складов и полигонов артиллерийского ведомства, обсудив вопрос о контроле заводскими комитетами хозяйственной, технической и административной частей производства и считая, что ответственность за производство лежит исключительно на администрации заводов, признает за заводскими комитетами право контроля, для чего заводской комитет в лице контрольной комиссии имеет право присутствовать на всех заседаниях правления и требовать исчерпывающие объяснения на свои вопросы и давать таковые.

Правление обязано осведомлять заводской комитет о всех своих заседаниях.

Кроме того, конференция признает право присутствовать членам бюро, выделенным на Всероссийской конференции от рабочей секции, на всех заседаниях Главного артиллерийского управления и требовать исчерпывающих объяснений на свои вопросы и давать таковые.

Заявление заводского комитета кожевенного завода «Т-ва Н. М. Брусницына с С-ми» Петроградскому совету фабрично-заводских комитетов, 24 ноября 1917 г. [2]

Заводской комитет кожевенного завода «Т-ва Н. М. Брусницына с С-ми» настоящим заявляет, что заводоуправлением нашего завода продается и вывозится еловая кора, идущая на дубление подошвенных кож, в то время, как свой завод по постановлению заводского совещания закрывается, обработав последние выдубленные кожи в самом непродолжительном времени.

Завод закрывается в то время, когда имеются дубильные материалы и топливо в громадном количестве, а страна нуждается в подошвенной коже, которой взять негде. На наше заявление прекратить вывоз коры из завода наш предприниматель ответил, что он с заявлением комитета не считается и вывоз коры не прекратит.

Ввиду всего вышеизложенного, просим Петроградский совет фабрично-заводских комитетов сделать расследование и дать нам ответ в самом скором времени, иначе еловая кора будет вывезена и завод может остаться без дубильных материалов и тогда, при желании, снова пустить завод в ход не будет никакой возможности; кроме того, войти в переговоры с Петроградским заводским совещанием о назначении нового пересмотра о закрытии завода Брусницына.

Председатель (подпись).

Заявление рабочего комитета Ижорского завода в г. Колпино, 29 ноября 1917 г. [3]

Постановлением Особого совещания по обороне государства Паратский завод Бенуа при станции Зеленый дол Казанской губ. предоставлен для нужд Морского ведомства и Ижорский завод в настоящее время открывает там свое отделение. Владелец завода Бенуа долго сопротивлялся сдаче завода в порядке реквизиции и уступил только по предъявлении ему постановления рабочей секции с. р. и с. д. города

[1] ЦАОР, ф. 472, д. № 84, л. 55.
[2] Там же, д. № 6, л. 21.
[3] ЦАОР, ф. 472, д. № 26, л. 9.

Казани. В настоящее время при перемене власти он возымел намерение снова воспротивиться этому постановлению, исходя из того положения, что Ижорский завод военный, а так как идея большевизма — немедленное окончание войны, то нам там, якобы, нет дела.

Поэтому мы от имени рабочего комитета Ижорского завода, имеющего 9.500 рабочих, заявляем:

1. Ижорский завод и до войны функционировал и кроме выделки брони изготовлял предметы мирного времени, как-то: пароходы, моторы, цепи, трубы, листовое железо, [производил] ремонт лодок и др.

2. Ижорский завод всегда нуждался в расширении своей деятельности и только косность царского правительства мешала иметь отделения, являющиеся ныне совершенно необходимыми.

3. На Паратском заводе будут вырабатываться параллельно с предметами обороны и предметы мирного обихода: постройка небольших пароходов, земледельческие орудия и другое, чем достигается демобилизация, на каковую Ижорский завод вступает в первую очередь.

4. Внедрение части Ижорского завода на Паратский завод оживит край и даст заработок всему местному населению.

5. Опасение служащих Бенуа о потере занятий (их всего около 40 человек) неосновательно, так как они все будут заняты на работе в Паратском отделении Ижорского завода.

6. Что рабочие Ижорского завода являются наиболее чистым демократическим элементом, так как служат на государственном заводе, не поддерживающим частного капитала или компании, которую организует Бенуа, а потому мы просим утвердить постановления Особого совещания по обороне государства и Паратский завод и имение предоставить Ижорскому заводу.

Уполномоченные на подачу заявления члены рабочего комитета Ижорского завода (подписи).

Заявление уполномоченных от рабочих завода подводных лодок «Петровская верфь» (бывший Нобле сснер) в Петроградский фабрично-заводской комитет, 8 декабря 1917 г. [1]

Товарищи. Доводим до вашего сведения нижеследующее: после занятия островов Эзель и Даго германцами была решена эвакуация ревельских заводов, в число которых попал и наш завод «Петровская верфь», бывший Нобле сснер.

Исполнение этой эвакуации было поручено бывшему помощнику морского министра капитану 1 ранга Кукелю и особой эвакуационной комиссии в Ревеле под председательством командира порта полковника Ярона. В связи с эвакуацией комиссия от морского министерства начала занятия по ликвидации заказов, переданных «Петровской верфи».

Наши делегаты от рабочих и служащих были у капитана Кукеля уже во время октябрьских событий и узнали, что завод решено ликвидировать, а часть его дать в аренду Ревельскому казенному порту. Делегаты передали письмо фабрично-заводского комитета, полученное ими от вас, с указанием на необходимость допустить представителей рабочих в ликвидационную комиссию, адъютанту капитана Кукеля, но без результата. В начале ноября, когда победа теперешнего правительства уже была несомненна, из Ревеля ушел транспорт со сталью корпусов, заказанных нами подводных лодок и некоторыми

[1] ЦАОР, ф. 472, д. № 7, лл. 1—3. Имеется пометка в левом углу документа: «послано требование в Морское ведомство допустить рабочих представителей в ликвидационную комиссию. Получен ответ, что допускаются».

станками, а около 10 ноября ушла почти законченная подводная лодка «Язь».

До этого времени было эвакуировано лишь незначительное количество материала, выяснилась позиция правительства в вопросе о мире, немцы прекратили всякое наступление и Ревелю не угрожало никакой опасности.

Большинство эвакуированного материала отправлено на Балтийский судостроительный завод, которому и переданы наши заказы. Из 1 100 рабочих завода около 300 человек взял порт, около 70 Балтийский завод, остальные принуждены были разойтись, равно как и часть служащих.

Наш завод был начат постройкой в 1913 году специально для изготовления подводных лодок и в течение войны успел выстроить 9 больших лодок русского типа, большая часть которых приняла деятельное участие в войне. По нашим чертежам строили и строят лодки Балтийский и Николаевские заводы. Состав рабочих и техников вполне освоился с делом, да и был набран из лучших специалистов-судостроителей, работа наладилась и шла вполне удовлетворительно. Новые государственные реформы обещали дать возможность заводу еще более усовершенствоваться, теперь же по непонятной нам поспешности все дело близко к полному разрушению всего созданного с большим трудом рабочими и служащими.

Вся эвакуация выразилась в том, что увезли незначительное количество станков и инструмент с частью материалов, а главные части завода, которые только и ценны, остались на месте и вообще не могут быть эвакуированы. Сюда относятся: Мартонов эллинг с тележками для подъема, спуска и передвижения судов, молы, набережные, бассейн для стоянки судов, все здания, краны, пути сообщения, нагревательные печи и т. п. Осталось на заводе значительное количество станков, все пневматическое устройство, силовая станция, водопровод, проводка тока и т. д. Таким образом эвакуация почти не отразилась на оборудовании завода, а заключалась главным образом в перевозке начатого обработкой материала для корпусов лодок.

Нам цель такой эвакуации непонятна, так как при занятии немцами Ревеля завод может быть немедленно пущен в работу, а поспешный увод незаконченной лодки «Язь» едва не вызвал гибели ее в пути.

Считая, что разгром единственного специального в России завода по постройке подводных лодок может быть выгоден лишь правлению завода, заключившему заведомо невыгодные контракты на постройку новых лодок для морского министерства, мы обращаемся к вашему содействию и помощи в следующем:

1. Пересмотреть решение бывшего правительства об эвакуации завода, как явно вредной для государства и для интересов рабочих и служащих и выгодной лишь для предпринимателей.

2. Ввести наших представителей (из числа переведенных на Балтийский завод и оставшихся в Ревеле) в комиссию по ликвидации заказов. Эта комиссия состояла главным образом из представителей предпринимателей и весьма дружески расположенных к ним чинов морского министерства, чиновников старого режима.

3. Вновь рассмотреть в связи с предыдущими вопросами и дело о передаче в аренду Ревельскому порту части нашего завода, так как такая аренда выгодна лишь предпринимателям, ибо казна не только берет на себя охрану всего завода и содержание его в порядке, но и платит за это значительные деньги.

Мы имеем основание думать, что принятые на себя правлением завода обязательства по заказам были выполнены во многих случаях

неудовлетворительно и при ликвидации заказов явится возможность на весьма выгодных условиях целиком реквизировать завод, что избавит казну от необходимости продолжать тратить большие деньги по оборудованию порта для ремонта стоянки подводных лодок и дает возможность тысяче рабочих и полутораста служащим продолжать так успешно начатое ими дело.

Уполномоченные (подписи).

Из постановления заводского комитета Путиловского завода, совместно с представителями от совета рабочих и солдатских депутатов, 10 декабря 1917 г.[1]

По вопросу об урегулировании заводской жизни на Путиловском заводе общее собрание заводского комитета, районного совета рабочих и солдатских депутатов, представителей союза металлистов и партий большевиков и социалистов революционеров, обсудив вопрос об урегулировании заводской жизни в связи с недостатком топлива и общей разрухой в народном хозяйстве, унаследованной от прежней власти пришло к следующему заключению: пережитый государственный переворот, стоивший многих жизней лучших сынов пролетариата и крестьянства, дав рабочим возможность фактического контроля огромных предприятий, отныне ставших частями народного богатства, налагает на нас, путиловцев, огромную ответственность за наш Путиловский завод, за его целость и продуктивность, ибо наш завод — это один из самых ценных в народном хозяйстве.

Заявление заводского комитета Петроградского завода «Пулемет» Центральному правлению союза металлистов, 14 декабря 1917 г.[2]

Заводской комитет просит центральное правление посодействовать передаче завода акционерного общества «Пулемет» в руки самих рабочих на основании того, что правление завода закрыло завод и рассчитав рабочих с 1 ноября, переводит завод в Москву, оставляя без работы рабочих не только данного завода, но и рабочих в количестве 800 чел. Петроградского патронного завода на довольно продолжительное время пока не будут перевезены станки и не установлены в Москве. Кроме того, это обременит транспорт железных дорог и увеличит стоимость изготовления пуль, так как свинец по условию доставляется патронным заводам, следовательно свинец сперва должен следовать в Москву и затем в обработанном виде в Петроград обратно, на что испрашивали уже увеличения расценки патронного завода в то время, как рабочие берутся выполнить данный заказ в Петрограде не только увеличивая расценки, но даже на некоторый процент дешевле и патронный завод идет навстречу рабочим завода «Пулемет».

Председатель (подпись).

Решение совета рабочих и солдатских депутатов Васильевского района, 14 декабря 1917 г.[3]

Исполнительная комиссия рабочих и солдатских депутатов Вас. Остр. рассмотрев ваше заявление о том, что рабочие завода «Роберт Круг» решили взять управление завода в свои руки, для установле-

---

[1] ЦАОР, ф. 472, д. № 4, лл. 25—26.
[2] Там же, д. № 63, л. 216.
[3] Там же, д. № 26, л. 20.

ния контроля над производством считает действия заводского комитета и рабочих завода «Роберт Круг» правильным и утверждает их решения.

За председателя (подпись).

Записка комиссии по обследованию завода «Урбан» 21 декабря 1917 г.[1]

В объединенный экономический рабочий совет Вас. Островского района обратились члены заводского комитета завода «Урбан» со следующим заявлением: заводчик отказался от уплаты одному красногвардейцу несмотря на то, что Совет Рабочих и Солдатских Депутатов циркулярно предписал уплачивать впредь до общего выяснения этого вопроса.

Далее выяснилось, что владелец завода «Урбан» привозил с других заводов проволоку, перевешивал ярлыки и под своей фирмой продавал в частные руки, спекулируя в широких размерах. То же он производил и с другими материалами. Видя все это, члены заводского комитета предъявили требование о производстве контроля для того, чтобы разъяснить все эти подозрения, т. к. Урбан отказался, нарушая тем самым декрет Совета Народных Комиссаров о рабочем контроле и был арестован заводским комитетом.

В виду этого заявления объединенный совет назначил комиссию, которая на месте выяснила следующее:

1. Имея небольшую механическую мастерскую с рабочими в количестве 38 человек разных специальностей и вырабатывая одну лишь нарезку винтов для шрапнеля и перевивку проволоки с мотков на катушку, владелец завода брал всевозможнейшие заказы, которые выполнялись на других заводах, он же Урбан только ставил свою фирму.

Пользуясь от военного ведомства разрешением на получение металлов для своего предприятия, как работающего на оборону, он перепродавал металл, полученный по ценам военного ведомства, другим предприятиям, вздувая цены на двести-триста процентов и выше. Так, например, полученную с Гвоздильного завода проволоку № 16, 17, 18 по цене 29 р. и 30 р., он перепродавал мелкими партиями на завод Копейкина по 67 и 70 руб. за пуд.

Проволоку луженую № 22—25 на Гвоздильный завод отпускал в среднем по 85—90 руб. за пуд, Урбан, перематывая ее на катушки, продавал в среднем по 260 руб. за пуд.

Такие же операции он производил с другими материалами.

2. Бухгалтерские книги и вся отчетность найдена в самом неряшливом виде с 1 июля. Все счета расхода и прихода не записывались в книги. Так что по книгам не удалось что-либо выяснить.

Все вышеуказанное по мнению комиссии совета является злостной и недопустимой спекуляцией, наносящей громадный вред народному хозяйству. В виду чего комиссия считает необходимым привлечь владельца завода Урбана к уголовной ответственности.

Заявление заводского комитета завода Русско-Американского акционерного общества в Петрограде в Центральный совет фабрично-заводских комитетов, 25 декабря 1917 г.[2]

О контроле на нашем заводе просим принять какие-либо меры. Когда выбрали мы контрольную комиссию из трех рабочих и оста-

[1] ЦАОР, ф. 472, д. № 22, лл. 1—2.

[2] Там же, д. № 25, л. 19. Под заявлением резолюция без подписи: «Просить пригласить в ц. с. представителей от рабочих и служащих завода для обсуждения вопроса о введении на предприятия рабочего контроля. Послать письмо на зав. комитет».

вили два места служащим, то служащие отказались: «мы, говорят, не пойдем в контрольную комиссию». Тогда мы представили [комиссию] из трех рабочих, которых избрали на общем собрании, чтобы директор завода Яков Степанович Пастернак подписал. Он сказал: «Я подписывать не буду и контроля я не признаю. Когда вы создадите контроль, то я прикрою завод, под контролем я работать не могу».

Просим принять какие-нибудь меры к директору завода Я. С. Пастернаку и помочь строить на нашем заводе контроль над производством, т. к. у нас служащие отказались участвовать в контроле.

За председателя (подпись).

Протокол общего собрания рабочих и служащих акционерного общества механического завода «Роберт Круг», 25 декабря 1917 г.[1]

Общее собрание вышеуказанного завода, по выслушании доклада контрольной комиссии о происшедшем конфликте означенной комиссии с заводоуправлением на заседании ее 11 декабря с. г., на котором ясно и определенно заводоуправлением было высказано о непризнании заводского комитета, контрольной комиссии и проекта «Инструкции по проведению рабочего контроля», при чем в словах представителя заводоуправления г. Лерхе ясно выразилась тенденция к остановке работ на заводе, последствием которой может явиться тяжелое материальное положение рабочих и служащих.

Принимая все вышеизложенное во внимание, общее собрание рабочих и служащих решило: 1) не допускать подобный саботаж; 2) предотвратить окончательную остановку завода и могущую произойти от этой остановки безработицу; 3) взять завод в свои руки.

Последнее постановление общего собрания, т. е. взятие завода в свои руки, было немедленно приведено в исполнение.

О всем вышеизложенном общее собрание постановило донести до сведения морского министерства, а также о том, что впредь все заказы и переписка, касающаяся предприятий, должны поступать в заводской комитет, как официальный орган правления завода.

Кроме того постановлением общего собрания устранены от дел заводоуправления нижеследующие лица: директор завода Л. Р. Круг, управляющий заводом Г. Э. Лерхе, заведывающий мастерскими Н. В. Андреев, технический директор Г. И. Евгениев.

Все распоряжения и предписания вышеприведенных лиц, касающиеся завода, общее собрание постановило считать недействительными.

Председатель (подпись).

Обращение Псковского военно-революционного комитета Центральному совету фабрично-заводских комитетов г. Петрограда, 26 декабря 1917 г.[2]

Ввиду перехода фабрики деревянных шкивов и паровой токарни «Кондор» в ведение военно-революционного комитета Северного фронта (Псковского совета солдатских и рабочих депутатов), последний доводит до вашего сведения, что прерванная на 1½ месяца работа

---

[1] ЦАОР, ф. 472, д. № 26, л. 21.
[2] Там же, д. № 16, л. 58.

из-за саботажа владельца на фабрике «Кондор» возобновилась с 25 ноября с. г.

Исполненные, но не отосланные заказы немедленно отправляются по адресатам. Поступившие и начатые заказы будут в кратчайший срок исполнены и отосланы по назначению (13 заказов уже сделано и отослано).

Прием новых заказов принимается по старому адресу (Псков, Образская улица 25, фабрика «Кондор»), и исполняется в минимальный срок.

Военно-революционный комитет просит вас теплее откликнуться на наш призыв и помочь нам утвердиться в деле самостоятельного начинания и ведения работ по фабрике. Только вашей поддержкой мы сможем отныне жить и дышать свободной грудью.

Известите наших товарищей-рабочих, заводские и фабричные комитеты — союзы, чтобы они помогли и обеспечили для нашего будущего работу (выделку деревянных шкивов и всевозможные токарные изделия по эскизам и образцам).

Будьте, товарищи, добровольными агентами нас — ваших товарищей рабочих, и тогда мы смело заложим тот твердый фундамент, который ненавистен господам капиталистам и имя которому — полный рабочий контроль. Энергичными усилиями отдела труда и военно-революционного комитета саботаж бывшего хозяина фабрики уничтожен в 5-6 дней и теперь работа разбивается быстрым темпом. Но нам нужна обеспеченность в смысле заказов, и вот за этим-то военно-революционный комитет и обращается к вам, как к организованному авторитетному рабочему органу. Помогите своим товарищам и тогда рабочая мечта, что уже претворилась в жизнь на фабрике «Кондор» постепенно утверждаясь — отвоюет рабочий труд. Только в единении — наша сила. Дружней же сомкните свои могучие ряды, рука об руку, грудь с грудью и смело товарищи вперед, на помощь мозолистой руке, смело схватившейся в последнюю схватку с капитализмом и уже окончательно победившей его.

Председатель военно-революционного комитета (подпись).

Сообщение Березниковского исполнительного комитета советов рабочих депутатов в контрольную комиссию Петроградского совета, 17 января 1918 г.[1]

Контрольный совет рабочего контроля в Березниковском районе Пермской губ. Соликамского уезда ставит в известность исполнительный комитет совета рабочих депутатов и совет рабочего контроля Петрограда, что в данном районе введено обязательное постановление рабочего контроля, охватывающее 12 заводов; 1 содовый завод Любимов Сольвэ и 11 заводов солеваренных, в которых существуют с 2 января с. г. цеховые контрольные комиссии и центральный контрольный совет при исполнительном комитете совета рабочих депутатов.

Контрольным советом принимаются все меры к проведению в жизнь всех декретов, изданных Советом Народных Комиссаров.

При сем препровождаем обязательное постановление о рабочем контроле.

Председатель исполнительного комитета (подпись).

---

[1] ЦАОР, ф. 472, д. 25, л. 78.

Обязательное постановление секции Березниковского фабрично-заводского промышленного комитета, 18 января 1917 г. [1]

1. В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, сельско-хозяйственных и производительных товариществах и предприятиях, имеющих наемных рабочих, вводится рабочий контроль, ведающий продуктами, хранением и приобретением сырых материалов и финансовой стороной предприятий.

2. Рабочий контроль осуществляют рабочие данного предприятия через выборные организации и заводские и фабричные комитеты. При чем в состав организации входят представители служащих и технического персонала.

3. При районном совете рабочих депутатов создался центральный фабрично-заводский комитет, состоящий из представителей данного района фабричных комитетов. Органы рабочего контроля имеют право наблюдения за производством, устанавливают минимум выработки предприятия и принимают меры к выяснению себестоимости производимых продуктов.

4. Органы рабочего контроля имеют право контроля деловой переписки предприятия, при чем за сокрытие корреспонденции владельцы ответственны по суду. Коммерческая тайна отменяется. Владельцы обязаны предъявлять органам рабочего контроля книги и отчеты за текущий год и за прошлые отчетные года.

5. Решения органов рабочего контроля обязательны для владельцев предприятий и могут быть отменены лишь постановлением высших органов рабочего контроля. Предпринимателю и администрации предприятий предоставляется право в трехдневный срок обжаловать в соответствующий высший орган рабочего контроля постановления низших органов контроля.

6. Во всех предприятиях владельцы и представители рабочих и служащих и выборные для осуществления рабочего контроля являются ответственными перед государством за строжайший порядок, дисциплину и охрану имущества; виновные в сокрытии материалов, продуктов и заказов, неправильном ведении отчетов подлежат преданию рабочему революционному суду.

7. При районном совете рабочего контроля учреждается комиссия специалистов (ревизоров. техников, бухгалтеров и т. д.), которые посылаются как по инициативе этих органов, так и по требованию низших органов рабочего контроля для обследования финансовой и технической стороны предприятия.

8. Районный совет рабочего контроля разрешает спорные вопросы и конфликты, возникшие между низшими органами контроля и владельцами предприятий. Издает, сообразуясь с особенностями производства и местными условиями, инструкции и постановления по указанию Всероссийского совета рабочего контроля и наблюдает за действиями низших органов контроля.

9. Районный совет рабочего контроля согласует деятельность органов рабочего контроля со всеми другими организациями, ведающими делами организации народного хозяйства.

10. Все законы и циркуляры, стесняющие деятельность фабричных, заводских и других комитетов и советов рабочих и служащих, отменяются.

Настоящее постановление входит в законную силу с 5 января 1918 г.

Секция фабрично-заводск. промышл. комитета (подписи).

[1] ЦАОР, ф. 472, д. № 16, л. 42.

Из протокола заседания членов рабочего комитета Ревельского завода акционерного общества «Вольта», 16 апреля 1918 г.[1]

1. По вопросу о положении завода.

При обсуждении этого вопроса постановлено, что в виду полной эвакуации из Ревеля оборудования всего завода, как-то: станков, машин, полуготовых и готовых изделий, материалов и прочего заводского имущества в города Петроград, Москву, Харьков и Пермь и кроме того вследствие занятия города неприятелем, рабочий комитет должен временно находиться при правлении акц. общества «Вольта» для охраны заводского имущества, производства рабочего контроля и для изыскания средств в восстановлении завода, приискания заказов и вообще в принятии всех мер к скорейшей деятельности завода.

2. По вопросу о деятельности временного состава членов рабочего контроля.

По обсуждении деятельности временного состава контрольной комиссии выяснилось, что некоторые члены означенной комиссии не соответствуют своему назначению и в полном смысле игнорируют работы комиссии, последствием чего были сделаны многие упущения, а потому рабочий комитет постановил распустить с 17 апреля 1918 г. временный состав и назначить выборных от рабочих и служащих для выполнения рабочего контроля при правлении общества членов рабочего комитета и одного выборного от служащих и технического персонала правления общества.

3. По вопросу о проверке и ревизии складов машин, оборудования и материалов, находящихся в Москве, Харькове и Перми.

Рабочий комитет постановил поручить рабочему контролю командировать на места для названной цели своего представителя.

4. О бывшем директоре завода Штарке.

В виду того, что за произвольные деяния, за непризнание рабочего контроля и нежелание совместной работы с рабочим комитетом директор Штарк в январе месяце был присужден Военно-революционным трибуналом в гор. Ревеле к смещению с своей должности с заключением в тюрьму на 1 месяц или взносом 1 тыс. руб., о чем и было поставлено в известность правление акц. общества «Вольта», которое в силу суда должно было немедленно уволить директора Штарка, но почему-то до сих пор правление документального ничего в этом направлении не сделало, тем самым давая повод Штарку в любой момент восстановить себя в правах с приходом в гор. Ревель неприятеля, чем в настоящее время Штарк и воспользовался. Деятельность Штарка в настоящее время выразилась в том, что он совершает доносы германским властям с требованием ареста некоторых товарищей рабочих и членов рабочего комитета, а потому рабочий комитет постановил немедленно потребовать объяснения у правления, а также, чтобы правлением было письменно сообщено Штарку о немедленном оставлении завода, так как он никакого отношения к делу не имеет в виду увольнения его с завода, а управление делами завода передать временно назначенному на означенную должность.

[1] ЦАОР, ф. 472, д. № 7, л. 42.

В случае невыполнения означенного требования, рабочий комитет принужден будет обратиться к властям, как за умышленное укрывательство и полное содействие директору Штарку в проведении его деятельности и предательства по отношению к рабочей организации завода.

5. В виду некоторого несоответствия формы печатей рабочего комитета и рабочего контроля заказать новые печати.

6. Об оплате жалованья членам рабочего комитета и рабочего контроля.

Временно жалованье уплачивать по нормам, выработанным профессиональным союзом и утвержденным Ревельским советом р. и в. д., но вместо установленных суточных денег в размере 25 р. в сутки временно уплачивать по 12 рублей в сутки, как прибавка на дороговизну, считая по 30 дней в месяц.

Члены рабочего комитета (подписи).

Англо-бурская война в донесениях русского военного агента

Англо-бурская война 1899—1902 гг. была одним из важнейших этапов колониальной политики британского империализма на юге Африки в прошлом веке.

Начиная с 80-х годов XIX в. Англия предпринимает ряд попыток овладеть небольшими бурскими республиками: Трансваалем и Оранжевой. В 1880—1881 гг. происходит первая англо-бурская война, в которой слабые части бурского ополчения разбили британские войска и отстояли независимость страны.

Через 15 лет, в 1896 г., английское правительство снова попыталось подчинить себе непокорные республики. С целью провокации английский империализм организовал налет шайки Джемсона и снова потерпел поражение.

Экспансия британского империализма на юге Африки обусловливалась целым рядом политических, стратегических и экономических причин. Прежде всего в захвате бурских республик были заинтересованы возглавляемые Джозефом Чемберленом и Сесилем Родсом круги золотопромышленников, владельцев алмазных копей, промышленных (особенно металлургических) магнатов. Эти круги с завоеванием бурских республик надеялись получить в свои руки монопольное право эксплоатировать естественные богатства Трансвааля и Оранжевой республики, выгодно сбывать туда свои товары и, наконец, использовать вновь завоеванные земли для проведения железной дороги Капштадт — Каир.

В стратегическом отношении завоевание бурских республик сулило британскому империализму укрепление его позиций на юге Африки.

В политическом отношении английское правительство стремилось рядом решительных побед поднять пошатнувшийся престиж британской империи.

В силу всех этих причин правящие круги Англии в 1899 г. начинают новую войну с бурскими республиками.

Несмотря на огромное неравенство сил буры оказали английским войскам длительное и в отдельных случаях победоносное сопротивление.

В течение первых месяцев войны буры последовательно разгромили почти все сосредоточенные в Южной Африке британские войска. В десяти первых сражениях британские войска потеряли четыре тысячи четыреста пятьдесят восемь человек убитыми в то время, как бурские потери сводились к пятистам тридцати человек. Бурские войска осадили важнейшие центры противника: Дэдисмит, Мафекинг и Кимберлей. Только ценой огромного напряжения сил, бросив в южную Африку почти все имевшиеся в метрополии войска и вооружения, английское командование освободило осажденные бурами крепости и добилось перелома на театре войны.

Война затянулась на три года. Несмотря на то, что вся территория республик была оккупирована английскими частями, партизанские отряды буров продолжали неравную борьбу и нанесли ряд крупных поражений английской армии. Только в 1902 г. английским империалистам удалось сломить сопротивление буров и превратить страну в свою колонию.

Публикуемые ниже документы — донесения и письма русского военного агента в Лондоне полковника Ермолова и русского военного агента в Брюсселе и Гааге подполковника Миллера. Они адресованы начальником Военно-ученого комитета Главного штаба генералам: Соллогубу и Целебровскому и ох-

ватывают почти весь период англо-бурской войны (15 августа 1899 г.—19 декабря 1901 г.).

Ценность этих документов заключается в том, что они исходили от нейтральных наблюдателей, хорошо осведомленных о действительном положении воюющих сторон, и давали в общем объективную оценку происходящим событиям.

Ермолов, используя свои связи среди высшего командования английской армии, рисует в донесениях неприглядную картину низкой боевой подготовки и плохого материального обеспечения вооруженных сил Британской империи в бурской войне.

Несмотря на отсутствие достоверной информации с театра войны, Ермолову в ряде случаев удается вскрыть необоснованность победосных реляций и показать серьезные поражения, которые терпели англичане в южной Африке.

Донесения Миллера, располагавшего ценной информацией, которую ему представляла бурская миссия в Гааге, рисуют правдивую картину положения буров и настроение их командования.

Таким образом, донесения Ермолова и Миллера органически друг друга дополняют и дают в целом верную картину хода англо-бурской войны.

Публикуемые документы имеют целый ряд стилистических особенностей, которые мы оставляем без изменений. Особенно это относится к транскрипции собственных и географических наименований.

Документы хранятся в Центральном Военно-Историческом архиве, ф. ВУА, д. № 78124, д. № 174—085, д. № 78—708.

М. Рабинович и Н. Шляпников.

Из рапорта военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета Главного штаба ген. лейтенанту Саллогубу, 15/3 августа 1899 г.

Доношу вашему превосходительству, что, ввиду обостряющегося положения дел с Трансваалем, до сих пор Англиею приняты следующие военные меры:

1. Транспортные суда частных кампаний, зафрахтуемые адмиралтейством на случай войны, получили уведомление держаться в готовности.

2. Один батальон (King's Liverpool Regiment) переведен из Капской колонии в Наталь, другой батальон (Manchester Regiment) получил приказание отправиться туда же из Гибралтара, но может прибыть в Наталь не ранее 20 сентября. Это даст в Натале отряд следующего состава: 5 батальонов, 2 полка кавалерии, 3 пешие, 1 горная батарея, 3½ роты сапер, обозная и военно-санитарная команды.

В Капской колонии остается пока 2½ батальона пехоты, но для замены батальона, отправленного в Наталь, высылается на днях из Англии 1 батальон полка Royal Munster Fusileers, так что там будет 3½ батальона, 2 креп. арт. роты, 1 рота креп. инжен. войск и обозная и военно-санитарная команды.

3. Из Индии предполагается перевести в Южную Африку около 11 000 чел. европейских войск, т. е. 4 батальона европейской пехоты и 3 кавалерийских полка, вероятно будут перевезены и некоторые туземные части.

4. В случае войны, начальником экспедиции будет назначен, по слухам, опытный генерал Sir Redvers Buller. Считается, что для успешной войны с буэрами надо иметь в Южной Африке не менее 40 тыс. Настоящих приготовлений к войне в Англии еще незаметно: войне как будто не верят, только в военное министерство поступает много просьб со стороны офицеров, желающих участвовать в военных действиях, отправить их в Южную Америку.

Я думаю, что войны здесь никто, кроме Чемберлена, не желает, но война может возгореться. Я думаю, она будет трудной (если будет) и продолжительной. Думаю, также, что если будет война, англичане поведут ее обдуманно и осторожно, не так как американцы [1].

Австралия и Канада предложили Англии, в случае войны, услуги своих контингентов. Причины, могущие привести к войне с Трансваалем, серьезны, для Англии идет речь о сохранении Южной Африки.

Полковник Ермолов.

Из донесения военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета Главного штаба, 8 ноября/ 27 октября 1899 г.

Призвано на службу 35 батальонов милиции и 5 санитарных милиционных рот.

Потери, по сведениям до конца прошлой недели, всего убитыми, ранеными и пленными 2 012 человек...

Положение дел в последние дни здесь признавалось весьма опасным и общее настроение здесь далеко не розовое. Надеются, что Sir George White выдержит свое тактическое окружение до прибытия корпуса, но его положение, несомненно, крайне опасно. Здесь начинают весьма винить отдел сбора сведений (Intelligence department) за то, что он недостаточно оценил силы и средства противника, оказавшегося многочисленнее, лучше снабженным артиллерией, нежели то полагали. Сам Лорд Уольслей сознался в том, что «буэры оказались несравненно более могущественными и многочисленными, чем мы полагали».

Едва ли отправленных войск окажется достаточно, ходят слухи о том, что придется отправить еще, быть может, одну или две дивизии 2-го корпуса. В политическом отношении здесь весьма боятся европейских осложнений. Эскадра Ламанша ушла в Гибралтар для наблюдения за Средиземным морем. В Портланде сформирована особая летучая специальная эскадра под начальством капитана Poe, состоящая из 4-х крейсеров — St. George, Hagship, Minerva, Juno. Эскадра эта теперь берет в Портланде уголь и ожидает приказаний. Назначение ее неизвестно, весьма возможно, что она получит какое нибудь назначение в южно-африканские воды.

Н. Ермолов.

Из донесения военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета Главного штаба, 22/10 ноября 1899 г.

Вчера я был в Санхерсте у моего друга генерала Markham, начальника Royal Military College. Он мне сказал, между прочим, что военное министерство далеко не публикует всех известий, получаемых от Буллера из Африки. Мне представляется, что положение дел гораздо менее благоприятное, или точнее, гораздо более неблагоприятно для англичан, нежели проникает в прессу. Во-первых Ladysmith весьма страдает от того, что с самого начала не было выслано на театр войны тяжелых, т. е. осадных орудий. В виду этого, вместе с 5 пехотной дивизией приказано мобилизовать и отправить осадный парк.

---

[1] Ермолов имеет в виду испано-американскую войну 1894 г., во время которой он был военным атташе при экспедиционной американской армии на острове Кубе.

Весьма интересен тот факт, что полевая армия почти сразу ощутила необходимость иметь тяжелую артиллерию в поле.

Во-вторых военное министерство сделало на этих днях распоряжение об отправке в Африку еще подкреплений из Индии. Что именно, и сколько именно, еще неизвестно. Буэры все не атакуют Ледисмита, у них нет штыков. Совершенно справедливо выразилась про них одна газета: «буэры действовали до сих пор хорошо, но не решительно хорошо».

В Претории ныне находится 1 338 английских пленных англичан, в том числе около 40 офицеров. Английский престиж от этого весьма страдает.

Раздаются сильные жалобы на порядок снабжения армии мясными консервами, дело в том, что англичане закупили массы таких консервов не только в Англии и Австралии, но и в Америке, и оказывается, что их друзья — американцы продали им массы консервов, оставшихся у торговцев на руках после Кубинской экспедиции. Англичане приняли этот товар (мне хорошо известный) без должного осмотра (эти консервы были на Кубе известны под названием conserves de mulet mort), и пришлось выбросить огромное количество консервов с кораблей, взявших таковые с войсками, прямо в море. Были обнаружены также злоупотребления по нагрузке некоторых транспортов гнилым сеном. Раздаются жалобы на адмиралтейство за то, что не были зафрахтованы наиболее быстроходные океанские суда — Umbria, Lucania и пр. ливерпульских и иных линий и кампаний. Действительно из числа 150 транспортов, поднявших армию и ее тяжести, почти все суда медленные, требующие около трех недель ходу до Каптоуна. Быстроходные суда могли бы пройти то же расстояние в 14 дней, что имело весьма важное значение в виду того, что как ни медлили буэры начать войну и перейти в наступление, англичане медлили еще больше, что и имело прямым последствием то, что инициатива неприятеля, везде перешедшего в наступление (на востоке — в Наталь, на юге в Капскую землю, на западе на Кимберлей и Mafeking, на севере на Fuly), заставила англичан распорядиться корпусом Буллера совершенно иначе, чем то предполагалось здесь. Среди военных, насколько мне приходится наблюдать, недовольны положением дел и разделением корпуса Буллера на 3 группы: западную (Lord Methuen, база De Aar, объект — выручка Кемберлея), среднюю (Gatacre, база — East London, объект — Aliwal North и Блюмфонтейн) и восточную (Clery, база — Дурбан, объект — выручка Ледисмита). Та задача, которая возлагается на корпус, ныне возлагается только на дивизию Gatacre'a. Очень понятно, что нужны подкрепления (5-я дивизия, подкрепление из Индии). Кроме того, здесь весьма смущены еще и тем, что среди Капского голландского населения (Cape Dutch) нелойяльность к Англии гораздо более остра, чем в этом сознается пресса и чем это хотят сказать публике. Эта нелойяльность (desaffection) весьма беспокоит англичан. Кроме того среди черных в Basato, в Zulu и даже в Rodesia начинаются волнения против белых. Все это очень для англичан опасно.

Н. Ермолов.

Из донесения военного агента в Лондоне полк. Ермолова — управляющему делами военно-ученого комитета Главного штаба, 28/16 ноября 1899 г.

...В настоящее время в Африке и на пути туда имеется войск (не считая еще 5-й пехотной дивизии и осадного парка; отправка 5 пех. дивизии еще только началась, а осадный парк еще не готов), всего:

52 батальона, 39 эскадронов, 8 рот ездящей пехоты, 24 пеших, 4 конных, 2 горных батареи, 6 инженерных рот и разные нестроевые части вспомогательного назначения. Весь, так называемый, корпус Буллера пополнен резервистами. Вся эта масса войск исчисляется в 78 тыс. при 180 орудиях. Но на самом деле надо и можно считать в смысле боевой силы, только: пехоту по 1 000 чел. на батальон — 52 000, ездящую пехоту, всего 1 200, кавалерию всего 39 эскадронов — 6 300, т. е. в общей сумме 59 500 чел. при 180 орудиях, что вовсе не так много, имея в виду, что африкандеры враждебны к англичанам, и что буэры весьма способны к действиям на сообщения и рейдам.

Что касается численности буэров, то сведения о ней в английском Главном штабе были и недостаточны и не точны: как я доносил вашему превосходительству их исчисляли 40 или 45 тыс. максимум. Но теперь выясняется, что в обеих республиках до 93 тыс. чел. способных носить оружие (это мне было сказано одним английским генералом), и что уже теперь у буэров в поле имеется не менее 50 тыс. чел.[1]. Так что, с одной стороны 59 500 бойцов с 180 орудиями, а с другой 50 тыс. человек бойцов с числом орудий, здесь в Лондоне, неизвестным. Во всяком случае артиллерия буэров превышает, повидимому, английскую калибрами, дальнобойностью и скорострельностью. Ибо у буэров есть осадные и скорострельные орудия, а у англичан же только 15- и 12-фунтовки нескорострельные с одними только шрапнелями и только теперь прибывают 3 полевых батареи с полевыми 5-дюймовыми гаубицами. Таким образом, перевес в артиллерии (в смысле артиллерийских эффектов) на стороне буэров. Это и заставило англичан прибегнуть к артиллерии с судов «Powerful» и «Terrible», взятой в Ледисмите, а также выписать из Англии осадный парк.

У буэров нет штыков. Они все конные, отличные стрелки, но, не имея холодного оружия, они не способны принимать и выдерживать штыковых и сабельных атак. Буэры — это ездящая пехота без штыка. Тактика их заключается: в быстром, легком маневрировании, в производстве сильного, меткого огня из-за закрытий (естественных, коими столь богат скалистый грунт театра, и искусственных), в действиях на сообщения и в отступлении перед штыковыми натисками англичан. Перед таким натиском они вскакивают на коней и уходят, и этот тактический прием их чрезвычайно для англичан невыгоден, ибо поспеть за ними, разбить их, отрезать их английским тяжелым регулярным войскам крайне трудно. Английская кавалерия на театре войны (6 300 чел. против всей легкой армии буэров) вообще крайне малочисленна. 6 300 чел.— это очень мало. Кроме того, английская кавалерия вообще мало поворотлива, мало способна к быстрому маневрированию. Пехотой же буэров можно обстрелять, но взять их, т. е. разбить, нельзя, или крайне трудно.

Все эти тактические особенности противника ставят англичан в сравнительно трудное и невыгодное тактическое положение.

Побед в этом никаких нет, просто, не желая жертвовать людьми немногочисленной армии, буэры, как партизаны, исчезают и занимают новые стрелковые позиции. Такова их тактика. Совершенно тоже самое было и под Сент Яго: испанцы отходили не из за поражения, а потому, что такова была их тактика. Американцы же самообольщали себя тем, что это — победы. Соображения эти ясно подтверждаются сравнительно небольшими потерями буэров и значительными, сравнительно, по отрядам, потерями англичан (до сих пор 290 уби-

[1] Это исчисление достоверно (источник его я донесу вашему превосходительству с курьером (Прим. подлинника).

тых, 1 100 раненых, 1 438 пленных); буэры их видимо обскакивают, окружают, забирают в плен.

Таким образом, положение англичан в тактическом отношении представляется весьма трудным.

Тем не менее, я лично думаю, что и Кимберлей, и Ледисмит выдержат до выручки. Города эти, а также Mafeking висят на ниточке. Но я все таки думаю, что они выдержат: катастроф в больших размерах, я думаю, не будет, и осажденные города будут вероятно, спасены. Но разве это еще решит участь войны?

Армия буэров, в сущности, потерями еще почти не тронута, они шаг за шагом могут оспаривать свою территорию, отступая, завлекая, избирая выгодные центры обороны и постоянно действуя на сообщения англичан. И я склонен думать (всеми силами наблюдения и изучения стараясь себе отдать отчет в истинном положении дел), что война еще будет продолжительной, кровопролитной и для англичан весьма трудной.

А если англичане потерпят какую нибудь большую катастрофу? Если армия их истает или пошатнется от тех потерь, которые она уже теперь терпит при каждой стычке? Ведь сражений еще не было, одне только стычки. А между тем в каждой стычке англичане теряют офицеров и по 100, по 200 нижних чинов.

Потери англичан здесь действуют удручающим образом. Ежедневно к вечеру в вестибюль военного министерства, где вывешиваются объявляемые телеграммы и списки убитых и раненных, собираются толпы народа и происходят удручающие сцены. А если англичане потерпят серьезную неудачу? Ведь здесь осталось теперь всего, с уходом 5-й пех. дивизии, 28 батальонов. Если уйдет 6-я дивизия, останется всего 20, из коих 7 необходимо нужны для Ирландии, т. е. 13 регулярных батальонов — вот весь их резерв. И если они потерпят серьезную неудачу (и это возможно), что тогда?..

Говорят, что положение дел в Ледисмите весьма тягостное: удушливая вонь, болезни, конские болезни и недостаток в снарядах. Mafeking говорят, едва жив. Телеграмма из Претории, т. е. из буэрских источников, сообщала в воскресенье, что буэрские генералы рассчитывают на падение Ледисмита в конце этой недели...

Н. Ермолов.

Из донесения военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета Главного штаба, 14/2 декабря 1899 г.

Лорд Салисбюри сказал французскому послу, что он думает, что война затянется надолго, и будет стоить дорого; сказал он это, будто бы, не без оттенка удовольствия против Чемберлена. Здесь среди военных все более и более обостряется недовольство на лорда Лансдоуна и лорда Уольслея за многие ошибки: винят их за то, что кавалерия и артиллерия не были посланы впереди всех прочих войск, и за то, что столь необходимые мортирные батареи отправлены были только под конец (65-я отправлена была 12 ноября, 61-я 16 ноября, 37-я 17 ноября). Винят за то, что не воспользовались большими коневыми средствами Капской колонии (Colesberg) и Наталя для английской медленно мобилизующейся и медленно перевозимой кавалерии, лошади которой, по прибытии в Ю. Африку, 2 недели стоят с опухшими ногами после переезда (австралийские лошади, прибывшие на театр войны с австралийскими контингентами, совсем не страдали от переезда по морю: могли идти под седло сейчас же; здесь

это объясняют тем, что австралийские лошади содержатся всегда на открытом воздухе, на подножном корму, в табунах, английские же лошади в конюшнях).

Винят военное министерство еще за то, что оно мало воспользовалось местными милиционными средствами для формирования милиционных частей, а также почти не воспользовалось предлагаемыми Австралией и Канадой более значительными контингентами. Наконец, важнее всего то, что войска мобилизуются и отправляются все по той же системе малых пакетов, дивизия за дивизией, а не сразу большой массой.

Неудачные бои генералов Gatacre у Stormberg и Methuen'a у Magersfontein произвели здесь в высшей степени тягостное впечатление, в особенности положение отряда Gatacre'a, двинутого в 9 часов вечера, поведенного ночью по совершенно неизвестной местности, попавшего, после целой ночи марша, прямо в траншеи буэров (беспорядок был так велик, что англичане стали стрелять друг в друга, потеряли 675 пленными). Генерала Gatacre'a (чрезвычайно нелюбимого войсками) очень винят за это бессмысленное дело и говорят, что его следовало бы отозвать и заменить лордом Kitchener...

Мне говорили также, что Буллер чрезвычайно недоволен генералом Gatacre и весьма не одобряет также употребления этих «броневых поездов» (armoured trains). Лорд Метуэн потерял из 8 000 всего 832 чел. (офицеров 15 убито, 47 ранено, 6 взято в плен), т. е. около 10%; ген. Gatacre потерял из 2 000: 25 убитыми, 68 ранеными, 607 пленными. У Stormberg было всего 800 буэров, и они потеряли только 5 убитыми, 14 ранеными. Gatacre, как кажется, судя по его последней депеше, отошел к Cyphergat и Bushman's Hock.

Насколько здесь нервно настроение, можно заметить по тому количеству слухов, которые неизвестно откуда распространяются по городу и клубам. Недавно говорили, что Метуэн убит (известие это было на бирже). Вчера вечером, читая в клубе, я слышал, как один член клуба говорил другому, что Ледисмит освобожден и что 10 т. буэров взято в плен. Ничего подобного в известиях военного министерства, единственно достоверных, до сих пор нет.

4 (16) декабря атака Буллера на переправах у Колензо кончилась поражением. Англичане потеряли 11 орудий и всех лошадей 14-й и 66-й пеш. батарей.

Н. Ермолов.

Из донесения военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета Главного штаба, 17/5 декабря 1899 г.

Трудно себе представить какое впечатление произвело здесь вчера неожиданное известие о неудачной атаке Буллером переправ у Колензо в пятницу 14-го. Он атаковал их 3 бригадами — 2-й, 5-й и 6-й. Атака его была отбита, и, по сегодняшним депешам, он потерял 1 097 чел., из коих 300 пленными. Как я телеграфировал, две батареи подскакали к самому берегу реки Тугелы, где скрывались (на южном берегу) неприятельские стрелки, что совершенно не было разведано начальником отряда. Буэры перестреляли всех артиллерийских лошадей и 11 орудий было потеряно англичанами, 5 артилл. офицеров было взято в плен.

Я в United Service club слышу весьма много суждений об этом деле: в клуб этот приходят к завтраку прямо из военного министерства, и мне говорили мои знакомые, что генералу Буллеру приказано было атаковать буэров у Колензо во чтобы то ни стало и как можно

скорее. Мне еще в среду говорили, что Буллер атакует в пятницу, чего не было сообщено газетам. Генерал Буллер был, повидимому, против поспешной атаки, желая подождать прибытия еще транспортов с войсками и, в особенности, с артиллерией. Но, как кажется, здесь в военном министерстве и даже в кабинете, желали как можно скорее хотя какой нибудь победы, дабы загладить впечатление поражения Гатэкра у Stormberg'a и неудачной атаки лорда Methuen'a у Magersfontein'a, поэтому телеграфировали Буллеру — атаковать немедленно, не откладывая больше. Здесь среди генералов клуба United Service уныние чрезвычайное.

Полагают, что Mafeking будет выручен отрядом Plumer'a, но что Кимберлей и вероятно Ледисмит погибнут. Как известно, в Кимберлее находится Cecil Rhodes. Буэры говорили, что если он им попадется в руки, то они его посадят в клетку и будут возить по городам Трансвааля на показ. Сегодня мне говорил в клубе генерал Beresford: «Увы, кажется, Cecil Rhodes клетки не избежать». Это рисует настроение... Относительно гарнизона Уайта в Ледисмите полагают, что он попытается прорваться в юго-западном направлении, единственно для него возможном, ибо здесь местность более открытая, и буэры не выйдут в открытое поле. Под покровом ночи кавалерия Уайта, быть может прорвется. А пехота? А артиллерия? А раненые? Бомбардирование, конечно, ничего, но, повидимому, гарнизон уже на половинных рационах и в городе много больных...

Нельзя не сказать, что, действительно, англичане дохвастались, подобно американцам, до такого стратегического положения, о котором они сами теперь, открыто мне говорят: «We are in a terrible strategical mess» (Мы в ужасной стратегической путанице). Symons, White, Gatacre, Methuen и, наконец, Buller все потерпели поражение и катастрофу и разбились о стойкость позиции буэров.

У Буллера в Натале 19 000 ч. на лицо, у Methuen'a около 85 000 ч. Почему ни один из генералов не попытался сделать ни разу ни одного обходного маневра?

Тактические приемы буэров заслуживают того восхищения, которым здесь начинают проникаться. Мне, насколько я могу составить себе какое нибудь мнение издалека, по отрывочным депешам, представляется удивительным не столько стратегическое искусство буэров, сколько их умелые остроумные, согласные движения на полях сражений...

Английские офицеры, бывавшие в Африке, мне говорили, что буэры имеют обыкновение передавать распоряжение по линии. Напр. «отходить на время назад, туда то: за такую то гору» — такое распоряжение передается, словесно, от одного стрелка к другому, без ординарцев. Или, «стрелять, прекратить огонь»... все это передается словесно, самими людьми, один другому.

В Натале у Буллера до 23 000 ч. и 9 000 ч. в Ледисмите. Войска эти после выручки Ледисмита, оказались бы в Натале совершенно бесполезными. Их пришлось бы перевозить обратно в Port Elizabeth для предприятия активных операций. Но пока никаких транспортов в Дурбане нет. Даже при удаче, т. е. после выручки Ледисмита, возвращение этих войск на главную операционную линию потребует чрезвычайно много времени. т. е. 32 000 ч. даже при удачных обстоятельствах, окажутся в совершенно бесполезном стратегическом положении. Все это сделала политика — желание прикрыть Наталь. Надо было, как здесь теперь видят, с самого начала держать только оборонительную линию Тугелы.

Н. Ермолов.

Из донесения военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета Главного штаба, 18/6 декабря 1899 г.

...У Колензо отряд Буллера потерял 1 097 человек, а именно: убитыми 82, ранеными 667, пленными 348. Из числа офицеров: убито 66, ранено 254, взято в плен 96, всего потеря 396.

Отряд Буллера состоял из следующих частей: 3 бригады — 2-я (Hildyard), 4-я (Ly Helton) и 5-я (Hart), часть 6-й бригады (Barton), следовательно 14 или 15 батальонов; морская бригада с 6-ю морскими, 12-фунтовыми скорострельными орудиями и 2-мя 4,7 скорост. орудиями; 5 батарей пешей артиллерии; 2 полка кавалерии; команды понтонных и саперных инженеров, а всего в Натале: 19½ бат., 2 полка кавалерии, 7 батарей артиллерии, морская бригада, 8 морск. орудий и до 4 000 езд. пехоты и местных колониальных частей, а всего до 23 000 ч. и кроме того около 9 000 ч., запертых в Ледисмите.

На левом фланге лорд Метуэн после неудачной атаки у Magersfontein отошел назад к своему тет-де-пону через Modder и окопался

В центре, генерал Gatacre стоит у Cyphergat и Bushman's Hock. Восстание в этой местности (северные районы Капской колонии) разгорается все более и более. Черные уже не верят в могущество англичан. Положение последних представляется весьма трудным, главным образом, потому, что они так разбросали войска, притянув такую большую массу их в Наталь, где этим войскам, за исключением выручки Ледисмита, решительно нечего делать, повернуть же их обратно в Порт Елизабет будет крайне продолжительно, ибо в Дурбане даже нет еще свободных транспортов. Стратегическое положение до полной перетасовки войск мне представляется чуть что не безвыходным. И вся ненормальность стратегического положения произошла из за первых политических мотивов: хотели прикрыть весь Наталь...

Н. Ермолов.

Из донесения военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета Главного штаба, 2 января 1900 г./21 декабря 1899 г.

Известие о том, что генерал Буллер будет снова атаковать в пятницу или субботу на этой неделе, представляется весьма странным, в виду того, что к этому времени новый главнокомандующий еще не прибудет на театр войны. Тот генерал, который сообщил мне в воскресенье это известие, прибавил, что в военном министерстве надеются, что вторая атака позиций у Колензо будет удачна, что Буллер, получив 5 батальонов и 3 пешие батареи 5 дивизии, а также 6-дюймовые гаубицы осадного парка, прибывающего в Дурбан, предполагает с фронта бомбардировать позиции буэров из-за закрытий, а подвижной колонной попытается обойти буэров с запада. Последние известия с театра войны упоминают, что буэры сильно заняли Spring field по южную сторону верхней Тугелы, прикрываясь с фронта оврагом реки Little Tugela. Кроме того, они сильно занимают, на правом фланге Буллера, высоты... [1]

Все это доказывает, что буэры уже, вероятно, знают о намерениях Буллера, и настроение здесь, относительно этих намерений (насколько они вчера вечером проникли в печать), весьма тревожное. Я спросил моего знакомого генерала: «но разве положение Ледисмита так требует немедленной атаки?»

[1] Не разобрано.

Генерал Гордон ответил: «Положение не то, что настоятельно опасно, но... гарнизон должен быть выручен поскорее». Мне кажется страннее и непонятнее всего, что 5 дивизию тоже послал в Наталь, почти вся масса войск поглощается Наталем, и этого стратегического распоряжения понять просто невозможно.

Н. Ермолов.

Из донесения военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета Главного штаба, 11 января 1900 г./30 декабря 1899 г.

...Лорд Матуэн будет вскоре отозван или смещен: говорят, что его здоровье окончательно пошатнулось, и что он выказывает, после сражения у Magersfontein, признаки душевного расстройства. Вообще я должен доложить, что то, что здесь печатается в виде извлечений из частных писем — офицеров и нижних чинов к родным, — то, что мне рассказывают отцы, сыновья коих участвовали в сражениях, доказывает такой упадок духа, отсутствие дисциплины, потерю веры в начальников, что трудно себе представить; я не хочу придавать всему этому слишком много веры...

Н. Ермолов.

Телеграмма военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета Главного штаба, 22/10 января 1900 г.

Настроение тревожно. Положение Буллера чувствуется опасным. В субботу взял три передовых гребня; потеря — 300 человек; главная позиция впереди; переправы сзади плохи. Стратегические шансы одинаковы, все зависит от тактического исхода сражения.

Ермолов.

Телеграмма военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета Главного штаба, 26/14 января 1900 г.

Телеграмма Буллера: «Войска Уорена отступили с высот Спионкопа» произвела крайне тягостное впечатление. 4 кавалерийская бригада получила приказание отплыть в начале февраля, теперь отправляются 12 батарей, отправка восьмой дивизии не решена, хотя мобилизация ее идет.

Ермолов.

Телеграмма военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета Главного штаба, 2 февраля/21 января 1900 г.

Два суданских батальона возмутились в Омдурмане. Для 8 дивизии берут батальон из Египта. Канал весь очищен. Теперь идет посадка на железную дорогу иоменов. Буллер атакует опять.

Ермолов.

Из донесения военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета Главного штаба, 2 февраля/21 января 1900 г.

...Теперь я хотел бы доложить вашему превосходительству то, что здесь говорится и думается по поводу известий, получаемых с театра войны.

Во-первых, казалось бы, что войск на театре войны достаточно: отправление лишних милиционных масс только затрудняет административную сторону кампании. Я не хотел бы утверждать то, что я сейчас напишу, ибо это можно знать только будучи на месте, но среди нас, военных агентов, начинает устанавливаться сомнение в боевых качествах войск. Из рассказов, слухов, писем с войны, внимательного чтения донесений и описаний выясняется много подробностей, просто бросающих тень на поведение войск под огнем. В огонь они, повидимому, идут охотно. Но скоро расстраиваются и не выдерживают. Буллер после занятия Спионкоп (в ночь с 23 на 24) телеграфировал: «люди превосходны», но ведь ему нужно вести операции с тем, что есть. А в ночь с 24 на 25 полковник Thorneycroft, заступивший место раненого бригадного генерала Woodgate, приказал отступление и к 8 ч. утра в субботу 24-го уже все войска Warren'a были опять на южном берегу и это после того, как Буллер незадолго перед тем отдал приказ, говоря, «что отступления не будет».

Американские регулярные войска на S. Juan'ских высотах, 1-го, 2-го и 3 июля под Сант-Яго, были также в весьма шатком тактическом положении, потеряв более, чем теперь англичане на Spion Kop. Однако американцы удержались. Весь этот эпизод очищения Spion Kop еще крайне темен. Известно только, что англичане потеряли здесь 1 048 чел. (из коих 215 пленных).

Лорд Робертс, как здесь говорят, спешит сосредоточить войска на центральной линии для наступления в пределы Оранжевой республики, т. е. для возвращения к первоначальному наступательному плану. Но что меня больше всего удивляет, это что здесь начинают как будто мириться с мыслью о возможности падения Ледисмита. Казалось бы, что спасти этот гарнизон и его знамена от позора должно было бы быть первой, самой настоящей задачей. Способно ли будет наступление по центральной линии освободить White'a, успеет ли, это еще вопрос.

Эпизод возмущения двух суданских батальонов в Омдурмане, о котором я телеграфировал вашему превосходительству, заключался в следующем: после поражений англичан в Южн. Африке среди офицеров (тузенцев) египетских войск в Судане появилось брожение и настроение враждебное против англичан. Приказано было отобрать у войск, расположенных в Омдурмане, боевые патроны. Два суданских батальона отказались исполнить это приказание и Сирдар поспешно выехал из Каира в Судан. Было предположено взять 1 батальон из Египта для Ю. Африки (европейский батальон Royal West Kent) для 8 дивизии. Но возможно ли будет это исполнить, еще неизвестно...

Из донесения военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета Главного штаба, 4 февраля/23 января 1900г.

...Пока известий с войны нет и пока медленно тянется и развивается кампания среди столь многих ошибок и военного непонимания (Америка — непонимание административное, Англия — непонимание стратегическое и тактическое) и пока все более и более оттягиваются от английских берегов сколько-нибудь подготовленные и серьезные военно-сухопутные силы государства, во вторник 30 января последовало открытие сессии парламента, и более ничтожного и жалкого зрелища как первые дни деятельности этой сессии, в минуту государственной опасности и кризиса, нельзя себе представить. Зрелище это.

если в него вдуматься, настолько поучительно и любопытно, что в виду тесной его связи с военными вопросами в настоящую минуту, хотел бы посвятить ему несколько мыслей и настоящее донесение.

Совершенно очевидно, что все эти люди, эти Бальфуры и Чэмберлены, не в состоянии поднять деятельности кабинета в минуту военного государственного кризиса на высоту самоотверженного государственного служения, независимого от каких бы то ни было «партийных», т. е. в конце концов личных, соображений, интересов и целей. В эпоху тревоги все эти ничтожные и слабые словопрения, все эти взаимные упреки и нападки оппозиции на правительство, правительства на оппозицию застилают собою те важнейшие вопросы о спасении армии и ее чести, которые столь основательно волнуют и тревожно беспокоют страну.

Но не только, по моему мнению, проваливаются, как личности, те личности, которые ныне стоят во главе государственного управления в Англии. Проваливается, по моему убеждению, и та основная, себялюбивая и алчная политика, которую Англия до сих пор всегда преследовала и которая ныне довела ее чуть не на край военной гибели. Политика национального эгоизма, преследующая только практические и материальные цели минуты, материальных выгод в данную минуту,— политика материального оппортунизма, неспособная воплотить собою высшие стремления человеколюбия и великодушия, уважения к чувствам, стремлениям, обычаям, нуждам других народов. Политика национального эгоизма и алчности, которая, прежде всего, саморазрушительна. Это ясно видно в настоящую минуту в Англии: эта политика стремлений к самоутверждению и захватам довела ее чуть что не до военной погибели, да и жива она теперь только великодушием других.

В своей весьма слабой речи 30 января, лорд Салисбюри выразился так: «Британская конституция — это очень хорошо для времен мирных. Но для эпохи военного кризиса она слишком слаба». Таково заявление из уст английского премьера.

Разве не так было и в Америке во время войны.

Но положим, Англия не может переменить форм своего государственного строя: парламент у ней есть, парламент и останется. Казалось бы, тем не менее, что настоящая война приведет вот к какому для Англии политическому уроку: настоящие ее государственные люди, оказавшиеся столь мало способными уберечь свое отечество от настоящего тяжелого для него положения, понемногу сойдут со сцены. Быть может война (и в особенности если англичане ее проиграют) приведет к некоторому для Англии, так сказать, нравственному пробуждению, причем возможно предвидеть, что политика национального эгоизма и алчности, заменится другой политикой, более достойной и чуткой к жизни других народов. Явятся на сцену и другие люди — представители новой политики, уже не разные Чемберлены, но люди более чистые и такое нравственное пробуждение в политической жизни Англии способствовало бы, если оно состоится, сделать весьма много на пути к всеобщему миру, ибо этого, по крайней мере, элемента в жизни Европы: алчности Англии (то, что здесь называется practical politics, т. е. «сейчас, все, возможно больше, себе»), этого элемента в такой вечно-интенсивной форме, быть может, более не будет. С этой точки зрения нельзя не желать (помимо всяких иных симпатий и соображений) побольше успехов буэрам, и вот почему весь мир, от велика и до мала и желает им таких успехов.

Итак:

1) Государственные люди, ныне стоящие во главе правления, либо устарели (Salisbury), либо не на высоте настоящего кризиса.

2) Внешняя политика Англии, действовавшая до сих пор, политика эгоизма, самоутверждения и захватов, завела ее так далеко, что она теперь не знает уже, что и делать. Чем тяжелее будут для Англии уроки этой горячей войны, тем будет лучше для всех.

Государственный строй Англии, конечно, не переменится, но люди переменятся наверное, политика, быть может, переменится. Без сомнения желательно все возможные после войны перемены (как результат войны) предвидеть. Такие перемены могут обязать собою две стороны.

1) Быть может Англия после войны сделает некоторые шаги вперед в смысле нравственного политического пробуждения.

2) С точки зрения военно-сухопутного могущества она может усилиться.

Какова же с точки зрения такого общего вывода могла бы быть, по отношению к Англии, политическая программа Европы, не только в настоящем, но и в будущем. Повидимому, в самых общих чертах, такова:

1) Внешне-политическое, так сказать, нравственное воспитание Англии предоставить этой горячей войне, тем бедствиям и унижениям, которые Англия заслуженно переживает и чем больше, чем острее, тем лучше для будущего, тем лучше для мысли всеобщего мира. Казалось бы, желательно предоставить судьбы и события этой войны своему собственному ходу и течению, не останавливая и не ускоряя, т. е. не вмешиваясь в ход войны пока для буэров все идет хорошо.

2) Всеми возможными средствами, не втягиваясь ни в какую войну с Англией и преследуя все свои собственные политические цели как бы ни в чем не бывало, также быть может, путем политических или военно-политических демонстраций, согласных со своими собственными целями, помешать усилению Англии, как в настоящем, так и в будущем, как на театре войны, так и на театре Европы.

Всякая, малейшая даже демонстрация в Средней Азии (о чем здесь всегда знать могут только крайне смутно) производит здесь крайне сильное впечатление. До сих пор англичане взяли из Индии 4 батальона, 4 кавполка, 3 пешие, 2 конные батареи и небольшие контингенты офицеров, волонтерной и регулярной ездящей пехоты.

В настоящую минуту в Лондоне крайне не желают брать из Индии больше; но кто знает, если война продлится и примет еще более неблагоприятный оборот, быть может придется взять еще войска оттуда. В палате был уже запрос: «в виду острого кризиса и в виду того, что гуркасы и сейки столь хорошо привыкают к климату Ю. Африки, не переменит ли кабинет свое решение не посылать туземных индийских войск в Африку. «Кабинет, в лице Бальфура, ответил: «не переменит, по причинам, которые понятны палате».

Пока для буэров все идет хорошо,— казалось бы, не вмешиваться, не останавливать, не желать и не устраивать заключение мира. И только если последует в войне перелом в пользу Англии, тогда, быть может, путем каких-либо европейских коалиций, вступиться и тем удержать Англию от всякого усиления, как на театре войны, так и на других театрах.

Опасения перед Францией заставляют Англию ставить на ноги свою милицию, заставляют думать о мобилизации морских резервов. Это последнее дело,— мобилизация морских резервов, дело для Англии весьма тяжелое, дорого стоющее, отрывающее желательный элемент населения от ежедневных занятий. Англии весьма не хочется к нему приступить, тем более, что прямого отношения к войне с буэрами она иметь не может. Если дела для Англии пойдут лучше, не могла ли бы Франция заставить приступить к мобилизации морских резервов.

Я лично склонен думать, что наиболее осторожной и плодотворной политической программой для Европы (или для каких-либо новых европейских, против Англии, каолиций) была бы та, которая, в предвидении, не столько настоящего, сколько будущего, в предвидении будущего развития мысли всеобщего мира, способна была бы удержать Англию от успехов и усиления на театре войны и на всех других театрах вообще.

Следовательно, чем хуже дела англичан на театре войны, тем менее было бы причин для Европы вмешиваться или пытаться прекращать войну путем посредничеств. Наоборот, если дела Англии на театре войны пойдут лучше, тогда было бы более причин для такой остановки или посредничеств. Но никак не наоборот, хотя обратный образ действий и мог бы сулить, напр. для Франции, какие-либо немедленные выгоды. Немедленные выгоды, если бы за ними бросилась Франция, способны были бы, мне кажется, с точки зрения моего настоящего донесения, скорее компрометировать будущее нежели его обеспечить.

Н. Ермолов.

Из донесения военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета Главного штаба, 18/6 февраля 1900 г.

...В прошлый четверг, в палате лордов, лорд Розбери произнес первую, сколько-нибудь сильную речь за всю эту сессию. Это было еще до известия об освобождении Кимберлея, и лорд Розбери горячо и красноречиво указал кабинету, что кабинет как будто совершенно не отдает себе отчета в важности и опасности для Англии настоящей минуты: «Я слежу за развитием событий в Европе и Азии еще гораздо более тревожным взглядом,— говорил Розбери,— нежели за событиями в Ю. Африке. Кабинет точно не сознает того, что чувствует каждый прохожий на улице, того, что в настоящую минуту вопрос идет, для Англии, для Великобританской империи, о жизни или смерти. Ибо если вы проиграете войну в Ю. Африке, то и колонии и сипаи в Индии, и эмир афганский поймут, что силы, могущества Великобританская империя не имеет и что не стоит связывать свои судьбы с нею. Европейские державы враждебны к нам, Россия мудро ведет вперед свою политику в Азии, в Персии, а Англия безучастно остается зрительницей этой политики, последних событий в Персии,— клонящихся к полному утверждению влияния России в Персии и ничего не делает, чтобы помешать этому, или компенсировать себя за это,— не делает быть может потому, что ничего не в состоянии сделать. Ибо, где же войска? Где ваш флот? Войска ваши в Ю. Африке, и нечего обманывать себя и других бумажными цифрами неорганизованного сброда, те 110 тыс. регулярных войск, о которых нам говорят, что они есть на лицо в пределах Соединенного королевства,— ведь это все более или менее non efficients, non combatants, и на них надежда плохая. Милиция и волонтеры? Их много, но во-первых, в смысле активных сил они никакого значения не имеют, а в смысле оборонительных они тоже неустроены, не снабжены артиллерией, не имеют обозов, наконец, мало подучены. Это все, быть может, материал для армии, но не армия и утешать себя в том, что весною все эти нестройные массы будут, согласно программе кабинета, призваны под палатки для месячного лагерного сбора,— очень слабое утешение. Флот? Но, милорды, вы хорошо знаете, что средиземная эскадра связана... Средиземным морем, что Channel Squadron связан ролью боевого резерва для Mediterranean Squadron и что мес-

то для Channel Squadron — Гибралтар. Что же прикрывает наши берега? Мобилизуете ли вы резервную эскадру? Где активные, морские и сухопутные наши силы? О чем вы думаете? Если завтра вы потерпите неудачи в Ю. Африке, то так вы и останетесь с вашим одним флотом среди Европы, у которой много счетов с нами и которая лучше понимает наше настоящее положение, нежели мы сами,— лучше, нежели наше правительство, и которая едва ли задумается перед тем, чтобы приступить к сведению счетов с нами. Если это не есть минута жизни или смерти, то я уже не знаю, что можно назвать таковою».

Речь эта несомненно произвела на кабинет сильное впечатление (что бы кабинет не говорил). Ибо необходимо знать и помнить, что в Англии кабинет, в смысле предвидения, энергии, решимости, инициативы, всегда немного позади общественного мнения, выражаемого, например такой сильной речью, как речь Розбери.

И вот в пятницу адмиралтейство отдало приказ о мобилизации части резервной эскадры. Для меня лично представляется весьма правдоподобным, что это результат двух причин: 1) Речь Розбери, ибо здесь чрезвычайно характерно то, что хотя кабинет отвечает сарказмами на нападки оппозиции (как и ответил Бальфур на речь Розбери), тем не менее, втихомолку, он подчиняется ее советам и указаниям. 2) Хотя здесь и говорят, что эта мобилизация части резервной эскадры ничего, так себе, приготовление судов к маневрам 1 марта, что они 1 апреля будут опять распущены,— тем не менее эту меру необходимо понимать, как меру боевую, на всякий случай, в виду тревожного положения политического горизонта. Кроме того, необходимо иметь в виду, что освобождение Кимберлея, успехи Робертса,— быть может, приближают дела на театре войны к развязке, к окончанию войны. Англия боится, как бы вмешательство Европы не помешало ей пожать плоды, заключить мир так, как она, Англия, захочет. Мне представляется, что мобилизация резервной экскадры есть так сказать, шаг, precautionary measure, к тому, чтобы помешать Европе устроить Англии после войны нечто вроде берлинского трактата.

Итак, кабинет, под влиянием тревожного положения, ясно выясненного в речи Розбери, сделал следующее:

а) На суше. Крайне слабая военная программа кабинета (почему столь слабая, я доложу ниже).

б) На море. Мобилизация части резервной эскадры, кажется, судов в Портсмуте и в Девонпорте, но утвердительно я еще этого сказать не могу. В состав резервной эскадры, вообще в портах кругом берегов Англии, неся так наз. побережную службу входят такие броненосцы, как Rondey, Howe, Collingwood, Sans Pareil, Trafalgar, Alexandra, Benbow и очень много крейсеров.

Другой побудительной причиной к мобилизации резервной эскадры могло служить (хотя я этого безусловно утверждать не могу, но это правдоподобно и вяжется) известие о том, что мы маскируем войска на Афганской границе и готовимся взять Герат. Это известие («Times») произвело здесь весьма сильное впечатление, и, как я уже доносил, впечатление довольно смутное, т. е. в точности никто не знает, правда ли? И если правда, то что именно правда? Я считаю, что эта «смутность» чрезвычайно для нас выгодна: нет ничего страшнее, как неясная, неизвестная опасность. Слухи об опасности производят больше впечатление, чем точная оценка опасности, пугают гораздо более. Слухи для нас выгодны, именно в форме слухов, но не точных известий.

Итак радостное настроение по поводу успехов Робертса, надежда на приближение к развязке, боязнь вмешательства Европы, боязнь

слухов о маскировании наших войск у Кушки, горячая речь лорда Розбери, приказ 16 февраля о мобилизации резервной эскадры. Таково положение и настроение здесь в настоящую минуту и необходимо помнить, что в Англии настроение общественного мнения, клубов, прессы, всегда до некоторой степени ведет деятельность кабинета, влияет весьма на его решения...

Н. Ермолов.

Письмо военного агента в Брюсселе и Гааге Миллера управляющему делами военно-ученого комитета Целебровскому, 21(8) февраля 1900 г.

После долгого перерыва в трансваальской миссии снова были получены непосредственные сведения о положении дел на театре войны, которые и были мне сообщены совершенно конфиденциально.

В начале января в различных коммандо насчитывалось до 1 500 вооруженных буров, из них около 9 000 трансваальцев и 6 000 оранжистов. Упавшее после взятия Претории в июне и июле до нескольких тысяч лишь число борцов за национальную независимость постепенно стало возрастать, отчасти под влиянием и благодаря примеру наиболее энергичных сподвижников Бота и Девета, но, главным образом, вследствие предпринятой англичанами политики истребления ферм: готовые примириться с грустной необходимостью подчиниться английскому владычеству, лишь бы иметь возможность вернуться к своим обычным мирным занятиям после десятимесячной тяжелой кампании, так называемые мирные или нейтральные буры понемногу убеждались в бессилии англичан совладать с оставшимися небольшими отрядами Девета, Деларея и многих других, и обеспечить их мирную и спокойную жизнь на фермах; паника, вызванная бескровным занятием Претории, понемногу исчезала, а многочисленные частные успехи отдельных коммандо над небольшими разбросанными отрядами англичан, нарочно раздуваемые, способствовали тому, что очень скоро отчаяние в возможности дальнейшей борьбы или, по крайней мере, убеждение в ее бесполезности, в непобедимости громадной английской армии сменилось чувством нерешительности, и лишь осторожность удерживала большинство буров — нейтральных — на своих фермах.

Но когда распоряжениями генерала Робертса их стали выгонять из ферм, забирать в плен наравне с воюющими бурами, не разбирая ни правого, ни виноватого, когда стали сжигать и истреблять их фермы и все их имущество, для сохранения которого лишь они сложили оружие, в особенности когда эти меры стали приниматься уже не по отношению к отдельным лицам, а стали распространяться на целые районы, то, естественно, им остался лишь один выход, терять им было нечего, а чувство мести и ненависти побуждало,— снова стать в ряды бойцов.

Посланник Южно-африканской республики, г. Лейдс, говорил мне, что все полученные им непосредственно из Трансвааля сведения подтверждают вышеприведенный взгляд: буры совершенно было упали духом, и в период июнь — октябрь, после взятия Претории и отъезда президента Крюгера, англичане имели все козыри в руках, чтобы окончить борьбу; известие о суровых мерах и истреблении частной собственности было встречено здесь среди друзей буров, пожалуй, даже с некоторым облегчением, так как это обещало возобновление борьбы с новой силой. Бур прежде всего дорожит своей фермой, своим поместьем, в котором он полновластный хозяин, а затем уже ценит свою национальную независимость постольку, поскольку она ему обеспечивает его патриархальные права; конечно, этот утили-

тарный взгляд исповедуется массой, история же нынешней войны представляет нам и много блестящих исключений.

На основании полученных ныне от Девета известий от начала января н. ст. г. Лейдс считает возможным быть спокойным относительно дальнейших перипетий борьбы. Дух людей, собравшихся под начальством Девета, прекрасный, цель всех его операций: затянуть борьбу, продлить ее еще год, по крайней мере, для чего — избегать больших сражений; в случае превосходства сил противника — уходить, если нужно даже в рассыпную; обаянием его имени и самою силою вещей отдельные люди и отрядики будут сейчас же снова привлечены к нему; бояться дезертиров ему не приходится, искать мелких частичных успехов, но верных, нападениями врасплох. Идея вторжения в Каапскую колонию принадлежит Герцогу, которому и было поэтому поручено исполнение ее: Герцог и Крейцингер подчинены Девету, как главнокомандующему всеми оранжистскими силами, и имели в своем распоряжении для вторжения в Каапскую колонию около 3 500 ч. Девет, имея в своем непосредственном подчинении лишь 2 000 чел., согласился со своей стороны тоже двинуться в Каапскую колонию, в надежде сделать диверсию, заставить английские войска снова рассеяться, утомить их тяжелыми походами в дождливое время года, расстроить их и нравственно и материально безуспешной погоней за ним и неизбежно сопряженным с ней увеличением и без того уже громадной болезненности. В восстание капских африкандеров он не верил, в чем и оказался совершенно правым; но при некоторой, несомненно существующей симпатии он видел возможность хотя на время перенести военные действия на новую, еще почти нетронутую ужасами войны территорию и дать отдохнуть своей родине, и вместе с тем продолжать так удачно начатые действия на сообщения англичан.

Для сообщения между отдельными отрядами, оперирующими иногда на сотни верст друг от друга, создан особый корпус разведчиков из волонтеров; одному из них удалось привезти през. Крюгеру известия от Девета. Как выше сказано, единственно возможный путь для него был через Капштат и Англию на английском пароходе; таким же путем он на этих днях отправляется обратно; на пути сюда у него был документ от Девета для удостоверения его личности перед Крюгером; теперь же он едет без всяких бумаг, могущих его скомпрометировать,— все инструкции он должен выучить наизусть. От генерала Бота президент Крюгер не имел непосредственных известий, известно лишь, что Бота послал трех гонцов, и, видимо, все трое поплатились жизнью. Для перехвата всех гонцов, которые из Трансвааля могли бы стремиться к портам восточного берега Африки, англичане учредили особую стражу из кафров, численностью около 300 чел., под начальством немца — трансваальского ренегата Стейнакера, которая носит название Steinacker's Light Horse; район деятельности этой стражи — восточная пограничная полоса Трансвааля, смежная с португальскими владениями; этим людям предоставлено убивать всякого, кто без должной легитимации будет пытаться перейти через границу,— имущество убитых поступает в их пользу; за убитых буров, в которых можно предположить гонцов с депешами или инструкциями, выдается вознаграждение; кроме того, эти 300 кафров получают определенное жалованье, по 5 шил. в день на человека.

Независимо от этой, чисто разбойнической шайки англичане употребляли вооруженных кафров еще на севере в стычках у Лиденбурга и на западе в окрестностях Таунгс. О какой-то части, повидимому, сформированной из туземцев и носящей название «Кафрских стрелков» упоминает корреспондент английского «Daily Telegraph», говоря

о бое между Деветом и ген. Нокса в конце января у Сенекаля.* Но в трансваальской миссии еще не получено подтверждения этого возмутительного известия.

Дальнейшие предположения союзных главнокомандующих сводятся к тому, чтобы с наступлением зимнего времени, т. е. в мае и июне отступить в северные округа Трансвааля, куда англичане еще не заходили, так как в разоренной стране им, вследствие отсутствия подножного корма, нечем будет кормить лошадей.

В руках г. Лейдса имеются доказательства того, что английское правительство тотчас же после неудачи рейда Джэмсона стало готовиться к войне, причем не с Трансваалем только, с которым у него были счеты и недоразумения, но первым делом с Оранжевой республикой. План овладения золотоносными территориями обеих республик, путем вторжения с юга в Оранжевую республику, подтверждается работами разведывательного бюро Intelligence Division 1897 года, а именно: 1) картой в масштабе $^1/_{250000}$ с подробным обозначением всех ферм, владельцев их, степени благонадежности последних, национальности их и т. п. подробностями и 2) маршрутной съемкой в масштабе $^1/_{126000}$ всех путей, ведущих из Каапской колонии к Блюмфонтейну, параллельно железной дороге; даны все сведения о качествах дорог, мостов, о колодцах и т. п. Судьбе не угодно было лишь разрешить англичанам воспользоваться этой в высшей степени добросовестной работой.

Подполковник Миллер.

Письмо военного корреспондента Максимова[1] управляющему делами военно-ученого комитета, 20/7 марта 1900 г.

Хотя я приехал в Преторию 24/12 февраля, но до сих пор не был на позициях, а потому ничего не могу писать о военных действиях, не быв очевидцем, но может быть вам интересно знать общее положение дел, а потому делюсь с вами моими сведениями и наблюдениями. Президент Крюгер пользуется замечательною популярностью не только в Трансваале, но даже, как я третьего дня убедился, и в Оранжевой республике.

Несмотря на свои немолодые годы (75 л.), он полон сил и энергии и обладает замечательным умом и политическим тактом. Выехав из Претории 27 февраля на позиции у Ледисмита, Крюгер 5 марта в 11 час. утра был в Блюмфонтейне, где ему была сделана населением восторженная встреча. После совещания с президентом Штейном и небольшого отдыха Крюгер выехал вчера утром на Моддер Ривер к войскам Девета, охраняющего путь на Блюмфонтейн. Позиция в 90 километрах от столицы. После взятия в плен генерала Кронье[2], главнокомандующим в Оранжевой республике назначен генерал Делаве, по отзывам всех весьма талантливый и популярный генерал. Хотя за последние дни буры потерпели несколько неудач, но трансваальцы не пали духом и решили продолжать войну до последнего человека.

---

[1] Максимов, Евгений Яковлевич отставной подполковник, военный корреспондент газет «Россия», «Новое время», «С. Петербургские ведомости», находился при войсках буров.

[2] 27 января 1900 г., отряд бурского генерала Пита Кронье был окружен превосходными силами противника у Паардерберга и после упорного сопротивления сдался. Сдача Кронье произвела тяжелое впечатление на буров, началась паника, принудившая командование буров временно распустить войска по домам. Однако, вскоре буры оправились. Удачная операция отрядов Девета частично компенсировала поражение Кронье и борьба разгорелась с новой силой.

Фрейштетеры после потери Кронье и его армий растерялись было, чем конечно старались воспользоваться тайные доброжелатели англичан, чтобы посеять в войсках панику, но приезд сюда Крюгера все исправил и фрейштетеры, после краткой, но энергичной речи Крюгера на вокзале, вновь ободрились и возвращаются к фронту.

Англичане не сумели воспользоваться крупным своим успехом и потеряли много времени, дав возможность бурам оправиться от неудачи и начать вновь борьбу до тех пор пока Европа не вступится за них. Они оказали Европе великую услугу, сведя на нет всемирный престиж общего нашего врага. Европа должна отблагодарить буров своим вмешательством. Страна разоряется и неповинные колонисты (разве в том только, что у них нашлось золото) гибнут в угоду небольшой кучке жадных капиталистов, вызвавших эту войну.

4 марта я представлялся президенту Штейну и пробыл у него слишком два часа, и говорил с ним как журналист.

В Южной Африке имели самое превратное понятие о России, благодаря английским источникам. Я дал разъяснения по всем вопросам до Финляндии включительно. Видимо моя правдивая речь произвела должное впечатление на присутствующих.

Штейн так растерялся, что готов был заключить сепаратный мир, но я, доказывая ему невыгоды этого, подал мысль послать депутацию в Европу: сперва царю, в Берлин, Париж и Гаагу. Послана депеша Солисбюри: «зачем ведем войну. Пора кончить; мы бы раньше предложили, но вы несли поражения. Теперь успех, военная честь восстановлена, предлагаем мир. Не согласитесь — будем отстаивать свободу до последнего». Ждут ответа, потом пошлют депутацию. Мы накануне мира.

Полковник Гурко[1] приехал сюда 27 февраля вечером и, представившись на другой день президенту, отправился 2 марта на Моддер Ривер к войскам Девета. Президент Крюгер ожидается обратно сюда 9 марта. Генерал Оливье с 4 тысячами сидит на горах Дракенсберг, прикрывая Гаримсит, а генерал .... забыл фамилию, кажется Ранцио, с 3 тысячами в Стромберге, под Комсбергом около тысячи человек, а сколько у Девета не знаю. Вчера пошел к нему Деларэ с тремя тысячами.

Сейчас идет почта, а потому принужден окончить письмо.

Евгений Максимов.

Письмо военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета, 18/5 декабря 1900 г.

По возвращении моем из России в Англию (21 ноября русск. ст.) я застал здесь, относительно положения дел в Южной Африке, настроение довольно унылое и тревожное, и настроение это еще усилилось неблагоприятными для англичан известиями последних дней. Война до крайности здесь всем надоела. Но главное, в военных сферах беспокоются, не видя конца тому фазису партизанских действий, в который война вступила. Возвращение лорда Робертса ожидается сюда 2 января, но хотя здесь готовятся встречи и овации, все понимают, что готовящиеся торжества не вполне своевременны, так как не только не предвидится возможность скорого начала возвращения

[1] Ромейко Гурко, Василий Иосифович, подполковник, был штаб-офицером для поручений при командующем войсками Варшавского Военного округа. Вскоре после начала англо-бурской войны был командирован на театр военных действий в качестве военного агента при армии буров.

войск, но лорд Китченер требует даже дальнейшей присылки подкреплений, во-первых в виде маршевых команд пополнения, а во-вторых, в виде новых команд столь необходимой на театре войны ездящей пехоты: на этих днях сделано распоряжение о формировании в Альдершоте, и о посадке еще 1 000 чел. ездящей пехоты, и говорят, что придется отправить на театр войны в ближайшем будущем еще до 4 000 чел. ездящей пехоты.

Н. Ермолов.

Письмо военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета, 25(12) января 1901 г.

Положение дел, в военно-организационном отношении, в тылу войны, весьма серьезное. Вообще относительно общего положения дел, насколько я мог выяснить, здесь в настоящее время замечаются два мнения, два образа мыслей, так сказать, две школы: согласно одной из них — и это школа Чемберлена, Sir Alfred Milner'a и других, война не может продолжаться долее 3 месяцев; буры устали, патронов у них почти нет, появление их в пределах Капской колонии ни к чему не привело, ни к политическим, ни к военным результатам, напротив того, попав в Капской колонии в такой район, где буры сравнительно легко достают продовольствие и некоторые удобства жизни, они так сказать расползлись, не хотят более вернуться к тягостям похода и охотно вскоре прекратят всякое сопротивление. Таково мнение первой школы.

Другая школа держится совершенно обратного мнения и я должен доложить, как это ни кажется странным, что представителем этой второй школы является никто иной, как сам лорд Робертс и партия военных. Оптимизм в политической партии, пессимизм в кружках военных — вот то впечатление, которое в настоящее время здесь выносится. По мнению этой второй школы буры совсем не устали, напротив того, находят удовольствие в обстановке походной жизни: держат в своих руках районы театра, наиболее обильные зерном и подножным кормом, лошадей сколько угодно, патроны есть; устали, да не буры, а англичане, устала английская армия, теряющая надежду на всякое сколько-нибудь крупное сражение. Больных в армии все больше и больше; деморализация; говорили даже, что среди английских войск появилась чума (bubonic plague). Китченер запретил войскам всякую частную корреспонденцию и цензура все строже и строже.

Без сомнения крайне трудно сказать, на чьей стороне наиболее правдоподобная оценка положения. Лично я еще не встречал здесь военного, который не держался бы более или менее мрачного образа мыслей. Сэр Чарльз Дальк, спрошенный о том, что он думает о войне, ответил, что на основании тех сведений, которые сообщаются публике военным министерством, можно с одинаковым правдоподобием предсказать, что война либо окончится завтра, либо будет продолжаться вечно.

Н. Ермолов.

Письмо военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета, 6 февраля (24 января) 1901 г.

Представляю при сем опубликованные военным министерством сведения к 1 февраля 1901 г. о потерях за все время войны. Потери эти следующие:

Потери к 1 февраля 1901 г.	Офицеров	Нижн. чинов	Всего
Убито к 1 февраля 1901 г.	334	3 346	3 680
Умерло от ран	103	1 081	1 184
Умерло в плену	4	92	96
Умерло от болезней	188	7 605	7 793
Умерло от случайных причин	6	230	236
Осталось в плену	15	922	937
Отправлено домой больных и раненых (invalids)	1 708	39 095	40 798
Итого	2 358	52 371	54 724
А всего:			
Умерло в Южной Африке	635	12 354	12 989
Осталось в плену	15	922	937
Больных умерло в Англии	4	265	269
Больных и раненых, оставивших службу по увечьям	—	1 734	1 734
Всего потерь	654	15 275	15 929

В настоящее время здесь говорят о новом плане действий, придуманном, будто бы, лордом Китченером; план этот состоит в том, чтобы, двигая многочисленные колонны по разным направлениям, уничтожать средства театра войны и, оголив страну, обратя ее в пустыню, загнать буэров в один какой-либо район театра. Вести войну так сказать против средств театра. К плану этому здесь относятся довольно скептически.

Я видел на днях двух офицеров только что возвратившихся с войны. Как и большинство военных, они высказываются относительно общего положения дел весьма мрачно. Считают, что в поле находится не менее 24 000 буров.

Н. Ермолов.

Письмо военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета, 8 марта (23 февраля) 1901 г.

Стоимость войны в Южной Африке

На этих днях вышел новый военный бюджет на 1901—1902 г., расчитанный на 450 000 чел. и 25 402 лошади и определенный равным 87 915 000 фунтам стерлингов.

Бюджет обсуждается в палате общин сегодня. Ранее недели [не могу] представить вашему превосходительству подробное его обсуждение; я хотел бы в настоящем донесении определенно и точно доложить, во что обходится Англии Южно-Африканская война. Расчет этой суммы делается в настоящее время разными авторами, газетными статьями и т. п. чрезвычайно различно и ошибочно, поэтому необходимо выяснить ее, на основании оффициальных отчетов, совершенно определенно и точно. Для этого надо взять все суммы, кои для армии были вотированы палатой общин за три последних финансовых года, т. е. года 1899—1900, 1900—1901 и 1901—1902, следовательно все кредиты на армию с 1 апреля 1899 г. по 31 марта 1902 г.

Разберем эти кредиты по годам:

А. 1899—1900 год.	Фунт. стерл.
Первоначальный военный бюджет равнялся	20 617 200
Дополнительный кредит 17 октября 1899 г.	10 000 000
Дополнительный кредит 8 февраля 1900 г.	13 000 000
Всего: 1899/1900 г.	43 617 200
Из этой суммы специально на расходы по войне пошли только дополнительные (чрезвычайные) кредиты, т. е. всего	23 000 000

Б. 1900—1901 г.	
Первоначальный военный бюджет равнялся	61 499 400
Дополнительный кредит 20 июня 1900 г.	11 500 000
Дополнительный кредит 6 декабря 1900 г.	16 000 000
Дополнительный кредит 26 февраля 1901 г.	3 000 000
Всего 1900/1901 г.	91 999 400
Из этой суммы ушло:	
а) на войну в Южной Африке	64 286 700
б) на войну в Китае	3 450 000
в) обыкновенные военные расходы	24 262 700
Всего 1900/1901 г.	91 999 400

В. 1901—1902 г.	
Теперь испрашивается на 1901—1902 г.	87 915 000
Из коих предназначается:	
а) на войну в Южной Африке	56 070 000
б) на Китай	2 160 000
в) обыкновенные расходы	29 685 000
Всего 1901/1902 г.	87 915 000

Собирая суммы по годам получим:

I. На войну в Южной Африке:	
В 1899—1900 г.	23 000 000
В 1900—1901 г.	64 286 700
В 1901—1902 г.	56 070 000
Всего	143 356 700

II. На Китай:	
В 1900—1901 г.	3 450 000
В 1901—1902 г.	2 160 000
Всего	5 610 000

III. Обыкновенные или нормальные военные расходы:	
В 1899—1900 г.	20 617 200
В 1900—1901 г.	24 262 700
В 1901—1902 г.	29 685 000
Всего	74 564 900

Таким образом, военные расходы Англии с 1 апреля 1899 г. по 31 марта 1902 года выражаются следующими цифрами:

Нормальные военные расходы	74 564 900 ф. ст.
Чрезвычайные военные расходы по войне в Южной Африке	143 356 700 ф. ст.
Чрезвычайные расходы англ. военного министерства по операциям в Китае	5 610 000 ф. ст.

Так что чрезвычайные военные расходы по войне в Южной Африке равняются до 31 марта 1902 г. 143 356 700 фунт. стерл., но если исключить еще неначатые (с 1 апреля 1901 г.) расходы, т. е. считая расходы по войне только до 31 марта 1901 г., то выключая 56 070 000, получим расходов по войне:

$$143\,356\,700 - 56\,070\,000 = 87\,286\,700 \text{ ф. ст.}$$

Н. Ермолов.

Из письма военного агента в Брюсселе и Гааге Миллера управляющему делами военно-ученого комитета, 30/17 марта 1901 г.

Лишения бурских женщин и детей, находящихся во власти англичан.

Несколько недель тому назад были опубликованы в западно-европейских газетах письма двух английских докторов, которым было поручено ознакомиться с действительным положением женщин и детей, запертых англичанами в лагерях, специально для них устроенных в окрестностях больших городов, как-то Иоганисбурге, Блюмфонтейне. Оказалось, что действительно, условия жизни сотен женщин с многими детьми, скученных в тесных лагерях, крайне неблагоприятны; продовольствие отпускалось в недостаточных размерах и было часто совершенно негодного качества, высшие английские власти старались в пределах возможного удовлетворить справедливые жалобы заключенных на дурную пищу, но не всегда успешно; для малолетних детей, в лагере под Иоганисбургом, была устроена молочная ферма. Особенно жестокой и бесчеловечной следует признать меру, принятую по отношению к семьям (женам и детям) тех буров, которые продолжали сражаться против англичан: им выдавалась уменьшенная порция продовольствия, без того уже ограниченного, по сравнению с теми пленницами, мужья которых дали присягу нейтралитета.

С целью облегчить положение несчастных страдалиц, в Голландии образовался кружок лиц под председательством г-жи Вашклевич, для сбора денег и оказания заключенным женам и детям помощи деньгами, предметами одежды и обуви, продовольствием в виде консервов и т. п.

Ныне г-жа Вашклевич обнародывает письмо следующего содержания по поводу деятельности руководимого ею кружка.

«Все читали английские оффициальные документы относительно качества пищи, даваемой бурским женщинам и детям в английских лагерях, особенно в Иоганисбурге. В настоящее время меня уведомляют, что молочную ферму, о которой упоминает в своем донесении доктор Мэконзи, не удалось осуществить, почему маленькие дети остались совсем без продовольствия, так как нельзя назвать пищей гнилую маисовую муку, полную всяких насекомых. Вследствие этого смертность среди женщин и детей буров громадна. Хуже всего то,— что военные власти отказали доставить в лагери заключенных ящики с продовольствием, высланные европейским комитетом помощи, те же власти дважды вернули нам 300 фунт. стерлингов, предназначенных для покупки более удовлетворительного продовольствия, под предлогом, что женщины и дети ни в чем не нуждаются».

Поправки к английским оффициальным бюллетеням.

В английских же газетах появляются от времени до времени корреспонденции и письма с театра войны, изображающие события в совершенно ином виде, нежели оффициальные бюллетени.

«Glocester citizen» приводит выдержки из письма одного участника в сражении в Магалийских горах, между соединенными силами Деларея и Бейерса и войсками генерала Клеменса. «В действительности ген. Клеменс потерял весь свой обоз и бросил свой лагерь со всеми запасами продовольственными и боевыми; одно время дела приняли для нас столь неблагоприятный оборот, что к орудиям были подвязаны динамитные патроны, чтобы уничтожить их лучше, нежели оставить их в руках неприятеля. Официальное утверждение, что ген. Клеменс без всяких затруднений перевел весь свой отряд на «командонек», совершенно не соответствует истине: буры гнали нас, как стадо, на протяжении 15 миль, и наш арриергард оборонялся с напряжением всех своих сил».

Подобные поправки к оффициальным английским донесениям необходимы для будущего историка войны; к сожалению в настоящее время они являются редким, исключительным явлением.

Состав гражданского управления Трансвааля и Оранжевой колонии.

Назначение Мильнера главою гражданского управления вновь присоединяемых колоний Оранжевой и Трансвааля возбудило, как известно, крайнее неудовольствие среди буров, где имя бывшего губернатора Капской колонии пользуется всеобщей ненавистью.

Исполнительный совет для Трансвааля, составленный из лиц, выбранных Мильнером, имеет мало шансов вызвать доверие буров и стать примиряющим звеном между главой администрации и населением.

Миллер.

Письмо военного агента в Брюсселе и Гааге Миллера управляющему делами военно-ученого комитета, 13 июня/31 мая 1901 г.

Некоторые сведения об англо-трансваальской войне. К характеристике буров.

Один из докторов, участников нидерландского санитарного отряда, г. Биренс-де-Хаан, вернулся в конце мая в Европу, после 18-месячного пребывания среди буров. Некоторые из его отзывов о бурах не лишены интереса.

«Война излечила буров от излишней самонадеянности, эгоизма и самомнения, сильно развитых в них во время оно. Они убедились во многих своих недостатках и не только отложились от них, но и присвоили себе некоторые добродетели. Многие из ограниченных, ультраконсервативных олигархов прониклись новым духом и осознали, необходимость и пользу более свободной, здоровой политики.

Куда война их приведет, буры еще не знают. Они имеют лишь одну цель перед глазами — защитить свою независимость. Какими-либо планами на будущее время они не задаются, они руководимы как бы инстинктом самосохранения в этой борьбе за то, что у них есть наиболее драгоценного и святого, и не задумываются над опасностями и последствиями войны; они давно потеряли все иллюзии

насчет скорого и счастливого исхода войны, разбития англичан, изгнания их из южной Африки и т. п.

Они давно отказались от крупных операций большими силами. Все сообщенные газетами сведения об обширных планах одновременного нападения на все коммуникационные линии англичан — лишены основания.

Такими смелыми надеждами, как заставить англичан очистить страну или сдаться, вследствие недостатка продовольствия, они не задаются; отдельные же нападения на жел.-дорожные линии имеют лишь целью постоянно беспокоить и утомлять англичан. Не дать англичанам спокойно владеть и управлять страной, укрепиться в ней, заняться торговлей и промышленностью — вот чего добиваются буры и к чему они будут стремиться возможно дольше.

Большинство нападений делается согласно планам и приказаниям Бота, передаваемым даже наиболее удаленным командантам. Бота не имеет диктаторской власти, но вообще его хорошо слушаются, и он пользуется авторитетом даже у таких предводителей, как Бен-Вильун и Бейерс.

На Делареа его власть не распространяется; последний действует самостоятельно; это человек с сильным характером и действует лучше всего, когда предоставлен собственным идеям.

Дисциплина в командах постоянно улучшается; далеко не похожие на шайки мародеров, буры составляют хорошо организованные отряды и коммандо, из лиц одного и того же округа, как и в начале войны. В каждом коммандо можно встретить людей самого разнообразного общественного положения; есть и бедные и богатые. Правда, большая часть богатых буров, поставленная в необходимость выбора, предпочла земные блага своему отечеству, но все же многие и из состоятельных людей пожертвовали всем и посвятили себя вполне защите родины.

Коммандо буров выступают в поход, совершают предположенное нападение, затем люди рассыпаются, как только преследование становится опасным, и на заранее условленном месте все опять собираются при первой возможности, вполне готовые к новому нападению. Способность быстро восстановить свои силы, организоваться — является характерной чертой буров, и то, что справедливо для военных коммандо, находит себе подтверждение и в гражданском управлении. Едва лишь англичане покидают, после обыкновенно кратковременного занятия, деревню, город или округ, как буры немедленно возвращаются и устанавливают снова свое гражданское управление: назначают «Ландрюста», распределяют работу кафров, собирают повинности и т. д.

Хотя англичане и уводят с собой многих жителей, но все же не всех, и остается на месте достаточно народу для обеспечения внутреннего порядка и управления, так что напрасно англичане представляют през. Схалк Бюргера и статс-секретаря Рейца, как правителей без подданных. Благодаря этой способности можно с уверенностью сказать, что в каком бы разрушенном положении англичане не оставили страну по окончании войны, бурам скоро удастся снова довести ее до прежнего цветущего состояния».

Сведения с театра войны.

По сведениям, полученным в Брюсселе через курьера из Лоренцо-Маркец, помимо английской цензуры, явствует в противоположность заявлениям англичан, что коменданту Бен-Вильуну удалось с самыми незначительными потерями прорвать кордон в 6 или 7 раз сильнейшего неприятеля у Витбанка. Буры из отряда Бота успешно ата-

ковали копи Дуглас в округе Эрмело, где захватили 147 ящиков с динамитом, необходимым им для взрыва поездов. В начале мая н. с. бурам удалось захватить три поезда между Клерксдорп и Иоганисбургом, в окрестностях Вондерфонтейна, к югу от Крюгерсдорпа. Один поезд вез обувь, в другом был битый скот.

Далее в этом же письме сообщается, что англичане продолжают жечь и уничтожать фермы и прочее имущество буров, что противоречит заявлениям правительства, опубликованным в белой книге, из которых можно было заключить, что с января н. г. английские войска оставили этот варварский способ ведения войны.

Опустошение страны войсками.

Впрочем, опубликованные газетой «Daily News», письма английских солдат не оставляют никаких сомнений на этот счет. Из дивизии ген. Рёндль пишут 10 мая н. ст.: «С тех пор, что мы выступили из Харрисмиса, мы жгли и уничтожали дома, и дворы, и все что попадалось».

Один из иоманри, участвующих в колонне, выступившей 5 мая из Стандертона в числе 600 чел. для преследования Гроблера, пишет 7 мая: «Вчера и сегодня мы были очень заняты сожжением ферм. Мы сначала забираем кур и всю живность и затем уже поджигаем. Это несколько зверское занятие, но оно необходимо, что бы наши критики дома не говорили».

Из 17 роты иоманри пишут 5 мая из Сенекала: «Славная забава была в Рейп, мы так выжгли деревню, что ее узнать нельзя было. Мы разнесли всю домашнюю утварь, печи и проч. Хуже всего пострадали фортепиано, и т. д.».

Бедствия жен и детей буров.

С каждым днем слышны также все новые жалобы на ужасное положение жен и детей буров, запертых англичанами в разных лагерях. За неделю с 22 по 30 апреля на 3 125 чел. умерло 30 чел., следующую неделю — 24, с 6 по 13 мая — 26, всего за три недели 80 чел. что составляет в год 435 чел. на 1 000, т. е. смертность в 20 раз превосходит нормальную смертность. Цифры эти, относящиеся до Иоганисбурского лагеря, получают еще более страшное значение, если принять во внимание, что эта гекатомба состоит, главным образом, из детей, для которых средняя нормальная смертность не превосходит 12% в год.

Ниже приводится показание свидетеля тех лишений, которые заключенным приходится испытывать в Потгефстроме.

Общество «Взаимопомощь» в Гааге снарядило и послало несколько сестер милосердия в Южную Африку для ухода за женщинами и детьми в лагерях.

Одна из них, по прибытии в лагерь под Кимберлеем, пишет 5 мая: «У нас плохая пища, нет постелей, женщинам и детям выдано по одному одеялу и они спят на голой земле. Здесь заперто 1 200 чел.— мужчин, женщин и детей; среди последних свирепствует корь; смертность очень велика, за 12 дней моего пребывания умерло 5 детей. За 3 месяца существования лагеря умерло 27 детей и т. д.

Известия о Девете.

Долгое время уже ничего не было слышно о Девете; по последним сведениям он находится с 1 000 чел. в Гастранде. Последний тянется к югу от железно-дорожной линии в Потгефстром; он берет начало

к северу от Фредерикстад, сворачивает к северо-востоку и оканчивается у Эльсбурга, южнее Иоганисбурга, где по другую сторону железной дороги находится Сойкербосранд, по направлению к Хейдельбергу. Гастранд является отличной местностью для действия буров; на него возлагали большие надежды в мае 1900 г., после перехода англичан через Вааль; надежды эти не оправдались, вследствие дезорганизации и паники, охватившей в то время бурские коммандо. Занятие этой местности Деветом с сильным отрядом имеет тем большее значение, что к северу в гористой местности между Витвашерсрандом и Магалийскими горами стоит Деларей; так что англичане, поставленные между двух огней, должны будут напрячь все усилия, чтобы удержаться в западном Трансваале.

Прибытие Девета из Оранжевой республики в Трансвааль подчеркивает еще более успех, одержанный бурами у Блакфонтейна, правда, ценою серьезных потерь.

Странные порядки, которые можно объяснить или полнейшей неурядицей в английских военно-административных сферах, или скудностью наличных денежных средств, обнаруживает капштатская газета «Cape Times», вообще известная, как шовинистский, бурофобский орган. Отбывшие срок службы чины иррегулярных войск толпами осаждают правительственные конторы в Капштате, требуя обещанное жалованье за истекшее время, но никто не спешит удовлетворить их справедливые претензии: заслуженные тяжелым походом деньги задерживаются без всякой причины правительством иногда за многие месяцы. Более того, многие волонтеры, выступая в поход, делали распоряжение, чтобы полагающееся им жалование высылалось их семьям, и думали, что они, таким образом, обеспечивали существование семьи. Возвращаясь же из похода, они узнавали, что семьи их, ничего не получая от правительства, впали в нищету и должны были обращаться к общественной благотворительности и государственной помощи, так что первое, что их встречало дома, было напоминание из суда о возврате денег, истраченных на содержание семьи.

Миллер.

Письмо военного агента в Лондоне полк. Ермолова управляющему делами военно-ученого комитета, 19/6 декабря 1901 г.

В настоящем донесении я хотел бы представить вашему превосходительству, вкратце, отчет о том общем положении дел, которое я застал в Англии после моего возвращения из России.

Разобраться в истинном положении дел среди массы разноречивых толков, газетных, общественного мнения и тех лиц, которых я успел повидать, несколько трудно, но представляемые сведения, впечатления и выводы не далеки от истины.

Прежде всего должен доложить, что я застал здесь в Лондоне, относительно хода войны, довольно странное, радостное и оптимистское настроение: те самые лица, которые в первые периоды войны относились к ходу военных дел, к распоряжениям английского военного министерства и даже к деятельности армии в Южной Африке весьма мрачно и критически, теперь как бы переменили тон и не без некоторого злорадства уверяют, что война идет весьма успешно, что система блокгаузов Китченера быстро ведет войну к концу, что все толки и слухи о болезни и усталости Китченера, (а также о его возвращении) несправедливы, что слухи об утомлении войск неверны, что Китченер сильнее чем когда-либо, что правительство полно энергии и решимости довести дело до скорого конца, т. е. до безусловной

сдачи или уничтожения всех буров, и что вообще успешный конец не далек. Говорят еще и многое другое — что успешное окончание войны вернет в пределы Англии весьма улучшенную армию, что война выработала теперь много энергичных и опытных полевых генералов и что вообще вся эта война не только не послужит к ослаблению военного могущества Англии и ее престижа, но, напротив, таковые усилит и поднимет, что бы об этом не думали и не говорили в Европе.

Оптимистское настроение подхватили в последнее время и здешние газеты, и даже лорд Локсдоун выражался так, что «в последнее время, дела пошли гораздо лучше».

Но дело в том, что этому течению оптимизма нельзя верить: оно поверхностное, оффициальное, деланное самим правительством, которому оно более чем когда-либо нужно по многим причинам: 1) во-первых, чтобы успокоить и образовать общественное мнение, которому война до крайности надоела; 2) во-вторых, чтобы поднять биржу и южно-африканские бумаги; 3) в-третьих, чтобы иметь что показать парламенту, открытие сессии которого приближается; 4) в-четвертых, чтобы испросить новые кредиты — якобы для более скорого окончания войны последним усилием; 5) в-пятых, для партийных целей, чтобы заткнуть рот либеральной партии.

Есть много доказательств такому выводу: во-первых, известия с театра войны объявляются кабинетом с крайним разбором: дурные известия по капле, хорошие — большими дозами; во-вторых, корреспонденции из Претории далеко не тождественны с радостными мнениями Лондона; в-третьих, само положение дел на театре войны не оправдывает английского оптимизма; в-четвертых опять решено отправить подкрепления, последний приказ о которых объявлен вчера.

Подкрепления. Число частей на театре войны к 1 ноября с. г. почти не изменилось: за исключением высланных в начале года отрядов иоманри и ездящей пехоты, выслано было из Англии, осенью еще только 2 полка кавалерии. Освежение армии командами пополнения шло безостановочно, примерно по 4 тыс. чел. в месяц. Число батальонов милиции на театре войны осталось то же, 30, но некоторые батальоны были привезены обратно в Англию и, для освежения, заменены другими. Кроме того, еще до 1 ноября было решено заменить 4 батальона и 2 кавалерийских полка, высланных в Южную Африку, в начале войны из Индии, таким же числом частей из Индии же (эта замена идет теперь), но таким образом, чтобы общее наличное число частей в Индии отнюдь бы не уменьшилось. Решено также возвратить в Индию часть ненужной на театре войны полевой артиллерии.

Таким образом, освежение армии шло весь год безостановочно: английское военное министерство несомненно делает все возможное, чтобы освежать войска на театре войны, обильно и безостановочно снабжает их всем необходимым и нельзя придавать слишком большой веры слухам о том, что английские войска на театре войны ныне утомлены, расстроены и деморализованы скучной продолжительностью борьбы. Тем не менее несомненно также, что войска эти по прежнему не проявляют большой наступательной энергии и, стоя по линиям железных дорог и блокгаузов, по прежнему лишены достаточной подвижности, задора (mordant) и способности к быстрому преследованию, кои столь необходимы для того, чтобы действительно разбить и сломить буров.

Но помимо этого, одним из признаков, идущих в разрез с оптимизмом Лондона, являются последние распоряжения об отправке еще

новых подкреплений. А именно, решено отправить еще около 1 200 чел., как то:

1) 2 батальона линейной пехоты
2) 1 200 чел. для гвардии,
3) 2 полка кавалерии,
4) 2 000 чел. иоменов,
5) 6 батальонов милиции,
6) Контингент из Канады (третий),
7) Контингент из Австралии.

Регулярная пехота садится уже теперь, но с иоменами будет опять много хлопот, так как их придется собирать и обучать и ранее февраля отправка их батальона по 500 чел. никак начаться не может.

Положение дел на театре войны. Положение генерала Луи Бота на позициях у Озер Крисси к северо-востоку от Эрмело, едва ли возможно признать совершенно слабым: позиции эти представляют собою трудно-доступный массив высот, с которого стекают реки по разным направлениям. Последние, довольно успешные операции английских подвижных колонн у Эрмело (которым здесь так радовались, видя в них предвозвестие близкого окончания войны) представляет собою, однако, не более как движения англичан вокруг да около самой позиции, которой англичане все таки атаковать не смеют. Теперь они строют ветви железной дороги к Каролине, и, как кажется, еще линию блокгаузов к востоку от позиции Крисси. Но на это нужно очень много времени и, кроме того, Бота имеет еще в своем распоряжении последний свой редюит — обильный продовольствием район к северу от линии Претория — Делагоа.

По оффициальным заявлениям Бродрика (ноябрь) линии блокгаузов очистили ныне 14 700 кв. миль в Трансваале и 17 000 кв. миль в Оранже, т. е. около 1/5 территории обеих республик. В Трансваале, линии блокгаузов тянутся: от Zeerust на Middleburg (северный фронт) от Middleburg'а на Standerton (восточный фронт) от Standerton'а на Klerksdorp (южный фронт Трансвааля) и от Klerksdorp'а на Zeerust (западный фронт). Внутри этих линий говорит Бродрик, партий буров нет. Но это несправедливо: буры продолжают проникать через линии. В Оранжевой республике линия блокгаузов тянется от Кимберлея через Винбург на Блюмфонтейн — Ladybrand. По заявлению Бродрика, к югу от этой линии, территория Оранжевой земли очищена от буров. Но и это неверно; не очищена от буров и Капская колония. Бродрик исчисляет, что ныне, вне указанных линий, остается до 10 000 чел. разрозненными партиями буров. Этим 10 000 нет никакого повода прекратить сопротивление и вышеуказанную краткую картину положения никак нельзя назвать для англичан блестящей в смысле скорого окончания войны. Напротив — и это несомненно сознает и самый кабинет, война будет принимать все более и более хронический характер, не говоря уже про то, что может вспыхнуть, когда пленные буры будут возвращены.

Некоторые лица здесь усматривают благоприятный для Англии признак в том, что много, будто бы, бюргеров стало в последнее время в ряды английской стороны, служа проводниками, разведчиками и проч., и что они, будто бы, начинают склонять прочих буров прекратить борьбу. Слухи о таком факте, правда, есть. Но здесь та подкладка, что эти люди — изменники, которых англичане подкупают, платя им огромные деньги.

Корреспонденции из Претории далеко не разделяют того искусственного оптимизма, который здесь поддерживается правительством.

Они постоянно предупреждают, что на скорое окончание войны нельзя рассчитывать, что очистка территории системой блокгаузов есть процесс чрезвычайно медленный, не всегда надежный, требующий огромного числа людей, так что на театре войны нужны подкрепления еще и еще.

Несмотря на тот оптимизм, который англичане теперь стараются распространить по всему свету, есть основание полагать, что Англия попрежнему продолжает бояться этой войны, ее политических и военных трудностей и того почти безвыходного, хронического положения дел, к которому она ведет Англию. Признак такой боязни можно усмотреть даже в таком вопросе, как известный вопрос о концентрационных лагерях: концентрационные лагери были несомненно созданы, не из за человеколюбивых целей, но по соображениям совершенно иным, именно, чтобы обезопасить и прикрыть свои железные дороги, потерять которые англичане так боятся.

Затем, казалось бы, что англичане совершенно ошибаются, надеясь, что известия о «решимости», «оптимизме» и проч. английского правительства начинают теперь доходить до буров (напр. через тех изменников, которых англичане подкупают в качестве «разведчиков») и скоро убедят их в безнадежности сопротивления. Такие надежды здесь высказываются даже в разговорах. Но на самом деле известия о том, что делается или говорится в Лондоне ровно никакого значения и влияния на буров не имеют, да и иметь не могут. Положение Англии перед лицом южно-африканских дел по прежнему трудное, и, если ваше превосходительство позволите мне в заключение высказать личное предположение, я иногда склонен думать, несмотря на здешний оптимизм, что если только англичане потерпят еще какую нибудь крупную неудачу, и если после этого какая либо держава, напр. Соединенные Штаты, предложила бы им, осторожно и тактично, посредничество, то Англия не прочь была бы выслушать такие предложения.

Н. Ермолов.

Ларга и Кагул

(материалы о полководческой деятельности Румянцева-Задунайского)

Летом текущего года исполнилась 170-летняя годовщина сражений при Ларге и Кагуле, составляющих, наряду с замечательнейшими победами русской армии, гордость нашей военной истории. «Сражение при реке Кагуле,— говорит старинный биограф Румянцева,— походит более на баснословное, нежели на действительно историческое; ибо семнадцать тысяч Россиян побили на голову полтораста тысяч турков, отразив сто тысяч татар, угрожавших с тылу» [1]. «Турки потеряли тогда сорок тысяч человек и надежду победить когда-либо Россиян» [2].

Не только русские современники и ближайшие потомки Румянцева оценивали так значение его победы; очень скупой на похвалы Фридрих II нашел необходимым обратиться к победителю при Кагуле с письмом, в котором говорил: «Полная победа, которую одержали вы над турецкою армиею, приносит вам тем более славы, что успех ее был плодом вашего мужества, благоразумия и деятельности... Мне весьма приятно, что племянник мой [3] и мои чиновники могут под руководством вашим воспользоваться теми достопамятными примерами, которые вы подаете им. Мое уважение и дружество к вам совершенны» [4].

Основной предпосылкой блестящих успехов полководческой деятельности Румянцева (не говоря о личных его талантах) явилось правильное понимание им характера и качеств русского войска. В противовес западной военной доктрине, рассматривавшей армию, как бездушную машину, Румянцев, подобно Суворову, видел в своих солдатах защитников отечества, верил в их внутренние силы, самоотверженность, доблесть. И надо признать, что его армия действительно «предпочитала славу оружия пред всеми земными выгодами» [5]. «Я прошел все пространство степей до берегов Дуная, сбивая перед собою в превосходном числе стоявшего неприятеля, не делая нигде полевых укреплений, а противопоставлял бесчисленным врагам одно мужество и добрую волю вашу, как непреоборимую стену» [6],— говорил Румянцев солдатам, благодаря их после Кагульского сражения.

Со своей стороны, он справедливо гордился тем, что армия считает своего главнокомандующего «прямым солдатом» (стр. 191).

Как отметил старый анонимный автор, фельдмаршал, «поспешествуемый естественным гением, совершенно знал образ мыслей своих солдат, и сему-то сведению должно приписать благоразумные перемены его в тактике Евгения и Монтекукулия, принятой российскими военачальниками» [7].

---

[1] Бантыш-Каменский, Д. Словарь достопамятных людей русской земли, ч. IV, М. 1836, стр. 360 (действительная цифра русских, решивших участь сражения, была несколько больше).

[2] Анекдоты, объясняющие дух фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайского, СПБ, 1811, стр. 11—12.

[3] Принц Брауншвейгский.

[4] Цит. по переводу А. Петрова (Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769—1774 г., т. II, СПБ, 1866, 263—264).

[5] Журнал военных действий 1770 г. СПБ. (издание не имеет пагинации).

[6] «Русский инвалид», 1835 г., № 54.

[7] Анекдоты... СПБ, 1811, стр. 23.

Портрет Румянцева
(с портрета Левицкого)

В своей оценке армии, в отношении к ней и вытекавших отсюда стратегических и тактических принципах, Румянцев, прекрасно знакомый с военной доктриной Западной Европы, выступал, как носитель национального военного искусства. В этом отношении он является продолжателем дела Петра I, сумевшего сочетать особенности национального русского войска с опытом и техникой передовых европейских армий.

Занимаясь проблемой постоянной армии, ее отношениями к государству и, обратно, государства к армии,— Румянцев, в своем замечательном докладе, представленном в мае 1777 г., высказал положения, далеко выходившие за рамки современной ему западно-европейской мысли и полностью учитывавшие национальные особенности России и ее армии [1].

«Часть воинская, удельно от других с одного почти времени, по некоторым предположениям в Европе, всем державам сделалась необходимо надобною,— писал Румянцев;— но по неравенству физического и морального положения не могли они ни в количестве, ни в качестве быть одна другой подобны, и познав от сего воинского удела другим частям в государствах тягость, употребляют они ныне все средства и способы к лутчей связи оных между собою, в чем одна известная [2] далее всех иных к большей своей пользе преуспела. Мы, кольми паче по своей великой обширности, разнообразному и большей частию дикому соседству, и в самых обывателях разноверию и разноправию, меньше всех сходствуя с другими, должны наблюдать, чтобы по мере пользы и выгод наших распространяться, и в приличном только иным подражать, а соразмерно способам и доходам своим ополчаться, и весьма уважать на источник, который мы по ныне один и к содержанию воинских сил имеем: я разумею народ, дающий для войска и людей и деньги, чтобы неразмерным и бесповоротным взыманием оный не оскудить и браться за средства такие, чтобы к поре грозящей и запас в деньгах иметь, и силы наши нечувствительно для самих умножать мы могли» [3].

Замечательно решая общие вопросы организации, положения и значения вооруженной силы, Румянцев вместе с тем сумел внести существеннейшие изменения и в области тактики,— прежде всего тактики войны с турками, что имело тогда для России первостепенное значение.

Обычный для европейских армий XVIII в. линейный строй оказывался вовсе неприменимым в борьбе с турками, действовавшими массой, в строю, напоминавшем македонскую фалангу. Если им не удавалось сразу прорывать ряды противника, они истощали его рядом последовательных ударов, а затем вводили в действие мощный резерв, составлявший до четверти общей численности. Таким способом они постоянно били австрийцев, упорно державшихся линейного строя. Наоборот, талантливый вождь венгерцев Гуниал и предводитель албанцев Кастриот, поняв необходимость применения для борьбы с турками глубокого строя, умели не только выдерживать натиск, но и разбивать противника.

Поскольку основную массу турецких сил составляла конница, действовавшие против турок войска строились в огромное, составленное из пехоты каре, усиленное по фасам и углам артиллерией; внутри помещались обозы, кавалерия и резерв; каре окружалось цепью скрепленных петлями и крючками рогаток. Это построение, лишавшее армию возможности активно действовать и приспособленное лишь для отражения атаки, применялось всеми европейцами, в том числе и русскими. Последние, однако, раньше других внесли сюда некоторые улучшения. Так, еще Миних применил построение в несколько больших каре с кавалерией в промежутках. Это давало, однако, не много преимуществ, тем

---

[1] Об особенностях русской армии и ее положении среди армий Европы в XVIII в. подробней см. в нашей статье «Стратегия и армии времени Семилетней войны» («Военно-исторический журнал», 1940, № 4), а также монографию «Семилетняя война», М. 1940).

[2] Пруссия.

[3] ЦВИА, ВУА, д. № 17775, ч. I, л. 2.

более, что почти треть сил (из внутренних фасов каре) во время боя оставалась неиспользованной.

Отказавшись от этого громоздкого и неуклюжего порядка, Румянцев вместе с тем отменил применение рогаток и ввел систему построения не только в крупные, но и в малые каре, обладавшие подвижностью и способностью активного действия в бою.

Взамен прежних принципов преимущественно оборонительной тактики он выдвинул принцип активного наступления. «Я того мнения всегда был и буду,— писал Румянцев в 1777 г.,—что нападающий до самого конца дела все думает выиграть, а обороняющийся оставляет в себе всегда страх соразмерно сделанному на него стремлению. Не полагаю я отнюдь быть и правилом, чтобы всегда надобно равное противу равного употреблять оружие; а держусь того, чтобы своим превозмогать над противника» [1].

Основной силой армии Румянцева оставалась пехота, которую тщательно обучали и таким образом сделали способной к маневрированию и быстрому наступлению. Крупную роль играли стрелки-егеря, располагавшиеся впереди боевых построений. На «цельность» стрельбы было обращено серьезное внимание. Большее значение, чем раньше, приобрела артиллерия, работа которой тесно увязывалась с действиями других родов оружия. «Пехота надлежит при всяком случае, где приказано будет, на неприятеля наступать,— говорил Румянцев,— а особливо на овладение батарей и окопов, держа весь порядок строя... итти поспешно, чтобы не медлить под неприятельским огнем, который артиллерия должна своими ужасными залпами к молчанию привесть. Искусство артиллеристов наставит их производить огонь в содействие и облегчение одного перед другим, больше терпящего огонь неприятельской, а особливо стараться, открыв неприятельские линии, их анфилировать».

Ряд улучшений был введен Румянцевым в кавалерию, хотя она все еще была недостаточно сильна для самостоятельной борьбы с мощной турецкой конницей и, нуждаясь в поддержке пехоты, помещалась в промежутках между каре. Признавая основной целью кавалерии — действие холодным оружием в сомкнутом строю, Румянцев вместе с тем допускал возможность применения ею и огнестрельного оружия.

Резко была сокращена численность обоза, делавшего ранее невозможным быстрые передвижения армии, и отменена практика следования его непосредственно при войске. Введены были походные колонны. Наконец, Румянцев первый в русской армии применил глубокий строй. Все это вместе взятое позволило румянцевским солдатам, невзирая на огромное численное превосходство турок, «искать неприятеля, уничтожить все его покушения и чрез то доставить защиту и безопасность занимаемому краю» [2].

* * *

В начале мая 1770 г. I армия, которой командовал генерал-аншеф П. А. Румянцев, сосредоточилась у Каменец-Подольска. Отсюда 12 мая она перешла в Хотин. Часть войск (6 пехотных и 4 кавалерийских полка) остановилась здесь; остальные, задержанные ненастьем и непроходимостью дорог, 25 мая выступили на Липчаны и далее вниз по течению Прута. Вторая армия, под командой гр. П. И. Панина, к 12 мая сосредоточенная в Елизаветграде, выделив сильный отряд под командой генерала Прозоровского к Очакову, повела наступление к Бугу, переправилась через него 11 июня и в конце месяца подошла к Днестру.

Предстояло оперировать против мощной турецкой армии, сосредоточившейся у Исакчи на нижнем течении Дуная. Ею командовал вновь назначенный визирь Халиль-паша. В помощь ему, у Кишинева, собралось до 50.000 татар, возглавляемых крымским ханом Каплан-Гиреем, посаженным султаном на место Дев-

[1] «Присоединение Крыма к России», т. I, № 832.
[2] «Журнал военных действий 1770 г.».

лет-Гирея. Попытка турок навести мост через Дунай оказалась неудачной вследствие сильного разлива реки. Ввиду этого визирь послал в помощь хану флотилию с сильным подкреплением.

Усиленные таким образом татары сделали попытку переправиться на правый берег Прута, но, встретив непреодолимое препятствие в прибрежных болотах, двинулись вверх по течению, намереваясь форсировать реку выше Фальчи. При этом они столкнулись с авангардным корпусом I армии, которым командовал ген. Штофельн[1], вскоре умерший и сменённый генералом кн. Репниным. 15 июня в стычке с вторым авангардным корпусом под командой генерал-квартирмейстера Баура передовые татарские части были отброшены и отступили к своим главным силам, стоявшим у Рябой Могилы.

Румянцев решил атаковать здесь противника, численность которого достигала 70.000 ч., из них 20.000 турок, при 44 орудиях, силами своей 38-тысячной армии (около 34.000 строевых).

В ночь с 16-го на 17-е главные силы Румянцева перешли долину Бужур, тогда как колонна Репнина, поддержанная конницей Салтыкова, переправившись за ручей Калмазуй, направилась в обход противника к верховьям долины Чора для того, чтобы ударить в его правый фланг с северо-востока. Сюда же, через мост, устроенный ночью на реке Пруте, был двинут отряд подполковника Фабрициана, входившего в состав частей генерала Потемкина и имевшего задание ударить на противника с тыла (с запада). Авангард Баура, поддержанный всей пехотой главных сил, должен был повести атаку с севера.

Наступление началось рано утром 17-го. Части Баура и главные силы быстро сбили передовые войска противника и захватили высоты, позволявшие взять под обстрел лагерь. Неожиданность нападения внесла сильное расстройство в ряды противника, который сконцентрировал внимание на наступавших с севера силах Баура и лишь с большим опозданием заметил движение обходных колонн. Хан поспешил отправить в тыл свои обозы и бросил конницу на наступавшего с северо-востока противника. Отброшенная Репниным, она была направлена против частей Румянцева, но и здесь была решительно отброшена, после чего татары и турки обратились в поспешное бегство.

В условиях пересеченной местности, преследование, продолжавшееся почти 20 верст, не могло дать особенных результатов.

На месте лагеря было убито до 400 турок и татар, тогда как русские потери не превышали 50 ч. выбывшими из строя.

Сражение представляло образец редко применявшегося вообще и ранее совершенно необычного для русской армии действия группами, имевшими самостоятельные цели, подчиненные общему плану. Армия показала хорошую способность к маневрированию, а ее главнокомандующий сумел к наиболее острому моменту сконцентрировать почти все свои силы на осуществление операции. Чрезвычайно умно задуманный план обратил пехоту главной армии в своего рода резерв, который, поддерживая части Баура, предназначался в то же время для самостоятельного действия. Очень интересна решительная активность, резко противоречащая ранее обычной для русских оборонительной или активно-оборонительной тактике.

Победа при Рябой Могиле обеспечивала связь I армии со II и возможность наступления по реке Пруту.

Положение армии Румянцева однако оставалось сложным, так как турецкое командование, владея обоими берегами Дуная и Серета, имело возможность развивать наступление между этими реками, установить связь со своими подсобными силами в Валахии, а татарскую конницу направить на сообщения I армии. Главнокомандующий II армии гр. Панин проявлял между тем крайнюю осторожность, и Румянцев, с соблюдением всяких дипломатических приличий, пытался активизировать его действия и улучшить информационную связь.

[1] Проявивший себя, как энергичный и талантливый командир во время Семилетней войны.

Поскольку к 15 июля Панин еще не подошел к Бендерам, левый фланг I армии оставался незащищенным. Несмотря на это Румянцев, выделив для охранения важнейших направлений отдельные отряды, начал наступление по берегу Прута к нижнему течению Дуная и 30 июня подошел к Фальчам. Здесь выяснилось, что крупные силы неприятеля сосредоточены не более, чем в 25 верстах перед русскими авангардами, между левым берегом Прута и рекой Ларгой. Румянцев направил сюда соединившиеся к 1 июля авангардные корпуса Баура и Репнина. 4 и 5 июля неприятельская конница пыталась атаковать эти части, но успеха не достигла.

Турецко-татарский лагерь, расположенный при слиянии Ларги с Прутом, имел прекрасные естественные укрепления. Противник, отброшенный от Рябой Могилы, чувствовал здесь себя в безопасности, тем более, что во время отступления он был подкреплен сильным отрядом молдавского сераскира Абда-паши и располагал теперь численностью до 80.000 человек. Как только армии визиря удалось переправиться у Исакчи, следовало ожидать объединения обеих групп. Необходимо было воспрепятствовать этому.

Сосредоточив свои войска и оставив лишь небольшие силы для охраны мостов у Фальчи, Румянцев предложил военному совету составленный им план наступательной операции, получивший общее одобрение и изложенный в диспозиции (стр. 176).

Располагая силами до 38.000 ч., Румянцев направил основную массу своих войск (32—33.000 ч.) на фланг вражеского расположения со стороны долины Ларги и Бабикула, тогда как для действия на фронт предназначалось всего 6.000 ч.

Переправа была удачно осуществлена, но не осталась незамеченной неприятелем. Справа вдоль долины Ларги наступали каре Репнина и Потемкина, прикрытые спереди и справа косой линией егерей, а левее — большое каре под командой Баура с егерями на флангах. Позади двигались главные силы Румянцева, построенные в «тонкие» каре, близкие к линейному построению. В интервалах между каре наступала регулярная кавалерия; легкая конница охраняла левый фланг Баура. Наступавшие на фронт части Племянникова были построены в два каре с помещавшейся между ними кавалерией. Этим силам была поручена ответственная и тяжелая задача привлечь к себе внимание противника и, таким образом, облегчить успех флангового удара.

Наступление началось около часа ночи с 6 на 7 июля переправой по мостам, наведенным через реку Ларгу. К 4 часам каре Баура, Потемкина и Репнина, сбив передовое охранение противника, подошли к оврагу, прикрывавшему лагерь с этой стороны. Из расположенного за оврагом сильного укрепления турки открыли орудийный огонь. Выслав в помощь наступающим полевую артиллерию в составе 17 орудий под командой генерала Мелиссино, Румянцев приказал, после артиллерийской подготовки, начинать атаку правого фланга. Своими силами он обеспечивал тыл и левое крыло атакующих.

7 батарей в составе 60 орудий открыли огонь по лагерю. Угрожаемые с фланга и с фронта турки выслали долиной Бабикула сильную татарскую конницу, которая имела целью напасть на фланг и тыл двинувшихся в атаку русских. Чтобы воспрепятствовать этому, Румянцев выдвинул пехотную бригаду и батарею полевой артиллерии, которая взяла под обстрел долину. Сюда же была направлена конница Салтыкова. Поручив командование резервом ген. Олицу, а левый фланг — ген. Брюсу, Румянцев присоединился к атакующим корпусам.

Артиллерийский обстрел тыла противника батареями, расположенными в интервалах между каре, не прекращался; в то же время мощная батарея Мелиссино громила турецкий фронт. Часть войск Потемкина под командой бригадира Ржевского атаковала неприятеля с тыла и вскоре части Репнина ворвались в лагерь, захватив его правый фланг.

Оба каре Племянникова, обеспеченные с флангов егерями, а с тыла конницей, атаковали фронт противника. Они встретились с жестокой контратакой, которая, однако, оказалась безуспешной.

К этому времени татарская конница в долине Бабикула, расстроенная артиллерийским огнем и контратакой кавалерии Салтыкова, обратилась в бегство и, врываясь в лагерь, посеяла здесь дикую панику. К 12 часам дня неприятель бежал. Дезорганизованные толпы переполнили восточный край долины Прута и самый берег реки. Конница скакала по долине Бабикула. Русская артиллерия обстреливала отступавших.

Турки потеряли около 1000 ч. убитыми,— русские не более 100 выбывшими из строя. Победители заняли лагерь, получив в добычу 30 медных пушек, 3 мортиры, 8 знамен и все имущество бежавшего неприятеля.

Нельзя не признать, что победу русским дали не только обычное их мужество и стойкость, но также замечательно составленный и осуществленный Румянцевым план сражения.

«Бой при Ларге имеет очень большое сходство с сражением при Иссе, но не копия его,—в этом и состоит гений полководца» [1].

Бежавшие из Ларгенского лагеря турки отступили по течению реки Кагула и стали лагерем близ Кагульского озера, а татары отошли за реку Салчу к Измаилу и Килии.

Овладение областью между течениями Прута и Днестра могло быть прочным лишь при условии захвата Бендер, Карталы, Измаила, Килии, Татар-Бунара и Аккермана. Армия гр. Панина попрежнему действовала нерешительно. Левый фланг I армии все еще не был обеспечен ею; под еще большей угрозой находились с этой стороны сообщения Румянцева. Последнее обстоятельство имело особо угрожающий характер, так как продовольствия нехватало, и Румянцев, не желая терять свои коммуникации, впредь до прибытия транспортов, не мог продолжать наступление. Скованный этими условиями, он не имел возможности всеми силами двинуться к северу и помешать визирю переправиться через Дунай. Высланный Румянцевым авангард Баура к 10 июля занял деревню Гричени на реке Кагуле, тогда как визирь, наконец, отказавшись от постройки моста, переправил свою армию на судах и к 11 июля стал сосредоточиваться у озера Кагула.

Направив свои обозы к Фальчам для встречи с транспортом и поддерживая связь с Бауром посредством корпуса Репнина, Румянцев отвел свои главные силы в богатую продовольствием долину Салчи и остановился на правом берегу реки возле Али-Мурзы. Направившись затем вниз по течению, он дошел до деревни Мусанту, в то время как Репнин соединился с Бауром.

Положение в долине Салчи обеспечивало Румянцеву связь с Фальчами и Бендерами, держало под угрозой татарскую конницу и в то же время позволяло быстро соединиться с частями Баура и Репнина.

* * *

16 июля 40 пушечных выстрелов в турецком лагере у Кагула возвестили прибытие визиря к его армии.

Объединенные силы противника достигали 150.000 ч. (не менее 100.000 конницы и 50.000 пехоты). Левее озера Ялпуха держался хан со своей восьмидесятитысячной конницей, делавшей попытки прервать сообщение русских с Фальчами и, переправившись через Салчу, ударить в тыл русских. Зажатая с флангов между озерами Ялпух и Кагул, начинавшая испытывать острый недостаток в провианте, русская армия находилась в положении, которое Румянцев охарактеризовал позднее, как критическое.

Наиболее простым выходом казалось отступление на соединение с транспортами; затем, выбрав удобную позицию и укрепив ее, можно было ожидать турецкой атаки. Румянцев поступил как раз наоборот. 17 июля он двинул свои войска к Кагулу и соединился с корпусами Баура и Репнина у деревни Гричени.

---

[1] Дубровин, Суворов среди преобразований екатерининской армии, СПБ., 1886, стр. 63.

Эта позиция исключала возможность соединения войск хана и визиря. Особо выделенный отряд под общей командой полк. Волконского остался на правом берегу Салчи для прикрытия транспортов. Уже при начале движения Румянцева сильный (до 7.000 всадников) татарский отряд напал на транспорт, следовавший от Фальчи, но был отброшен стремительной атакой Волконского. Несмотря на успех, положение на этом участке становилось угрожающим, и Румянцеву пришлось выслать сюда дополнительные подкрепления, поднявшие численность тыловой группы до 11.000 ч. Таким образом главная армейская группа у деревни Гричени оказалась значительно ослабленной: Румянцев располагал здесь не более, чем 27.000 ч. (при 188 орудиях).

К югу от русского расположения тянулся вал — остаток римских сооружений, известный под именем Траянова вала. В направлении к нему 20 июля стали появляться массы турок, имевших намерение перенести лагерь ближе к валу. «Перед утром, прославившим навсегда войска российские, турки переменили выгодное свое местоположение, и показывая вид, что приготовляются к сражению, остановились и хотели располагаться станом. Румянцев, смотря в сие время в зрительную трубу, сказал бывшим с ним чиновникам: «Если турки осмелятся разбить в сем месте хотя одну палатку, то я их в сию же ночь пойду атаковать» [1].

Новый турецкий лагерь занимал прорезанное несколькими параллельными гребнями возвышенностей тесное пространство, ограниченное на западе рекой Кагулом, на востоке широкой лощиной, которая на юге подходила к долине Прута. Здесь оставалось свободное пространство шириною около полуторы версты. Армия сосредоточилась в углу мешка, образуемого течением Прута и лощиной, заняв также командную высоту выходившего здесь гребня. Не довольствуясь естественной защитой лагеря, визирь приказал возвести вокруг искусственные укрепления. В одну ночь по фронту были построены 4 яруса окопов ломанных очертаний с выдвинутыми вперед 5 рвами. Свой открытый фланг турки, однако, не успели укрепить.

Основное удобство позиции заключалось в том, что конница, составлявшая главную силу турок, могла удобно передвигаться по лощинам между гребнями высот, тянувшимися параллельно Пруту к югу, т. е. к выходу, оставшемуся между лощиной и течением Прута. Это позволяло атаковать русских в любых направлениях. Теснота позиции, ее изрезанность гребнями, незащищенность правого фланга составляли ее основные невыгоды.

План атаки, выработанный Румянцевым, был прост. Корпусу Баура и дивизии Племянникова предписано было итти по крайнему со стороны Прута гребню. Корпуса Брюса и Репнина направлялись по двум другим хребтам и, действуя совместно с первой дивизией Олица, имели приказ, перейдя через Траянов вал, ударить на левый фланг турок. Часть сил Брюса и Репнина предназначалась для атаки центра.

Наступление началось около часа ночи. Войска были выстроены в отдельные каре. Ввиду топографических особенностей местности левофланговым частям Брюса, недалеко за Траяновым валом, пришлось сблизиться с Репниным; между обоими каре двигалась конница. В этой группе, предназначенной для атаки фронта и, отчасти, левого фланга, было до 8.000 ч. Части Баура, Племянникова, Олица и кавалерия Салтыкова составляли группу основного удара на фланг, численностью около 20.000 ч., или несколько менее [2]. Около 5 часов утра русские миновали Траянов вал. Турецкая артиллерия встретила их жестоким огнем, а конница, ринувшись по лощинам, проникла между двумя группами на левом фланге, окружила Брюса и Репнина, прорвалась за Траянов вал и получила возможность ударить в тыл частей Олица. Ее действия были, однако, парализованы

[1] «Анекдоты, объясняющие дух фельдмаршала Румянцева», СПБ., 1811, стр. 34.
[2] Румянцев, говоря о том, что выиграл сражение с 17 тысячами человек, подразумевал именно эту группу.

Румянцевым, при помощи пехотного резерва охотников и артиллерийского огня. Каре Племянникова, передвинувшись влево, загородило лощину и восстановило связь с Бауром, в то время как каре Олица угрожало путям отступления турецкой конницы. Особенно тяжелым оказалось положение лево-фланговой кавалерии. Для прикрытия ее с тыла было выдвинуто 2 батальонных гренадерских каре и 6 орудий.

Русские перегруппировки и особенно артиллерийский огонь «столько устрашили неприятеля, что оной под конец, боясь быть отрезан от своего лагеря, обратился во всю лошадиную прыть с криком к оному провождаем будучи от нас нажесточайшею пушечною стрельбою, которая порывала в густых толпах великим числом всадников...» (стр. 189).

К 8 часам утра связь между наступающими частями была полностью восстановлена, и они продолжали движение: впереди центра — каре Племянникова, левее, отступя назад, каре Олица, далее кавалерия Салтыкова и резерв. Когда, около 9 часов утра, русские подошли к лагерю, турки усилили огонь с укреплений.

Ответная канонада русских орудий быстро стала приводить в молчание турецкие батареи. «В то самое время, тысяч до десяти или более янычар, вышед из своего ретранжамента, неприметно спустились в лощину, примыкавшую к их левому флангу, близ которой шел своим кареем ген.-поручик Племянников» ...и внезапно «ударили на правый того карея фас и в самой угол оного, который составляли пехотные Астраханский и Первомосковский полки. Едва первой плутонг Астраханского полка мог выстрелить, то янычаре, смяв его, одни ворвались внутрь карея, а другие вдоль пошли на правом фасе и силою своею превосходною зажали те полки и другие того карея» (стр. 190). Смешавшиеся части Племянникова, в беспорядке отступая, бросились к каре Олица, угрожая расстроить и его в то время, как перед фронтом последнего появились толпы янычар.

В этот критический момент личное вмешательство Румянцева сыграло огромную роль. Он остановил бегущих; побуждаемые им солдаты Племянникова обернулись к наседавшим на них янычарам, построились и сдержали натиск. При этом особенно отличился первый гренадерский полк.

Совместным действием пехоты, артиллерии и конницы русские отбросили противника. Восстановленное каре Племянникова, преследуя бегущих янычар, ворвалось в лагерь, атакованный к этому времени с левого фланга частями Баура, а затем Репнина. Последнее обстоятельство обеспечило успех фронтальной атаки, тотчас подкрепленной солдатами Олица, тогда как каре Брюса атаковало правый фланг турок. Менее, чем в течение часа, русские, яростно тесня противника, захватили его лагерь. Турки панически бежали частью по долине Кагула, частью в направлении на Измаил.

Для преследования их Румянцев выслал корпус Баура, который к 23 июля подошел к Карталу против Исакчи. Здесь бежавшая турецкая армия, при помощи 300 судов, беспорядочно переправлялась на другой берег. Открыв артиллерийский огонь, Баур повел атаку в линейном строю. Турки сдались. Визирь выслал на помощь суда. Часть сдавшихся бросилась к ним.

Баур возобновил артиллерийский и ружейный огонь, нанося противнику жестокие потери, взял множество пленных, остатки обоза, припасов и артиллерии. Несколько кораблей было затоплено.

Турок, бежавших в направлении на Измаил, гнал отряд Игельстрома, который успел захватить мосты, лежавшие на пути отступающих, и весь их обоз.

В результате сражения при Кагуле турки потеряли всю свою артиллерию, обозы и снаряжение. «Неприятельской урон считать мы должны, по крайней мере, до двадцати тысяч, хотя пленные и из-за Дуная после пришедшие уверяли за подлинно, что турки чувствуют оной в сороке тысячах, наипаче своей пехоты, кроме погибших в лагере. Ретранжемент и пред оным, где их по исчислению погребено тысяч до трех, по пути, где нас атаковала конница и вдоль

за лагерем верст, по крайней мере, на семь кучами лежали побитые тела в превосходнейшем пред сказанным числе, коим щету не делано» (стр. 191).

Русские во всей операции потеряли не более 1 000 ч.

Кампания 1770 г. достойно увенчала решительную и последовательную стратегию Румянцева, проявившего себя вместе с тем, как замечательный тактик. Без колебаний осуществляя свой план наступления, Румянцев ставил основной целью сокрушение живой силы противника: при Рябой Могиле, отчетливее при Ларге и с полным успехом при Кагуле, не стремясь, подобно полководцам своего времени, теснить его маневрированием, уклоняясь от решительных сражений. В этом он показал образец, близкий тем, которые дал Суворов, а позднее Наполеон.

Подобно им Румянцев с большой четкостью стремился к полной концентрации своих сил к моменту удара, и только необходимость защиты своего тыла, куда прорывались крупные татарские отряды, вынудила его выделить сюда перед Кагулом значительные части.

В основу плана сражения при Кагуле был положен решающий удар в одном направлении (левый фланг) при подсобном значении фронтальной атаки, имевшей целью главным образом отвлечь и сковать силы противника, а затем развивать успех главного удара. Должна быть отмечена слаженность действий всех родов оружия и умелое пользование резервом — обстоятельство, вовсе необычное для армий XVIII в. Конкретная обстановка сражения потребовала некоторого изменения плана. Румянцев, державший в своих руках все управление боем, успешно осуществил это.

Начальники его частей показали уменье быстро ориентироваться и координированно действовать, а армия — способность к маневрированию, настойчивость и самоотверженное мужество. Стремясь на случай неудачи обеспечить своей армии возможность отхода, Румянцев сознательно ограничился избранным им, и как будто менее выгодным, направлением атаки.

Отказавшись от возможности, в случае удачи, опрокинуть турок в сторону Прута и лишить их этим всяких путей отступления, Румянцев компенсировал это энергичным преследованием противника — так, как это не умели делать ни русские, ни западные предшественники этого старшего соратника Суворова.

Развивая полученный успех, Румянцев, вслед за Игельстромом, 23 июля направил к Измаилу корпус Репнина, подкрепленный войсками Потемкина, 26 русские овладели Измаилом и продолжили наступление. 10 августа была взята Килия, а 28 — Аккерман. 16 сентября пала крепость Бендеры; 10 ноября — Браилов, последний важный опорный пункт противника на Дунае, перешел в руки русских. Господство на пространстве между Дунаем, Прутом и Днестром было обеспечено; оставив гарнизоны в стратегически важных пунктах, армия Румянцева расположилась на зимние квартиры в окрестностях Ясс [1].

---

[1] Баиты ш-Каменский, Словарь достопамятных людей русских светского чина, ч. IV, М. 1836; Богданович, М. Н. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции, СПБ., 1852; Брикнер Г. А., История Екатерины II, 1885; Барсуков, Письма братьев Орловых к гр. Румянцеву, 1764—1778 г. СПБ., 1898; Гейсман и Дубовской, Гр. П. И. Панин; Дневник Каульбарса, «Журнал им. Русского военно-исторического общества», 1910, т. I; Переписка графа П. А. Румянцева с гр. П. И. Паниным 1765—1771 г. и Н. В. Репниным в 1795 г.; «Сб. Русск. истор. об-ва», тт. 9 и 16 (в последнем томе также переписка о другими лицами); Переписка имп. Екатерины II с гр. П. А. Румянцевым, М. 1805; Переписка имп. Екатерины II с разными особами, М. 1807; Сазонович, Жизнь, характер и военные действия гр. П. А. Румянцева, М. 1803; Селифонтов Н. Н., К биографии гр. П. А. Румянцева. «Чтения в Об-ве Истории и Древностей Российских», 1859, кн. 3; 1861, кн. 1; 1865, кн. 1 и 2; 1866, кн. 1; 1868, кн. 1; 1869, кн. 1; 1875, кн. 1; 1876, кн. 1 и 2; 1891, кн. 1; Сумароков, А., Обозрение царствования и свойств имп. Екатерины Великой, СПБ, 1862. Русский биографический словарь; Beitrag zur Geschichte des gegenwärtigen Krieges zwischen dem Russischen und Türkischen Reiche; alsauch zuverlässige Nachrichten von der Schlacht bei Choczin 1769 und der bei Kahul 1770. Bréslau 1771; Boutourlin Colonel. Précis des événements militaires de la première

Публикуемые ниже материалы извлечены из дел Центрального Военно-Исторического архива. Значительная часть документов публикуется впервые. Так, например, ни разу не фигурировал в печати «Военной журнал российской I армии» (ЦВИА, ВУА, д. № 1869, ч. I, 33 листа). Этот краткий, если можно так выразиться, первоначальный, дневник особенно интересен тем, что предназначался для внутреннего пользования, а не для официальных выступлений. Мы вправе поэтому ожидать от него большей искренности, чем от второго документа, включенного в состав публикации. Этот «Белый журнал военных действий графа Румянцева с открытия кампании 1770-го и 1771-го по октябрь месяц» (ЦВИА, ВУА, д. № 1820, 466 листов), он представляет собой материал окончательно литературно и политически обработанный и предназначенный служить официальным документом. Он явился, в частности, основой для информационных статей в «С. Петербургских Ведомостях» и изданного вслед затем «Журнала о военных действиях... 1770 г.». Наряду с риторическими украшениями и сведениями, подлежащими критической оценке, он заключает в себе ряд важных, позднее полученных, данных (цифры потерь, трофеев, сведения о планах противника и пр.), отсутствующих в предварительном кратком журнале. Сопоставление этих двух документов не только дает более полную картину, но и некоторый критерий для оценки сообщаемых фактов.

Не менее ценен и «Журнал секретным ордерам, сообщениям и повелениям с авг. 1769 г. по 1770 г.»; тут же «два журнала писем главнокомандующему II армией, гр. Панину 1770 г.» (ЦВИА, ВУА, д. № 1866, ч. I, 453 листа) [1].

Проф. Н. Коробков.

---

guerre des Russes contre les Turcs sous le règne de l'impératrice Catherine, Petersbourg, 1822; Histoire de la guerre entre la Russie et la Turquie et particulierement de la Campagne de MDCCLXIX. Avec 9 cartes. St. Petersbourg, 1773; Vassif-Efendi. Précis historique de la guerre des Turcs contre les Russes depuis l'année 1769 jusqu'à l'année 1774. Paris 1822; Warnery de, Major-général. Remarques sur les militaires des Turcs et des Russes, sur la façon la plus convenable de combattre les premiers, sur la marine de deux empires belligerants... Breslau 1771; Resmi Achmed Efendi. Wesentliche Betrachtungen oder Geschichte des Krieges zwischen den Osmanen und Russen in den Jahren 1768 bis 1774. Aus dem Türkischen übersetzt... von H. Fr. Diez. Halle und Berlin 1813.

[1] Сражния при Ларге и Кагуле не могли не привлекать к себе внимания русских военных и общих историков. Уже анонимный составитель цитированных ранее «Анекдотов», в числе напечатанных им документов (писем, реляций и пр.) поместил также диспозицию боя при Ларге и ордер ген. Племянникову. Эти документы (не говоря уже о печатанных в «Журнале о военных действиях») далее издавались неоднократно, в том числе в цитированной работе Петрова. То же надо сказать и о диспозиции сражения при Кагуле. Известная публикация О. М. Бодянского (в ряде книг «Чтения Общества Истории и Древностей Российских»), Архив Военно-походной канцелярии графа П. А. Румянцева-Задунайского» (по списку М. О. Судиенко) почему-то не заключают в себе документов по интересующим нас событиям, за исключением ордера Ламсдорфу, реляций о победах при Ларге и Кагуле и писем Панину от 22 и 26 июля и более поздних, у нас отсутствующих (Чтение ОИДР, 1865, кн. 2, стр. 1—330; стр. 97—98; 94—100; 101—103 и др.). Надо отметить, что указанные письма были опубликованы ранее в «Опыте обозрения жизни сановников», соч. Терещенка, ч. 2, стр., 169. Некоторые, касающиеся Ларги и Кагула документы, опубликованы Масловским, Михневичем и др. в их трудах; ряд материалов находим в Сборниках Русского исторического общества и пр.

В состав публикации не включены реляции Румянцева имп. Екатерине и рескрипты ему (хранятся в собрании ЦВИА), так как они не дают существенных дополнений к нашим документам и известны по неоднократным публикациям; опущены и расписания частей I армии, изданные Масловским (и ранее описанные Богдановичем).

Сообщение гр. П. А. Румянцева главнокомандующему II армией гр. П. И. Панину, 2 июля 1770 г., № 28 [1].

Милостивый государь мой, граф Петр Иванович.

После того как ваше сиятельство соизволили уведомить меня всепочтеннейшим своим [2] от 12 июня из лагеря при деревне Мечетной, я больше не имею по днесь никакого уведомления о вашем положении и не знаю, чему бы приписать столь долговременное прекращение вашей переписки, ибо опасность в неприятельские попасться руки и объездка мест,— что больше разглашается, нежели в самом деле суть заражены поветрием,— не могут быть так велики, чтобы одержали ваших куриеров [3]. Ваше сиятельство, сами снисходительнее представите, коликую мне заботу и остановку в моих операциях наносить должно совсем незнание, перешли ли вы Днестр и обеспечаете ли уже своею позициею мой левый бок, который я оставил на заслону ваших войск, поспешая в таком чаянии сам вперед поставить преграду неприятельским склонениям против ваших действий на Бендеры [4]. Я, отправляя сего, имею долг испросить благосклоннейшего от вас, милостивый граф, сообщения о вашем настоящем положении и о продолжении оного, как наичастнее, в соответствие обоюдной связи наших, теперь сопрягающихся, дел, дабы надолго не остался я в нерешимости так, как теперь, пребываю от неполучения от вас известия.

Неприятель, отбежавший по нашей атаке его на высотах, ведущих к Бендерам, как я о том имел честь донести вам последним моим от 20 июня, не показывался больше и не препятствовал нашему походу до настоящего места [5], в которое вступя, нашли мы пред собою на горах за речкою Ларгою расположившегося неприятеля, того самого, как мы заключаем, который уклонился от первых наших поисков и збит с места. На правом берегу Прута показывался также лагерь Абды-паши, то отступил и сей корпус, считающийся до 15 000, назад, еще не знаем заподленно, к стороне ли Браила, откуда оной и вышел, или же ища перейтить на левую сторону Прута в сообщение пред нами стоящему Абазе-паше. О переходе везира через Дунай из Исакчи, где его быть сказывают, и о построении мосту, точного известия получить не могу, так равно не дошло мне знать, чтоб от Дуная каковы-либо войски на защиту Бендерам отправились или теперь шли; но паче выходцы из плену уверяют, что турки ту крепость не прочат удержать за собою. Усугубляя мою прозбу наипокорнейшую о уведомлении меня нередком про ваши обращения, имею честь с моим непоколебимым почтением и преданностию назваться.

P. S. По приближению к Бендерам не найдете ли, ваше сиятельство, удобности сообщение со мною устроить чрез степь между Днестра и Прута, и тогда прошу мне дать знать, до коих мест ваши посты объемлют, дабы и я к оным свои примкнул.

---

[1] ЦВИА, ВУА, д. № 1966, ч. I, лл. 427 об.—428 об.

[2] Следует читать: «всепочтеннейшим своим письмом»; последнее слово Румянцев, как общее правило, опускает, так же, как, например, ниже: «отправляя сего»,— опущено «курьера»; «последним моим от 20 июня» — опущено «письмом» и пр.

[3] В районе военных действий распространялась эпидемия, «моровое поветрие», особенно острое в окрестностях Ясс и Хотина (см. письмо Румянцева Панину от 22 июля, стр. ...).

[4] Армия Панина 30 июня форсировала Днестр и 15 июля обложила Бендеры. Осадные работы начались здесь в ночь с 19 на 20 июля.

[5] Главные силы Румянцева 30 июня подошли к Фальчам и оставались здесь до 2 июля, когда они отправились на соединения со своими авангардами, стоявшими у р. Ларги.

Из военного журнала I армии под командою ген.-аншефа гр. П. А. Румянцева в 1770 г[1].

Июля 5.— Армия и корпусы стояли в прежнем лагере. С неприятелем у легких наших войск был шармицель[2]. Со второго часа пополудни, даже до самой ночи, усиливался он сперва производить оной пред фрунтом армии и корпуса генерал-порутчика князя Репнина, но как помянутыми легкими войсками, под производимою з батареи пушечною пальбою был прогнан, то все силы употребил зделать нападение на корпус, стоящей с правого фланга генерал-квартирмистра Бавра[3] с намерением атаковать оной, прорватца в наш тяжелый вагенбурх. И как при сем его жестоком нападении наши легкие войска противустоять не могли, то чинена была прежестокая с оного корпуса з батареи пушечная пальба, а по надобности и пехота с егерями были посланы и на сикурс лехкому войску прибавлено было несколько эскадронов регулярной кавалерии и прибывших изо второй армии пикенеров. Всеми сими способами неприятель обращен в бегство и до предпринимаемого им намерения не допущен. При сем бывшем шармицеле и самого почти сражения, произведено пушечных выстрелов 68. Побитого неприятеля, выключая увозимых им мертвых тел, осталось на месте сражения немалое число. День был ясной и жаркой. Фуражем, водою и вместо дров тросником довольствовались из прежних мест.

Ордер П. А. Румянцева ген.-вагенмейстеру Ламсдорфу, 6 июля, 1770 г., № 287[4]

Армия из настоящего лагеря предпримет с следующей ночи атаку на неприятеля и потому все и легкие повозки отпущены будут в тяжелый обоз, за которым вашей должности есть пещися о целости. Ради сего, получите вы от генерального дежурства приказ о числе команды, на защищение того определенной, а я вам к тому предписываю следующее: строение вагенбурга располагайте так, дабы отделения в оном, одно другое обнимая, служило и к обоюдной же защите, и, чтоб в средине могли все лошади поместиться, для которых корму, по крайней мере, на целые сутки, велите заготовить. Военными людьми обоймите те наипаче места, на которые вероятнее ждать покушений неприятельских; дабы повсеместную защиту сколько можно более усилить, то и всех слуг[5], коим могут найтиться ружья или же орудие, способное к отражению нападающего, употребите пристойным образом к подобной обороне. Словом, коль все обозы и люди отдаются в диспозицию вашу, с полною надеждою на лучшее ваше о сохранении их попечение, то и старайтесь вы весь порядок соблюсти, которого требует настоящий случай.

---

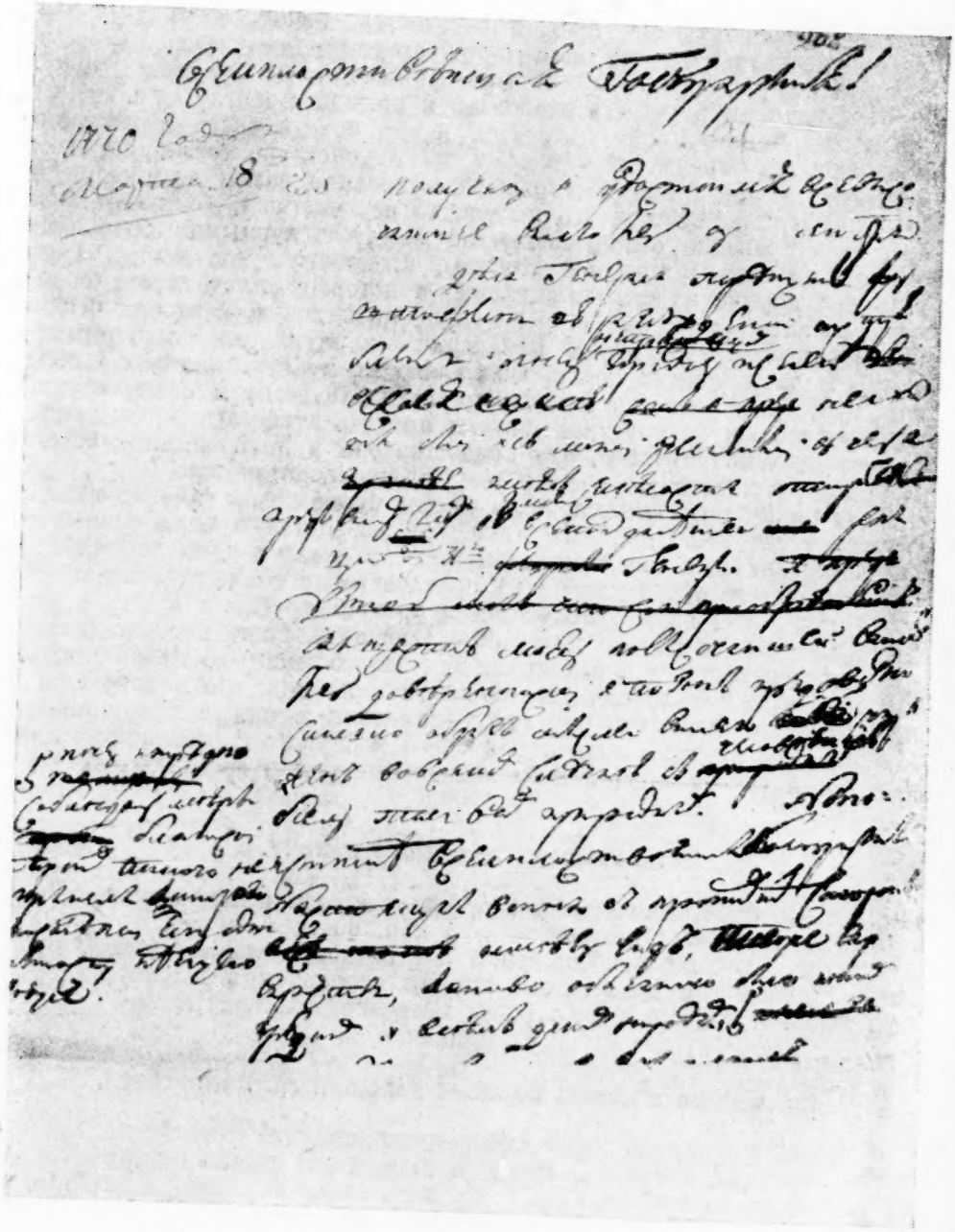
[1] ЦВИА, ВУА, д. № 1869, ч. I, л. 13 об.

[2] Шармитцель — стычка, схватка, перестрелка.

[3] Баур, Федор Виллимович, ген.-инженер (1731—1783). В кампанию 1770/71 г. был правой рукой Румянцева. В конце 1770 г. представлял проект о преобразовании ген. штаба и об учреждении «провожатых колонн», утвержденный указом 1 марта 1772 г.

[4] ЦВИА, ВУА, д. № 1866, ч. I, л. 264.

[5] Нестроевых и личную прислугу офицеров, следовавшую при обозе.



Черновик реляции 7 марта 1770 г., собственноручно написанный Румянцевым.

Ордер П. А. Румянцева ген.-поручику Племянникову[1], 6 июля 1770 г., № 288[2].

Из приложенных у сего диспозиции и плана к атаке предстоящего нам неприятеля, ваше превосходительство, изволите увидеть, что особливой назначивается корпус, от правой нашей стороны, чтобы ударить ему на левое неприятельское крыло, тогда как армия с прочими корпусами будет его атаковать в правый фланг. Сей пост, как преимущественного есть уважения, и что от храбрости и искусства предводителя определенной к тому части войск зависеть будет и облегчение действий армии и споспешествование самой над неприятелем победе, завладением его лагеря, то первенство и достоинства ваши, толь праведно отличающие вас между искусными генералами, опытами и самым временем службы, преклонили мой выбор, составить сей корпус из дивизии вашей, к которой определяется еще в двух батальонах корпус егерей — подполковника и кавалера Фабрициана — шесть эскадронов кавалерии — корпуса ген.-квартермистра Боура и часть легких войск. Ожиданию моему суть надежною порукою известная ревность вашего превосходительства к славе оружия ее и. в., что вы не упустите минуты притить атаковать и все то произвесть над неприятелем, что предоставлено в диспозиции действию тому корпусу, которого вверяю вам (в) предводительство.

Само по себе разумеется, коль славно будет новое рачение ваше в службе, если, ваше превосходительство, усердным и благовременным содействованием, с своей стороны, нанесете ужас и вред неприятелю, захватив его лагерь и ударяя на противостоящих или бегущих прочь, что будет делом вашего искусства и предусмотрения и в чем, с полною надеждою, я на вас полагаюсь. Сообщите, ваше превосходительство, гг. генералам и бригадирам, под вашею командою находящимся, сие мое предопределение, уверив каждого из них, что я добрую и к ним надежду имею, что они будут вам толь лучшими помощниками в предлежащем деле, коль успех оного послужит к знаменитости их усердия и заслуг пред нашею всемилостивейшею государынею.

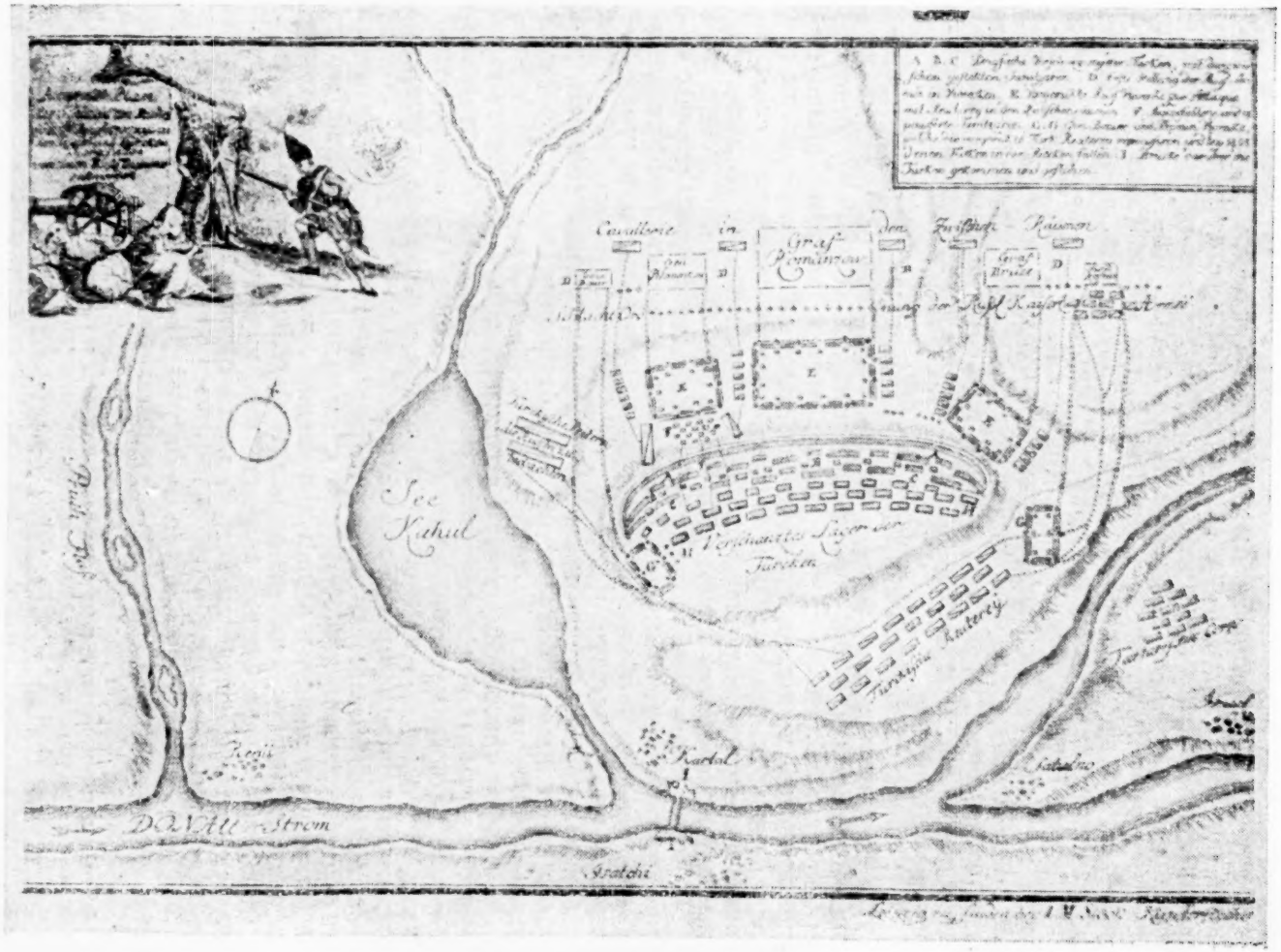
Из военного журнала I армии[3].

6. Вторник.— Армия стояла в прежнем лагире с неприятелем. Дела никакого не было. С половины сего дни, по повелению главнокомандующего, весь легкий обоз, выключая токмо денежные суммы, рогаточные повозки и полаточные ящики, отправлен в вагенбург. День был ясной и жаркой с небольшим после полудня дождем.

Из Белого журнала военных действий гр. Румянцева[4].

6-го.— С наставшим утром, удостоверились, что неприятель весь в своем лагере, а поелику... атака в нынешнюю ночь не могла быть производима, то сей день, в которой не было никакого беспокойства от неприятеля послужил к учреждению всех потребных к тому приуготовлений. Во-первых, написанная его сиятельством диспозиция к

[1] Племянников, Петр Григорьевич, принимал деятельное участие в Турецкой войне 1768—74 гг. С отличием командовал корпусом в битве при Ларге. В Кагульском бою 1770 г. энергичною атакой нанес туркам решительный удар.
[2] ЦВИА, ВУА, д. № 1866, ч. I. л. 264 об.— 265.
[3] Там же, д. № 1869, ч. I, л. 13 об.— 14.
[4] Там же, д. № 1820, ч. I, лл. 58—62.



План сражения при Кагуле

атаке неприятеля поутру роздана была всем дивизионным командирам с планами[1]. Содержала в себе оная следующие предписания:

1. Корпусу г. ген.-квартермистра Боура выступить по пробитии вечерней зори на левое крыло и для переходу армии чрез речку Ларгу, под литерою А, приготовить потребные мосты к первому часу пополуночи, под №№ 1-м, 2-м, 3-м и 4-м, по которым переходить немедленно корпусам: князя Репнина[2] чрез мост под № 1-м; ген.-майора Потемкина под № 2-м, ген.-квартермистра Баура под № 3-м — и всходить с поспешностью на высоту под литерою В, где построясь, вперед маршировать столько, чтоб армия, в 1-м часу пополуночи выступя и следуя за ними, имела довольно места построиться.

2. Армии выходить повзводно, первой линии слева, и переходить чрез мост под № 1-м; второй линии справа и переходить мост под № 3-м; а кавалерия переходит мост под № 4-м. Всем пороховым ящикам обоих линий, кроме тех, которые при орудиях суть, переходить мост под № 2-м. Пушкам первой линии иттить по правой, а второй — по левой сторонам.

3. Корпусу, назначиваемому к атаке неприятельского левого крыла, выступать в 2 часа поутру, построя каре, имея кавалерию к ней по обоим крылам сзади, маршировать прямо к большому деревянному мосту под литерою С чрез речку Ларгу и, на левое крыло неприятельское, произведя стрельбу пушечную на неприятельский лагерь и приметя, что когда неприятель обратит большие свои силы на правое его крыло и против атаки, армии тотчас сделать нападение на неприятеля и занять высоту неприятельского лагеря.

4. Когда неприятель обращен будет в бег, то с левой стороны армии марширующему корпусу котоировать[3] неприятельский правый фланг, а корпусы правого крыла левой, а вся армия в то время наступать имеет на оного.

5. Ежели бы положение места не дозволяло армии действовать целыми ее линиями, то столько уделять баталионов в боковые фасы, сколько места занять надобно.

6. Передним корпусам строить особливые каре и кавалерию свою между кареями, а при наступлении армии, и ежели бы надобно было ей всем фронтом действовать, то корпусам князя Репнина податься на правое, а Боура — на левое крыло армии, а кавалерии в то время строиться в интервалах сих кареев и армии.

7. Арнаутам[4] и казакам маршировать всем влево армии и стараться неприятеля атаковать с фланга и сзади, а при обращении его в побег, с устремлением на него преследовать, а пред фронтом, кроме пятидесяти человек, особо на то выбранных, пред кареями не быть.

8. Во время первой атаки неприятеля ни мало не щадить, но поражать, что только встретится, а во время обращения его в бег, стараться делать пленных.

9. Для обнадеживания себя лутчим успехом в таковом предприятии, ободрять людей помощию божескою к благословенному от него

---

[1] Это первый в русской армии пример приложения плана к розданным дивизионным начальникам диспозициям. Позднее так поступил под Кинбурном Суворов (не раз пользовавшийся затем этим приемом) и под Очаковом — кн. Потемкин.

[2] Репнин, Николай Васильевич, князь (1734—1801). Участвовал в Семилетней войне. До 1763 г. был послом в Берлине. В 1763 г. — директор сухопутного шляхетского корпуса; позднее — полномочный министр в Польше. В 1770 г., командуя отдельным корпусом в Молдавии и Валахии, воспрепятствовал переправе через Прут 36-тысячному войску турок и татар. Отличился в сражениях при Ларге и Кагуле и овладел Измаилом и Килией.

[3] Котоировать — от франц. côtoyer, обходить параллельно фланту («Côtoyer une armée double en force est une opération bien difficile» — Napoleon I).

[4] Иррегулярные конные части.

оружию е. и. в. и поощрять любовию и должностию, коим они обязаны к своей государыне и отечеству.

10. Все обозы с получения приказу отправить в вагенбург.

* * *

После обеда все обозы, кроме однех палаточных, полковых повозок, отправлены в вагенбург, построенной позади армии. Хотя мы неприметным образом вели свои приготовления к завтрашней атаке и, чтоб не подать к тому видов, и палатки не снимались в нашем лагере, но в сей день из отводного пикета дезертировавший к неприятелю наш прапорщик гусарского полку Петр Квитковской, которой был родом поляк, заставил нас думать, что он, может быть, предварит неприятеля о нашем предприятии, чего ради свои меры учреждали мы тем с большею поспешностию. Итак коль скоро сумерки могли уже, а паче издали, скрывать движение, то ген.-квартермистр Боур с своим корпусом пред армиею перешел с правого на левой фланг, оставя на месте своего лагеря нарочитые огни, которые с самого вечера и вся армия развела по всем местам, что неприятель конечно принимал знаком, что мы в ту ночь стоим неподвижно.

Из военного журнала I армии[1].

Июля 7, Среда.— По повелению его сиятельства главнокомандующего армиею, накануне сего дня, по пробитии вечерней зори, корпус г. ген.-квартермистра Бавра выступил на левое крыло нашей армии и для перехода оной чрез речку Ларгу приготовил потребные мосты, по приложенному главнокомандующего армиею плану, под №№ 1, 2, 3 и 4-м к первому часу пополуночи, по которым переходили корпусы князя Репнина и ген.-майора Потемкина[2], а корпус означенного ген.-квартермистра, перейдя чрез мост под № 3-м, всходил с поспешностию на высоту горы.

Армия в первом часу пополуночи выступила в три колонны, следовала и имела довольно места построиться. Все пороховые ящики, кроме тех, которые при орудиях были, переходили чрез речку Ларгу по мосту слева, под № 2-м. А пушки первой линии по правой, а второй — по левой сторонам. Всеми сими, назначенными к победе неприятеля способы с желаемым успехом атаковали оного. И корпусы г. ген.-квартермистра Бавра и ген.-порутчика князя Репнина, с прежестокою пушечною пальбою, первой — слева, а второй — справа наступали на правое неприятельского лагеря крыло, несмотря на чинимую из оного, с шанцов и батарей, таковую же пушечную пальбу беспрестанно. Но его принудили, оставя стоящие на батареях пушки и все правое крыло, ретироваться далее к левому крылу своего лагиря. Но неустрашимостью и храбростию предписанных корпусов был преследован до тех пор, пока остался весь его тут бывший лагирь победителю, ретировался из оного далея, но и туда предъявленными корпусами и легкими войсками был преследован, а корпус под командою г. ген.-порутчика Племянникова вел атаку на неприятеля с левого крыла, по приближении которого неприятель производил сильную пушечную пальбу, но таковою, учиненною с оного[3], и ружейным огнем обращен к ретираде и принужден оставлять лагерь. Главная армия, перешед чрез речку Ларгу и поднявшись на высоту горы, до кото-

[1] ЦВИА, ВЦА, д. № 1869, л. 14—14 об.

[2] Потемкин, Павел Сергеевич, граф (1743—1796). Ген.-аншеф. Отличался в сражениях в первую турецкую кампанию.

[3] Т. е. «от оного» (корпуса Племянникова).

рой со прежнего лагеря расстояния шесть с половиною верст, построилась в боевую позицию, преследовала[1] позади помянутых корпусов.

По сей щасливой одержанной над неприятелем победе получено в добычу: артиллерии пушек медных тритцать, мортир три и несколько знамен. Побито неприятеля, выключая много увезенных им с собой, а оставших только на месте сражения и бывшего ево лагирю, немалое число; да взято в плен до двадцати человек; с нашей же стороны убитых и раненых весьма малое число произведено. Из артиллерии выстрелов 657.

По окончании сей победы армия, прошед весь тот бывший ево лагирь, коего обширность была не менее трех верст, расположилась лагирем правым флангом к реке Пруту, имея в марше двенатцать верст, где тот же час принесено богу благодарение и учинена пушечная пальба. Легкий и тяжелый обозы с понтоны прибыл и ввечеру к армии и стали на прежнем основании. День был ясный и жаркий. Фураж получали недалеко от лагиря, воду из реки Прута, а дров з бывшего неприятельского лагиря, коих там найдено довольно. Оного лагиря план на особливом листу.

Из Белого журнала военных действий[2].

7 июля. В свою пору, назначенную в диспозиции, оба корпусы, так князя Репнина, яко и Боура, перешли на высоты за Ларгу, а в 12 часу ночи его сиятельство пошел туда же и с армиею, тремя колоннами. Особливое рачение и искусство и при сем случае, к удовольству главнокомандующего, показал ген.-квартермистр Боур, учреждением дорог и мостов на переправе толь порядочных, что самый мрак ночи не мог ни мало помешать и остановить наше движение в которой-либо части, но прежде зори могла подняться армия на высоту за Ларгою речкою, куда передовые корпусы уже взошли и построили свой фронт прежде совершенного еще разсвета. Татарские пикеты, согнанные движением корпуса Боура, возвестили в неприятельском лагере шествие на них наших войск. Потом, сперва в их лагере показывались огонь и дым превеликий от зажигания пороху, что за сигнал они имеют тревоги, потом стал крик и обыкновенное метанье во все стороны от сна воспрянувших второпях людей. Первое, к чему они прибегнули, было открытие сильной, из своих батарей, по нас канонады. Не дая неприятелю опомниться, тотчас приказал его сиятельство ген.-порутчику и кавалеру князю Репнину и ген.-квартермистру Боуру, с их впереди стоявшими корпусами, начинать атаку на неприятельский лагерь, с правой его стороны, а сам между тем, построя армию в каре, поспешал так же приступать к неприятельскому ретранжаменту. Как уже наши корпусы, сопротивным огнем досягая неприятеля, приближились к его ретранжаменту, то все татаре, которых был лагерь с правого флангу, первые выбежали и повели свое движение на левый фланг идущей армии, пробираясь туда лощиною, тут случившеюся. Таково стремление тотчас учинил бесплодным его сиятельство главнокомандующий, повелев ген.-порутчику и кавалеру графу Брюсу[3] от его третьей дивизии командировать одну бригаду пехоты в лощину, который, употребив к тому ген.-майора Римского-Корсакова с полками пехотными: Санктпетербургским и Апшеронским и батарею большой артилерии под

[1] Так в подлиннике.

[2] ЦВИА, ВУА, д. № 1820, ч. I, лл. 62 об.— 68.

[3] Брюс, Яков Александрович (1732—1791). В 1770 г. руководил всем левым флангом армии, а в Кагульском бою командовал «кареями» между каре ген. Олица и кн. Репнина. В том же году произведен в ген.-аншефы.

командою майора Внукова, первыми выстрелами отбил и обратил в бег от той стороны неприятеля.

В сие время главнокомандующий в прикрытие веденной атаки обоими корпусами, несмотря на сильную неприятельскую стрельбу по себе из пушек, приказал артилерии генерал-майору Мелиссину[1] с его бригадою выдвинуться вперед и бомбардировать неприятельский ретранжамент. Скоро он сие исполнил, скоро и привел в молчание неприятельскую, с сей стороны стоявшую, батарею, весьма цельными своими выстрелами, чем и споспешествовался вход нашим козакам в неприятельской лагерь.

Лишь только наши корпусы начали пробиваться в лагерь неприятельский с правой стороны и уже пушечными выстрелами ознаменил и свой приступ на левый фланг ген.-порутчик Племянников, то его сиятельство, препоруча вести далее построенную им армию в порядок бою ген.-аншефу и кавалеру Олицу[2], а левую сторону предохранять ген.-порутчику графу Брюсу, сам поскакал к атакующим корпусам неприятельский лагерь. Он присутствовал, как наши гранодеры со всех сторон отверзли своею храброю рукою вход в неприятельский лагерь и овладели его ретранжаментом и пушками, и потом с удовольством видел, как неприятель, ужаснувшийся, что сопротивления их, чинимые в защищение своего лагеря из артиллерии, русского оружия нимало не остановляли наших войск, но паче отмщение и бодрость в них вливали,— коль они не шли да бежали, не теряя при том строю, на крутую гору и в мгновении ока коснулись холмов,— бросив весь свой лагерь, устремился в наглый[3] бег.

Ген.-порутчик и кавалер Племянников весьма благовременно подоспел с своим корпусом к левому флангу неприятельскому, где было его лагеря четвертое отделение и укреплением превосходило все три первые, примыкающие к оному с правой стороны. Шанцы, батареи и глубокие рвы проход к оному заграждали, как и самая утесистая гора, на которой сии укрепления были построены. Помянутый ген.-порутчик разделил свой корпус на два каре, из которых первому сам был предводитель, имев тут зависимых от него командиров — ген.-майора Гротенгельма и бригадира Гудовича[4],— другой поруча в команду ген.-майору и кавалеру Замятину, преодолел все трудности и под выстрелами своих батарей, снося таковые ж на себя из лагеря неприятельского, овладел его сим лагерем, отразивши многократные неприятельские нападки на фронт при восхождении на холм и уже будучи во внутрь ретранжамента, ибо турки в сем месте толь долго противились, что еще огонь не преставал в той части, как уже в ряду, один по другом, другими корпусами заняты были три первые отделенные их лагери. Ради яснейшего истолкования всех подробностей сей атаки прилагается тут план, изображающий неприятельское положение и наши все действия и как который корпус прошел в неприятельской лагерь[5]. А затем осталось только сказать,

---

[1] Мелиссино, Петр Иванович, ген. от артиллерии (1730—1797). Участвовал в Семилетней войне. В первую турецкую войну (1768—1774) ему было поручено начальство над всей артиллерией. Способствовал победам под Хотином, при Ларге и Кагуле.

[2] Олиц, Петр Иванович, ген.-аншеф. В начале турецкой войны назначен корпусным командиром. В 1770 г. занял Валахию, в 1771 г. взял крепость Журжу. Умер в Валахии 7 апреля 1771 г.

[3] Наглый — быстрый.

[4] Гудович, Иван Васильевич (1741—1820). В сражении при Ларге (7 июля 1770 г.) овладел турецкими батареями. Участвовал в сражениях при Кагуле и осаде Браилова. В ноябре занял Бухарест, за что произведен в ген.-майоры. В 1771 году участвовал в 1-м и 2-м штурме крепости Журжи.

[5] Приложения к «Журналу» не обнаружены.

что, начав сражение с 4-го часа поутру, свершилась полная наша победа в 12 часов пополудни.

Когда же его сиятельство, познавши, что бегущего неприятеля, по выбитии из лагеря, не было способу пехоте настигнуть, которая подвигом преследования сугубила свое утомление, что понесла взбираясь на гору во время атаки и маршем ночным, приказал остановиться, и подъезжая ко всякому частному командиру, благодарил ему за его усердие и храбрость, равно и всем подчиненным за их труды. споспешествовавшие сей победе. Часть кавалерии, что была при сих трех корпусах, немного дела имела, поелику она позади пехоты следовала, а покудова пехота собою очистила неприятельской лагерь, то уже убрался неприятель на разстояние, что его достигнуть оная не могла и только задних неприятельских успела перебить, а вся тяжелая конница, от армии отделившаяся в левую сторону, гналась за татарами, туда сначало склонившимися, и поспешить не в состоянии уже была к преследованию пред пехотою бегущего неприятеля. В разсуждении сего весьма прискорбным себя показал его сиятельство главнокомандующий, когда его повеления, многократно посланные к командиру ген.-порутчику и кавалеру графу Салтыкову, чтоб он в правую сторону обратился, не дошли к нему ко времяни и остались безплодны. Свершивши победу, его сиятельство возвратился в лагерь неприятельский и прежде всего принесено всевышнему богу благодарственное моление с пушечною пальбою за его покровительство правоверному воинству Российскому. Потом отправлен из самой ставки хана крымского с краткою реляциею ко двору е. и. в. о сем щасливом произшествии куриером подполковник Карл фон Каульбарс.

Того ж дня салдатам всех трех корпусов генералов: Племянникова, князя Репнина и Боура, его сиятельство главнокомандующий приказал выдать из чрезвычайной суммы на каждой по тысяче рублей в награждение, что сие воинство, проходя наполненные корыстию[1] неприятельские лагери, не прикоснулись ни к какой вещи, но повинуясь воле своих предводителей, старались прежде гнать неприятеля. Учинив так пред, его сиятельство [учинил] засвидетельствование своего удовольства в отданном приказе в армию всем чинам, храбростию и усердием споспешествовавшим поражению неприятеля.

По разбитии и прогнании неприятеля в добыч получено: тритцать медных хороших пушек с лафетами и три таковые же мортиры с артилерийскими к ним запасами, знамен только досталось восемь, а великое оных число в лоскутии изорвали грабившие лагерь всякая сволочь и боярские холопи[2], которым было время тем воспользоваться, как войски устремились брать неприятеля и вне его лагеря; безсчетное множество полаток, провизии, посуды, скота и разных вещей напоследок разделяли по себе войски до самой ночи, кроме пашинских палаток, которые довольно хороши, по турецкому судя вкусу. Досталась на месте стоявшая так, как и все другие, ханская ставка, которая превосходила великолепием все другие, но была уже ветха.

Урон неприятельский в убитых сочтен при погребении тел, в самом лагере до тысячи человек, кроме погибших в преследовании и бросившихся в топи и тростник, на левом берегу Прута стоявшей, где так же перебиты, коих не было времени исчислить, ниже им сделать погребение.

В плен взято двадцать три человека, поелику в первом жару не могли щадить.

С нашей стороны весь урон назначен в приложенной ведомости.

[1] Т. е. ценными вещами.
[2] Вероятно местные жители.

Из сообщения гр. П. А. Румянцева гр. П. И. Панину, 9 июля 1770 г., № 29[1].

Милостивый государь мой граф Петр Иванович.

С наибольшим удовольствием получа всепочтеннейшее вашего сиятельства в 4 день сего июля через г. Броуна, нетерпеливно я дожидаю последующего, со уведомлением о покорении города и крепости Бендер силе оружия, с коим, в. с., переборов все трудности, к стенам оныя приспели, в чем и да поможет вам всемогущий бог, к увенчанию полной славою толико знаменитых подвигов. А между тем я в. с. имею честь донести, что армия, предводительству моему вверенная, при помощи всевышнего полную одержала победу над неприятелем, атаковав его в крепчайшем лагере за речкою Ларгою, на высотах, примыкающих к Пруту, где неприятель собрал было все свои силы, призвав к соединению и Абды-пашу, с лутчим его войском в 15 000, с правого берега Прута. И так армия их состояла до 80 000, а, по особливой доверенности солтана, верховно командовал оною хан крымский, коему подчинены были, с турецким войском, знатные три паши, тут находившиеся, именно: Абаза, Абды и Измаил. Поверхность, что одержали мы пред сим над неприятелем, выгнав его из двух лагеров, как я имел честь уведомлять уже о том ваше сиятельство в предидущих моих, доставили нам несколько дней безпрепятственно маршировать вслед за ним. Напоследок, достигши до вышеописанных положений, взяла армия лагерь пред речкою Ларгою в виду неприятеля. Сие происходило 4-го числа настоящего месяца. И того ж дня, как и назавтра, лутчие наездники турецкие, спускаясь с гор, кучами тысяч до двадцати, покушались нападать на наш фронт, но с величайшим своим уроном отбиты. Но коль скоро мог я точно удостовериться по обозрению о местоположении, где неприятель расположил свой лагерь, то ободрясь мужеством предводительствуемого мною воинства, решился я с сим неприятелем вступить в генеральную разделку, несмотря на все выгоды положения, которые были на его стороне, равно и превосходство в числе сил пред нашими. Приступ мы зделали 7-го числа, на разсвете, к сему неприятельскому лагеру. Атакующие впереди корпусы с разных сторон ведены были ген.-порутчиками и кавалерами Племянниковым и князем Репниным, ген.-майором Потемкиным и ген.-квартермистром Боуром, а армия между ими всходила также на вышину штурмовать неприятельской ретранжамент. Неприятель, почувствовавши уже наш огонь с пушек и мелкого ружья, до четырех часов противился однако ж нам как сильною своею канонадою, так и стрельбою с мелкого ружья. Но лишь только коснулись наши поспешно входившие солдаты поверхности горы, то (ни) их ретранжамент обширной, ни артилерия не были уже больше ему защитою, а напротив отовсюду потеснили мы его своим превосходнейшим огнем и выбивали штурмом из одного по другом отделенных укреплений, коих было четыре в сем лагере. Таким образом поражая неприятеля, обратили его в бегство, овладев всем его лагерем со всеми палатками, с множайшими артилерийскими и съестными припасами и, что только в нем было, есть теперь добычь наша. Между множеством стоит однакож припоминовения, что взята великолепная ставка самого хана крымского и таковы же пашинские; пушек медных с лафетами получили 30 и 3 большие мортиры, несколько знамен, плена и убитых имеем довольно. Но настоящие мои упражнения о достижении бегущего неприятеля еще

[1] ЦВИА, ВУА, д. № 1866, ч. I, лл. 428 об., 430 об., 432.

мне не дозволили счет за сим повесть точной; сие только достоверно, что такое большое дело бог помог нам одержать с самою малейшею потерею людей; ибо в убитых и раненых считаем всех чинов 91. По свершении победы внутри неприятельского лагеря богу, благодеявшему нам, принесли мы благодарные мольбы.

Г. ген.-квартермистр Боур во все время сражения с неприятелем везде был присудствен. Доводы его мужества и просвещенного знания в военном деле не меньше и сей случай мне подтвердил, как и до того я оные дознавал... Справедливость от меня требует упомянуть и о похвальных действиях Елисаветградского полку пикинеров, прибывших с г. Боуром, которые с прибытия самого к армии, по доброй своей воле участвовали в каждом деле с неприятелем, и наипаче 5 и 7-го числа отличились примерным мужеством...

Я осмелился пропитание возлагать на попечение с вашей стороны, приемля за повод к тому словесные объявления, которые мне зделал от имени вашего г. Боур. Как ближайшее разстояние теперь наше сообщение не затруднит, то я всепокорно прошу в. с., коль можно скорее, как на сие пожаловать мне отповедь, так и на всякое время о своем положении уведомлять, чем самым и я учащать наибольше стану. В протчем имею честь быть с непоколебимою преданностию и высокопочитанием.

P. S. В Ясах поветрие перестает, но майор Бастевин, там находившийся по вверению ему комиссии от в. с., от сей язвы в последних чисел июля умер.

Постановление,

которое по упражнениям настоящим обеих армий на разсуждение и мнение его сиятельству графу Петру Ивановичу [Панину] сообщается[1].

1. Кордон коммуникации I и II армии учредить на настоящее время через Князиков-Лапушку на Фалчи, к которой по обстоятельствам переводим будет.

2. I армия, следуя вдоль по реке Пруту к Формозе, стараться будет своими корпусами пресекать неприятелю проход от Исакчи, или по движениям неприятельским, подаваясь вдоль по Салпуху речке, занять корпусом Измаил.

3. Деташамент, которой до сего к прикрытию коммуникации в Молдавии служил, должен быть подкреплен и, действуя между Прутом и Серетом, стараться будет овладеть от стороны Фокшан Браилами; а между тем II армия упражняться будет взятием Бендер, Белгорода и Килии.

4. Как от следствия сих действий решится все, и окажется, сколь велик можно будет оставить корпус для прикрытия в Валахии, протянув оный от Дуная к Олте, и ежели моровое поветрие, боле неприятеля опасность наводящее, не воспрепятствует.

5. В случае движения везирского с великими силами чаемых войск, против которого обе армии взаимную помощь подавать себе должны.

6. По крайнему недостатку пропитания корпусам I армии, оставляемым в Молдавии и Валахии, не примет ли на себя II армия пропитания оных от 1 октября по последнее [число] марта из заведенных оною магазейнов в Ладыжине и Умане.

При расположении обеих армий на зимовые квартиры в Польше,

[1] ЦВИА, ВУА, д. № 1866, ч. I, л. 431—431 об. Заголовок подлинника. Приложение к письму Румянцева от 9 июля 1770 г.

поставляется Бар разделяющим местом, от которого первая располагается до Львова, а вторая до Днепра, запасаясь всякая провиантом из селений, лежащих внутри ее квартир и взад в прямую линию.

Из военного журнала I армии [1]

Июля 8, Четверток.— Армия имела растах [2], а для разведывания, куда неприятель ретираду свою держит, посланы были легкие войска. Корпус же ген.-квартермистра Бавра, выступая из своего места, следовал вперед до долины Ларош...

9. Пятница.— Армия стояла в прежнем месте, а корпус князя Репнина соединился с корпусом ген. Потемкина и маршировали со Ларги до долины Ларош, корпус же ген. Бавра к речке Кагул.

10. Суббота.— Вся армия, по пробитии генерального марша, в четыре часа пополуночи выступила в поход семью колоннами и маршировала ровным местом до долины Бабикуль семь верст, а перешед оную, поднималась на высокую гору, и прошедши две версты, расположилась лагирем на ровном месте, правым флангом к реке Пруту. Оного лагиря план на особливом листе № 26. А корпусы ген.-порутчика князя Репнина, ген.-майора Потемкина и ген.-квартермистра Бавра стояли в тех же местах. Легкий обоз шел при своих колоннах, а тяжелый и понтоны позади армии, также разделяя по колоннам, становились на прежнем основании.

Июля 11. Воскресенье.— По пробитии генерального марша, в четыре часа пополуночи армия выступила в поход семью колоннами и маршировала сперва ровным местом до речки Кагул пять с половиною верст, а перешед оную, поднимались на высокую гору. Корпус ген.-порутчика и ковалера князя Репнина шел по правую сторону оной к речке Кагулу и расположился лагирем неподалеку корпуса ген. Бавра, расстоянием от армии в осьми верстах, а армия, перешедши тринатцать верст, при деревне Али-Мурзы и при речке Салче остановилась лагирем. Оного лагиря план на особливом листу № 27. Все обозы шли и становились на прежнем основании. День был ясный и жаркий с малым в половину дня дожжем.

Ордер П. А. Румянцева ген. кн. Репнину, 12 июля, № 201 [3]

Г. ген.-квартермистр Боур репортует меня, что неприятель стоит, обрывшись между речками Кагулом и за Ларгою, близ озерка, впадающего в Дунай, и что магазеин великой имеет в Рене на сей стороне Прута и что мост в Исакче за разлитием вод в Дунае не кончен. А коль случаем таким надобно конечно пользоваться, и я ему г. ген.-квартермистру приказал маршировать вперед для обозрения лучше неприятельского положения, а под силу ежели будет,— и атаковать. Ваше сиятельство с вверенным вам корпусом имеете в его подкрепление не только, но на случай и общего на неприятеля нападения маршировать так скоро вперед, как от помянутого ген.-квартермистра к вам пришлется офицер, который открывал дороги и вам имеет оную показать.

Из военного журнала I армии [4]

12, Понедельник.— Армия стояла в прежнем лагире, а корпусы ген.-порутчика и ковалера князя Репнина и ген.-квартермистра Бав-

[1] ЦВИА, ВУА, д. № 1869, ч. I, л. 15.
[2] Растах, растаг (нем. Rasttag) — дневка на походе.
[3] ЦВИА, ВУА, д. № 1866, ч. I, л. 265 об.— 266.
[4] Там же, д. № 1869, ч. I, л. 15 об.

ра, вышедшие из своих мест, следовали вперед, переправясь через речку Кагул, и маршировали вниз по оной до местечка Гричен, где и стали лагерем. День был ясный и жаркий. Фуражем, водою и дровами довольствовались ис прежних мест.

13, Вторник.— По пробитии генерального марша в три часа пополудни [армия] выступила в поход семью колоннами, оставя все легкие повоски в тяжелом вагенбурге, а взяв с собою на прежнем основании рогаточные повоски, полаточные и пороховые ящики, равно и денежные суммы и, маршируя вниз по реке Салча, ровным местом тринатцать верст, расположилась лагирем в 10 часов при речке Салче... В кое время у стоящих в I армии корпусов князя Репнина и Бауера у легких войск с неприятелем была перепалка и получено известие, что неприятель в большом числе к ним тянется, почему в 12 часов, по повелению е. с. главнокомандующего армиею и по данному сигналу, армия по прежнему выступила в поход и маршировала восемь верст, в бывшем в сие время силном дожде. И как получено известие, что неприятель потянулся назад, то и стала лагирем при помянутой уже речке, имея оную с левого фланга у деревни Мусантуль, не дошед помянутых корпусов за две версты. Всем обозам велено быть к армии. День был до половины ясный и жаркий, а после полудни до самого вечера большой дождь с громом.

14, Среда.— Армия стояла в прежнем лагире, тож и корпусы гг. генералов порутчика князя Репнина и ген.-квартермистра Бавра стояли в своих же местах. Того числа, по повелению главнокомандующего армиею, для приему 10-дневного провианта послано в местечко Фалчи со всех полков, баталионов и команд пристойные повоски с прикрытием вооруженных людей, а обозы из вагенбурха прибыли к армии. День был ясный и жаркий з большим после полудни дожжем и громом.

15 июля, Четверток.— Армия и вышеописанные корпусы стояли в прежних местах.

Ордер П. А. Румянцева ген. кн. Репнину, 15 июля 1770 г., № 292 [1]

Со вчерашнего дни переменное положение неприятеля, в котором мы и сей день его видим, заставляет думать, что он выступает или в закрытие позади своих движений, или же вознамерился чинить атаку на нашу армию. Ради сего, ваше сиятельство, будьте во всякой готовности с своим корпусом присоединиться к армии, как скоро к вам прислан будет офицер, для препровождения и назначения места вашему лагеру, от г. Боура, которой имеет от меня повеление осмотреть аккуратно передний лагерь неприятельский, выведены ли оттуду все войски и не маскируют ли в оном одни только караулы да палатки?

Из военного журнала I армии [2]

16 (июля), Пятница.— Армия и помянутые корпусы стояли в прежних лагирях. С неприятелем дела никакого не имели.

17, Суббота.— По пробитии генерального марша в три часа пополуночи [армия] выступила из лагиря тремя колоннами и, маршировав 8½ верст до мест, где стояли корпусы ген. порутчика князя Репнина [и ген.-квартермистра Баура], которые, уступя свое место, армия расположилась лагирем при речке Кагул, имея помянутые корпусы репнинской с левого, а бауерских с правого флангов. Оного лагиря

[1] ЦВИА, ВУА, д. № 1866, ч. I, л. 266.
[2] Там же, д. № 1869, ч. I, л. 15, об. 17.

план на особливом листу № 29. Легкий обоз шел между двумя колоннами в средине инфантерии, а тяжелый позади армии и становились — легкий в линиях по своим местам, а тяжелый и понтоны — позади армии при надлежащем прикрытии и вагенбурха. День был с утра до половины пасмурный з дожжем, а после с переменною ясностию и ветром.

Июля 18, Воскресенье.— Армия и корпусы стояли в прежних лагирях.

Ордер П. А. Румянцева ген.-майору Черноевичу, 19 июля 1770 г., № 293[1]

По предстоящим обстоятельствам, которые побуждают завременно приуготовляться к сопряжению пользы наших войск с пользою народа молдавского, я вашему превосходительству рекомендую учинить мне обстоятельное донесение, отобрав от самого дивана и от приставников надлежащие сведения о сем именно: сколько и в которую сторону есть селений; где жители обитают безвыходно или опустели без надежды; в каких местах моровое поветрие, перешло или еще и ныне продолжается, где суть засеянные со прошлой осени поля и в каком количестве по смете могут полагать свою нынешнюю собранную жатву и какого именно хлеба. Все сие елико можно вернейшим щотом мне объясните. А не меньше есть же надобность приметить вашему превосходительству, дабы вы настояли и поощряли обещанием непременной заплаты, чтобы молдавские жители старались, как можно поболе, накосить к осени сена, коего бы, сверх пропитания скоту, достаточно было и для наших войск, и какой успех в вышеписанном предвидеть вы можете, с сим нарочным меня отрепортуйте.

Ордер П. А. Румянцева Сибирского карабинерного полка полковнику кн. Волконскому, 19 июля 1770 г.[2]

Сим я вашему сиятельству свидетельствую хвалу и мое крайнее удовольство за ваши подвиги и доброе распоряжение в случае отражения неприятеля, покушавшегося 17 июля разграбить наши провиантские обозы. Я полагаюсь в полной надежде на ваше бдение и искусство, что сей транспорт, под защищением вашего деташамента, пройдет в целости к армии, а превозможение, над неприятелем прошедшее, непременно я обращу в славу мужества вашего.

Из военного журнала I армии[3]

19 [июля]. Понедельник.— Предписанные корпусы во ожидании провианта стояли в прежнем месте.

20. Вторник.— Армия и оба корпуса стояли в прежних лагерях, и видно было, что неприятель вверх по реке Кагул подвинулся ближе к армии и стал лагирем от оной в 12 верстах в новоукрепленной ретраншамент. День был ясный и жаркий с небольшим прохладным ветром. Фуражем, водою и вместо дров травою довольствовались из мест прежних. Командированные в местечко Фалчи от всей армии для приему провианта 14 числа сего месяца команды, по принятии оного, прибыли, и печение хлебов начато.

---

[1] ЦВИА, ВУА, д. № 1866, ч. I, л. 266—266 об.
[2] Там же, ч. I, л. 267.
[3] Там же, д. № 1869, ч. I, л. 17.

Из Белого журнала военных действий [1].

В течении изображаемых упражнений, 20 числа перед вечером показались великочисленные движении из неприятельского лагеря к нашей стороне. Его сиятельство главнокомандующий, став на возвышенном месте, примечания свои делал на неприятеля, что он далее воспримет. Долго казалось, что турки идут к нам, но напоследок стало открываться, что они остановились, похожим образом, как бы занимая себе лагерь. Тут его сиятельство главнокомандующий, смотрев в зрительную трубу и оборотясь к присутствовавшим генералам, сказал: если турки осмелятся и одну в сем месте разбить свою полатку, то я их в сию ж ночь пойду атаковать.— Вскоре после сего изречения увидели мы, что турки стали разбивать свой лагерь, занявши место по левую сторону устья реки Кагула, не далее 7 верст от нашего положения.

Главнокомандующий предузнал в ту же минуту, что приближение сие учинил неприятель, хотя нас атаковать спереди, тогда как хан крымской неменьше же в силах обляжет весь армии нашей тыл с равным устремлением, а пленные подтвердили, что с тем везирь и хан приготовились уже к завтрешнему дню.

Всяк представить легко себе может, в каком критическом положении была по сим обстоятельствам армия. Пропитание войску давали последние уже крохи. Везирь с 150 тысячами был в лице, а хан со 100 тысячами облегал уже спину и все провиантские транспорты. Великого духа надобно было, чтоб изойти только из сих трудностей, но оной мы нашли в своем предводителе, который умел самую опасность обратить в величайшую славу.

Хотя для подкрепления провиантских обозов толь знатная часть пехоты и кавалерии, как выше изображено была отделена, чем и оскудевалась в числе армия, ибо за всеми раскомандированиями под ружьем людей могло быть и находилось не более 17 тысяч, но дознавши его сиятельство не раз в сие лето мужество предводительствуемых им войск, решился расторгнуть приготовленные на нас сети упредительною с своей стороны атакою неприятельской великочисленной армии.

Из военного журнала I армии [2].

Июля 21 в среду.— Вся армия с корпусы ген.-порутчика князя Репнина и ген.-квартермистра Бауера накануне сего дни, по данной от его сиятельства главнокомандующего армиею диспозиции, оставя все обозы в вагенбурге, выступила в поход с вечера к атаке неприятеля нижеописанным порядком. Первая дивизия г. ген.-аншефа и ковалера Олица, при которой находился и его сиятельство главнокомандующий армиею, выступила из лагиря, как и протчие, во втором часу пополуночи и следовала по трем гребням, ведущим [к] неприятельской армии. Авангардный корпус ген.-квартермистра Бавра следовал по высотам, ведущим к левому оной флангу; дивизия г. ген. порутчика и ковалера Племянникова — к левому флангу неприятельской армии, коему велено было, перешед Траянову дорогу, параллельно з Бауером атаковать левый фланг неприятеля. Дивизия ген.-порутчика и ковалера графа Брюса — к правому флангу неприятеля, равно и авангардный корпус г. ген.-порутчика и ковалера князя Репнина. Сим образом маршируя и поднявшись на высоты, не дошед Траяновой дороги, услышав, что неприятель с ретраншамента

[1] ЦВИА, ВУА, д. № 1820, ч. I, л. 80—80 об.
[2] Там же, д. № 1869, ч. I, лл. 17 об.— 19 об.

начал производить пушечную и оружейную пальбу, построились в боевой порядок, составляя каждая дивизия и корпус свои каре, и по строении следовали к повеленному месту.

На расвете неприятельская кавалерия показалась пред дивизией графа Брюса и корпусом князя Репнина и потом ретировалась в лагирь. Но вскоре опять, вышед в большом числе, сделала вдруг нападение, окружая оба те каре, и как пушками была збита, то учинила нападение на находящуюся между оными каре кавалерию, которая без всякого вреда отстреливалась из карабинов, покудова посланные в подкрепление: из каре от графа Брюса — ген.-майор Херасков з батальоном гранодер и четырьмя пушками, от князя Репнина — подполковник Толстой также с батальоном гранодер и двумя пушками,— прибыв, спомоществовали обратить неприятеля в бегство. Главное стремление было неприятельское на каре первой дивизии, которой находился тогда перешед Траянову дорогу. С ретраншамента производил неприятель жестокую пушечную пальбу, а конница оного во множественном числе со фрунту лощиною приближалась к каре, производя безпрестанную пальбу и проходя тою лощиною, окружила с тылу изо рва Трояновой дороги, где под прикрытием вала безопасно стрельбу производить могла, чего ради его сиятельство главнокомандующий армией приказал из резерва сделать каре, скрыть[1] ту лощину и производить вдоль оной мушкетную и пушечную палбу, а главному каре подаваться влево к лощине, дабы и оную скрыть пушечному выстрелу. Неприятель однако ж не переставал делать жестокое нападение, но напоследок по продолжении до трех часов производимого по нем жестокого пушечного и мушкетного огня, совершенно сбит и в бегство обращен по прогнании оного[2].

В том же ополчении следовали к неприятельскому ретраншаменту, между тем когда уже авангардный корпус ген.-квартермистра Бавра находился блиско к выступлению с левого фланга в неприятельский ретраншамент и дивизия ген.-порутчика Племянникова, по прогнании встретившей оную неприятельской конницы, к ретраншаменту подошла и как от производимой из всех кареев жестокой пушечной и ружейной пальбы неприятель не удержался и, оставя ретраншамент и лагирь, ретировался, а корпус ген.-квартермистра Бавра с левого фланга стал приближаться к ретраншаменту, в самое то время и дивизия ген.-порутчика Племянникова, не видав уже в ретраншаменте неприятеля, оставя пушечную пальбу, маршировала, как и прочие, к вступлению в оной и лишь только поднялась на небольшую вышину, лежащую впереди блиско сего ретраншамента, в самое сие время янычары, лощиною, лежащею чрез ретраншаментом,— видно они, скрывшись, дожидали приближения сей дивизии,— дефилировав, атаковали оной каре и вдруг, бросившись в передний фас, не допустя не мало исправитца, весь привели в замешательство, так что часть переднего, второго и заднего фасов принуждены были держать ретираду к каре первой дивизии, за коими множество напавших янычар бежали, а другие с оставшими сражались. А как уже гнавших за ретирующимися янычар пушечными и ружейными выстрелами из каре первой дивизии встретили и обратили в бегство назад по той же лощине мимо корпуса ген.-квартермистра Бавра, которой также, встретя оный пушечными и ружейными выстрелами, прогнал и преследовали ковалериею под командою ген.-порутчика и ковалера графа Салтыкова и ген.-майора князя Долгорукова. А ретирующиеся пред тем из каре предписанного ген.-порутчика Племянникова муш-

[1] «Скрыть» — вскрыть, открыть.
[2] Так в подлиннике.

катеры, собравшись к своему месту, построились и маршировали как и другие каре к занятию ретраншамента, из которых каре генерала Бавра, первой вступя в него, остановился, ожидая протчих; корпус же ген.-порутчика князя Репнина следовал вперед, стараясь зайтить неприятелю, когда он еще был в ретраншаменте, в тыл. Неприятель, со всех сторон стоял в огне, не мог держаться долея и, как уже выше сказано, а особливо, при входе главного каре к центру ретранжамент, в бег обратился, а затем оной и был преследован.

При овладении сего неприятельского ретранжамента и лагиря получено в добычу сверх немалого числа обоза с разными съестными и протчими припасами, артилерии 140 орудий, в том числе российских две, немало пороха, свинца и протчих снарядов и знамен. Побито неприятеля 675[1]. С нашей же стороны урон простирлся до 388 человек побитых и раненых. Произведено из артилерии выстрелов 2 326.

По одержании сей счастливой над неприятелем победы, армия, прошед ево ретранжамент, поднявшись на вышину горы, имея всего маршу 12½ верст, расположилась лагирем при реке Кагул и деревне Волкинешт. Оного лагиря план на особливом листу № 30. Корпусы ж гг. ген.-порутчика князя Репнина стал впереди армии справа, а ген.-квартермистра Бавра в четвертом часу пополудни преследовал за неприятелем и стал лагирем при деревне Булбоке. Легкий обоз ввечеру из вагенбурха прибыл к армии. День был ясный и жаркий. Фуражем около лагиря, водою, хороше[ ] из реки Кагул, а дровами, забираемыми с неприятельского лагиря, [ ]ыли довольны.

Из Белого журнала военных действий[2].

21 июля...— Главнокомандующий учредил к атаке неприятеля весть свои войски следующим порядком: каждой дивизии составить свой каре, имея из передней и задней линии особливую колонну, а артилерию в средине оных. Корпус ген.-квартермистра Боура делать[3] авангард правого крыла, а корпус ген.-порутчика князя Репнина — авангард левого крыла. Полкам кавалерийским: его высочества наследниковому и Нижегородскому — между каре князя Репнина и третьей дивизией. Прочим команды ген.-порутчика и кавалера графа Салтыкова — между первой и третьей дивизией; шести эскадронам карабинерным под предводительством ген.-майора князя Долгорукова и Ахтырскому гусарскому полку — между первой и второй дивизией; сербскому же гусарскому — между второй дивизией и корпуса ген.-квартермистра Боура маршировать; корпусу ген.-квартермистра итить по высотам, ведущим к неприятельскому левому флангу и атаковать оной, а за оным шед — до дороги Трояновой; второй дивизии ген.-порутчика и кавалера Племянникова принять оттуда влево и атаковать параллельно с оным также неприятельский левый фланг. Первой и третьей дивизии и корпусу князя Репнина маршировать по трем гребням, ведущим на неприятельской левой же фланг и центр, предположенный за предмет нашей атаки.

Сим образом, в час пополуночи выступили все войски из своего лагеря, отправив все обозы в построенный позади оного вагенбург, и продолжали поход к неприятельскому лагерю, в котором по фальшивой тревоге минут несколько слышен был сильный оружейный огонь и канонада, и несколько лошадей узброенных к нам прибегли.

---

[1] Показана цифра убитых, оставшихся в лагере.
[2] ЦВИА, ВУА, д. № 1820, ч. I, лл. 79—87.
[3] Так в подлиннике.

с коего времени, как после мы сведали, турки уже не спали, но все приготовлялися к бою, по внутреннему побуждению ожидая нас к себе, хотя того еще не видели. Все пять частей построились в порядок боя и в оном на разсвете приближались к Трояновой дороге. Как только оную перешли, то неприятель, обозревши на себя наше наступление, оказал нам все свои силы на высотах, окружавших его лагерь, и встретил многочисленною конницею, которой мы конца не видели. Жестокою с нашей стороны канонадою, а наипаче скорострельным огнем из главной батареи, которою распоряжал ген.-майор Мелиссино, скоро приведен в замешательство непрятель в его лагере и те притом, которые в лице у нас были. Но в то же самое время воспользовался неприятель глубокою лощиною, которая между гребнем, где первая дивизия проходила, и другим, где вел свой каре ген.-порутчик граф Брюс, была, и прибежал по оной даже в тыл нам, снося по себе наижесточайшие выстрелы, пушечные и ружейные, коими его старались сдержать обе дивизии. Сквозь густоту дыма, от стрельбы происходившей, во всех фасах сего каре, его сиятельство главнокомандующий генерал, приметя, что неприятель как в той лощине, так и за Трояновою дорогою задерживаясь, довольно мог вредить наш фронт, немедленно приказал маршировать вперед и из каре отделить резервы пехоты и охотников с пушками и наступательно вести их на неприятеля, где оной кучами держался, сказав между тем и всем каре принимать влево, чтоб конницу турецкую, забежавшую по той лощине, отрезать. Сей маневр столько устрашил неприятеля, что оной под конец, боясь быть отрезан от своего лагеря, обратился во всю лошадиную прыть с криком к оному, провождаем будучи от нас наижесточайшею пушечною стрельбою, которая порывала в густых толпах великим числом всадников; от сего вострепетала и вся прочая турецкая конница, наступавшая со всех сторон на кареи Племянникова, графа Брюса, князя Репнина и Боура, и пустилась назад, примером[1] отраженной от каре ген.-аншефа Олица.

Тако сломив первое стремленце на себя неприятельское, быв в огне непрерывном с 5-го часа утра по 8-й, очистили мы себе путь и удвоили свои шаги к неприятельскому лагерю, в котором еще видели, что пехота и конница смелость имеют нас к себе дожидаться. Не прежде, как в меру против нашего движения, открыл неприятель большие свои батареи, действия которых напряжены были наипаче на тот каре, где главнокомандующий находился и по правую сторону идущий — ген.-порутчика Племянникова. Мы усугубили в примечании того стрельбу и поспешали достигнуть к ретранжаменту, который сверх чаяния увидели в одну ночь обширно зделанным стройным глубоким рвом и последний наполненный их янычарами. Его сиятельство, под сильными ядрами неприятельской артилерии, которые нередко попадали в лошадей с ним ездивших, чрез все время разъезжали пред кареем Олица, ободряя примером собственным и неустрашимостью следовавших за ним.

Как уже действием превосходной нашей артилерии брали мы верх над неприятельскою многочисленною, осыпавшею нас ядрами и картечами — без большого, однакож, вреда — и их батареи приводили в молчание. В то самое время тысяч до 10 или более янычар, вышед из своего ретранжамента, неприметно опустились в лощину, примыкавшую к их левому флангу, близ которой шел с своим кареем ген.-порутчик Племянников, и только что уже его части доходило простерть руки на овладение ретранжаментом, как те янычаре, внезапно выскочив из лощины с саблями в руках, обыкновенною своею толпою уда-

[1] Примером — по примеру.

рили на правой того карея фас и в самой угол оного, который составляли пехотные Астраханский и Первомосковский полки. Едва первой плутонг[1] Астраханского полка мог выстрелить, то янычаре, смяв его, одни ворвались внутрь карея, а другие вдоль пошли по правом фасе и силою своею превосходною зажали те полки и другие того карея, то есть: Муромский, четвертой гранодерской и Бутырской и пригнали к каре ген.-аншефа Олица, к которому пред фронт сквозь их промчалась с великою яростью янычаров толпа и их знаменоносцы.

В сем случае его сиятельство главнокомандующий показал опыты наиощутительнейшие своей храбрости и безпримерной твердости и удостоверил, что́ может в самой опасности присутствие предводителя любимого и почитаемого воинством. Увидев своих бегство, сказал он принцу Брауншвейгскому, с ним вместе ездившему: «Теперь настало наше дело», и с сим словом, презря грозную опасность, бросился к бегущим, кои уже перемешались с лютыми янычарами под саблею сих последних. Одним словом: «Ребята, стой!» — мог он сдержать своих ретирующихся и возобновить к отражению неприятеля, велев притом ударить наижесточае из своих батарей по янычарам, которые без того меньше минуты могли бы уже коснуться каре ген. Олица. Первый гранодерский полк, внимая его повелению и предводительству, весьма храбро ударил на все стремление неприятельское и оное сокрушил бодрым духом и отважною рукою, к чему споспешником был командир оного бригадир Озеров: их штыки и пушки, тут случившиеся, в один момент все дело решили, и с удивительною скоростию и послушанием построенной опять каре ген.-порутчика Племянникова, воскликнув единодушным гласом: «Виват Екатерина!», шел вперед. Тут послал его сиятельство на сию дерзкую пехоту[2] свою тяжелую кавалерию, с которою, с одной стороны, ген.-порутчик граф Салтыков, с другой,— ген.-майор князь Долгоруков, пробившись ее, посекали оную вообще[3] огненного и белого оружия, великую часть янычар положили на месте, а остальных погнали. И в ретранжамент потом вошли, как оба первые карея, так к тому времени приспели туда же вступить с своими частьми — с правого флангу ген.-порутчик граф Брюс, а с левого — ген.-квартермистр Боур, производя, покудова держался неприятель, пушечную по нем пальбу.

Везирь, увидев в сем случае лутчих своих янычар, составлявших первую стену падших, на всю мочь побежал из лагеря со всеми войски, а при вступлении главнокомандующего отделенный от корпуса ген.-квартермистра Боура подполковник граф Воронцов с своим батальоном, с левой стороны взошед в неприятельский ретранжамент и сопротивляющихся в нем янычар истребил, заняв в той части батареи и несколько отбив у турков знамен. Ген.-порутчик князь Репнин с своим корпусом в продолжении сего захватывал сколь возможно было обращенного в бег неприятеля, заходя взад его лагеря и провождав пушечною пальбою. От сего неприятель, видя свой великий урон, бросил обоз и побежал толпами во все ноги к стороне Дуная, где было до трех сот судов больших, которые послужили к его переправе, но не безбедственной, а затем завладели войски турецким полным лагерем, получили в добычу всю артилерию во сте сороку хороших орудиев на лафетах и со всеми к тому артиллерийскими запасами и великим багажем. Но как число трофеев и плена умножа-

---

[1] Плутонг — взвод, отделение войска в строю, для стрельбы плутонгами (взводными залпами).

[2] Речь идет о турецкой пехоте.

[3] «Всеобще» — общим действием.

лось и после баталии, то и сказано будет о том и другом при окончании уже сего.

Посреде сего изобильного лагеря прошедши в порядке, преследовали неприятеля верст до четырех, а далее итить за ним усталость солдат не позволила, поелику продолжался безпрерывный и жестокий бой с начала пятаго до половины десятого часа поутру, в которой свершили уже нашу победу, а в кавалерии, за отделением ее к прикрытию запасного магазейна, имели недостаток.

Неприятельской урон считать мы должны, по крайней мере, до 20 тысяч, хотя пленные и из-за Дуная после пришедшие уверяли за подлинно, что турки чувствуют оный в сороке тысячах, наипаче своей пехоты, кроме погибших в лагере. Ретранжамент и пред оным, где их по исчислению погребено тысяч до трех, по пути, где нас атаковала конница и вдоль за лагерем, верст по крайней мере на семь, кучами лежали побитые тела в превосходнейшем пред сказанным числе, коим щоту не делано.

Остаток древних янычар и спагов, таковыми казавшихся по виду и по летам своим, которые всю свою опрометчивость истощили над нашим фронтом, тут совершенно погиб, как и тех, кои не в меру твердо держались в ретранжаменте, не ушла ни одна нога. Ибо, отделенной вперед от корпуса ген.-квартермистра Боура с своим батальоном подполковник граф Воронцов, зашед с тылу, тут их остатки переколол и овладел батареями. Но сего недовольно, по показанию самих пленных. Великая часть их, избегнув наших рук, потопилась еще в Дунае, когда везирь прибежал в торопливости и в страхе, угнетая и рубя дружка дружку. Бегущие воины одни садились на суда, другие хватались за канаты и доски, погружая самые судны неумеренною тягостью ко дну вместе с собою. Словом, гибель тут была туркам наивеличайшая, что доказывали ясно всплывающие великим числом на поверхность воды утопшие тела. Но давка и метание в воду тогда наиужаснее произошли на берегу дунайском в неприятельских войсках, как ген.-квартермистр Боур, приближившись к Дунаю и развезши с три стороны пушки, ознаменил выстрелами из оных свое туда шествие, ибо по совершенном разбитии и прогнании неприятеля, коль армия брала свой лагерь при вершине озера Кагула, то в след за бегущим неприятелем послан передовой корпус ген.-квартермистра Боура.

Остановившись на сих происхождениях в конце дня настоящего, с коего действия идут последования в наступающие, не неприлично изъяснить тут, что плоды своего отличного-мужества в день сражения главнокомандующему тем были наиприятнее, когда его сами солдаты, видевшие, в какой огонь и опасность он себя ввергал на сей баталии, поздравляли словом: «Ты прямой солдат», ибо всяк прямо видевший дело, не мог иного говорить, что его храбрость и бодрость духа произвела. Но его снятельство, по обыкновенной скромности своей, не принимал на себя одного славы победы, но всякого признавал участие в том споспешествовавшим[1].

Из военного журнала I армии[2].

Июля 22, Четверток.— Армия имела растах. Тяжелый обоз из вагенбурха прибыл к армии. Погода была ясная и тихая. Довольствовались фуражем около лагиря, водой хорошею из реки Кагул, лежащей с правого фланга главной армии, а дровами, забираемыми с не-

[1] Так, в подлиннике.
[2] ЦВИА, ВУА, д. № 1869, ч. I, л. 19 об.

приятельского лагиря; а корпус ген.-квартермистра Бавра пошел вперед и расположился пред прежним зделанным неприятельским ретранжаментом. Всего маршу имел четыре версты. За одержанную вчерашнего числа над неприятелем победу принесено богу благодарение и учинена виктория — пушечный сто один выстрел и по три патрона из ружей. Сего ж числа подвижной магазин прибыл к армии, и велено, по принятии из оного провианта, перепечь в хлебы и пересушить в сухари.

Из Белого журнала военных действий [1].

22-го.— На завтрее поутру, по отпетии божественной литургии, принесены всевышнему богу торжественно благодарственные молебствия за одержанную вчерась знаменитейшую победу над неприятелем от всей собранной армии в парад при пушечной пальбе и при троекратном мушкетном беглом огне.

При произведении стрельбы викториальной сам главнокомандующий повелевал фронтом, а по окончании того объезжал армию, изъявляя со удовольствием свою благодарность всему войску за их храбрость, от которого единогласное восклицание возвышалось повсюду словом «ура». Первого гранодерского полку унтер-офицерам по два рубли, а рядовым по одному в сей день приказал его сиятельство выдать в награждение их мужественного поступка на вчерашней баталии. Таково же воздаяние учинил и всем артиллерийским унтер-офицерам и рядовым за их исправность.

Пленные на всякой час приводимы были от всех сторон, а к вечеру дошло узнать, что часть большая неприятельского войска тянется от Дуная к Елпускому озеру. Тотчас главнокомандующий послал бригадира и кавалера барона Игельштрома захватить при вершине Елпуского озера мосты и поиск учинить над неприятелем; которой толь похвально исполнил свою комиссию, что, в ту же ночь поспев к тому месту, отбил несколько фур из неприятельского обозу, с двести человек убил, а тринатцать в полон взял турок.

23-го [2].— Между сим главнокомандующий послал и ген.-порутчика князя Репнина с корпусом к Измаилу, чтобы занять сей город и разбить остатки войск турецких, туда пробравшихся, повелев, сколько можно щадя человечество, искать покорить тот город уговором жителей, сделав им о том предложение прежде действия нашего меча.

Пополудни прислал к главнокомандующему ген.-квартермистр Боур капитана Штакельберга, которого его сиятельство тогда ж произвел в секунд-майоры, со уведомлением, что он в сей день, нагнавши остаток неприятельских войск у самого Дуная, скоропостижно переправляющихся чрез сию реку против города Исакчи на судах, приготовился было оные атаковать, и послал между тем наперед чрез переводчика объявить пощаду живота всем тем, кои пленными сдадутся. На сие предложение немедленно турки согласились и, отложа оружие, стали сдаваться военнопленными.

Везирь, узрев с другой стороны Дуная приход наших войск, во избавление своим послал три фрегата и множество судов, чем польстяся, захваченные турки некоторые бросились было в воду к тем судам, но ген.-квартермистр Боур, придвинув свою артиллерию на берег, действием оной неприятельские военные суда, из которых по нашим войскам пушечная происходила стрельба, тотчас отбил, а некоторые с людьми затопил силою своей канонады. Затем уже без сопротивления отдались все турки, коих более тысячи было, в плен,

[1] ЦВИА, ВУА, д. № 1820, ч. I, лл. 88 об.—90.
[2] Там же, д. № 1820, ч. I, лл. 90—92 об.

и овладели наши войски весь берег покрывавшими обозами, турецкими экипажами, лошадьми, верблюдами, мулами, безчисленным множеством скота, и взяли последней парк турецкой артиллерии, тут находившейся, в дватцати шести орудиях медных на лафетах.

Сие все происходило в глазах верховного везиря, который с протчими чинами спасшимися, с того берега с воплем взирали на участь своих собратий, тут же и собственную, поелику все их богатства в наши достались руки. По свершении сего благополезного дела, ген.-квартермистр Боур с корпусом своим расположился лагерем при самом береге Дуная против Исакчи.

Ордер П. А. Румянцева князю Репнину 26 июля 1770 г., № 302 [1].

Возвращая сего козака, который прислан был от вас с репортером от 25, что вы сию ночь пойдете пред Измаил и нынешним утром оной станете атаковать, остаюсь я в полной надежде, что вы будете того города господином, коль скоро сие исполните. Впрочем, известие поляка ушедшего о турецких силах, на защищение сему месту предоставленных, не согласуется с видимым положением, в которое поставили мы турков. А что до поветрия, то мы столько уже между им запутались, что на все надобно дерзать, уповая на помощь вышняго.

P. S. Трудно подлинно верить, что ушедший сказывает о 45 000 турков. Жаль, что он не спрошен, пришли ль они от Дуная, где визирь перебирался, или тамошние жители. А однако думаю, что их число и место, откуда они, от них самих узнаете.

Ордер П. А. Румянцева ген.-майору Черноевичу, 26 июля 1770 г. № 303 [2].

Сей день получа два репорты ваши от 23 о появившемся неприятеле близ села Лунке и при реке Барлате, я иного сказать вам не имею, как сослаться на уведомления, вас доселе предварившие, что армия под предводительством моим, разбив в 21 день июля самого визира со всею многочисленною турецкою армиею, гнала бегущих до Дуная против Исакчи, где остаток их войск успел убраться на судах, а многие потопились, как и здались в плен; следовательно, сими успехами ободряясь, и вы можете своими командами удобно противустоять сим показавшимся неприятельским партиям, которые и сами по себе должны рассыпаться, потеряв в подкреплении их всю надежду, коль скоро сведают о пагубе их армии, и что уже их войска нет больше на сем берегу Дуная.

Сообщение П. А. Румянцева гр. П. И. Панину, 22 июля 1770 г., № 30 [3].

М. г. м. граф Петр Иванович.

Пропустя все произшествия между тем временем, как я имел честь уведомить в. с. о разбитии неприятеля 7 июля, поспешаю теперь возвестить вам, милостивый граф, коль знаменитейшею вновь победою благословил всевышний оружие е. и. в., предводительству моему вверенное.

Неприятель, за которым я шел от реки Ларги, наконец у Дуная соединился с самим верховным везирем Халил-беем, который со 150

[1] ЦВИА, ВУА, д. № 1866, ч. I, л. 270.
[2] Там же, л. 270—270 об.
[3] Там же, д. № 1866, ч. I, л. 432—433 об.

тысячами пехоты и конницы переправился на сей берег. При лутчем их воинстве были и знатнейшие их полководцы купно с везиром, как то: яничар-ага, Капикиран, топчи-паша, то-есть главной командир над артилериею, Гистанли-паша и прогнанные до сего от нас три паши — Абды, Абаза и Измаил. Третьего дня на вечер везирь с своею армиею перенесся лагирем к устью реки Кагула по левую сторону, где оная впадает в озеро, вливающееся в Дунай. Сие движение было в виду нашем и разстоянием не более 7 верст. Я проникнул, что турки хотят меня атаковать, и пленные утвердили, что с тем приготовились они к вчерашнему дню. Положение мое было понесколько критическое, ибо впереди я имел толь многочисленного врага, а неменьший же в силах хан крымский, не соединившийся с турками, от речки Салчи, обошед меня со своею ордою в тыл, чинил уже нападение на идущий к армии провиантский транспорт, против коего должен я был обратить знатную часть пехоты и лутчей своей кавалерии, кои с ним сражались, чем весьма оскудил со мною бывшие войски. Но дознавши не раз, что не числом, да храбростию и усердием приобретаются военные успехи, и в последнем полагаясь на войски, коими щастие имею командовать, решился я не дожидаться на себя везирской атаки, но упредить его оною с своей стороны.

Вследствие того вчерашний день, то-есть 21 июля, в начале 5 часа пополуночи, стал подходить я с армиею к неприятельскому лагеру, который, против всякого чаяния, нашли мы в одну ночь укрепленным пространным ретранжаментом с тройными глубокими рвами. Сперва кинулась и окружила нас их конница с наглым устремлением на пехотной фронт, и сию преграду не могли мы вдруг сокрушить, но почти до самого ретранжамента отверзали себе путь огнем, пробиваясь сквозь толпы, на нас нападающие с отчаянною наглостию. Приближившись к ретранжаментам, хотя мы открыли наисильнейшую по нем канонаду, но турки чрез пять часов против оной держались с чрезвычайною твердостью, чиня вылазки своею пехотою, из коих последняя был столь отчаянна и стремительна, что коснувшийся уже их батарей наш пехотной фронт, несколько было замешкался, однако ж я, под янычарскими саблями, успел тотчас оный в надлежащий привести порядок и призвавши на помочь господа сил, велел солдатам ударить в штыки и напустить своей кавалерии. И сим действием, как и безпрерывным огнем ручным и с артиллерии, стали мы в десятом часу пробиваться в самой уже неприятельской ретранжамент, который сверх стреляния от сидевшей во рвах пехоты, защищаем еще был наисильнейшею канонадою из многочисленных орудий.

Напоследок толь близки уже мы были белым ружьем до основания сокрушить всех противящихся, то они наши успехи над частью своих войск, падших и составляющих первую стену, когда увидел везирь и вся его армия, не могли более держаться, но стали подаваться назад, а мы тем жесточае их потеснили, доколе выбили с укрепления и обратили всех в наглой бег к Дунаю. Затем завладели мы турецким полным лагерем, получили в добыч весь обоз и всю их артиллерию в сту тридцати хороших орудиев на лафетах и со всеми к тому артиллерийскими запасами. О числе ставок и всякого протчего багажу я не могу счетом сказать, но сами, в. с., представить изволите по мере побежденных, сколь всего того велико число быть должно.

Сии суть вкратце обстоятельства нашей над везиром победы, о которой торжественно благодарные моления с пушечною и оружейною пальбою армия е. и. в. сей день принесла всевышнему в самом турецком лагере. Наш урон невелик, но турецкими телами покрыты все места боевые. Еще сему, как и всем трофеям, не было времени сделать счет.

Преследующие открывают, что везирь с войском уже прибежал к Дунаю и старается перебраться на судах на тот берег, поелику мосту нет. К бендерской стороне неприметны отсюду никакие движения, и провиантские мои транспорты идут доселе благополучно от Фалчи. Если бы, в. с., нашли удобность из своей конницы подвинуть часть некоторую от Бендер вдаль, для поиску против татар, которые держатся еще в околичности озера, в которое речки Салча и Салпух впадают, чтобы тем преклонили вы их скорее на желаемое, чем продолжением переписки. В скончании благодарю наипризнательнее в. с. за сообщенные мне уведомления чрез сего куриера в успехах ваших, при коих облегли уже вы стены бендерские. Даруй бог, как я на всякой день ожидаю, мне немедленно услышать и вас от искренныя души поздравить победителем противящегося вам неприятеля и сокрушением обложенных стен сокрушить всю его надежду возстания.

О положении мер по зделанному от в. с. мне изъяснению, я не успеваю теперь ничего вам сказать, как к предположениям от времени новые возникают поводы, что и относится к пункту совершенного нашего утверждения в своих действиях.

P. S. Что касается до доктора Лерха, то его присутствие и помощь наипаче нужны в Хотине и Яссах, где не перестает зараза, в кои места и прошу в. с. об отправлении его по над рекою Днестром, как безопасным путем, а у нас в армии, богу благодарение, от язвы благополучно.

Сообщение П. А. Румянцева гр. П. И. Панину, 26 июля 1770 г. № 31 [1].

М. г. м. граф Петр Иванович.

Дополняя предидущее уведомление от 22 июля о успехах, коими бог наш помощник благословил в сей стороне правоверных россов, имею честь в. с. донести, что по разбитии везировых армий преследовал бегущих турков до Дуная посланный от меня корпус под командою ген.-квартермистра Боура. Турки никогда подобной гибели не имели, как от нынешнего удара.

Представьте. Мосту не было на Дунае. Они все бросились на суда, коих хотя до 300 было, но торопливость и страх погрузили их тьмы в водах, паче когда наш корпус ознаменил свое туда шествие. Захваченные на здешнем берегу чиновные и рядовые, коих число превосходит тысячу, бросив оружие, просили у наших войск пощады и отдались в полон в виду самого визира и остатков своих собратий, как уже будучи на другой стороне реки с воплем на сие позорище взирали. Последней парк артилерии до 30 орудиев, безсчетное множество обозов, лошадей и скота, на берегу дунайском обретенные, во умножение нашей добычи остались. Из берега видно, что за Дунаем подле Исакчи скитается остаток войска, избегшаго пагубы с своим визерем, а здешней берег уже под нашею пятою. Я с корпусом обратил ген.-порутчика князя Репнина завладеть Измаилом и, по его уведомлениям, он сей день на оной ведет атаку. Хан крымский также, сказывают, своею особою убрался за Дунай, а мурзы многие уже ко мне присылали депутата, прося, чтоб не препятствовали наши войски пройтить им впрямь, инакоже их 100 тысяч есть, вознамерившихся драться до последнего. Я, сему предложению не внимая, требую совершенного от них покорения, угрожая в случае их упорства тою же участью, что терпят теперь везирь и турки. В. с., не найдете ли за благо обратить часть своих войск против сей орды к покорению их скорейшему, как уже от реки Салчи все татаре к стороне Измаи-

[1] ЦВИА, ВУА, д. № 1866, ч. I лл. 433 об.—434 об.

ла отбежали, поелику я льщу себя, что крепость Бендерская теперь покориться должна, утратив всю надежду к сикурсу[1], сверх обложения и штурму, которыми вы конечно уже колеблете ее стены. Как теперь сообщение между нами ничем не препятствуется, то я наипокорнее прошу в. с. коль можно частее уведомлять меня о своем положении на настоящее время.

P. S. Из пленных препровождаю к в. с. при сем одного епага Ипагаали, который имеет свое семейство в Бендерах. Не найдете ли, ваше сиятельство, за пристойно, чтоб всю участь везиря и турецких армий чрез его, яко самовидца, возвестить городу осажденному?

Ордер П. А. Румянцева кн. Репнину, 26 июля 1770 г., № 306[2].

С сержантом лейб-гвардии кн. Долгоруковым посланной ваш рапорт о покорении города Измаилова я получил с наибольшим удовольствием. Сколько важен сей ваш подвиг для пользы службы, то неменьше из успехов оного я имею обрадование, коль надежда и кой выбор и в сем случае произвели плоды искусства и славы имени вашего сиятельства. С пушечной пальбою ознаменивши армии вашу победу, послал я краткое уведомление в сию минуту к ее императорскому величеству чрез того самого сержанта, что от вас прислан. Я надеюсь, что столько пропитания для своего корпуса ваше сиятельство найдете в Измаиле, чтоб в оном вам пробыть, доколе армия возьмет другое положение, что учинить я вам и рекомендую, не упуская притом обратить все свои легкие войски к преследованию неприятеля коль можно далее и к откровению, куда отселе будет его склонение. Ради чего и велите, ваше сиятельство, тем войскам распространиться к вершине реки Салпуха и от той стороны наведываться до Килии и предостерегать, взяв удобной к тому пост, чтоб неприятель иногда не мог пробраться в наш тыл, доколе другие меры к полному обеспечению возьмем.

P. S. Примите, ваше сиятельство, строгие меры к удержанию грабителей и не допустите разорить и растащить войску надобное. Я разумею хлеб, и скот, и порох. Уверен буду ей, что жители, покорившиеся и живущие в городе, от того охранены.

Сообщение П. А. Румянцева гр. П. И. Панину, 26 июля 1770 г., № 32[3].

М. г. м. гр. Петр Иванович.

Вскоре после отправления всепочтеннейшего в. с. ко мне от 24, которое в сей день я честь имел получить, я надеюся прибудут мои к вам куриеры, сего месяца от 22 и 26 к вам посланные, коих ваш куриер и повстречал на дороге. С первым вы соизволите иметь уведомление, что армию везирскую мы разбили; со вторым, что и остатки оной с их верховным предводителем прогнаты за Дунай. Теперь вновь в. с. поспешаю сообщить, что посланный от меня корпус, под командою ген.-порутчика князя Репнина, вчера покорил город Измаил и в оном утвердился. Неприятеля он нашел было в сем городе тысяч более 20, который, уклоняясь от дела, верст за четыре пред нашими войсками, убрались из города и потянулись к Килии. Он в такой дистанции всегда был, коль ни старался преследовать его князь Репнин; легкие войски и кавалерия полонила несколько сот да с 100 убила турков.— Пушек до 30 взято. Но обстоятельного уведо-

[1] Сикурс — поддержка, помощь.
[2] ЦВИА, ВУА, д. № 1866, ч. I, л. 271—271 об.
[3] ЦВИА, ВУА, д. № 1866, ч. I, л. 434—434 об.

мления я дожидаюсь с часа на час, что в сем городе найдено, ибо с кратчайшим токмо известием первый куриер оттуда прискакал и уверяет, что изобилует во всем как город, так и окрестности оного. Я велел князю Репнину свои легкие войски обратить к вершине Салпуха и против Килии и оными беречь, чтоб неприятель в мой зад не пролез. А по поводу сему и еще повторю в. с. сим мою просьбу: не соизволите ль вы свои легкие войски, по настоящему положению, когда все покоряется оружию е. и. в., послать к стороне Килии, где они вящшие успехи приобресть бы могли, и притеснить татар мятущихся, а мне Измаил, как нужный пост, надобно удерживать. Вчера я послал к вашему сиятельству турка из жильцов бендерских, чтоб его препроводить в Бендеры ради возвещения, что претерпели здесь турки, и надеюсь, что отчаяние против вас у обороняющихся смягчится, коль скоро узнают, что их пала вся надежда на помощь от сей стороны. Везирь в Исакче запер остатки войск и не выпущает, чтоб салтана не сразить нечаянным известием, что он все потерял. И сказывают, будто сам хан крымской поскакал в Цариград, чтоб приготовить салтана к принятию несщастных уведомлений.

P. S. Я осмеливаюсь вашему сиятельству мой совет подать, чтобы на настоящей случай обратить большую часть на Телигуле стоящих войск к Килии. Сокруша сии неприятельские пункты, легко можно достигнуть живущих в стороне Очакова.

Д. И. Писарев и царская цензура

Д. И. Писарев был одним из талантливейших русских публицистов и критиков, статьи которого в значительной мере содействовали формированию революционной идеологии интеллигенции 60-х годов, хотя царское правительство и цензура прилагали все усилия, чтобы не допустить в широкие народные массы произведения Писарева. Лучшие статьи Писарева подвергались судебному преследованию, запрещались, варварски уничтожались, а его статья о Шедо-Ферроти, являвшаяся революционным призывом к низвержению самодержавия, повлекла за собой арест автора и заключение его в Петропавловскую крепость на 4½ года. Эта статья была написана по поводу брошюры Шедо-Ферроти [1], направленной против Герцена. Брошюра Шедо-Ферроти была напечатана за границей, с ведома русского правительства, и ввезена в большом количестве в Россию. Царское правительство с помощью этой брошюры хотело развенчать авторитет Герцена; оно полагало, что подлый наемник и агент III отделения Шедо-Ферроти в своей брошюре сумел доказать несостоятельность социалистических и республиканских идей Герцена и несправедливость его критики русского монархического строя.

Писарев прекрасно понимал эту авантюру царского правительства, которое старалось использовать все средства подлости и обмана, чтобы, как говорил Писарев, «оклеветать и оплевать Герцена».

Выражая горячий протест против этой клеветы, Писарев написал статью в ответ на пресловутую брошюру Шедо-Ферроти. Автора этой наглой брошюры Писарев называл «умственным пигмеем», «продажным памфлетистом», «адвокатом и сыщиком III Отделения», а членов царского правительства притеснителями и врагами народа.

В своей статье Писарев писал: «Династия Романовых и петербургская буржуазия должны погибнуть. Их не спасут ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти.

То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться в могилу. Нам остается только дать им последний толчек и забросать грязью их смердящие трупы... Низвержение благополучно царствующей династии Романовых и изменение политического и общественного строя составляют единственную цель и надежду всех честных граждан. Чтобы при теперешнем положении дел не желать революции, надо быть или совершенно ограниченным, или совершенно подкупленным в пользу царствующего зла».

Арестовав и посадив Писарева в Петропавловскую крепость, царское правительство строго следило за тем, чтобы «злосчастная» статья его не появилась в свет. Впервые статья была напечатана М. К. Лемке в «Былом» (1906 г. № 2), но этот номер был конфискован. В 1907 году статья была напечатана в дополнительном томе шеститомного издания сочинений Д. И. Писарева, но цензура заставила издателей вырезать статью о Шедо-Ферроти. Полностью статья о Шедо-Ферроти была помещена впервые в книге Лемке «Политические процессы в России 1860 гг.», напечатанной уже после Октябрьской революции.

[1] Брошюра называлась «Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями».

В 1912 году известный издатель Ф. Павленков пытался издать статью о Шедо-Ферроти в дополнительном выпуске к «Полному собранию сочинений Д. И. Писарева», но как видно из публикуемых документов царская цензура и СПБ судебная палата подвергли аресту и уничтожению эту статью.

Особенно жестоко и беспощадно цензура преследовала статьи Писарева после введения нового закона о печати, нового цензурного устава (6 апреля 1865 г.). Теперь цензура была уже не при министерстве народного просвещения, а при министерстве внутренних дел.

Статьи Писарева вызвали репрессии и против журналов, в которых они печатались. Первое предостережение журналу «Русское слово» было сделано 20 ноября 1865 г., а второе 8 января 1866 г. Первое предостережение было вызвано, главным образом, напечатанием статьи Писарева «Новый тип». Цензура указывала, что в этой статье, написанной по поводу романа Чернышевского «Что делать», отвергается понятие о браке и проводятся теории социализма и коммунизма». В противоположность дворянско-буржуазной критике Писарев приветствовал роман, как новое и замечательное явление в русской художественной литературе. Писарев указывал, что роман Чернышевского совершенно справедливо обрушивается против старых порядков общества и его обычаев, изображает новых людей труда и общественной деятельности. Поэтому понятно, что цензура нашла статью Писарева «вредной для общества».

Другая статья Писарева, вызвавшая второе предостережение журналу «Русское слово» — это — «Исторические идеи Огюста Конта». Петербургский цензурный комитет в своем представлении в Главное управление по делам печати указывал, что в этой статье Писарева «отрицается божественное происхождение христианской религии».

17 мая 1867 г. СПБ цензурный комитет запретил статью Писарева «Будничные стороны жизни» (продолжение статьи «Борьба за существование»), написанную по поводу романа Достоевского «Преступление и наказание».

Член Совета Главного управления по делам печати Ф. Толстой о 1-й части сочинений Писарева заявлял, что многие места статей «ясно определяют социалистические и коммунистические тенденции автора, но так как мысли эти разбросаны и не сгруппированы систематически в виде коммунистического учения, то и, согласно с мнением Цензурного комитета, полагаю, что 1-ю часть сочинений Писарева нельзя еще подвергнуть судебному преследованию. Тем не менее, если в последующих частях автор продолжать будет проводить зловредные учения, то в совокупности это составит, по моему мнению, достаточный материал для арестования книги и для предания автора суду» [1].

1-я часть сочинений Писарева все же прошла благополучно, но 2-я часть вызвала судебное преследование издателя Ф. Ф. Павленкова. Цензура обратила внимание на статьи: «Русский Дон-Кихот» и «Бедная русская мысль».

Остерегаясь, что судебный процесс может окончиться не в пользу издателя, Павленков пустился на хитрость. Обе статьи, вызвавшие судебное преследование, он решил напечатать отдельной книгой в Москве, полагая, что здесь цензура пропустит эти статьи и не возбудит против него судебного преследования. Это предприятие Павленкову удалось.

Книга была напечатана без имени Писарева под названием «Две статьи Н. Р.». Заглавия статей так же были изменены, но текст статей был тот же. Московская цензура статьи пропустила. Они были напечатаны еще до суда. 15 июня 1868 г. в С. Петербургской судебной палате слушалось дело о 2-й части сочинений Д. И. Писарева. Ф. Ф. Павленков, представя на суд несколько экземпляров книги, изданной в Москве, заявил, что он был вполне уверен, что в статьях «Бедная русская мысль» и «Русский Дон-Кихот» преследуются не идеи, а вывеска над ними имени Писарева. Павленков говорил о непоследовательности цензурного ведомства, которое одну и ту же книгу, на основании

[1] В. Евгеньев-Максимов, «Д. И. Писарев и охранители», «Голос минувшего». 1919 г., № 1—4, стр. 146.

одного и того же указа, считает возможным и справедливым беспрепятственно допускать к обращению и преследовать с предварительной конфискацией, т. е. мирить две такие противоположности, как полнейшая безвредность и выходящая из ряда преступность [1].

Петербургская судебная палата оправдала Ф. Ф. Павленкова, а арест, наложенный Петербургским цензурным комитетом на 2-ю часть сочинений Писарева отменила. Но на определение судебной палаты был подан протест в правительствующий сенат, который постановил статью Писарева «Бедная русская мысль» уничтожить. 3-я, 4-я и 5-я части сочинений Писарева прошли через цензуру благополучно, но 6-я часть снова вызвала цензурные репрессии.

Через немного лет, в 1872 году, Ф. Павленков предпринял 2-е издание сочинений Д. И. Писарева, которое также подверглось репрессиям со стороны цензурного ведомства и Комитета министров. IV часть сочинений Писарева, которая в предыдущем издании прошла благополучно, теперь подверглась запрещению. [2]

Особое внимание цензура обратила на статьи «Мыслящий пролетариат» и «Генрих Гейне». Цензор Петербургского цензурного комитета де-Роберти обрушился на первую статью за то, что в ней давался восторженный отзыв о романе Чернышевского «Что делать». Цензор указывал, что в этом романе 60-х годов отражено новое социальное направление, основными началами которого были: «требование коренных преобразований экономических условий нашего общества, прославление деятельности людей, обрекающих себя на самоотверженное служение народу, и предводительство массами в их попытках изменить гнетущий порядок общественного устройства. Такое значение романа и судьба его автора привлекли сочувствие молодого поколения и прозелитов новой доктрине, враждебной существующему общественному порядку» [3]. Вторую статью Писарева цензор так же находил чрезвычайно вредной, так как здесь «автор оправдывает необходимость революции».

Цензурный комитет, высказавшись за запрещение IV части сочинений Писарева, представил свое заключение на усмотрение Главного управления по делам печати, которое согласилось с мнением Цензурного комитета. Дело было передано на окончательное утверждение в Комитет министров, который постановил выпуск книг в свет воспретить. Та же самая участь постигла и 7-ю часть сочинений Писарева.

3-е издание сочинений Д. И. Писарева, предпринятое Ф. Павленковым в 1894 году, также подверглось репрессиям.

В 1897 году Ф. Павленковым было предпринято 4-е издание «Сочинений Д. И. Писарева» в 6 томах. Это издание со стороны цензуры на этот раз особых репрессий не встретило. Цензура обратила внимание только на I том и VI том. Цензор Елагин в своем докладе С.-Петербургскому цензурному комитету о I томе «Сочинений Д. И. Писарева» (1 января 1897 г.), между прочим отмечал следующее: Комитет, давая три года тому назад свои заключения в пользу выпуска в свет 3-го издания сочинений Писарева, руководствовался между прочим теми соображениями, что большинство идей покойного публициста потеряло для современного общества и интерес и значение, что взгляды Писарева значительно устарели, а миросозерцание современной молодежи, среди которой сочинения эти могли получить широкое распространение, приняло совершенно другое направление. Соображения эти заставили далее предполагать, что попытка Павленкова потерпит фиаско,— издание, предпринятое в таком огромном количестве экземпляров, не разойдется.

---

[1] См. «Голос минувшего» № 1—4 за 1919 г., ст. Евгеньева-Максимова, «Д. И. Писарев и охранители», стр. 153.

[2] На этот раз цензурное ведомство воспользовалось законом 7 июня 1872 г., который разрешал министру внутренних дел (главе цензурного ведомства), не прибегая к судебным органам, самостоятельно решать вопрос о запрещении книг и периодических изданий, сообщая об этом для окончательного утверждения в Комитет министров.

[3] См. В. Евгеньев-Максимов, «Д. И. Писарев и охранители», «Голос минувшего» 1919 г., № 1—4, стр. 156.

Время показало, однако, иное. Настоящее, 4-ое издание, появляется через 3 года в количестве 6 000 экземпляров и по той же незначительной цене, 1 рубль за том (СПБ. Ценз. ком. 1894 г. л. 26, л. 106). 3-е издание было напечатано в количестве 15 000 экземпляров.

Из публикуемых документов, относящихся к этой части, видно, что царское правительство и цензура подвергали статьи Писарева преследованию, запрещению и уничтожению за то, что они подрывали основы самодержавия и религии. Так расправлялось царское правительство и цензура с талантливыми статьями замечательного русского критика и публициста.

Публикуемые документы хранятся в Центральном государственном архиве внутренней политики, культуры и быта.

И. Ковалев.

I. О статьях Д. И. Писарева

Из представления председателя С.-Петербургского цензурного комитета А. Г. Петрова в Главное управление по делам печати, 7 января 1866 г.[1]

В заседании С.-Петербургского цензурного комитета 5-го сего января слушан был следующий доклад цензора Скуратова о ноябрьской книжке журнала «Русское слово».

Книга эта немногим отличается по духу и направлению от октябрьской, за которую редакция подверглась административному взысканию. Из числа помещенных в оной статей, две преимущественно заслуживают внимания, именно: «Исторические идеи Огюста Конта» — Писарева и «Рабочие ассоциации» — Шелгунова. В первой из них под именем средневековой доктрины отрицается божественное происхождение христианской религии и она представляется лишь результатом борьбы воображения с рассудком и одним из последовательных фазисов умственного развития человечества. «В начале истории,— говорит автор,— во времена фетишизма, для рассудка не было места; самые простые явления объяснялись фантастическим образом; однакоже рассудок, опираясь на свидетельство пяти чувств, выбил воображение из самой крепкой его позиции; воображение отодвинулось назад и состроило себе систему политеизма. Потом рассудок повел атаку против политеизма, основываясь на том, что постоянство и правильность, замечаемые во всех явлениях природы, несовместны с гипотезой многих правителей. Воображение еще раз отступило назад и выработало себе ту доктрину, которая наложила свою печать на средневековой период... И так как средневековая доктрина была уступкою, которую воображение было принуждено сделать рассудку, то разумеется эта доктрина была для рассудка менее стеснительна чем политеизм». (стр. 225). Отрицая, таким образом, под прозрачным покровом названия средневековой доктрины божественное происхождение христианства, автор старается также доказать бессилие христианского учения, проповедующего сильным и богатым милосердие и щедрость к слабым и неимущим, считая единственным надежным основанием благоустроенного общества развитие всеобщего энергического эгоизма в личностях. По его мнению, сильных может удержать от посягательства на личность и собственность слабых, единственно страх встретить опасный отпор; а для этого нужно, чтобы слабые умели защищать себя коллективною силою масс, в доказательство чего он описывает восстание крестьян в средних веках, вследствие пропаганды плотника Дюрана. Но этого мало; автор идет далее и

[1] Главное управление по делам печати, 1866 г., д. № 80, лл. 26—31.

утверждает, что проповедуемая средневековыми моралистами нравственность сгубила бы человечество, если б она была возможна... Автор насмешливо отзывается о мыслителях, которые, по его словам, требовали от своих последователей и от всех людей, чтоб они постоянно зарезывали свои собственные выгоды на алтаре добродетели, нравственности и человеколюбия (это, очевидно, относится к апостолам евангелия, так как никто кроме них этого не проповедует)...

По мнению цензора, статья эта подлежит судебному преследованию лишь на основании ст. 1356 Уложения о наказ., как имеющая целью развращение нравов и явно противная нравственности [1].

Комитет, принимая во внимание, что в статье Писарева: «Исторические идеи Огюста Конта» указанное место на стр. 225 не упоминает о христианском учении и не заключает в себе прямого порицания христианской веры, находит, что судебное преследование автора или редактора на основании ст. 197 Уложения о наказ. оказалось бы несостоятельным. Но как это место, имеющее целью поколебать основы христианской морали, так и другие, в которых осмеиваются начала нравственности и доказывается бессилие и бесплодность их в применении к общественному быту, и напротив того указывается на развитие личного эгоизма и страстей, как на единственно плодотворное и хранительное начало,— направлены к развращению нравов и явно противны нравственности, то Комитет, согласно с мнением цензора, полагает, что к приведенной статье: «Исторические идеи Огюста Конта» применима статья 1356 Улож. о нак., и на основании оной она может быть подвергнута судебному преследованию. Имея честь представить такое заключение свое на благоусмотрение Главного управления, Комитет находит необходимым, согласно с мнением цензора, заявить и о других статьях ноябрьской книжки «Русского слова»: «Рабочие ассоциации» Шелгунова и «Библиографическом листке», как характеризующих направление журнала.

Отношение с.-петербургского обер-полицеймейстера председателю С.-Петербургского цензурного комитета, 27 сентября 1866 г. [2]

С.-петербургский военный генерал-губернатор, предложением от 24 сего сентября за № 2215, сообщил мне, что правительствующий сенат, на усмотрение которого представлялись его светлостью доставленная комендантом С.-Петербургской крепости написанная содержавшимся в крепости литератором Писаревым статья под заголовком «Картонные герои», дал знать, что он не находит удобным допустить напечатание ее в журнале «Русское слово».

Долгом считаю уведомить об этом С.-Петербургский цензурный комитет на зависящее распоряжение.

Генерал-лейтенант Анненков

Доклад цензора Ф. П. Еленева С.-Петербургскому цензурному комитету о статье Д. И. Писарева «Взгляды английских мыслителей на умственные потребности современного общества» [3], 29 марта 1867 г. [4]

Автор продолжает передавать мысли некоторых английских писателей о необходимости ввести естественные науки в курс учебных заведений. При этом случае он пересыпает статью собственными размышлениями, в которых, извращая строгое значение естествознания, старается вывести из него подтверждение материалистических уче-

[1] Далее идет речь о статье Шелгунова «Рабочие ассоциации».
[2] СПБ цензурный комитет, д. № 7, 1864 г., л. 110.
[3] Эта статья предназначалась для помещения в журнале «Дело».
[4] С.-Петербургский цензурный комитет, 1866 г., № 76, ч. I, л. 62.

ний; в других местах он защищает, так называемое, нигилистическое направление. Все таковые места предварительно исключены из статьи[1].

Доклад цензора Ф. П. Еленева С.-Петербургскому цензурному комитету о статье Д. И. Писарева «Борьба за жизнь», 5 апреля 1867 г.[2]

Автор старается доказать, что Раскольников, действующее лицо в романе Достоевского, был приведен к преступлению сцеплением таких обстоятельств, которые делали для него невозможным другой выход, кроме преступления. При этом автор пускается в пространные общие рассуждения на известную тему о невменяемости преступлений, служащую одним из любимых коньков бывшей редакции «Русского слова». Автор развивает здесь ту мысль, что преступления порождаются исключительно роковыми обстоятельствами, против которых человек не в состоянии ничего сделать, именно: нищетою, общественными неравностями, людскою несправедливостью, часто даже самыми благородными чувствами нашей природы, если эти чувства не находят себе удовлетворения; одним словом, преступление, по понятиям автора, есть только «борьба за жизнь», как он и озаглавил свою статью. По мнению автора, нравственность с ее предписаниями может быть обязательна только для людей сытых и счастливых, но голодным и несчастным думать о ней не приходится. Вообще все эти общие рассуждения автора отмечены замечательным извращением нравственных понятий. По теории автора, всевозможные преступления не только могут быть оправданы, но вменены даже в некоторого рода мученический венец преступникам, так как каждый из них, по этой теории, страдал, терпел, боролся и, наконец, пал, не вследствие своей злой воли, а единственно, став жертвою людской несправедливости и общественных неравностей.

Все подобные общие рассуждения предварительно уничтожены цензором, равно как и самое заглавие статьи; из остающихся мест статьи хотя читатель и может догадываться, что автор клонит свои рассуждения к доказательству невменяемости преступления Раскольникова, но ясных и общих рассуждений на сказанную тему в этих местах не осталось.

Доклад цензора Ф. П. Еленева С.-Петербургскому цензурному комитету о статье Д. И. Писарева «Будничные стороны жизни», 17 мая 1867 г.[3]

Продолжение статьи, носившей название «Борьба за существование» и написанной по поводу романа Достоевского. Автор и здесь остается вполне верен взгляду, высказанному в первой статье, т. е.

---

[1] Доклад цензора Ф. П. Еленева о статье Писарева «Взгляды английских мыслителей на умственные потребности современного общества» был заслушан в заседании С.-Петербургского цензурного комитета 29 марта 1867 г. Комитет вынес решение: «За сделанными исключениями определено статью к напечатанию дозволить» (см. журнал заседания С.-Петербургского цензурного комитета, за 1867 г., л. 133).

[2] СПБ цензурный комитет, 1866 г., д. № 76, ч. I, л. 64. Статья «Борьба за жизнь» предназначалась для помещения в журнале «Дело». С.-Петербургский цензурный комитет в заседании 5 апреля 1867 г., рассмотрев эту статью, постановил: «За сделанными исключениями дозволить статью к напечатанию» (см. Журнал заседаний С.-Петербургского цензурного комитета за 1867 г., л. 151).

[3] СПБ цензурный комитет, 1866 г., д. № 76, ч. I, лл. 75—76. Статья «Будничные стороны жизни» предназначалась для помещения в журнале «Дело». СПБ цензурный комитет в заседании 17 мая 1867 г., рассмотрев эту статью, вынес решение: «Статью к напечатанию запретить» (см. журнал заседаний СПБ цензурного комитета за 1867 г., д. 191).

что преступления порождаются не злою волею и не порочною нравственностью, а только тяжелыми обстоятельствами, что они не что иное, как борьба человека за свое существование. Но так как рассуждения автора на эту тему были исключены цензором в первой статье, то теперь автор не высказывает уже их прямо и от своего лица, а старается провести в читателе свой взгляд, рисуя перед ним в преувеличенном виде картину лишений и страданий Раскольникова, которые, по мнению автора, неизбежно должны были довести его до решимости искать выхода в преступлении.

Тот же самый герой — Раскольников, которого автор выставлял доселе одаренным умом гордым, страстным и впечатлительным, вдруг теряет все его участие и изображается им в виде мелкого и трусливого мошенника за то, что он, совершив убийство, растерялся, почувствовал угрызения совести, стал трусить наказания, одним словом за то, что он оказался, по понятиям автора, непоследовательным, не выдержал характера. Автор, конечно, осуждает убийство, совершенное Раскольниковым, но осуждение это выражается у него довольно слабо и даже имеет какой-то двусмысленный характер: автор преимущественно осуждает Раскольникова за то, что убийство было сделано им для воровства денег и притом было убийством грязным, т. е., как поясняет автор в первой статье, что убийца решился пачкать руки в крови двух безобразных старух ростовщиц. О том, что подобное преступление в образованном человеке могло быть следствием только глубокого нравственного развращения, автор не говорит ни слова, так как у писателя этой категории (называющих себя реалистами) существование нравственности и нравственных законов вовсе отвергается. В то же время автор не щадит самых ярких красок, чтобы убедить читателя, что преступление Раскольникова было вызвано неисходною бедностью и униженным общественным положением этого замечательно умного человека, дошедшего, таким образом, до ненависти и презрения ко всему человечеству.

Подобные извращенные объяснения самых тяжких преступлений должны, по мнению цензора, возбуждать в массе неопытных читателей слишком легкий взгляд на эти преступления, учить их находить для них дешевые извинения, притуплять к ним чувство отвращения, одним словом — должны популяризировать преступление. Сверх того автор, в начале статьи, рисует восторженными чертами характеристику каких-то необыкновенных людей, не высказывая категорически, кого именно он разумеет под этим названием; но не надобно быть слишком знакому с условною фразеологиею подобных писателей, чтобы понять, что автор под необыкновенными людьми разумеет здесь политических агитаторов.

Цензором исключены некоторые места, выражающие наиболее наглядным образом тенденцию автора, но общий смысл и впечатление статьи не могут быть уничтожены посредством цензурных помарок.

Из отзыва члена Совета Главного управления по делам печати В. М. Лазаревского (из журнала заседания Совета Главного управления по делам печати, 22 июня 1867 г.) [1].

...в) Представляем при сем отзыв члена Совета Лазаревского, который не совсем согласен с взглядами Цензурного комитета на первую из упомянутых статей [2] и видит в ней не все то, что комитет нахо-

[1] Главное управление по делам печати, журнал заседаний за 1867 г., лл. 150—151.

[2] Речь идет о статье Д. И. Писарева «Будничные стороны жизни», продолжение статьи «Борьба за жизнь», и статье «В столице» — отрывок из повести М. Л. Михайлович «Засоренные дороги».

дит,— но также не признает ее удобною к печати. По мнению члена Совета, статья г. Писарева есть не более как «сводка психических пертурбаций, чрез которые г. Достоевский провел con-amore, душу бедного Раскольникова», и в эту сводку Писарев не вносит ничего личного,— его работа чисто редакторская, поверочная, и на первый раз казалось бы странным видеть грех Писарева в том, что не ставилось в вину Достоевскому. Но в романе «живой интерес фабулы» поглощает внимание читателя; у Писарева же строго логическое движение мысли, раз попавшей в данную колею, приводящее к тому, что настоящею и единственною причиною являются тяжелые обстоятельства, которые пришлись не по силам раздражительной и нетерпеливой натуре.

Раскольникову, говорит г. Писарев, стал ненавистен правильный и упорный труд. Мысль о быстрой, легкой наживе врывается в его ум и овладевает всем его существом. Является внутренняя борьба, но она возможна, пока остается достаточно умственной трезвости. Между тем, силы уже истощены. Раскольникову нужно покончить с внутренним разладом; уничтожить мысль о легкой наживе было уже невозможно. В «казуистическом уме нашлось нравственное оправдание дела».

Такая теория, такая логика в красноречивой обстановке умного мыслителя, до известной степени, опасны. Исход из тяжелого положения найден, это — легкая нажива. Кто не придумает чего позамысловатей,— может обратиться к немудрой операции — зарезать соседа. Это как то само собою вставилось «в программу изображений». Правда, что г. Писарев также умно и сильно говорит о том, что может ожидать убийцу, но для многих экспериментаторов — это еще вопрос, это простое дело нервов. Г. Писарев высказал сам так много отвращения к теории Раскольникова, что странно было бы видеть в речах его проповедь; но член Совета полагает, что настоящий труд его, по всему, в нашей литературе «лишний».

Отзыв члена совета Главного управления по делам печати Ф. М. Толстого, о статье Д. И. Писарева «Будничные стороны жизни», 26 июня 1867 г. [1]

Если подцензурным журналам дозволено разбирать статьи, помещаемые в неподцензурных изданиях, не подвергнувшихся судебному преследованию, то в таком случае нет никакого повода по моему мнению запрещать статью г. Писарева «Будничные стороны жизни», тем более, что первая часть означенной статьи, в которой проводятся почти однородные мысли с теми, которые начертаны во 2-й статье, пропущена цензурою и вышла уже в свет.

Вся задача второй статьи г. Писарева заключается в опровержении нелепой теории Раскольникова, выраженной в следующих словах: «Я просто запросто намекнул,— говорит Раскольников,— что необыкновенный человек имеет право, конечно, неофициальное право, разрешить своей совести перешагнуть через иные препятствия в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует».

Выражая эту мысль запутанными и сбивчивыми рассуждениями, как отзывается г. Писарев о диалектике Раскольникова, он, т. е. Раскольников, старается доказать, что преступник делается преступником потому, что стоит выше окружающих его людей. Мысль эта, действительно, нелепая и даже вредная и потому статью г. Писарева,

[1] Главное управление по делам печати. 1866 г., № 125/357, лл. 19—24.

написанную с целью опровергнуть теорию Раскольникова во всех ее основаниях, не только нельзя назвать предосудительною, но следует, по моему мнению, признать полезною.

В донесении Цензурного комитета сказано, что автор статьи, преувеличивая картину лишений и страданий Раскольникова, старается возбудить в читателях мысль, что для Раскольникова не было другого исхода из бедственного положения, как преступление.

Этого заключения я никак не могу вывести из статьи Писарева. Напротив, он неоднократно называет поступок Раскольникова «грязным», низким, отвратительным, доказывает, что преступник утратил под влиянием борьбы с материальными лишениями здравое понимание вещей и что в нем совершился внутренний процесс, который можно назвать увяданием ума и характера. Автор статьи ни в каком случае не мог иметь в мыслях оправдывать преступление Раскольникова, как единственный исход из бедственного положения, потому что сам говорит, что Раскольников ни чем не воспользовался из имущества убитой им старухи. Следовательно, весь роман Достоевского следует рассматривать с психиатрической точки зрения, и главный недостаток статьи г. Писарева состоит именно в том, по моему мнению, что он не довольно смело, а только намеками говорит о поколебании умственных способностей Раскольникова.

Мне кажется, что в виду некоторых вопросов, поднятых новейшим судоустройством, писатель опасался коснуться вопроса о невменяемости.

В донесении Цензурного комитета сказано, что автор рисует восторженными чертами характеристику каких-то необыкновенных людей, не высказывая категорически, кого именно разумеет он под этими названиями. Напротив, он положительно называет Кеплера и Ньютона, и говорит, что настоящие великие деятели, проводники великих идей, истинно полезных человечеству, никогда не были кровопийцами. В донесении Цензурного комитета выражена мысль, что для человека, знакомого с условною фразеологиею писателей, подобных г. Писареву,— ясно, что автор под необыкновенными людьми разумеет здесь политических агитаторов. Но, во-первых, автор положительно указывает между прочим на Кеплера и Ньютона, которых нельзя, конечно, назвать политическими агитаторами, во-вторых, к характеристике необыкновенных людей,— так, как очертал ее автор,— можно подвести и полезных преобразователей, как напр. Петра Великого и других, и, в-третьих, не следует, даже по точному смыслу цензурных постановлений, приписывать автору дурных намерений и истолковывать ему во вред неясно высказанные им предположения.

Я вполне согласен, что г. Писарев принадлежал, когда участвовал в «Русском слове», к той категории писателей, о которой упоминает Цензурный комитет, но каждый человек может покаяться, сознав свои заблуждения, а, судя по последним статьям г. Писарева, есть повод предполагать, что переворот этот в нем совершился. Г. Писарев писатель с большим дарованием, а таковых мыслителей — писателей у нас весьма немного; следить за каждым словом г. Писарева необходимо, а при первом появлении каких-либо социалистических, антирелигиозных или антидинастических умствований его следует круто остановить, но преграждать ему путь на литературном поприще из одного опасения, что он может вернуться к прежним заблуждениям, и с этой целью стеснять каждый его шаг, было бы в ущерб отечественной нашей литературе. А между тем в корректурах мы видим такие помарки, сделанные г. цензором, что их иначе нельзя объяснить, как предвзятою мыслью о зловредности автора.

Так например, в 3 форме в конце третьего столбца зачеркнуты 21 строка, в которых автор стремится доказать, что сам Раскольников не верил в нелепую свою теорию, иначе он постарался бы приобрести в лице своей сестры и приятеля своего Разумихина драгоценных союзников или, по крайней мере, постарался бы приобрести в них нравственную поддержку.

Следовательно, говорит автор статьи, Раскольников после совершения убийства держал себя совсем не как фанатик, увлекшийся ложною идеею, а просто как мелкий трусливый и слабонервный мошенник.

Вся эта тирада вычеркнута г. цензором, тогда как она служит необходимым пояснением к исследованию ненормального психического настроения Раскольникова.

На первом столбце той же формы автор говорит, что тонкий и гибкий ум Раскольникова был в высшей степени способен открывать в людях, в предметах и в понятиях самые неожиданные, а пожалуй даже и совсем несуществующие стороны (другими словами подвержен был галлюцинациям,—род психического расстройства). Г. цензор вычеркнул эпитеты тонкий и гибкий, как будто человек, совершивший преступление, не может иметь тонкий и гибкий ум. Вообще г. цензор как бы не признает за автором права оценки, здесь он вычеркивает эпитеты тонкий и гибкий ум и на 2-м столбце 2 формы в словах «грязное преступление» вычеркивает слово грязное. За небольшими исключениями почти все помарки находящихся в рассмотрении корректур столь же мало мотивированы, как и вышеуказанные, а потому я полагаю, что справедливость требовала бы поручить другому цензору просмотр новой корректуры, сохранив прежние при делах Главного управления.

Что же касается до личного моего мнения, то я полагаю, что статью г. Писарева можно дозволить с небольшими пропусками, на которые я обязуюсь указать, если Совет признает возможным предлагаемый мною просмотр новой корректуры.

В заключение я почитаю долгом объяснить, по какой причине, сходясь в мнениях с почтенным Василием Матвеевичем[1] на счет значения статьи г. Писарева, я прихожу к совершенно противоположному заключению. Василий Матвеевич, так же, как и я, находит, что статья г. Писарева относится более к категории психиатрических исследований, чем к категории литературной критики. Он также признает, что г. Писарев замечательный мыслитель и красноречивый рецензент, глубоко исчерпывающий обсуждаемый им предмет, но с тем вместе Вас. Матв. приходит к заключению, что настоящий труд г. Писарева в нашей литературе совершенно лишний. К сожалению в этом отношении я никак не могу согласиться с мнением почтенного моего сотоварища.

Наша литература далеко не изобилует даровитыми писателями, а тем более глубокими мыслителями, психиатрические исследования, столь необходимые при новом судоустройстве, почти не встречаются в печати и, следовательно, каждая попытка в этом роде не только не лишняя, но напротив того до крайности полезная.

Если бы автор стремился посредством различных ловких софизмов оправдать убийство, то чем талантливее была бы его статья, тем строже должна была бы отнестись к ней цензура. Но г. Писарев разбивает в пух и прах нелепую теорию Раскольникова и относится с презрением к гнусному, грязному преступлению, совершенному даже вовсе не с целью быстрой наживы (так как Раскольников ничем не

[1] Лазаревским.

воспользовался из имущества его жертвы). Набрасывая тень на умственные способности преступника, Цензурный комитет и Вас. Матв. ставят в укор г. Писареву, что он слишком яркими красками очертил картину нищеты Раскольникова, приписывая автору намерение доказать, что по милости безвыходного положения Раскольникова преступление представляло единственный исход.

Давно известно, что заедающая нищета и борьба с лишениями всякого рода более располагают человека к преступлению, чем привольная жизнь, следовательно нет ничего предосудительного в том, что автор статьи, изобразив яркими чертами нищету Раскольникова, силится доказать, что бедность его положения имела решительное влияние не только на его нравственность, но и на нормальность умственных способностей, заставив его позабыть, что честный труд мог вывести его из бедственного положения [1].

II. О «Сочинениях Д. И. Писарева» в изданиях Ф. Ф. Павленкова

Доклад цензора А. А. де-Роберти С.-Петербургскому цензурному комитету о 6-й части сочинений Д. И. Писарева, 19 сентября 1866 г. [2]

О бесцензурной книге «Сочинения Д. И. Писарева, часть 6-я». В этой книге преимущественно обращают на себя внимание две статьи: 1) «Процесс жизни (по Фохту)» и 2) «Физиологические эскизы Молешотта». В этих двух статьях ясно видно материалистическое направление автора, и читатель, вполне знакомый с приемом писателей, помещавших статьи в журнале «Русское слово», к числу которых принадлежит и Писарев, не может не заметить стремления его разрушить общепринятое понятие о духовной природе человека. Описывая физиологические отправления в животном организме по исследованиям Фохта и Молешотта, автор вдается в крайние выводы из их учений, стараясь сделать их более популярными в кругу молодежи, легко увлекающейся поверхностным объяснением сложных процессов органической жизни.

Таким образом, на стр. 2-й автор говорит: «мы все сильно заражены наклонностью к натурфилософии, к познанию общих свойств естества, основных начал бытия, конечной цели природы и человека и прочей дребедени, которая смущает даже многих специалистов и мешает им обращаться как следует с микроскопом и анатомическим ножом». На стр. 4: «Для естествоиспытателя нет ничего хуже, как иметь миросозерцание. Фохт, Молешотт и другие им подобные настолько сильны умом, что откинули все бредни, которыми наслаждались, а под час и пугали себя окружающие их взрослые дети в очках, в париках, с бородами и бакенбардами». На стр. 8: «Если болезни не будут устранены медицинскими средствами или самой природой, организм непременно разрушится и мое *я* превратится в черно-

[1] На заседании Совета Главного управления по делам печати, 22 июня 1867 г., рассматривалась статья Д. И. Писарева «Борьба за жизнь» («Будничные стороны жизни»). Были заслушаны: представленный С.-Петербургским цензурным комитетом доклад цензора Ф. П. Еленева от 17 мая 1867 г., отзыв члена Совета Главного управления по делам печати В. М. Лазаревского и отзыв члена совета Ф. М. Толстого. Совет Главного управления по делам печати большинством голосов (председатель М. Н. Турунов и три члена совета: А. Г. Петров, Н. В. Варадинов и В. М. Лазаревский) постановил, что «статья Писарева «Будничные стороны жизни» не может быть дозволена к печати». Член совета Ф. М. Толстой в отношении статьи Писарева остался при особом мнении (см. журнал заседаний Главного управления по делам печати за 1867 г., лл. 148—154).

[2] СПБ цензурный комитет, 1866 г., д. № 81, лл. 62—63.

зем, войдет в тело земляных и других червей, в состав травы и вообще поступит в полное распоряжение общей кормилицы — матушки сырой земли, а дух конечно воспарит» и т. д. Здесь читатель не может не остановиться на сарказме, с которым автор относится к духовной природе человека.

На стр. 13-й, подчиняя материи как чувство, так и мысль, автор полагает, что «понятия «психическая жизнь», «психологическое явление» со временем пойдут туда же, куда пошли философский камень, жизненный элексир, квадратура круга, чистое мышление и жизненная сила». На стр. 26, говоря о стремлении человечества объяснить, что такое человек, мир, природа и ее законы, автор, под именем фантазий и фантазеров, разумеет, без сомнения, всех тех, которые не разделяют его материалистического направления, а на стр. 47-й видно глумление под именем аскетов над теми людьми, которые ставят себе в священную обязанность покорение плоти посредством поста.

Наконец, на стр. 51-й, обращая внимание каждого образованного человека на исследование Молешотта о съестных припасах, автор находит, что оно может иметь самое благотворное влияние на деятельность молодой формирующейся мысли, сбрасывающей оковы рутинного фантазерства и подавляющего мистицизма. Веселее жить, легче дышать, продолжает автор, когда вместо призраков и отвлеченности видишь осязательные явления и сознаешь, как свою зависимость от них, так и свое господство над ними. Чем шире и глубже становятся наши знания, тем полнее и бесследнее расплываются в ничто неуклюжие призраки Ормузда и Аримана, пугавшие доверчивое детство отдельных личностей и целых народов. Газы, соли, кислоты, щелочи соединяются и видоизменяются, дробятся и разлагаются, кружатся и движутся без цели и остановки, проходят чрез наше тело, порождают новые тела и вот вся жизнь и вот история.

Принимая в соображение, что на основании конфиденциальной инструкции г. министра вменено в обязанность цензоров обращать внимание, чтобы под фирмою ученых статей и трактатов не скрывалась недозволенная пропаганда атеизма, социализма, материализма и т. п. учений, что рассматриваемые статьи были напечатаны в журнале «Русское слово», направление которого признано до того вредным, что он прекращен по высочайшему повелению,— цензор полагает, что настоящее сочинение Писарева не может быть дозволено к обращению в публике [1].

---

[1] С.-Петербургский цензурный комитет в заседании 21 сентября 1866 г. по докладу А. А. де-Роберти вынес следующее решение: «Отнестись к прокурору окружного суда о возбуждении судебного преследования против издателей книги: отставного поручика Павленкова и коллежского регистратора Куколь-Яснопольского» (см. журнал заседаний СПБ Цензурного комитета за 1866 г., л. 384). 27 июня 1867 г. управляющий министерством юстиции в своем отношении к министру внутренних дел, приводя мнение прокурора судебной палаты «о подлежательности судебному преследованию двух статей, входящих в состав 6-й части сочинений г. Писарева, под заглавием «Процесс жизни» (по Фогту) и «Физиологические эскизы Молешотта», находит... «что выводы упомянутых статей не подходят под точный смысл какой-либо статьи ныне действующих законов, на коем могло бы быть основано судебное преследование... и полагает не давать дальнейшего хода сообщению Цензурного комитета по этому делу». Однако председатель комитета упорно требовал возбуждения судебного преследования (см. Главное управление по делам печати, 1866 г., д. № 125/357, лл. 29—35). На этот раз требование Цензурного комитета встретило отпор со стороны министра юстиции кн. Урусова. 8 июля 1867 г. министр внутренних дел в своем ответном отношении кн. Урусову писал: «Я согласен на прекращение судебного преследования 6-й части сочинений Писарева» (см. В. Евгеньев-Максимов, Д. И. Писарев и охранители, жур. «Голос минувшего», 1919 г., № 1—4, стр. 150—151).

Из донесения цензора В. Я. Федорова в Московский цензурный комитет о статьях Д. И. Писарева, изданных под названием: «Две статьи Н. Р.», 16 июня 1868 г.[1]

5-го сего июня в С.-Петербургской судебной палате рассматривалось возбужденное С.-Петербургским цензурным комитетом в июле месяце 1866 г. дело по поводу изданных г. Павленковым, без предварительной цензуры, двух статей Д. Писарева «Русский Дон-Кихот» и «Бедная русская мысль», в первый раз появившихся в свет с разрешения предварительной цензуры в журнале «Русское слово». Не задолго же до суда, а именно в прошлом мае месяце, те же самые статьи, только под другими заглавиями и без обозначения фамилии автора, были отпечатаны г. Павленковым особым изданием в Москве, в типографии Мамонтова, и издание это прошло беспрепятственно, не возбудив не только судебного преследования со стороны Московского цензурного комитета, но даже и донесения о них в Главное управление по делам печати. Суд, как известно, кончился в пользу Павленкова, Судебная палата, не находя его виновным, оправдала его, и, таким образом, казалось бы, дело не заслуживает более никакого внимания.

Но какой бы исход дело ни получило на суде, по моему мнению, для цензурного ведомства остается важным тот факт, что по одним и тем же статьям, только, повторяю, с разными заглавиями и вышедшими в разное время, один цензурный комитет возбудил судебное преследование, с тяжким обвинением автора за содержание их, другой же оставил статьи без всякого преследования и даже не донес о них высшему начальству. Такой факт послужил и для самого подсудимого одним из орудий для защиты: он сослался на него как на доказательство непоследовательности в действиях цензурного ведомства. Посему, в виду такого противоречия между действиями двух столичных комитетов, я, как читавший изданные в Москве статьи Писарева, считаю для себя нравственною обязанностью вернуться еще раз к этим статьям...

По первой из статей Писарева, озаглавленной «Русский Дон-Кихот», а в московском издании носящей заглавие: «Взгляд на славянофильское любомудрие, направленное против западничества Петра, как на психологический факт», обвинения, главнейшим образом, состоят в том, что это не есть критический разбор сочинений Киреевского (как пояснено в заглавии статьи), но глумление над нравственно-религиозными верованиями покойного писателя и насмешливое обсуждение православия. В обвинительном акте добавлено, что последнее, т. е. глумление над православием, тем более важно, «что статья напечатана в первой славянской державе, где православное исповедание считается первенствующим и господствующим, где оно охраняется государем императором и столь чтится народом». Прочитав статью в первый раз и внимательно просмотрев ее теперь, я, по крайнему разумению моему, не нахожу в ней ни малейшего глумления не только над православием, но и над каким бы то ни было вероисповеданием. Имея ныне перед собой обвинительный акт, я и теперь не решусь произнести над статьею такого приговора. Как ни мало, может быть, соответствует заглавие статьи ее содержанию, но во всяком случае автор ее имеет задачею ни более, ни менее дать оценку деятельности Киреевского в нашей литературе, и только уже в конце рассматривает этого писателя как одного из представителей славянофильской партии. Это видно и из вступления в статью. Писарев интересуется лич-

[1] Главное управление по делам печати, 1866 г., д. № 125/357, лл. 69—89.

ностью Киреевского; он не считает позволительным легко относиться к нему, и в статье своей пытается разрешить вопрос — почему Киреевский, будучи человеком очень неглупым и в высшей степени добросовестным, думал остановить разум на пути его развития и порывался возвратить его к младенческим его годам. Вопрос, действительно, тесно вяжется с вопросом о религиозных убеждениях человека, во всяком же случае Киреевский не рассматривается в статье исключительно как человек верующий. Если бы было так, если бы Киреевский осмеивался, например, за то, что исповедует православную, а не другую какую веру, то статья имела бы иное значение, но в ней ничего подобного нет: Писарев относится к Киреевскому как к мыслителю, небезызвестному в нашей литературе, и с этой стороны он рассматривает его почти во всей статье, имеющей всего 26 страниц.

По отзыву Писарева, Киреевский был плохой мыслитель, рожденный более художником, чем мыслителем, он будто бы боялся мысли и «западную мысль мерил крошечным аршином своих московских убеждений, которые казались ему непогрешимыми и которые разделяли с ним все убогие старушки Белокаменной». Последние подлинные выражения вошли отчасти в обвинительный акт, но едва ли в них есть глумление над православием или над какою бы то ни было религией, по крайней мере, самые слова: «религия» и «православие» здесь не упоминаются.

Не вдаваясь однако в подробности статьи и не выписывая из нее всех мест и выражений, внесенных в обвинительный акт, я ограничусь одним общим выводом и, полагаю, не ошибусь, если скажу, что Писарев в статье своей, делая оценку Киреевскому как мыслителю, просто соболезнует, что этот даровитый, по его собственному признанию, деятель в деле науки всецело подчинялся религиозным своим убеждениям и, не умев отделить области веры от области разума, рано покинул свою литературную деятельность. Нечто подобное, насколько я помню, высказывалось в литературе по поводу другого нашего писателя — Гоголя. Не скрою, из всей статьи ясно, что религиозным убеждениям Писарев не придает особенного значения, но такой вывод еще далек от обвинения в глумлении над религией.

В обвинительном акте с особенным ударением указывается на слова в статье: «православие», «православный», над которыми будто смеется автор. Слово «православный» встречается в первый раз в конце статьи, где говорится о направлении православно-славянском, по которому пошел Киреевский, после девятнадцатилетнего своего бездействия, но и здесь слово это не предается посмеянию. Собственно говоря, не о православной вере тут и речь, а говорится о древнерусской цивилизации, о древней бытовой жизни России, поборниками которой, как известно, явились славянофилы. В этом месте статьи и Киреевский рассматривается уже как один из представителей славянофильской партии, и, если бы он и действительно подвергался глумлению, то такое глумление вовсе не было бы новостью в нашем печатном мире.

Большое внимание, по моему мнению, обращает на себя вторая статья Писарева «Бедная русская мысль», в московском же издании имеющая заглавие: «Оправдание Петра Великого с точки зрения исторической необходимости», но и по этой статье я затруднился бы произнести те обвинения, которые читаются в обвинительном акте. В акте сказано, что статья эта есть иносказательное порицание существующей у нас формы правления и что автор ее стремится доказать бесполезность властителей вообще и выставить деятельность их как деятельность людей, несмысленно мудрящих над ненавистною им народною массою. Действительно, статья дает повод предполагать во многом за-

таенную мысль, поэтому-то она и заслуживает, как я сказал, большего внимания. Она отличается, кроме того, резкостью в выражениях, местами даже запальчивостью, но при всем том, прямой ее смысл, который единственно и предписывается иметь в виду при цензурном рассмотрении статей, без произвольного толкования его в дурную сторону, не представлялся мне настолько предосудительным, чтобы мог вызвать какую-либо строгую меру по отношению к статье. В свое время я ограничился кратким о ней донесением Комитету. Возвращаясь ныне к статье, я нахожу, что по главному своему содержанию она касается эпохи, хотя и весьма важной, но довольно отдаленной в истории нашего отечества, именно царствования Петра I, и что задача ее, как видно, состоит единственно в оценке деятельности преобразователя России.

Приступая к этой оценке, автор предварительно входит в общие отвлеченные рассуждения об исторических деятелях и, правду сказать, относится к ним довольно сурово. Основной тезис Писарева заключается в следующем: личная воля и личная логика исторических деятелей, опирающаяся на одну материальную силу, расходящаяся с потребностями людей и времени, не соответствующая, наконец, действительной жизни народов,— не достигает результатов, а вызывает одно сопротивление и является не более как мудрением над жизнью. Непонятная и насильственно ломаемая жизнь всегда одерживала и одерживает победу уже потому, что переживает своего противника. В доказательство приводятся: монархии, составившиеся завоеваниями одного человека, отвлеченные законодательные теории, «насильственно втискивавшиеся» в жизнь народов по воле одного же человека, наконец, религиозные преследования. «Если нам трудно и даже невозможно,— говорит Писарев на стр. 39,— расположить собственную жизнь по той программе, которую совершенно одобряет наш разум, то тем более историческому деятелю совершенно невозможно сделать так, чтобы несколько тысяч или миллионов людей завели между собою именно такие отношения, какие он считает разумными и нормальными». Останавливаюсь на этом месте, как на главном тезисе, чтобы рассмотреть: есть ли тут порицание какого бы то ни было образа правления или порицаются ли безусловно все властелины? Не думаю. Во-первых, следует заметить, что автор статьи разумеет здесь не одних монархов с ограниченною или неограниченною властью, а вообще крупные исторические личности, стоявшие впереди народных масс, и говорит о таких мероприятиях исторических деятелей, которые, как например, реформа Петра I, имели в виду коренное изменение жизни народов. Во-вторых, и против этих мероприятий он не высказывается безусловно, а требует одного — лишь бы они не противоречили, действительно, потребностям народа, были бы результатом сознательной, живой жизни его; наконец, не имели бы характера произвольных ампутаций над жизнью. Одобряет же он в одном месте статьи реформу 19 февраля, составившую, как сознается и он, эпоху для жизни России.

Насколько далек Писарев от порицания существующей у нас формы правления, можно видеть и из того, что, говоря о насильственных перестройках социальных отношений, об изменении установленных обычаев, существующих законов и указывая на перевороты, которые влекут за собой подобные реформы, он приводит в пример двух королей английских и двух французских, не бывших монархами с неограниченною властью.

В обвинительном акте между прочим сказано, что в статье Писарева есть сопоставление власти государей с властью народною; но если и допустить такое сопоставление, то нельзя обвинить автора в желании

восстановить народ против властителей: рассуждения Писарева сводятся все к той же главной мысли, что жизнь народная, произвольно изменяемая, не может не вызывать сопротивления, хотя бы даже со стороны всесокрушающего времени. Постановив условием для успешных реформ полное соответствие их с потребностями народов, Писарев, в развитии главной своей мысли естественно должен был рассуждать о народе не как об инертной массе, которая никаких потребностей заявлять и не может, а как о народе, живущем сознательною жизнью, а от подобных рассуждений ему опять естественно было перейти к рассуждениям о личной независимости и личной полноправности единиц, ибо из отдельных единиц образуются массы, народ. Увеличивающееся сознание необходимости этой личной независимости и личной полноправности составляет, по словам Писарева, главное основание того процесса, который называется в истории развитием и усовершенствованием человечества. Должны ли были и эти рассуждения, составляющие развитие главной мысли, казаться мне предосудительными? Опять не думаю. Правительство наше, введя такие коренные реформы, каковы освобождение крестьян, земские учреждения, гласный суд, обеспечило у нас как сознательную жизнь народа, так и личную полноправность отдельных единиц...

Ко всему изложенному мною я могу еще прибавить, что для подцензурного издания, само собою разумеется, я не дозволил бы ни первой, ни второй статьи Писарева, хотя бы и потому, что, очевидно, не было бы согласно с видами правительства распространять в публике рассуждения, которыми наполнены статьи, но для судебного преследования, в котором требуется большая осмотрительность и на успешный исход которого так трудно полагаться, нужны иные соображения. Далее, не маловажное значение имеет в настоящем случае изменение заглавий статей, особливо последней. Заглавие, приданное этой статье в московском издании, невольно ограничивает смысл статьи известным периодом времени, тогда как с заглавием «Бедная русская мысль» та же статья получает смысл несравненно более широкий.

В заключение позволю себе коснуться в двух словах того места защитительной речи г. Павленкова, где он сознается в умышленном издании статей Писарева в Москве. Г. Павленков рассказывает о предосторожностях, которые он взял при этом издании, таким образом, как будто он отвел ими глаза цензору, который должен был рассматривать издание. При чтении книги, я, действительно, обратил внимание на выставленную цену ее, равным образом принял в соображение и то, что книга печатается в небольшом количестве экземпляров, но, как известно, эти два условия и не могут не иметь значения при цензурном рассмотрении выходящих изданий. Не обратил я внимания, и в этом сознаюсь откровенно, на третье заявление г. Павленкова, что издаваемая им книга отличается полнейшею благонамеренностью, а этим заявлением он, очевидно, думал окончательно отвесть глаза.

Записка министра внутренних дел А. Б. Лобанова-Ростовского в Комитет министров, 26 августа 1873 г.[1]

4 декабря минувшего 1872 г. представлена была в С.-Петербургский цензурный комитет напечатанная без предварительной цензуры книга: «Сочинения Д. Писарева. Часть седьмая. Издание второе». Министр внутренних дел, усмотрев из донесения Цензурного комитета

[1] Главное управление по делам печати, II отд., 1872 г., д. № 117, лл. 26—33.

вредное направление этой книги, сделал 8-го того же декабря распоряжения о предварительном ее задержании.

Большая часть этой книги занята статьею «Очерки из истории труда» (стр. 73—181). В этой статье автор, в форме популярных рассказов, со множеством пояснений и различных прибауток, проводит ту мысль, что вся история человечества состояла доселе в насильственном захвате собственности и труда рабочих классов их исконными врагами — военным сословием, т. е. аристократиею, и торговым классом, или буржуазиею. На долю рабочих классов всегда и везде выпадали нищета, угнетение, забитость; военное и торговое сословия везде наслаждаются богатством и праздностью и употребляют все усилия, чтобы держать рабочие классы в невежестве и нищете, дабы тем удобнее употреблять их труд в свою пользу. Государственные формы, политика и даже национальное чувство — все это произошло из принципа присвоения или возникло, как отпор присвоению (128—131). Тогда как военное сословие порабощало рабочий класс посредством «откровенного грабежа», купечество господствовало над ним посредством грабежа утонченного, с помощью хитрости и обмана. Воины и купцы, т. е. аристократия и буржуазия, везде старались жить между собою в добром согласии, чтобы совокупными усилиями давить рабочие классы (стр. 135—139). Обогащение купцов породило сосредоточение в их руках капиталов, которые явились новою подавляющею силою относительно рабочих. Самые пути сообщения, проводимые обыкновенно по предначертаниям аристократии и купечества, в видах того же принципа присвоения, обратились к еще большему порабощению низших классов (147). Таким образом рабочее сословие оказалось «в заколдованном кругу порабощения, и этот круг может быть разбит только таким событием, которое, как последняя американская война, не зависит ни от плантаторов, ни от их негров, ни от торговых оптимистов» (152). Усовершенствование технических знаний, механики и химии, долженствовавшее, повидимому, облегчить труд рабочих классов, было также обращено к еще большему их порабощению фабрикантами и капиталистами, в силу того же принципа присвоения чужого труда и собственности.

Автор утешает однако рабочие классы надеждою, что не всегда так будет: «Средневековая теократия упала, феодализм упал, абсолютизм упал; упадет когда-нибудь и тираническое господство капитала» (153—157). На стр. 161—165 автор в шутливом тоне рассказывает, что успехи цивилизации и просвещения везде обращались к выгоде и наслаждению того праздного меньшинства, которое поглощает труды рабочих масс, а сами массы еще более грубели, истощались и вымирали, пользуясь лишь «неотъемлемым правом работать, как прикажут, и платить, сколько потребуют». «Народы пользовались миром и благоденствием только в тех редких случаях, когда в дело не мешались старшие братья» (169). На стр. 174—180 автор изображает те злокозненные средства, с помощью которых «губители цивилизаций — воины и купцы» подчиняют своему произволу рабочие классы. Автор сравнивает гражданские общества с пирамидой, нижний этаж которой состоит из работников, а верхушка из людей, «занимающихся очень неголоволомным делом исключительного потребления продуктов». Посредством очень замысловатого механизма, бо́льшая часть продуктов, добываемых жильцами нижнего этажа, с мгновенною быстротою переносится в верхний этаж, где они тотчас же и потребляются. Обитатели нижнего яруса бедны, тупы и забиты. Кто поднялся наверх, тот старается удержаться вверху и упрочивает там квартиры для своих детей. Кто не может быть барином вверху, тот идет наверх в лакеи, потому что лакея кормят и одевают лучше, чем

производительного работника. Невольные и несчастные жильцы нижнего этажа беднеют, ссорятся между собою за кусок хлеба и производят преступления против личности и собственности. Чтобы разбирать ссоры необходимы судьи и адвокаты, чтобы предупреждать и преследовать преступления необходима полиция; чем больше ссор и преступлений, тем больше судей, адвокатов и полицейских, которые все также живут в верхнем этаже и, увеличивая его тяжесть, увеличивают неустойчивость общего равновесия. Чем беднее жильцы нижнего этажа, тем более они зависят от произвола верхних капиталистов. Вся эта история неминуемо должна кончиться тем, что пирамида рухнет и превратится в безобразную кучу мусора.

Такие пассажи сделаются невозможными только тогда, когда работник будет образован и доволен своим положением, когда результаты труда будут доставаться самому труженику. А как же это сделать? «Не знаю, рецептов предлагалось много, но до сих пор ни одно универсальное лекарство не приложено к болезням действительной жизни».

Так заканчивает автор свои очерки из истории труда, предоставляя самому читателю вывести желательное для него и весьма ясное умозаключение, в чем именно должно состоять то универсальное лекарство, посредством которого нынешнее ненормальное устройство гражданских обществ может быть переделано, сообразно идеям, развитым в настоящей статье.

В той же 7-й части сочинений Писарева помещена статья «Историческое развитие европейской мысли» (181—255), в которой автор проводит мысль, что религиозные верования во все века и во всех народах происходили от невежества масс, эксплоатировались духовенством для его корыстных целей и были главнейшею причиною застоя цивилизации и огрубелости нравов. Автор издевается над верованием древних народов в бессмертных богов, вмешательство высших сил в судьбы человека, в загробные надежды и наказания, в чудеса, творимые силою веры, и т. п. (181—188). Установив, таким образом, ту общую точку зрения, что всякое верование в сверхъестественные силы служит источником невежества и застоя, автор переходит к христианской Европе средних веков. Не осмеливаясь высказывать прямо осуждения христианской религии в ее общем смысле, автор везде ставит на ее место папство и католичество и рисует в самом мрачном виде влияние их на средневековую Европу, постоянно однако поддерживая в уме читателя ту мысль, что власть католичества, как и власть древних языческих жрецов, происходила от веры невежественных масс в сверхестественные силы, будто бы управляющие миром. В противоположность с мрачным состоянием христианской Европы, автор изображает самыми светлыми красками арабскую цивилизацию IX—XII веков, не только в испанском калифате, но в Африке и Средней Азии, и объясняет это явление тем, что арабы не верили ни в какие сверхестественные силы и признавали лишь действия простых законов природы. Этот пышный цвет мусульманской цивилизации был убит католичеством, которое с тех пор безраздельно воцарилось в Западной Европе и в течение всей средневековой истории распространило в ней господство суеверий и невежества...

Закон. Высочайше утвержденные 7 июня 1872 г. мнения Государственного совета о дополнении и изменении некоторых из действующих узаконений о печати, ст. 1: если распространение освобожденной от предварительной цензуры книги или нумера повременного издания, выходящего без цензуры реже одного раза в неделю, министром внутренних дел признано будет особенно вредным, то он может, сделав распоряжение о предварительном задержании такого про-

изведения, представить о воспрещении выпуска оного в свет на окончательное разрешение комитета министров. По постановлении заключений по делам сего рода, комитет министров принимает в руководство статьи 111 и 126 своего учреждения (Св. Зак. т. I, кн. II).

Заключение. Имея в виду: 1) что в статье «Очерки из истории труда» излагаются в популярной форме крайние социалистические учения, клонящиеся к возбуждению вражды низших сословий против высших и к ниспровержению существующего гражданского устройства; 2) что в статье «Историческое развитие европейской мысли» религиозные верования, общие всем христианским вероисповеданиям, осмеиваются, как порождение невежества и источник застоя цивилизации, управляющий министерством внутренних дел признает необходимым подвергнуть запрещению 7-ю часть сочинений Писарева, заключающую означенные две статьи, о чем и имеет честь представить на разрешение комитета гг. министров[1].

Управляющий министерством внутренних дел,
статс-секретарь князь Лобанов.

Из донесения председателя С.-Петербургского цензурного комитета Е. А. Кожухова начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову, 26 февраля 1894 г.[2]

22 февраля представлена в С.-Петербургский цензурный комитет, отпечатанная без предварительной цензуры, вторая половина третьего тома[3] «Полного собрания сочинений Д. И. Писарева, заключающая в себе три статьи: 1) «Наша университетская наука», 2) «Исторические эскизы» и 3) «Наши усыпители».

Цензор Косович дал следующее заключение о сих статьях.

Первая — «Наша университетская наука» — начинается целой галлереей мастерски написанных портретов, бывших в ту эпоху профессоров. Под довольно прозрачными наименованиями Креозотова, Кавыляева, Иронианского, Телицына и Сворожича легко догадаться о ком идет речь. Далее автор вычисляет недостатки университетского преподавания...

Статья «Исторические эскизы» вся посвящается пересказу по Зибелю главных моментов, предшествовавших великой французской революции. Широкой мастерской кистью очерчивается автором это знаменательное время перелома новейшей истории Европы. Иногда Писарев пробует по-детски выкинуть какую-нибудь неприличную

---

[1] Комитет министров, в заседании от 11 сентября, постановил: «выпуск в свет книги... воспретить» (см. Главное управление по делам печати, II отд., 1872 г., д. № 117, л. 38).

8 декабря 1872 г. Главное управление по делам печати приказало с.-петербургскому обер-полицеймейстеру Трепову задержать выпуск в свет 7-й части «сочинений Д. И. Писарева». Но издатель Ф. Павленков, очевидно, сразу же после приостановления 7 части издал статью «Очерки из истории труда» на польском языке, отдельной книгой, в переводе Рубинского. Узнав об этом издании, цензура не замедлила принять самые решительные меры против распространения книги. Совет Главного управления по делам печати, обсудив вопрос о пропуске сочинения Д. И. Писарева «Очерки из истории труда» Варшавским цензурным комитетом признал, что за пропуск этого сочинения следовало бы цензора Н. Г. Волчанинова уволить со службы, но, принимая во внимание его прошлую усердную службу, Совет ограничился вынесением ему строгого выговора (Главное управление по делам печати, II отд., 1873 г., д. № 103, л. 1).

[2] Главное управление по делам печати, III отд., д. № 52, 1894 г., лл. 13—16.

[3] Здесь речь идет о 1-м выпуске 3-го тома. Указание на 2-ю половину 3-го тома — ошибочно (см. отзыв цензора С. И. Косовича о 1-м выпуске 3-го тома и полного собрания сочинений Д. И. Писарева, СПБ Ценз. Комитет, 1894 г. № 26, л. 25).

шутку. Так напр., по поводу внезапности революции он позволяет себе сравнение с унтер-офицершей Пошленкиной. Но вообще тон всей статьи более или менее приличный, даже умеренный. Встречаются в некоторых местах резкие обвинения старого режима (стр. 179, 195—196, 210, 216 и 233), но их не много и взгляды в подобном роде встречаются и более резкие и более сильные, напр., на страницах недавно переведенной на русский язык истории французской революции Сореля. Во всей статье есть собственно одно только место не совсем удобное с цензурной точки зрения. Оно помещено на стр. 153—154 и трактует вскользь, довольно туманно о долготерпении народном и активном меньшинстве.

Статья «Наши усыпители» несколько иного пошиба. Публицист вышучивает зло, под именем усыпителей, так называемых гасителей. Хотя в данном случае дело идет только о консервативной печати, но рядом втолковывается читателю, и довольно вразумительно, на кого собственно работают эти люди. Они трудятся, как уверяет Писарев, на заплывших жиром буржуа всех оттенков. Лучше всего аллегория может быть понята по следующим строкам (стр. 248—249): «Наш государственный корабль, нагруженный целыми тоннами такого же благодатного жира, плывет, по милости этого спасительного балласта, с подобающею медленностью и с привычной величественностью, вместо того, чтобы лететь на всех парусах, подвергаясь опасности наскочить на подводные камни».

И далее: «Если ты разжиреешь до того, что задохнешься, то все мы, твои друзья, все мы, искренние патриоты, все мы, благоразумные прогрессисты, поставим на твоей могиле великолепный памятник и будем говорить о тебе со слезами умиления: он умер за отечество».

Рядом с этим буржуа, как противовес ему, вырастает у автора блестящий образец гражданского мужества,— бурсак, вообще тип интеллигента, пролетария — Базаров и Рахметов. Тем и заканчивается статья. Нравоучительные выводы становятся слишком ясными: необходимо всяческими возможными средствами бороться против имущих классов.

К этой характеристике остается добавить, что статья входила в 4-ую часть II издания сочинений Писарева, запрещенную постановлением комитета гг. министров в 1872 году.

По выслушании доклада цензора Комитет пришел к заключению, что терпимою может быть только статья «Исторические эскизы», как касающаяся, хотя и щекотливого, но множество раз обсуждаемого предмета, да к тому же и не выходящая из пределов допускаемого цензурою.

Что же касается остальных двух статей, то они относятся к ряду тех, которых появление вновь крайне нежелательно.

В первой статье Писарев, насмехаясь над многими из профессоров университета, высоко державших в свое время знамя науки, в конце концов осуждает принятую нашим правительством систему классического преподавания и даже совсем отрицает ее, находя необходимой только реальную систему. Такое осуждение одной из важнейших систем нашего правительственного режима, да еще под пером проповедника отрицательных доктрин, развенчателя авторитетов — не должно быть, по мнению Комитета, допущено.

Третья статья «Наши усыпители», без особенных комментарий даже, положительно неудобна. Борьба против имущих классов, представляющих собою разжиревших буржуа, противопоставление этому классу озлобленных радикальных бурсаков — вся эта картина говорит сама за свою цензурную вредность, и статья эта, по всей справедливости, подверглась уничтожению в 4-ой части II издания в 1872 г.

По изложенным основаниям С.-Петербургский цензурный комитет полагает, что настоящий выпуск нового издания сочинений Писарева должен быть отнесен к числу таких, о которых должно входить в Комитет министров для решения вопроса о запрещении.

Такое мнение Комитет имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати.

По произ денному инспектором в типографии расследованию оказалась книга отпечатанною вполне и набор ее разобранным, вследствие чего содержатель типографии Сойкин обязан подпискою не выпускать книги в свет впредь до особого распоряжения[1].

Экземпляр книги при сем прилагается.

Председательствующий, член Совета Главного управления по делам печати Кожухов.

Докладная записка издателя Ф. Ф. Павленкова начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову, 25 марта 1894 г.[2]

Председатель цензурного комитета по приказанию вашего превосходительства сообщил мне, что первую половину III тома сочинений Писарева предполагается представить на обсуждение Комитета министров, если из нее не будет исключена статья «Наши усыпители».

Он прочел мне при этом выдержки из какой-то бумаги, где говорится, что Писарев в своей статье «Наша университетская наука» насмехается над профессорами Петербургского университета и несочувственно относится к классицизму. Желает ли председатель Цензурного комитета уничтожить во что бы то ни стало «Нашу университетскую науку» я, по краткости объяснения, не могу в точности утверждать, но что он находит безусловно необходимым исключить из тома «Наших усыпителей»,— это для меня совершенно ясно, а потому я решился пожертвовать этою последнею статьею.

Что касается «Нашей университетской науки», то на всякий случай позволю себе представить в защиту ее следующие доводы:

1. Статья эта не входила ни в одну из уничтоженных двадцать лет тому назад частей «Сочинений Писарева» (IV и VII).

2. По поводу ее не возбуждалось никогда никакой переписки.

3. Прежде чем печатать эту статью, я отдавал ее частным образом на просмотр одного весьма компетентного лица.

4. Все существенное из этой статьи беспрепятственно прошло в биографии Писарева, изданной всего четыре месяца тому назад.

5. О прошлой жизни наших университетов и о классицизме говорится много сходного с мыслями Писарева в нашей современной журналистике, от «Русской старины» до статей профессора Модестова включительно.

6. Писарев не называет ни одного профессора по фамилии, а скрывает их под псевдонимами: Креозотова (покойный Касторский), Телицина, Иронианского и Сварожича (покойный Срезневский). Иронизирует же он зло лишь над одним Стасюлевичем (Иронианский).

7. О кодифицированном классицизме и нынешних университетских порядках Писарев не мог писать, потому что новый гимназический устав еще не существовал во время появления его статьи; университетский же устав с тех пор два раза изменялся.

---

[1] Резолюция, очевидно, начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова: «Конечно надо задержать до доклада министру о внесении книги в Комитет министров. Следует уведомить об этом Комитет».

[2] Главное управление по делам печати, III отд., д. № 52, 1894 г., л. 22.

8. Наконец, вырезать «Нашу университетскую науку» я не имел бы даже физической возможности, потому что она помещена в начале тома, и после ее исключения книга должна была бы начинаться с 112-ой страницы,— случай небывалый в истории цензуры.

На основании всего изложенного я почтительнейше прошу ваше превосходительство позволить мне выпустить первую половину III тома «Сочинений Писарева» с исключением из нее только одной статьи: «Наши усыпители» [1].

Ф. Павленков.

Прошение издателя Ф. Ф. Павленкова председателю С.-Петербургского цензурного комитета Е. А. Кожухову, 30 апреля 1894 г. [2]

В конце марта я представил на рассмотрение Комитета статью «Очерки из истории труда», предназначавшуюся для II тома «Сочинений Писарева». Через три дня она была возвращена с надписью, что в том виде, какой имеет эта статья в настоящее время, цензура пропустить ее не может.

На мою словесную просьбу,— указать тот вид, в каком вышеупомянутая статья могла бы появиться в печати,— начальник Главного управления ответил мне, что определить этот вид, т. е. сделать в статье надлежащие исключения, должен Комитет (обсуждению которого по установленному порядку подлежат все вопросы подобного рода), а Главное управление может входить в рассмотрение таких вопросов только по представлению председателя или же после обсуждения статьи Комитетом, если я останусь недоволен его решением.

Действуя по вышеозначенному указанию начальника Главного управления, я представил вашему превосходительству статью Писарева «Очерки из истории труда» с такими исключениями, что она не могла выдержать своего первоначального заглавия, вследствие чего я должен был дать ей новое название — «Зарождение культуры». К сделанным мною исключениям цензор прибавил еще много новых, так что теперь от прежних «Очерков» остался лишь один их скелет.

В этом последнем, вполне оцензурованном виде, я и представляю статью конфиденциально на разрешение вашего превосходительства.

Если VII том «Сочинений Писарева» (изд. 1872 г.) и был уничтожен 22 года тому назад, то именно за «Очерки из истории труда», а не за ту обезвреженную цензурой микрографию с этих «очерков», которая имеет войти во II том нынешнего издания «Сочинений Писарева» под заглавием «Зарождение культуры». Будь эта статья помещена в VII томе изд. 1872 г. в своем настоящем крайне урезанном виде, конечно Комитету министров никогда не пришлось бы иметь дела с этим томом, так как цензора 60—70-х годов, два раза пропускавшие «Очерки из истории труда» без всяких сокращений, никогда не задержали бы VII тома за ту же статью с значительными сокращениями.

---

[1] 5 июля 1894 г. начальник Главного управления по делам печати Феоктистов сделал СПБ комитету предписание, что I-й выпуск III тома сочинений Д. И. Писарева, включающий статью «Наша университетская наука», может быть выпущен в свет. Причем об исключениях из этой статьи не говорилось ни слова. Произошла эта перемена в виду следующих обстоятельств. 25 мая 1894 г. Феоктистов запросил по этому поводу департамент полиции. Департамент полиции сообщил, что он «не встречает надобности в исключении из печатаемого книгопродавцем Павленковым нового издания сочинений Писарева указанных Главным управлением по делам печати мест и статей». Главное управление по делам печати, получив такой неожиданный отзыв, пошло на уступки и разрешило выпуск книги (Главное управление по делам печати, III отд., 1894 г., д. № 52, лл. 50—57).

[2] СПБ цензурный комитет, 1894 г., д. № 26, л. 74.

Это не простое голословное рассуждение с моей стороны, а вывод, основанный на фактах современной цензурной практики. В свое время было уничтожено по решениям Комитета министров или просто запрещено немало разных книг[1]. Но это не помешало всем перечисленным мною в примечании изданиям появиться вновь, с ведома цензуры и притом не в урезанном и сокращенном виде, а прямо-таки без всяких изменений.

На основании всего вышеизложенного, я почтительнейше прошу ваше превосходительство дать мне возможность мирно и невозбранно [напечатать] во второй половине II тома соч. Писарева статью «Зарождение культуры».

Позволю себе надеяться на исполнение моей просьбы, так как приведенные мною факты показывают, что я прошу цензуру не о том, что она нередко делает (для других), а о гораздо меньшем.

Издатель Ф. Павленков.

Из представления председателя С.-Петербургского цензурного комитета Е. А. Кожухова председателю Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову, 11 мая 1894 г.[2]

2-го текущего мая представлен в С.-Петербургский цензурный комитет второй выпуск шестого тома, издаваемого г. Павленковым «Собрание сочинений Д. И. Писарева».

В этом выпуске помещены: 1) «Романы Андре Лео», 2) «Старое барство», 3) «Мистическая любовь», 4) «Французский крестьянин в 1789 году» и 5) «Литературный процесс по 2-й части сочинений Д. И. Писарева». Цензор Косович представил об этом выпуске следующий доклад.

В статье «Романы Андре Лео» разбираются типы, выведенные в двух произведениях этой французской писательницы (мадам де Шапмсэ). В одном романе описывается, как произошло сближение между образованной девушкой и крестьянином, в другом о непрочности брачных союзов, в которых на женщину смотрят только как на украшение домашнего очага.

В статье «Старое барство» разбирается начало романа Л. Толстого «Война и Мир». Подвергнуты критике два типа — князя Бориса Друбецкого и Николая Ростова.

Статья «Мистическая любовь» вся посвящена подробному пересказу двух эпизодов крайнего сектантства, построенных на христианстве из книги В. Диксона. В одной главе рассказывается о кенигсбергских пиетистах, о главе их Эбеле, в другой сообщаются подробности об английских принсеитах.

В статье «Французский крестьянин в 1789 году» разбираются подробно типы, выведенные Эркманом Шатрианом в романе, носящем то же заглавие.

---

[1] Например: стихотворения М. Л. Михайлова, изданные в 66 году. Э. Золя, «Подачка собакам» (La curée); Ж. Занд, «Похождение Грибулл»; А. М. Скабичевский, «Очерки развития прогрессивных идей в России от 1825 г. до 1860 г.»; Федоров, «Женитьба майора»; Искандер, «Кто виноват?» и пр. (Примечание подлинника).

[2] Главное управление по делам печати, III отд., 1894 г., д. 52, лл. 37—40.

В начале документа имеются две надписи, очевидно председателя Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова.

Надпись 1-ая: «Заявление комитета вполне правильно».

Надпись 2-ая: «Не подлежит сомнению, что статья «Бедная мысль», о которой подробно говорится в этом докладе, должна быть безусловно запрещена. Напечатав отчет о (литературном) процессе по поводу этой статьи, Павленков еще раз обнаружил свою наглость». Надписи без подписи и даты.

В конце выпуска, в виде приложения, помещен: «Литературный процесс по 2-й части сочинений Писарева». Эта книга была, по представлению цензурного ведомства, подвергнута судебному преследованию за помещенные в ней две статьи «Русский Дон-Кихот» и «Бедная русская мысль». Как видно из напечатанного, судебная палата вынесла оправдательный приговор. По апелляционному же протесту прокурора дело снова слушалось в Уголовном кассационном департаменте Сената. Сенат приговорил уничтожить статью «Бедная русская мысль».

Вообще во 2-м выпуске VI тома ни одна статья не заключает в себе ничего особенно предосудительного в цензурном отношении. И последняя статья едва ли может быть подвергнута запрещению, так как заседания суда были публичные. Хотя цензор считает своим долгом заявить при этом, что предмет «Литературного процесса» крайне щекотливый. В речах прокурора и защищавшегося лично г. Павленкова постоянно мелькают выдержки из статьи «Бедная русская мысль», в окончательном результате, как известно, запрещенной. Таким образом, читатель отчасти знакомится с содержанием ее в общих чертах. Но при этом по всей справедливости следует заметить, что общий тон далеко не может действовать так вредно, как самая статья. Одни отрывочные положения, как бы ни были они сильны, едва ли могут произвести вредное влияние.

По выслушании доклада цензора, Комитет согласился с его мнением относительно первых четырех статей, но не мог принять его мнения относительно «Литературного процесса».

По мнению Комитета, эта последняя статья является совершенно неудобной как по внешней форме, так и со стороны ее содержания.

Прежде всего «Литературному процессу», по мнению Комитета, не должно быть места в полном собрании сочинений автора. Процесс судебный не есть сочинение автора, а есть правительственный акт, являющийся необходимым по юридическим отношениям автора или издателя к правительству и обществу. Наконец, в данном случае затронут даже и не сам автор — Писарев, а издатель его сочинений Павленков; при чем же процесс Павленкова в печатании полного собрания сочинений первого?

С другой стороны является другое неудобство: статья «Бедная русская мысль» признана судебным определением вредною и запрещенною к обращению. А теперь издатель Павленков казуистически обходит закон: статью он не печатает, а печатает подробный стенографический отчет, со всеми происходившими на нем пререканиями, из которого читатель узнает самое подробное содержание статьи и именно те неудобные мысли, противу которых ратовала администрация, а затем суд.

Процесс, возникши 25 лет тому назад и тогда же кончившийся, интересовавший в то время бродившие молодые умы, давно забыт и может интересовать только серьезного исследователя истории русской литературы. Нет,— его ныне, по какому то странному желанию издателя, вызывают на свет и предлагают новому обсуждению читающей публике.

В этом виден и обход судебного приговора: пустить в публику понятия и мысли о запрещенном совсем к обращению учению, и какой то протест, какая то ирония противу ведомств, обязанных охранять общество от знакомства с вредными сочинениями.

По этим соображениям С.-Петербургский цензурный комитет считает «Литературный процесс по 2-й части сочинений Д. И. Писарева» совершенно неудобным к появлению ныне в свет, почему, сделав че-

рез инспекторский над типографиями надзор о приостановке выпуска книги в свет, имеет честь настоящий случай представить на разрешение Главного управления по делам печати [1].

Член Совета Гл. управл. по делам печати Кожухов.

Отношение директора департамента полиции Н. И. Петрова начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову, 19 мая 1894 г. [2]

В департаменте полиции получены сведения, что 20-го числа текущего мая месяца предполагается выход в свет собрания сочинений Писарева, издания Павленкова. По имеющимся указаниям, обстоятельство это вызывает в некоторых слоях общества, и в особенности в среде учащейся молодежи, заметное волнение и толки о том, насколько легально будет означенное издание и будет ли оно доступно для всех желающих приобрести его. Между прочим, студенты и другие представители учащейся молодежи принимают уже ныне меры к сконцентрированию денег на покупку поименованного сочинения в руках нескольких лиц, чтобы сразу же по выходе, а может быть даже до выхода его в свет, приобрести таковое в значительном количестве.

О вышеизложенном департамент полиции имеет честь сообщить Главному управлению по делам печати, покорнейше прося о последующем не оставить уведомлением.

Генерал-лейтенант Петров.

Из представления председателя С.-Петербургского комитета по делам печати А. Катенина прокурору С.-Петербургской судебной палаты, 30 октября 1912 г. [3]

На рассмотрение С.-Петербургского комитета по делам печати поступила книга, под заглавием: «Сочинения Д. И. Писарева. Полное собрание в шести томах. Дополнительный выпуск». 2-ое дополненное издание Ф. Павленкова, СПБ, 1913, Типография Ю. Эрлих (М. Дворянская, 19).

В этом дополнительном выпуске «Полного собрания сочинений Д. И. Писарева», кроме нескольких статей литературно-критического содержания, помещена статья, имеющая политический характер и озаглавленная: «Статья о Шедо-Ферроти». Статья эта написана в 60-х годах прошлого столетия и, найденная при одном обыске в рукописи, повлекла за собою арест Писарева и присуждение его правительствующим сенатом (2 июня 1864 г.) к заключению в крепость. Содержание ее направлено, главным образом, против правительства того времени, причем, наряду с неимеющим теперь практического значения призывом к «изменению политического и общественного строя», она заключает в себе в высшей степени дерзостное порицание монархического образа правления вообще и существующего в России, в частности, а также крайне оскорбительные отзывы об императоре Александре II.

---

[1] На запрос Главного управления департамент полиции 1 июня 1894 г. сообщил, что считает возможным напечатание «Литературного процесса». Однако министр внутренних дел приказал исключить «Литературный процесс» из 2-го выпуска 6 тома сочинений Писарева (Главное управление по делам печати, III отд., 1894 г., д. № 52, лл. 58—63).

[2] Главное управление по делам печати, III отд., д. № 52, 1894 г., л. 45.

[3] Главное управление по делам печати, I отд., 1912 г., д. № 480, л. 3.

Усмотрев, на основании изложенного, в содержании названной статьи Писарева признаки преступлений, караемых статьями 128 и 107 уголовного уложения, С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: 1) привлечь к уголовной ответственности, по силе вышеуказанных статей закона, виновных в напечатании этой книги и 2) наложить на нее арест на основании ст. 1213 Устава уголовного судопроизводства.

Сообщая о сем, в дополнение к отношению своему от 18-го сего октября за № 2482, Комитет имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство возбудить судебное преследование против лица ответственного по книгоиздательству Ф. Павленкова, имя и местожительство которого Комитету неизвестны, а равно и против других лиц, могущих оказаться виновными по тому же делу [1].

---

[1] 19 ноября 1912 г. Петербургская судебная палата утвердила распоряжение СПБ Комитета по делам печати «О наложении ареста на вышеозначенную книгу, впредь до исключения из нее статьи о Шедо-Ферроти», а 16 июня 1913 г. вынесла постановление об уничтожении статьи (Главное управление по делам печати, I отд., 1912 г., д. № 503, лл. 6, 9, 10).

Древняя русская грамота 1368 г.[1]

Ниже мы публикуем одну из русских грамот XIV в., именно грамоту 1368 г. кн. Суздальского и Нижегородского Дмитрия Константиновича.

История этой грамоты такова. Подлинник ее хранился в нижегородском Печерском монастыре и, повидимому, давно погиб. Но в XVIII веке с этой грамоты был сделан список. Этот список находится в Государственном Архиве феодально-крепостнической эпохи в сборнике второй половины XVIII в. из б. собрания Мазурина № 822, л.л. 57—59. Именно в этом сборнике и открыл этот список грамоты В. Ключевский в 1906 г., но не опубликовал его, а ограничился лишь несколькими словами о нем в своей «Боярской думе»[2].

В том же XVIII веке, в царствовании Анны Ивановны, в угоду ли кабинет-министру Артемию Волынскому или по его заказу — неизвестно, на основе этой грамоты был сфабрикован фальсификат — подделка под подлинную грамоту, в целях прославления рода Волынского. При этом грамота была сокращена приблизительно в четыре раза, многое из нее опущено, она была написана полууставом, на большом листе бумаги, а на первом месте рядом с великим князем помещен якобы предок Волынского, князь Дмитрий Алибуртович (Любартович) Волынский, названный при этом тысяцким, а на втором месте помещен боярин Дм. Ив. Лобанов.

В фальсификате упоминается 4 служилых князя и всего 8 бояр, а в грамоте 9 служилых князей и 45 бояр; в фальсификате упоминаются князья Дм. Алибуртович Волынский, Дм. Фед. Курмышский и боярин Дм. И. Лобанов, в грамоте их совсем нет. В фальсификате князь Полский назван Андреем Федоровичем, в грамоте — Федором Андреевичем.

Именно этот фальсификат, изготовленный в XVIII веке, и нашел С. Соловьев, работая в архиве над царствованием Анны Ивановны, в деле Волынского, среди его бумаг, и опубликовал в приложении к XX тому своей «Истории России». Подделка была настолько груба, что в подлинности грамоты сейчас же усомнился ряд специалистов. Факсимиле этого фальсификата напечатал Павлов-Сильванский[3]. Как ни груба была подделка, однако, содержание было настолько интересно и оригинально, что исключало возможность выдумки и, например, сам Павлов-Сильванский считал грамоту подлинной. Дело же заключалось в том, что в основу подделки была положена действительно очень интересная и оригинальная грамота.

Грамота эта так интересна, что заслуживает ряда специальных исследований, мы же ограничимся лишь несколькими беглыми замечаниями.

Интерес этой грамоты прежде всего в том, что она совершенно особого, неизвестного до сих пор типа — местная или местническая, она устанавливает, кто «под кем» должен сидеть в боярской думе. Так как грамота эта дана по просьбе самих бояр, то, значит, местничество процветало в Н. Новгороде до 1368 г. Мы видим из данной грамоты, что местничество в Н. Новгороде было урегулировано и регламентировано особой грамотой. Подобного типа грамот до сих пор известно не было, и именно потому она и привлекла к себе особое внимание Ключевского и Павлова-Сильванского.

---

[1] Печатается в дискуссионном порядке *(Ред.)*.

[2] В. Ключевский, Боярская дума, 4 изд., стр. 120 и приложение.

[3] Записки отд. русск. и слав. арх. И. Р. Археол. Общ-ва, т. VII, вып. 2, 1907 г.

Очень странным является возражение против подлинности этой грамоты на том основании, что «подобных грамот не бывало». Как будто нам известны все грамоты всех князей XIV века. Строго научно мы можем лишь сказать, что подобные грамоты до сих пор нам были неизвестны. Что таких грамот не бывало — это слишком смелое и ни на чем не основанное утверждение, которое сделал С. Б. Веселовский в Институте Истории (стенограмма засед. сект. ист. СССР 19/IX с. г.). Как можно утверждать, что подобных грамот не бывало, если одна из них лежит перед нами. Чувствуя слабость этого довода, Веселовский прибегнул к ряду других.

Затем, чрезвычайно интересен и любопытен титул Дмитрия Константиновича. В фальсификате этот титул был сокращен, что и привело Павлова-Сильванского к ряду неверных заключений, например, будто Дмитрий Константинович не владел Суздалем. В этой грамоте Дм. Константинович титулует себя так: «князь великий Новгородский Нижнево Нова Города и суздальской и городецкой и курмышской и сарской и болгорской и болымецкой и подольской и всея понизовские земли заволский юрту и севернова государь».

Что Дмитрий Константинович владел Н. Новгородом, Городцом, Суздалем и Курмышем, это было известно. Что он владел Вяткой, не городом, а рекой (города Вятки тогда не было), это тоже известно, и она здесь фигурирует вместе с Ветлугой и Керженцом под именем северного юрта. Характерно и это татарское слово «юрт». Но что суздальско-нижегородские князья именовали себя князьями сарскими и болгарскими и болымецкими, это является новостью.

Нам пришлось слышать сомнения в подлинности грамоты именно на том основании, что титул Дмитрия Константиновича в этой грамоте «необычен». Но ведь мы не знаем, каковы были «обычные» титулы Константина Васильевича, Андрея Константиновича и Дмитрия Константиновича. Ни одной грамоты их до сих пор нам известно не было. Не было известно ни одной грамоты эпохи силы и могущества суздальско-нижегородского княжества. Ведь древнейшая грамота, судальско-нижегородских вел. князей, известная до сих пор, была грамота Бориса Константиновича от 8 декабря 1393 года, дошедшая до нас не в подлиннике, а в списке со списка вкладной книги нижегородского Благовещенского монастыря [1], откуда она в XVI в. была переписана в списки грамот митрополичьих монастырей [2], а уже оттуда напечатана в «Актах Археографической Экспедиции» [3]. Но в 1393 г. суздальско-нижегородское княжество почти не существовало, Борис был выгнан из Н. Новгорода, а Москва имела ханский ярлык на Н. Новгород и Городец. Разумеется, при таких обстоятельствах титул Бориса Константиновича мог быть только очень скромным, и по этому титулу судить, «обычен» или «необычен» титул Дмитрия Константиновича, в эпоху расцвета и могущества этого княжества, мы не можем.

Вместо этих необоснованных суждений займемся анализом этого титула. Что значит «подолокой» — мы не знаем. Что значит «сарской»? Саром называлась река Сура. В Троицкой летописи под 1364 годом сказано: «в лето 6872 бысть мор в Новгороде Нижнем и на уезде и на Сару и на Киши» [4]. Почти то же у Татищева [5]: «и на всем уезде его и на Саре и на Кише по странам и по властем». На р. Суре и сейчас существует село Сар между устьями речек Большой и Малой Сарки, притоков Суры [6]. А. Орлов [7] предполагает, что до кельтов финны населяли всю Европу, и им приписывает названия от Сарасин (Царицын) и Сара-тау (Саратов) до Саар-дам и Саар-брюкке.

С. Середонин [8] слово «сар», «сара» производит с угорского (пермяцко-зы-

[1] ГАФКЭ, № 1413/847.
[2] Ист. Музей, б. Моск. Синод. Б-ка, № 276.
[3] Т. I, № 18.
[4] Полн. Собр. Р. Л., т. I.
[5] Ч. IV, стр. 199.
[6] Советский атлас мира, т. II, карта № 42—43.
[7] «Происхождение названий русских рек, городов и племен», 1907 г.
[8] Историческая география, 1916 г.

рянского), что значит — вода. Вопреки Мельникову и Храмцовскому, которые говорили, что река Сура составляла границу Нижегородского княжества с татарскими владениями, мы в другом месте представили ряд доводов, что нижегородские князья владели Засурьем. Никоновская летопись [1] говорит, что Арапша (хан Араб-шах) Засурье пограбил. Если за Сурой были уже татарские владения, зачем ему было грабить свою землю. Самым убедительным доводом за то, что Засурье принадлежало Н. Новгороду, есть существование «засарских» или «засурских» местно-чтимых святых, о которых говорит один эпиграфический памятник 1414 года [2]. Вообще, вопрос о том, что значит «сарский», требовал бы специального историко-географического исследования. Местность, где возникла Саровская пустынь, раньше называлась Сара-ключ [3].

Затем, раньше существовали епископы «сарские и подонские». Здесь слово «сарский» объясняли, как сокращение от слова сарайский. Из посланий митрополитов [4] мы знаем границу епархий сарайской и рязанской — это река Б. Ворона, приток Дона. А где же была граница с епархией суздальско-нижегородской? Верховья Вороны и Суры близко подходят друг к другу, и обе эти реки вместе составляют почти прямую линию. Эта линия, повидимому, и была границей сарайской епархии — «по Сар» и «по Дон». По нашему мнению, «сарской» и значит владетель обоих берегов Суры, ее бассейна. В Тверской летописи под 1408 г. упоминается отдельно от Суры какая-то Сара Великая, но мы не знаем, что это такое.

Далее, Дмитрий Константинович именует себя князем болгарским и болымецким. Болгарский отнюдь не значит владетель всей Булгарии, а значит лишь владетель г. Булгара. Это ясно из следующего за этим слова «болымецкий». Это название происходит от города Балымата или Болымата. «Нынешнее село Болымеры близ Волги»,— говорит С. М. Шпилевский [5]. Семенов [6] говорит: «верстах в 12 от Тетюш на левом берегу Волги расположено сельцо Болымеры (Булымерь), возникшее на месте какого-то татарского городища». Далее об этом болымерском городище он дает ряд интересных сведений, а на стр. 115 того же тома дает карту Булгарского царства, где южнее г. Булгара на берегу Волги показан г. Булымер (Болымеры). Еще Рычков [7] дал подробное «описание достопамятных развалин болгарского города Булумера», а на стр. 14 приводит даже один документ времен Петра I, где говорится: «изстари построен был бусурманский город Булымерий».

Итак, Дмитрий Константинович владел городами Булгаром и Балыматом. Это согласуется с множеством известных фактов. Никоновская летопись [8] под 1369 г. говорит, что князь великий Дмитрий Константинович Суздальский послал детей своих Василия и Ивана на Болгары, что ханы Асан и Махмет (по Хоуорсу, это будущий хан Золотой Орды Улу-Магомет) «добиша челом» и приняли нижегородского дорогу (наместника) и таможенника, т. е. политически подчинились Н. Новгороду. Другие летописи (Симеоновская, Типографская) относят это событие к 1376 г. Нам хронология Никоновской летописи кажется в данном случае более правдоподобной. Затем, обладание Булгаром прекрасно согласуется с сообщениями летописей о постоянном участии булгарских князей (Ейтяк, Талыч) во всех вооруженных выступлениях нижегородских князей против Москвы [9]. Это же объясняет нам и преследование Семена Дмитриевича «до самой Казани» в 1392 г. [10].

---

[1] Полн. Собр. Р. Л., т. XI, стр. 28.
[2] А. Орлов. Библиография русских надписей, № 209.
[3] «Отечественные записки», 1821 г., № 19, о Саровской пустыне.
[4] Акты Археографической экспедиции, I, № 2.
[5] Древние города Казанской губ., К. 1877, стр. 306 и 307.
[6] Россия, т. VI, стр. 383.
[7] Журнал или дневные записки путешествий, СПБ. 1770, стр. 9—13.
[8] Т. XI, стр. 25.
[9] Т. XI, стр. 163, 215.
[10] Т. XI, стр. 171.

Становятся понятными и упорные походы Москвы на Булгарию как раз в то время, когда она вела особенно упорную борьбу с суздальскими князьями. Все это становится понятным, если Булгар и Болымат были подчинены нижегородским князьям. Наконец, это бросает совсем новый свет на данные нумизматики. Современный специалист по древней русской нумизматике, А. А. Ильин, в своем труде «Топография кладов древних русских монет» (Л. 1924) приходит к выводу, что совершенно особое значение имели русские монеты в пределах б. Казанской губернии. «Русские монеты здесь широко обращались»,— говорит Ильин (стр. 23). Но какие именно монеты? Суздальско-нижегородские, не только с русскими надписями, но и с татарскими. Орешников (Окуловский клад) говорит, что монеты с татарскими надписями этого клада чеканились нижегородскими князьями для татар (булгар). Это явление было бы совершенно непонятно, если бы мы не узнали из данной грамоты, что Булгар был подчинен Н. Новгороду.

Очень интересно вот какое обстоятельство. Татарские монеты обычно не только имели на себе дату (по мусульманскому времяисчислению от Геджары), но и указание места чеканки. Многие татарские монеты чеканились, как на них сказано, в Булгаре. Ильин тщательно исследовал этот вопрос. Оказалось, что в XIV веке в Булгаре чеканил свои монеты только Мухаммед-Узбек (1323—1336). В XV же веке в Булгарах чеканили свои монеты: Шадабек (1400—1409 гг.), Пулад-хан (1408—1413 гг.), Тимур-хан (1407—1413), Кибяк (1412—1416 гг.), Чекре (1415—1416 г.) и Улу-Магомет (1419—1436 гг.) [1]. Получается удивительное совпадение: в Булгаре чеканились татарские деньги до возникновения суздальско-нижегородского княжества в XIV веке, а в XV веке только тогда, когда, по русским летописям, Москва временно завладевала Н. Новгородом. Данные нумизматики точно совпадают с данными указанной грамоты, в которой Дмитрий Константинович именует себя князем болгарским.

Затем грамота эта чрезвычайно любопытна именами служилых князей и бояр. Среди них мы видим 9 князей, до сих пор совершенно неизвестных (князья Березопольские, Нагаевы, Бежинские, Муромчиновы, Туровы и др.).

Ключевский полагал, что некоторые из этих князей есть князья стародубские; Павлов-Сильванский опровергал это и возражал Ключевскому. Данный список грамоты решает спор в пользу Ключевского. Упоминаемые в ней князья Нагаевы есть князья стародубские. Они есть среди стародубских князей в духовном завещании Ивана Грозного и в земельных делах стародубского княжества [2]. Кн. Муромчинов упоминается под 1371 г., как владелец многих сел за рекой Кудьмой, в том самом древнем списке Нижегородского летописца, который остался неизвестен Гацисскому и не был им использован при издании этой летописи [3].

Что такое Березополье, мы знаем из грамоты князя Мосальского Евфимьеву монастырю: «в Березополи деревню Мещерскую поросль на реке Ока на устье Мещерской заводи, что было в поместьи за князем Андр. Мих. сыном Горбатого» [4]. Там сейчас город Горбатов. Павлов-Сильванский прав, отрицая происхождение имени князя Полского от слова Ополье. Но Сильванский неправ, помещая Ополье за г. Владимир. Ополье было в Суздальском княжестве, близ Суздаля, как это видно из грамоты: «в Суздальский уезд, в Опольский стан, в село Малое Городище, в деревню Шоломово на реке Нерли... пожаловал спасского (Евфимьева) архимандрита Аврамья, потому что то село Городище с деревнями к спасскому монастырю близко» [5]. Слово «полский» происходит не от слова «Ополье», а от слова Пола, название реки, притока реки Бужи, впадающей в озеро Святое. Эта река в XIV веке текла в пределах муромского княжества.

[1] Ильин, Топография кладов, стр. 21.
[2] Рождественский, Служилое землевладение, стр. 173.
[3] Летопись занятий Археографической комиссии, вып. 22, стр. 42.
[4] Ниж. губ. ведомости, 1847 г., № 68.
[5] Акты Ист., т. I, № 167.

Есть данные полагать, что во второй половине XIV века земли по этой реке были захвачены Москвой и присоединены к владимирскому княжеству, владельцы же этих земель, князья Полские из рода муромских князей, пошли на службу нижегородскому князю. А. Орлов[1] прав, когда говорит: «я думаю, что к названию Польский как-нибудь причастна река «Пола». Но Орлов знал только слово «польский» и принял во внимание только речку Полу, приток Клязьмы. Нахождение в 1368 г. на службе у вел. князя нижегородского князей стародубских и муромских подтверждает высказанное нами в другом месте мнение, что стародубское княжество целиком и часть муромского в XIV веке были поглощены суздальско-нижегородским. Среди 45 фамилий других бояр мы встречаем ряд знакомых фамилий (Румянцевы, Сумароковы, Новосильцевы и др.), перешедших потом на службу Москве.

Список бояр чрезвычайно любопытен тем, что мы здесь видим бояр из купцов. Это братья Новосильцевы. Они сидят выше многих князей. Это чрезвычайно характерно для торгового Н. Новгорода. Из них Тарас Петрович упоминается даже в летописи под 1371 годом, как первый богач и владелец 6 сел за р. Кудьмой[2].

Против подлинности этой чрезвычайно интересной грамоты решительно возражал С. Б. Веселовский (стенограмма засед. сектора истории Ин. Ист. от 19—IX—40 г.). Он объявил эту грамоту «грубейшей подделкой». В этой грамоте упоминается 45 фамилий бояр, а фамилии, по утверждению Веселовского, появились только с XVI века. С этим доводом согласиться никак нельзя. Во вкладной книге нижегородского Благовещенского монастыря сохранились грамоты местных вкладчиков XIV века: Семена Рознежского, Саввы Сюзева, Митрофана Изинского, давно опубликованные[3]. Они должны быть известны Веселовскому. Но ведь это такие же фамилии, как и фамилии бояр в грамоте. Или список XIV века митрополичьих бояр при Митяе: Ф. Шелохов, И. Коробьин, Анд. Коробьин, Невер Бармин, Степан Кловыня[4]. Разве это не фамилии? Таких примеров из XIV века можно привести сотни. В грамоте упоминается боярин Тарас Петрович Новосильцев. О нем же в Нижегородской летописи под 1371 г. говорится, что он перешел из Н. Новгорода на службу в Москву. Как будто, летопись и грамота прекрасно подтверждают друг друга. А Веселовский из факта, что Новосильцевы в XVI веке жили к югу от Москвы, делает довод против подлинности грамоты. Довод совершенно непонятный.

Затем, подделка всегда имеет определенную цель. Вот фальсификат в деле Волынского, обвинявшегося в честолюбивых замыслах на российский престол, имел целью прославление его происхождения якобы от Любарта Гедиминовича. Но ведь сборник № 822 собрания Мазурина содержит: выписки из летописца вкратце, разрядную книгу с 1578 г., список 27 погостов из новгородской писцовой книги и список данной грамоты. Какая цель была здесь совершить подделку, чтоб помещать ее вслед за статьей о двадцати семи погостах? Мы считаем все доводы Веселовского о «грубейшей подделке» данной грамоты совершенно несостоятельными.

В. Бушуев

---

[1] Происхождение названий русских рек, городов и племен, стр. 136.

[2] Соловьев, IV т., стр. 263; Карамзин, т. V, прим. 45; Нижегородский летописец под 1371 г.

[3] А. Ю. Б., Сб. Муханова.

[4] Полн. Собр. Р. Л., т. XXIV.

Список с местной грамоты[1].

Князь великий Новогородский Нижнева Нова города и суздальской и городецкой и курмышской и сарской и болгарской и болымецкой и подолской и всея понизовские земли заволскии юрту и севернова государь князь Дмитрей Константинович пожаловал есми своих бояр и князей дал им местную грамоту по их челобитью а по печалованью архимандрита новогородского печерского отца своего духовного Ионы и по благословению владычного Серапиона нижнегородского и городетского и курмышского и сарского кому с кем сидеть и кому под кем садитца; велел садитца от своего места князю Ивану Васильевичу Городецкому да садитца против ево в скаме князю Федору Андреевичу Полскому да садитца (л. 57 об.) боярину ево Василью Петровичу Новосилцову да велел садитца казначею и боярину. Тарасу Петровичу Новосилцову и пожаловал его боярством за то, что он откупал ис полону государя своего дважды великого князя Дмитрея Константиновича, а в третьи выкупал княгину Марфу да велел садитца Юрю боярину своему Курмышеву да садитца князю Петру Ивановичу Березопольскому да садитца в лавке князю Дмитрею Федоровичу Муромскому да садитца в скаме князю Василию Федоровичу Нагаеву да садитца князю Ивану Андреевичу Турову да садитца князю Борису Петровичу Беженскому да садитца в лавке князю Василью Ивановичу Мурамчинову да садится в скаме Петру Ивановичу Молвянинову да садится князю Григорью (л. 58) Борисовичу Березопольскому, а под ним велел садитца в лавке Константину Кононовичу да сыну его Матвею Константиновичу Крутецкому да в скаме Ивану Григорьеву сыну Медведеву да велел садитца дьеком своим Ивану Суморокову да Василью Иванову сыну Нагаеву да садитца Юрью Григорьеву сыну Глазову да Федору Григорьеву сыну Измалову да Борису Григорьеву сыну Русинову да Петру Борисову сыну Подолскому да Назару Родионову сыну Рогачеву да садится Нагиным Федору Дмитрееву сыну да ево детем Василью да Прокофью да Гаряину да зятю ево Ивану Григорьеву сыну Федорову да садится Федору Якову Игнатьевым да садится Дмитрею Васильеву сыну Поницеву да брату (л. 58 об.) его Василью Путилову да садится Ивану Семенову сыну Саробина да садится Федору Скрябину да Григорью Васильеву сыну Поленицыну да садится Юрью Иванову сыну Кривошеину да садится Василью Богданову сыну Волкову да садится Василью Никифорову да садится Гордею Иванову сыну Дмитрееву да садится Ушаку Юрьеву сыну Нагавицину да садится Дмитрею Васильеву сыну Скрыницыну да садится Ивану Григорьеву сыну Журакову да садится Семену Алыбешеву сыну Озерецкому да Ивану Григорьеву сыну Корочеву да садится Федору Григорьеву сыну Ноздрокову да садится Борису да Федору Никитиным детем Храмого да садится Афоне Брылову да садится Федору Иванову сыну Заборскому да садится Фоме Иванову сыну Талынцееву да садится Дмит-

[1] ГАФКЭ, Рук. соб. б. Мазурина второй половины XVIII в., № 822, лл. 57—59.

рею Федорову сыну (л. 59) Назарову да садится Ивану Григорьеву сыну Румянцову да Ивану Григорьеву сыну Горицыну да садится Ивану Григорьеву сыну Резанцову да садится Ждану Григорьеву сыну Бежинскому да Рудаку Яковлеву сыну Рацлову да Григорью Тимофееву сыну Плеснину да садится Зубатому Титову сыну Ноздрокову да Игнатью Беклорову да Маскате Астафьеву сыну Филимонову.

А к месной грамоте князь великий велел бояром своим руки приложить и дъеком и месную грамоту писал дъяк великого князя Петр Давыдов сын Рухин 6876 года а назади местныя грамоты 7 рук приложено.

К сей грамоте архимандрит Печерской Иона руку приложил да казенный боярин Юрья Иванов сын Курмышев да великого князя дъяк Иван Сумароков руку приложил да указной дъяк Василей (л. 59 об.) Иванов сын Нагова руку приложил да к сей же грамоте великого князя указной же дъяк Юрья Григорьев руку приложил.

А такова подлиная великова князя месная грамота в Нижнем Новеграде в Печерском монастыре.

Содержание

Стр.

К 40-летию «Искры». Вводная статья *Ем. Ярославского* 3

Мероприятия Советского правительства Латвии (1918—1919 гг.). Вводная статья *А. Блюмфельда* 45

Вооруженное восстание в Мотовилихе в декабре 1905 г. Вводная статья *О. Чаадаевой* 85

Материалы к истории рабочего контроля над производством (1917—1918 гг.). Вводная статья *А. Персова* 106

Англо-бурская война в донесениях русского военного агента. Вводная статья *М. Рабиновича* и *Н. Шляпникова* 130

Ларга и Кагул (материалы о полководческой деятельности Румянцева-Задунайского). Вводная статья проф. *Н. Коробкова* 160

Д. И. Писарев и царская цензура. Вводная статья *И. Ковалева* 198

Древняя русская грамота 1368 г. Вводная статья проф. *В. Бушуева* 204

Замеченные опечатки в № 5 (102) журн. «Красный архив»

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
3	13 сверху	развивающейся	развивающейся
23	14 снизу	Роввоенсовлита	Реввоенсовлита
52	21 сверху	10 июля	10 июня
77	17 »	Херсону	Харькову

Редакционная коллегия

Сдано в производство 10/XI 1940 г. Подписано к печати 18/XII 1940 г.
Формат 70×106¹/₁₆. Объем 14¹/₂=20,46 уч.-издат. листа. Соцэкгиз № 42. Заказ 1552.
А33181 Тираж 4 140 экз. Технич. оформление И. Широкова

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10